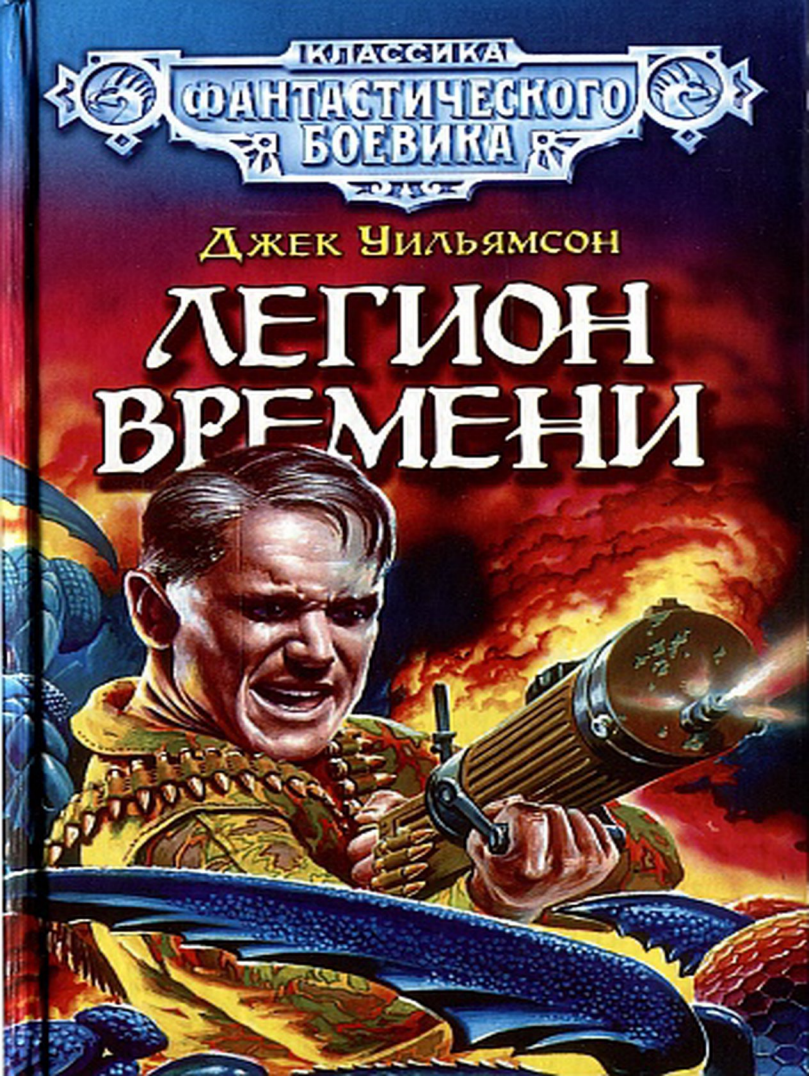
КЛАССИКА ФАНТАСТИЧЕСКОГО БОЕВИКА

Джек Уильямсон

ЛЕГИОН ВРЕМЕНИ



Легион Времени. (Сборник)

Джек Уильямсон

Аннотация
Легион Времени. (Сборник)
Легион времени. Роман
  Глава первая. Встреча
  Глава вторая. Коридор времени
  Глава третья. Ключ к гирончи
  Глава четвертая. Корабль мертвецов
  Глава пятая. Потерпевшие крушение
  Глава шестая. Окно во времени
  Глава седьмая. Командир легиона
  Глава восьмая. Джонбар
  Глава девятая. Геодезическая гирончи
  Глава десятая. Цитадель Зораны
  Глава одиннадцатая. Алмазный трон Зораны
  Глава двенадцатая. Тайна черного бруска
  Глава тринадцатая. Семя будущего
  Глава четырнадцатая. Поцелуй Зораны
  Глава пятнадцатая. Серебряная трубочка
  Глава шестнадцатая. Встреча с судьбой
  Глава семнадцатая. Мир, которого не было
После конца света. Роман
  Предисловие

Глава первая. «Астронавт»
Глава вторая. Покорение звезд
Глава третья. Корпорация роботов
Глава четвертая. Мятежный сокол
Глава пятая. Обреченный мир
Глава шестая. Космическая буря
Глава седьмая. Космический цирк
Глава восьмая. Западня
Глава девятая. Робот и император
Глава десятая. Техноматы празднуют победу
Глава одиннадцатая. Девушка с Земли
Глава двенадцатая. Крепость Малгарта
Глава тринадцатая. Зеркало тьмы
Глава четырнадцатая. Тень камня
Золотая кровь. Роман
Глава первая. Тайный легион
Глава вторая. Желтый клинок
Глава третья. Тропа черепов
Глава четвертая. Тигр в небе
Глава пятая. Знак змея
Глава шестая. Белый верблюд
Глава седьмая. Айса из Золотой Земли
Глава восьмая. Ла сива ху
Глава девятая. Город песков
Глава десятая. В подземельях Энза
Глава одиннадцатая. След тигра

Глава двенадцатая. Скала ада
Глава тринадцатая. Золотая земля
Глава четырнадцатая. ОПАСНОСТЬ В МИРАЖЕ
Глава пятнадцатая. Смертоносные зеркала
Глава шестнадцатая. Странные очи змея
Глава семнадцатая. Раб змея
Глава восемнадцатая. Золотой иней
Глава девятнадцатая. Власть над змеем
Глава двадцатая. Сон в тумане
Глава двадцать первая. Во власти Маликара
Глава двадцать вторая. Гость Викиры
Глава двадцать третья. Золотые люди
Глава двадцать четвертая. Зеркала миража
Глава двадцать пятая. Корона Энза
Глава двадцать шестая. Месть Викиры
Глава двадцать седьмая. Лагерь в долине
Глава двадцать восьмая. В логове змея
Глава двадцать девятая. Золотая кровь
Глава тридцатая. Золото и сталь
Глава тридцать первая. Судьба
Глава тридцать вторая. Айса из древности

Аннотация

Будущее не имеет четких границ. Оно состоит из множества миров, борющихся за право воплотиться в реальность. Наиболее вероятные кандидаты — мир Джонбар, олицетворение благополучия и созидания, и страшный, воинственный мир Гирончи, ведущий человечество к гибели. На Денни Ланнинга возложена большая ответственность — решить, какой мир станет Будущим. Невероятным образом он попадает на «Хроно» — корабль, экипаж которого должен предотвратить грядущую катастрофу. Теперь Денни — один из тех, кого называют легионерами Времени...

Впервые на русском языке.

Содержание:

Легион времени (роман, перевод А. Рогулиной)

После конца света (роман, перевод А. Рогулиной)

Золотая кровь (роман, перевод М. Тарасьева)

Легион Времени. (Сборник)

КЛАССИКА ФАНТАСТИЧЕСКОГО БОЕВИКА

Джек Уильямсон

ЛЕГИОН ВРЕМЕНИ

КЛАССИКА

Джек Уильямсон

ЛЕГИОН ВРЕМЕНИ

Москва, 2000
ФАРМАДА
&
«Издательство Альфа-книга»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(7)-445я5 У36
Jack Williamson THE LEGION OF TIME
AFTER WORLD'S END
THE GOLDEN BLOOD

Перевод с английского
А. Рогулиной, М. Тарасьева
Рисунок на переплете
И. Варавина
Иллюстрации
О. Юдина

© Перевод, А. Рогулина, М. Тарасьев, 2000
© Художественное оформление,
«Издательство Альфа-книга», 2000

Легион времени. Роман

Глава первая. Встреча

Эта невероятная история началась, когда Денни Ланнинг был еще совсем молод. В тот тихий апрельский вечер 1927 года ему едва исполнилось восемнадцать. Стройная фигура и тонкие черты лица юноши создавали впечатление хрупкости. Соломенно-желтые волосы были вечно растрепанны, а на лице играла застенчивая улыбка. Но в серых глазах в любой момент мог вспыхнуть упрямый огонек, а тонкое тело было жилистым и сильным.

В тот день Денни Ланнинг впервые столкнулся с тем, что в дальнейшем стало лейтмотивом этой истории, — с фантастическим контрастом между Обыденным и Невероятным.

Ланнинг заканчивал свой последний семестр в Гарварде и снимал квартиру вместе с тремя другими выпускниками. Все трое были немного старше его. Тощий и мрачный Уилмот Маклан специализировался в математике; все его внимание давно уже поглощала работа. Лао Меньшан, надменный и сладкоречивый сын китайского мандарина, с головой окунулся в мир чудес современной техники. Оба приятеля были пре-

красными ребятами, и Ланнинг отлично с ними ладил. Но ближе всего он сошелся с третьим соседом, рыжеволосым гигантом Барри Халлораном.

Стопроцентный американец Барри Халлоран был футбольным защитником и бойцом до мозга костей. Видимо, этот мятежный дух и роднил их с Ланнингом. Весной он заставил их бросить вызов небу — друзья занимались в летном клубе бостонского аэропорта.

Но в тот сонный воскресный вечер все куда-то разошлись, и Ланнинг остался один в пустой квартире. Он сидел в своей комнате и читал тоненькую серую книжку — первую опубликованную на средства автора научную работу Маклана. Книжка называлась «Реальность и перемены», и на ее титульном листе была надпись: «Денни от Уила — петля во времени».

Математические выкладки автора были для Ланнинга темным лесом. Закрыв уставшие глаза, юноша откинулся на спинку кресла и попытался мысленно слепить понятную картинку из тумана абстрактных символов. Эпиграфом Маклан взял знаменитые слова Минковского: «Сами по себе пространство и время — не более чем тени. Реальна только их совокупность». Но если время — лишь еще одно измерение, расширяющее

понятие «пространство», то «вчера» и «завтра» одинаково реальны. И если человек может шагнуть вперед в пространстве...

— Денни Ланнинг!

Ланнинг вздрогнул и уронил книгу на пол. Открыв глаза, он судорожно сглотнул и заморгал. Дверь комнаты по-прежнему была закрыта — Денни и не слышал, чтобы она открывалась. Но на ковре перед ним стояла девушка.

И девушка эта была прекрасна.

Длинное белое одеяние ниспадало к ее ногам. Блестящие волосы цвета красного дерева окружало холодное голубое сияние. Прекрасное лицо незнакомки казалось суровым и невозмутимым, но каким-то образом Ланнинг почувствовал, что она страдает.

В руках девушка сжимала нечто, по форме и размерам напоминавшее футбольный мяч. Только мяч этот мерцал и переливался, как огромный сверкающий бриллиант.

Большие темно-фиолетовые глаза глядели прямо на Ланнинга. В них светились ужас и страстное желание чего-то неосуществимого. Денни пронзило острое чувство жалости к незнакомке...

Вслед за жалостью вернулось изумление. Юноша вскочил на ноги.

— Привет, — выдохнул он потрясенно. — Да, я Денни Ланнинг. А вы кто? — Взгляд его метнулся к запертой двери. — И как вы сюда попали?

Белое точеное лицо незнакомки озарило слабое подобие улыбки.

— Я — Летони.

Непривычный ритм ее речи напоминал ожившую музыку.

— И я не совсем в твоей комнате. На самом деле я дома, в Джонбаре. Тебе только кажется, что я здесь, из-за этого. — Она посмотрела на огромный сверкающий кристалл. — И только то, что ты изучал Время, позволило мне связаться с тобой сейчас.

Ланнинг стоял с разинутым ртом, не в силах устоять перед очарованием таинственной девушки.

— Летони... — прошептал он, наслаждаясь звуком этого имени. — Летони...

Во сне или наяву, она была очаровательна.

На милом, озабоченном лице вновь мелькнула улыбка.

— О, как долго я искала тебя, Денни Ланнинг! Я пересекла бездну, которая страшнее смерти, чтобы молить о помощи.

Ланнинг вдруг ощутил непреодолимое жела-

ние помочь своей странной собеседнице. Сердце отчаянно билось в груди, комок, подступивший к горлу, мешал говорить. Молодой человек шагнул вперед и попытался прикоснуться к обнаженной руке незнакомки, но пальцы его встретили пустоту.

— Я помогу вам, Летони, — выдохнул он наконец. — Но почему я? И как...

Серебристый голос девушки упал до шепота. Она все еще казалась испуганной. Огромные фиалковые глаза смотрели сквозь Ланнинга куда-то вдаль.

— Потому что судьба избрала именно тебя, Денни. От тебя одного зависит будущее человечества. В твоих руках моя жизнь и само существование Джонбара.

Ланнинг растерянно потер лоб.

— Но... каким образом? — пробормотал он. — И где этот Джонбар?

Его растерянность лишь возросла, когда девушка ответила:

— Загляни в Кристалл Времени, и я покажу тебе Джонбар.

Она подняла хрустальный шар и поднесла его к глазам Ланнинга. Шар засиял яркими разноцветными огнями. Вспышка была столь

ослепительна, что в первый момент Денни ничего не мог разглядеть. А потом... Потом он увидел Джонбар.

Рядом со стройными серебристыми башнями показались бы карликами даже самые высокие небоскребы Манхэттена. Между башнями зеленели многочисленные парки и тянулись широкие многоярусные магистрали. В небе над городом скользили белые капли огромных воздушных кораблей.

— Вот он — мой Джонбар, город, в котором я живу, — тихо сказала девушка. — А теперь позволь мне показать тебе то, чего еще нет. Сквозь толщу времен я с трудом могу различить его — Нью-Джонбар, город возможного будущего.

Еще одна яркая вспышка — и Джонбар исчез. Вместо него Ланнинг увидел другой, еще более удивительный, город. До самого горизонта простирались все те же зеленые холмы, но мерцающие башни стали выше, а парки — обширнее. Стены зданий сияли мягкими и чистыми красками. Весь город казался единым произведением искусства. Он был так прекрасен, что у Ланнинга перехватило дыхание.

— Вот он — Нью-Джонбар, — благоговейно повторила девушка. — В народе его зовут динон.

В небе почти не было летательных аппаратов. Но Ланнинг заметил над парками крошечные фигурки жителей города. Они взмывали в небо с высоких крыш и террас и парили в нем, свободные, как птицы. Издалека казалось, что люди одеты в плащи из яркого пламени.

— Они летают, потому что проникли в тайны динат, — прошептала Летони. — Энергия динат сделала их практически бессмертными. Посмотри, они подобны богам!

Новая вспышка пламени скрыла видение, и девушка опустила потускневший шар. Ланнинг, моргая, сделал шаг назад. Его окружал привычный мир комнаты — настольная лампа, книги, старое кресло... Реальность успокоила юношу, и он снова перевел взгляд на стоявшую посреди комнаты чудесную гостью.

— Летони... — Денни замолчал, чтобы перевести дыхание. — Скажите, вы... живая?

— И да, и нет. Жизнь и смерть Джонбара — в твоих руках. Это безусловный факт, заложенный в структуру пространства-времени.

— Но что же я могу сделать? — прошептал Ланнинг.

Девушка испуганно вздрогнула:

— Пока не знаю. В потоке времени трудно

разглядеть отдельный поступок. Но ты можешь помочь Джонбару, если захочешь. По крайней мере, ты можешь попытаться вступить в игру на нашей стороне — чтобы победить или погибнуть. Я пришла предупредить тебя, Денни Ланнинг. Те, кто хочет гибели моему миру, первым делом постараются тебя уничтожить. Потому что Джонбар погибнет вместе с тобой.

Слова ее звучали как ужасное древнее пророчество.

— Тебе угрожают темная сила гирайн и ее ужасный жрец, черный Гларат. Но страшнее всех Зорана с ее армией черных монстров.

Голос Летони стал суровым и твердым. Огромные фиалковые глаза потемнели еще сильнее от невыразимой печали. А в глубине их светилась жгучая ненависть.

— Да, она — опаснее всех, — повторила Летони. Ритм ее речи снова изменился. Проповедь превратилась в боевой клич. — Зорана Воительница, цветок зла, самое страшное из порождений Гирончи. Зорана должна быть уничтожена!

Девушка замолчала и внимательно посмотрела на Ланнинга поверх своего шара.

— Иначе, — закончила она тихо, — Зорана уничтожит тебя, Денни.

Несколько долгих минут молодой человек молча изучал свою гостью. А когда наконец заговорил, голос его был хриплым от волнения:

— Что бы ни случилось, я попробую помочь Джонбару. Потому что хочу помочь вам, Летони. Но что... что я должен делать?

— Берегись Зораны!

В устах Летони даже предупреждение казалось музыкой. На этот раз в ее голосе прозвучали охотничьи рога. Но уже в следующей фразе тональность сменилась — теперь девушка не предостерегала, а умоляла:

— Денни, пожалуйста, обещай мне одну вещь. Обещай, что никуда завтра не полетишь!

— Но я уже договорился! — возразил Ланнинг. — Макс, наш инструктор, сказал, что, если погода будет хорошей, мы с Барри полетим завтра без него. Я не хочу упускать такую возможность!

— Ты должен, — сказала Летони.

Ланнинг заглянул в ее фиалковые глаза и внезапно почувствовал, как исчезает какой-то невидимый барьер, до сих пор отгораживавший их друг от друга. Казалось, он заглянул в самую душу девушки и увидел, как она прекрасна.

— Обещаю, — прошептал он. — Я никуда не полечу.

— Спасибо, Денни.

Летони улыбнулась и легонько притронулась к его руке.

— А теперь мне пора.

— Нет! — От волнения у Ланнинга перехватило дыхание. — Я же еще ничего не знаю! Не знаю, где ты, не знаю, как тебя найти. Ты не. можешь бросить меня сейчас!

— Мне пора возвращаться, — твердо сказала Летони. — Зорана может проследить за мной. И если она обнаружит, что ты — главная фигура в этой игре, она приложит все усилия, чтобы завладеть тобой. Или убить. Поверь мне, я хорошо знаю Зорану.

— Но... подожди... — взмолился Ланнинг. — Когда я увижу тебя снова?

— Твоя рука лежит на штурвале времени, Денни, — серьезно ответила Летони. — Твоя, а не моя.

— Но я...

Хрустальный шар в руках девушки снова взорвался миллионом огней. Яркая вспышка на мгновение ослепила Ланнинга. А когда он снова обрел способность видеть, гостья исчезла.

Что же это было, сон или явь? Неужели Летони действительно сумела преодолеть бездну,

отделяющую его время от какого-то туманного «возможного будущего»? А может, он просто спятил?

Чтобы хоть немного прийти в себя, Ланнинг поднял с пола тоненькую серую книжку и перечитал последний параграф:

«Для обладающего четырехмерным восприятием внешнего наблюдателя наше пространство-время выглядело бы полным и совершенно неизменным. Течение времени — не более чем свойство человеческого восприятия, движение стрелки субъективных часов. В абсолютном смысле события прошлого и будущего так же равноправны, как и события, удаленные друг от друга в пространстве, поскольку и те и другие являются элементами единого пространственно-временного континуума».

Буквы плясали у него перед глазами — их заслонял образ Летони, прекрасной и испуганной гостьи из будущего. Как увязать слова Маклана с ее рассказом о борьбе двух миров, которым еще только предстоит появиться, борьбе не на жизнь, а на смерть?

Денни отбросил книгу, нашел в запасах Барри бутылку ирландского виски и сделал хороший глоток. Затем вышел на улицу и вернулся лишь

поздно вечером. Ночью ему снилась Летони.

Ланнинг хотел рассказать обо всем Барри Халлорану, человеку, который был ему дороже брата, но потом испугался, что рыжеволосый гигант попросту поднимет его на смех. Еще недавно он бы и сам расхохотался, услыхав столь неправдоподобную историю, и теперь не хотел, чтобы кто-нибудь смеялся над его мечтой. Даже лучший друг.

Душу Ланнинга терзали сомнения. Он так и не решил: было это во сне или наяву. Однако в глубине души юноша надеялся, что еще увидит Летони. При мысли, что она может оказаться только сном, его охватывал ужас.

Денни попробовал было почитать, но вскоре обнаружил, что бесцельно бродит по комнате.

— Эй, парень, встряхнись! — окликнул его Барри Халлоран. — Вот уж не думал, что ты будешь трястись перед полетом! Макс говорит, что у тебя нервы, как у ястреба. Это у меня на высоте голова кружится:. Кончай хандрить, полетели ловить воробушков!

Ланнинг неохотно поднялся, и тут зазвонил телефон. Звонил редактор бостонской газеты — время от времени Денни писал для нее статьи о студенческой жизни. Работа оказалась несроч-

ной; в принципе Ланнинг даже мог бы отказаться от нее ради полета. Но перед глазами у него стояло трагическое лицо Летони.

— О'кей, шеф. Я берусь.

Затем он повесил трубку и повернулся к Барри:

— Прости, старик, но дело важнее всего. Скажи Максу, что я полечу завтра. Мягкой посадки!

— Пока, приятель.

Рыжеволосый гигант ухмыльнулся и вышел, больно стиснув Ланнингу руку на прощание.

А всего через четыре часа Денни увидел в газете сообщение о его смерти. В двух тысячах футов над бостонской гаванью самолет Барри потерял управление. Часть обломков удалось выудить из воды, но тело пилота так и не нашли.

У Ланнинга в глазах потемнело, когда он прочел эту заметку. Юноша был вне себя от горя и ужаса. Потому что теперь он точно знал, что Летони спасла его от верной гибели. Спасла ценой жизни Барри Халлорана.

Глава вторая. Коридор времени

Хоть Ланнинг и понимал, что уцелел только благодаря Летони, признательности к ней он не испытывал. Он оплакивал Барри Халлорана и думал о том, что мог предотвратить его гибель. Девушку Денни ни в чем не винил. Он даже в мыслях не допускал, чтобы это прекрасное испуганное создание хотело кому-нибудь зла. Трагедия лишь подтверждала реальность ее существования. И именно эта реальность помогла Ланнингу справиться со своим горем. Он надеялся, что Летони вернется. А ее загадочные предостережения и ожидание неведомых опасностей лишь сильнее раззадоривали юношу.

Но жизнь шла, а Летони все не появлялась. Трое приятелей окончили университет и разъехались. Лао Меньшан вернулся в Китай, спеша применить полученные знания на благо своей страны. Уил Маклан получил стипендию для занятий теоретической физикой в одном из европейских университетов.

А сам Ланнинг поехал военным корреспондентом в Никарагуа. Дядя Барри Халлорана всерьез предлагал ему заняться рекламой... Денни отка-

зался. Он хотел убежать от самого себя, разорвать все связи с прошлым, чтобы избавиться наконец от сжигавшего душу беспокойства. Выход был только один — уехать. Забыть.

Но когда на борту маленького, груженного фруктами пароходика Ланнинг увидел Зорану, он понял, что забыть не удастся. Понял он и то, что никогда не сможет вырваться из этой ловушки, подстроенной ему судьбой в лабиринтах пространства-времени.

Стояла бархатная тропическая ночь. Вахтенные только что сменились, и Денни, единственный пассажир, облокотившись на фальшборт, глядел, как нос суденышка раздвигает мерцающие волны Тихого океана. Перед его глазами опять стояла Летони, хрупкая и испуганная, с огромным шаром Кристалла Времени в тонких руках.

YudiN.99.

И эхом этих мыслей прозвучал звенящий голос, похожий и в то же время не похожий на мелодичный голос Летони:

— Денни Ланнинг!

Денни так и подпрыгнул. В сердце с новой силой вспыхнула надежда. Он вскинул глаза и... онемел от ужаса и восхищения. Перед ним прямо в воздухе висела огромная, плоская, как тарелка, золотистая раковина. А на ней, на ложе из шелковых подушек, возлежала женщина.

Зорана Воительница! Та самая Зорана, о которой предупреждала Летони.

Это была истинная королева битвы. Мягкая алая кольчуга облегала все соблазнительные изгибы ее тела. Шлем — тоже алый, с черным пером — Зорана сняла, и густая масса золотых волос свободно рассыпалась по плечам и обнаженным рукам. Рядом с Воительницей лежал узкий меч в инкрустированных драгоценными камнями ножнах.

Изящные пальцы с длинными алыми ногтями коснулись небольшой панели управления, и странный летательный аппарат подплыл ближе к пароходу. Не вставая с подушек, женщина облокотилась на локоть и чарующе улыбнулась Ланнингу. На белом лице сияли изумрудные

глаза. Алые, как кровавая рана, узкие губы были хищными и чувственными.

«Цветок зла», — вспомнил юноша. Он уцепился за поручни, дрожа от накатившей внезапно слабости. Красота Зораны заставила его усомниться в словах Летони. Но Денни все еще боролся с собой.

— Вы — Зорана? — спросил он негромко, стараясь, чтобы голос звучал как можно тверже. — Меня предупреждали о вас.

Женщина выпрямилась — резко, будто ее стегнули хлыстом. Зеленые глаза сузились от злобы, алый рот презрительно сжался. Роскошное тело под кольчугой соблазнительно напряглось.

— Летони! — не сказала, а буквально выплюнула она. — Значит, эта джонбарская шлюха все-таки добралась до тебя!

Ланнинг в ярости стиснул поручни. Он вспомнил, как похоже сверкали глаза Летони, когда она говорила: «Зорана должна быть уничтожена!»

— Так ты сердишься, Денни Ланнинг? — Зорана мелодично рассмеялась. — Сердишься на то, что я оскорбила призрака? Ведь Летони — лишь бесплотная тень, которая с помощью уловок пытается заставить тебя подарить ей жизнь — ценой множества других жизней. Разве ты этого

еще не понял?

Ланнинг вздрогнул и облизнул пересохшие губы.

— Верно, — прошептал он, — Из-за нее погиб Барри.

Насмешливое выражение мгновенно исчезло с лица Зораны. Она тряхнула головой, отбрасывая назад роскошные золотые волосы, и призывно улыбнулась.

— Летони — всего лишь неосуществленная возможность, — ласковым голосом объяснила она. — Тень, которую никто не отбрасывает. Давай забудем ее, Денни Ланнинг. Забудем?

Молодой человек с трудом сглотнул, но промолчал.

— Зато я — настоящая, Денни, — продолжала Зорана, раскрывая объятия. — Я пришла, чтобы взять тебя с собой в Гирончи. Гирончи — могучая империя, рядом с которой меркнет бледный призрак Джонбара. И правлю в этой империи я.

Зорана выпрямилась во весь рост, высокая и царственная в своей алой кольчуге, и протянула руку, чтобы помочь Ланнингу перебраться в золотую раковину.

У Денни даже суставы побелели — так крепко он вцепился в поручни. Сердце его отчаянно

колотилось.

— Но почему? — хрипло спросил он. — Ради всего святого, объясните, почему вы пришли именно ко мне?

Золотая раковина с улыбающейся Зораной подплыла еще ближе.

— В поисках тебя, Денни Ланнинг, я обшарила все пространство и время. Ибо мы с тобой — избранники судьбы. Вдвоем мы достигнем небывалого могущества. Так приди же ко мне, и я разделю с тобой алмазный трон Гирончи!

Ланнинг с трудом перевел дух.

— Хорошо, красавица, — прошептал он. — Я не знаю правил игры, но я сыграю!

Молодой человек вскарабкался на фальшборт и потянулся к белеющей в звездном свете руке Зораны.

— Денни, постой! — окликнули его сзади.

Ланнинг инстинктивно обернулся и увидел Летони.

Она стояла у фальшборта все в тех же белых одеждах, сжимая в руках огромный шар Кристалла Времени. Лицо девушки побледнело от отчаяния, а голос звучал погребальным колоколом:

— Помни, Денни! Зорана уничтожит тебя!

Зорана неподвижно стояла в своей раковине, прекрасная, как разъяренная тигрица. Алая кольчуга подчеркивала все изгибы ее обольстительного тела, зеленые глаза метали молнии. Прошипев сквозь зубы какое-то непонятное слово, Зорана плюнула в Летони.

Летони вздрогнула. Смертельная бледность разлилась по ее лицу, фиалковые глаза полыхнули огнем.

— Уходи! — выдохнула, девушка.

Но Зорана уже повернулась к Ланнингу. На губах ее снова заиграла приятная улыбка, обнаженные руки потянулись вперед...

— Ну, иди же ко мне, Денни, — прошептала она. — И пусть этот лживый призрак убирается обратно в мертвый город своих снов.

— Смотри, Денни! — окликнула Летони. Чтобы обуздать гнев, она прикусила губу, и капелька крови стекала по бледной коже. — Смотри, куда Зорана предлагает тебе прыгать!

Она указала вниз, на море, и Ланнинг вдруг заметил узкий фосфоресцирующий след и треугольный плавник акулы. В тот же миг рука его прикоснулась к ладони Зораны... и встретила пустоту!

Ланнинг оцепенел от ужаса. С большим трудом

он слез обратно на палубу и заставил себя посмотреть на Летони. В глазах девушки стояли слезы.

— Прости, Летони, — прошептал он.

— Ты не послушал меня, Денни, — с болью в голосе произнесла девушка. — Ты чуть не пошел за ней!

Золотая раковина подплыла ближе и зависла над палубой. Зорана Воительница, опершись на меч, неподвижно стояла среди разбросанных шелковых подушек. Ее изумрудные глаза полыхали зловещим огнем.

— Ланнинг! — Звонкий голос Зораны, казалось, заледенел от злости.

— Мы с тобой будем править вместе или станем злейшими врагами. Третьего не дано. Так записано на скрижалях времени. Для Гирончи ты не опасен. Мою империю защищают рабы-воины, Гларат и сила гирайн. А вот Джонбар беззащитен. Помни об этом, Денни Ланнинг!

Крепкая ножка в алой сандалии прикоснулась к какой-то невидимой кнопке, и золотая раковина исчезла, как исчезает изображение на киноэкране, когда механик выключает проектор.

Ланнинг медленно повернулся к Летони.

— Пожалуйста, — повторил он, — прости меня.

На мрачном лице девушки не появилось и тени

улыбки.

— Зорана красива, — просто сказала она. — Но если ты когда-нибудь уступишь ей, Денни, Джонбар погибнет, и я вместе с ним.

Ланнинг в недоумении покачал головой:

— Почему? Я ничего не понимаю!

Огромные фиалковые глаза не мигая уставились на него. Летони молчала. В какой-то момент губы девушки искривились, хотя глаза остались сухими — Летони быстро овладела собой. Когда она наконец заговорила, ее голос звучал спокойно и серьезно:

— Я попробую объяснить тебе, Денни.

Лицо ее было озарено исходящим от кристалла светом.

— Представь себе, что мир — это длинный коридор, тянущийся от момента своего появления до конца времен. Все, что происходит — то есть все события, — будут барельефами на стенах этого коридора. А время — фонарем, одну за другой выхватывающим из тьмы разные скульптурные группы. Его свет — это свет нашего сознания, его субъективной реальности.

Коридор разветвляется вновь и вновь, представляя, будто в огромном музее, все возможные повороты событий. Тот, кто несет фонарь, может

свернуть в любую сторону. И каждый раз, когда он сворачивает, множество залов музея времени, которые он мог бы осветить своим фонарем, навеки остаются во тьме.

Мой мир и Гирончи представляют собой разные пути. Путь Джонбара — это бесконечные, залитые ярким светом аллеи. Путь Гирончи мрачен и узок, а в конце его — неотвратимая и бессмысленная гибель.

Огромные глаза Летони сияли темным огнем над спокойным пламенем Кристалла Времени. Денни вздрогнул. Ему почудилось, будто плеча его коснулась чья-то ледяная рука.

— Тебе, Денни Ланнинг, — продолжала девушка, — предназначено судьбой нести фонарь времени. Пусть недолго, но именно тебе решать, куда повернет человечество. Ни я, ни Зорана не в силах прийти к тебе во плоти — разве что в момент твоей смерти. Но, частично овладев секретами времени, мы получили возможность говорить с тобой. И каждая из нас хочет, чтобы ты принес фонарь в ее зал. Денни... — От волнения у девушки перехватило дыхание, — Денни, подумай хорошенько, перед тем как выбирать. В твоей власти подарить жизнь одному из вероятных миров — и навеки оставить второй во

мраке небытия.

У Ланнинга комок подступил к горлу. В ясном свете огромного кристалла Летони казалась такой маленькой и хрупкой и такой прекрасной...

— Я никогда больше не сверну с твоего пути, — хрипло прошептал молодой человек. — Потому что я люблю тебя, Летони. Объясни только, что я должен делать. И скажи, смогу ли я хоть когда-нибудь увидеть тебя наяву?

Летони покачала головой — темное золото волос всколыхнулось в голубом ореоле.

— Момент выбора еще не наступил, — медленно проговорила она. — Все, что будет потом, скрыто в тумане неопределенности.

Ланнинг снова попытался прикоснуться к ее руке, и снова безрезультатно.

— Просто помни меня, Денни, — тихо продолжала девушка. — Помни, что я тебе сказала. Потому что Зорана прекрасна, а Гларат держит в руках силу гирайн. Берегись Гирончи, и твое время придет. Прощай.

Она заглянула в глубину кристалла и погладила пальцами сияющие грани. Вспышка яркого света — и Ланнинг снова остался один.

Только теперь Денни понял, как вымотало его это приключение. Он привалился к поручням и

опустил глаза. Черный плавник акулы все еще мелькал в волнах неподалеку от корабля.

Глава третья. Ключ к гирончи

Денни Ланнинг не забыл фразу Летони о коридорах времени. Он нес свой фонарь по темному коридору, надеясь, что когда-нибудь увидит за углом знакомую светлую фигурку. Но годы оставались позади, а Летони не появлялась.

Не мог он забыть и Зорану. Несмотря на отвращение, которое вызывала у него безжалостность Воительницы — что-что, а этого она не смогла от него скрыть, — несмотря на предупреждение Летони, молодой человек все-таки грезил порой о прекрасной королеве Гирончи. Более того, в исходившей от нее опасности было что-то притягательное. Ланнинг страшился встречи с Зораной и одновременно желал ее.

Фонарь его все время освещал сцены войны. Ланнинг не терпел несправедливости и не мог оставаться в стороне, когда кто-то боролся за правое дело. Он побывал военным корреспондентом, летным инструктором, пилотом и военным советником на четырех континентах.

Слово в его понимании тоже было оружием. Как-то раз, лежа на больничной койке и ожидая, пока венские доктора убедят малоизученную

африканскую амебу покинуть его пищеварительный тракт, Ланнинг даже написал роман. Это была утопия под названием «Дорога к рассвету» — роман о том, каким должен быть мир будущего.

Второй раз Ланнинг взялся за перо в тюрьме, куда он угодил по милости одного диктатора — тому очень не понравилось, когда разоблачили его военные приготовления. На этот раз Ланнинг написал автобиографию в современном стиле. В новой книге он пытался показать, что мир стоит на пороге решающего столкновения между демократией и деспотическим абсолютизмом.

Летони больше не появлялась. Правда, как-то раз — он воевал тогда на стороне Освободительной армии Эфиопии — Ланнинг лежал без сна в своей палатке и вдруг услышал далекий знакомый голос:

— Скорее выйди на улицу, Денни!

Ланнинг поспешно оделся и, ежась от резкого рассветного ветра, отошел на другой конец лагеря. Через несколько минут его палатку разорвала в клочья итальянская бомба.

А однажды объявилась Зорана.

Это случилось примерно через год после происшествия в Эфиопии, когда Ланнинг приехал в

Мадрид сражаться на стороне республиканцев. Той ночью он сидел за столом в гостиничном номере и разбирал автомат. Легкий озноб заставил его вспомнить о малярии, привезенной когда-то из Южной Америки. Ланнинг поднял голову и увидел в воздухе над ковром знакомую золотую раковину.

Зорана, все в той же алой кольчуге, возлежала на шелковых подушках с таким видом, будто с момента их последней встречи прошло не девять лет, а всего несколько минут. Легким движением обнаженной руки она отбросила назад тяжелую массу золотых волос и улыбнулась с насмешливым высокомерием:

— Ну что ж, Денни Ланнинг...

Зорана произнесла это хриплым голосом, нарочито растягивая слова. Изумрудные глаза изучали молодого мужчину с откровенным любопытством.

— Значит, тень из Джонбара помогала тебе все эти годы? Но счастлив ли ты?

Ланнинг оцепенел. У него просто дыхание перехватило при виде этой великолепной улыбки. Он вспыхнул, сглотнул и ничего не ответил.

— Я все еще повелительница Гирончи, — ласково напомнила Зорана. — А ключик судьбы

по-прежнему в твоих руках. Я лишь предлагаю тебе повернуть его.

Плавным жестом белой руки она указала Ланнингу на место рядом с собой.

— Я снова предлагаю тебе разделить со мной трон Гирончи. Я подарю тебе половину могучей империи — и себя в придачу. Ну, что скажешь, Денни?

Ланнинг тщетно пытался унять сердцебиение.

— Не забывай, Зорана, что я видел акулу, — пробормотал он.

Зорана, соблазнительно улыбаясь, откинула голову назад, и на цветные подушки хлынул золотой ливень ее волос. У Ланнинга болезненно сжалось сердце.

— Акула действительно убила бы тебя, Денни. Но знай, что только смерть может перенести тебя ко мне и к новой жизни, которую подарит тебе гирайн. Оба мы плывем в потоке времени, и встретиться нам не суждено. Слишком большое расстояние разделяет наши жизни. Всей силы гирайн не хватит, чтобы выдернуть тебя из потока живым — это изменило бы течение времени. Но над горсткой мертвой материи время почти не властно. Будь ты мертв, я смогла бы отнести твое тело к Гларату, а уж он сумел бы вернуть

тебя к жизни.

Зорана грациозно, как пантера, привстала на колени и призывно протянула к Ланнингу руки.

— Ну, Денни, придешь ты ко мне сегодня? — спросила она. — Все в твоих руках.

Сгорая от желания, Ланнинг опустил глаза и увидел свою собственную руку. Пальцы ее давно разжались, и дуло автомата смотрело прямо ему в сердце. Стоит только нажать на спуск... Никто не усомнится в том, что произошел несчастный случай.

А в ушах все звучал голос Зораны — томный и вместе с тем такой настойчивый: «Гирончи ждет нас. Хочешь править миром, Денни?»

Красота Зораны ранила сердце. Алая кольчуга оттеняла белизну ее кожи и золото пышных волос. Палец Ланнинга будто сам пополз к холодной стали спускового крючка. В ушах бешено стучала кровь. Но безумие еще не полностью овладело сознанием Денни, и в голове его прозвучал тихий голос Летони: «Запомни, Денни Ланнинг! Фонарь в твоей руке может осветить только один мир».

Медленно и осторожно Ланнинг убрал дрожащий палец со спускового крючка и поставил автомат на предохранитель:

— Попробуй еще раз, Зорана.

Голос его был хриплым, но твердым. Зорана сверкнула глазами и оскалилась, как разъяренная тигрица.

— Я предупреждала тебя, Денни Ланнинг! — взвизгнула она. Куда делась ее прежняя томность? — Попробуй только принять сторону джонбарской тени, и ты погибнешь вместе с ней! Да, я искала твоей помощи, однако Гирончи прекрасно справится и без тебя!

В ее руке сверкнул тонкий золотистый меч.

— Берегись, Денни Ланнинг! Мы еще встретимся!

Зорана в ярости пнула невидимую под грудой подушек кнопку и исчезла.

А Ланнинг остался наедине все с той же неразрешимой проблемой. Что ему делать со своими странными посетительницами? Возможно, они действительно представляют два еще не рожденных враждующих мира, но как узнать, правду ли говорит его память? Иных следов своего пребывания гостьи не оставляли...

Ланнинг не спал ночами, пытаясь понять, не сходит ли он с ума.

Вскоре пришла посылка от Уилмота Маклана — еще одна тоненькая серая книжечка. Уил был профессором астрофизики в одном из амери-

канских университетов. Книжка называлась «Вероятность и детерминизм», а на титульном листе рукой автора было написано: «Денни от Уила — вторая петля во времени».

Начальный абзац этой книги Ланнинг перечитывал несколько раз.

«До сих пор будущее считалось столь же реальным, как и прошлое, и единственным индикатором течения времени служило неубывание энтропии. Однако открытие принципов квантовой механики, которое нарушило абсолютность причинно-следственных связей, изменило также и понятие реальности будущего. В малых масштабах события не подчиняются детерминистским законам, и, следовательно, об «определенности» событий микромира можно говорить только в статистическом смысле. Лишь в состоявшемся будущем вероятность может и должна быть заменена определенностью. Классическое понятие элементарных частиц сохранится без изменений в новом пятимерном континууме. Но при рассмотрении этого гиперпространственно-временного континуума следует учитывать наличие бесконечного числа конфликтующих возможных Вселенных, лишь одна из которых описывает физическую реальность в области пересече-

ния геодезических этих миров с плоскостью настоящего. В настоящей работе представлены математические обоснования новой теории».

Конфликтующих возможных Вселенных!

Эти слова буквально потрясли Ланнинга. Вот он — проблеск света в окружающей тьме. Похоже, он нашел, кому исповедаться. Дружище Уил — единственный человек, который сможет понять его, сможет объяснить, видел он Зорану и Летони на самом деле или их визиты — лишь плод больного воображения.

Не откладывая дела в долгий ящик, Ланнинг взялся за перо и написал обо всем Маклану. В конце концов, несмотря на задержки военной цензуры, он все-таки получил из Америки ответ — собственное письмо с пометкой: «Адресат выбыл». В ответ на его запрос университетское начальство проинформировало Ланнинга, что Маклан отказался от должности, чтобы без помех заняться самостоятельными исследованиями. Адреса он не оставил.

Ланнинг вновь остался один в темноте коридора времени, и фонарь его продолжал выхватывать из тьмы одни только военные сцены. Так продолжалось до тридцать седьмого года, когда Jiao Меньшан отыскал друга в Лозанне.

Телеграмма пришла, когда Ланнинг оправлялся после ранения и писал очередную книгу. В колене у него прочно засел осколок немецкого снаряда — память о войне в Испании.

Новая книга представляла собой философское исследование тенденций современного мира. Ланнинг считал, что совокупное влияние добра и зла должно, в зависимости от преобладания одного из этих компонентов, либо повести мир по пути технического прогресса, либо отбросить его назад, к дикости и невежеству средневековья.

«Денни! — гласила телеграмма. — Мой старый амери-. канский друг! Ты снова нужен человечеству. Прилетишь к нам в Китай?»

Ланнинг всегда был человеком действия. Сражения давно уже стали для него единственным эффективным средством от тяжелых мыслей. А газеты в последние дни только и писали, что о разорванных бомбами женщинах и детях. У Ланнинга кровь стыла в жилах от этих статей. Поэтому он отложил до лучших времен книгу о вечных проблемах, махнул рукой на свое больное колено и улетел в Каир, откуда уходили самые быстрые пароходы на Восток.

Глава четвертая. Корабль мертвецов

Крылатая смерть снова воцарилась в воздухе. По всему городу выли сирены, предупреждая о «пей чи» — «летучих машинах». Перепуганный Шанхай погрузился во тьму, но там и сям уже расцветали яркие цветы разрывов. А на севере города, в Чапей, и на востоке, в доках Вангпу, падали первые японские бомбы.

Припадая на негнущуюся ногу, превращенную немецким снарядом в своеобразный барометр (всякий раз при перемене погоды колено начинало болеть), Ланнинг спешил через летное поле к шеренге древних самолетов. Аэродром находился к югу от города, в местечке под названием Люнгва. Ночной холод разогнал последние остатки сна, и Ланнинг только поеживался, прислушиваясь к перестрелке в небе.

Лао Меньшан уже стоял у машины, меланхолически покручивая на запястье наручные часы. В их экипаже он был стрелком. Увидев друга, Шан крикнул сквозь шум моторов:

— Наши командиры слишком самонадеянны. Мои часы остановились, когда упала первая бомба. Очень плохое предзнаменование.

Старательный английский лишь усиливал серьезность его тона. Ланнинг, как и все пилоты, никогда не смеялся над чужими предчувствиями. Но на этот раз он улыбнулся:

— А знаешь, Шан, что древний воин Иисус Навин остановил солнце и удерживал на месте, пока его армия не победила? Чем не предзнаменование? Пойдем!

Китаец натянул шлем и пожал плечами:

— Я думаю, мы просто не вернемся из этой битвы. Что ж, раз мне суждено умереть за свободу Китая...

Не закончив фразы, он вскарабкался в кабину на место стрелка.

Ланнинг проверил приборы, дал сигнал наземной команде и включил мотор. Старая, испытанная временем машина взмыла в ночное небо, где уже слышались звуки боя. К сожалению, большую часть их истребителей японцы разбомбили еще вчера, прямо на аэродроме. Ланнинг невесело усмехнулся — это казалось ему куда худшим предзнаменованием, чем остановившиеся часы Шана.

На севере под покровом ночи лежал обезумевший от страха город. По улицам носились тяжелые грузовики с солдатами и прицеплен-

ными позади пушками. Зенитки палили наугад и по большей части безрезультатно. Белые лучи прожекторов тщетно обшаривали испещренное облачками разрывов небо.

Самолет по спирали набирал высоту. Ланнинг вздрогнул, заметив внизу яркую вспышку разрыва. Мысленно он видел обрушивающиеся здания прекрасного современного города, слышал стоны и крики о помощи, чувствовал удушливый запах горящей плоти... Серые глаза Ланнинга полыхнули огнем, худощавое тело напряглось. Он нажал на гашетку и, не целясь, выпустил в воздух короткую очередь.

Они были уже на уровне облаков, когда луч прожектора выхватил из темноты силуэт вражеского бомбардировщика. Вокруг него то и дело распускались белые облачка разрывов. Ланнинг послал свой древний самолетик в пике. Шан улыбнулся и приветливо помахал ему рукой. Застучали пулеметы. Вражеский самолет рванулся в сторону, сверкая красными вспышками ответных выстрелов. Ланнинг прицелился, выстрелил. Бомбардировщик полетел вниз, волоча за собой шлейф черного дыма.

Один...

Ланнинг принялся осторожно сбрасывать

скорость — старенький самолетик не был приспособлен для таких нагрузок. И тут луч прожектора упал прямо на него, а на крыльях появились россыпи зловещих черных дырочек. В лицо Ланнингу брызнули стекла разбитых приборов. Одна рука безжизненно повисла.

Предательский белый луч убежал в сторону, но было уже поздно. В ноздри ударил запах бензина, хвост самолета охватило яркое пламя. Ланнинг развернулся в кресле и увидел, как из-за туч, продолжая стрелять, вынырнул еще один вражеский бомбардировщик.

А потом он увидел залитое кровью лицо Шана и понял, что им уже не выкарабкаться. Но Шан был еще жив. Китаец усмехнулся, помахал окровавленной рукой, и Ланнинг решил попробовать сделать «иммельман». Старенькая машина заскрипела, но выдержала. Враг попался в свою собственную ловушку.

Еще один удар, и Ланнинг перестал чувствовать правую ногу. Горящий самолет упрямо несся навстречу огромному бомбардировщику, поливая его пулеметным огнем. Противник нырнул вниз, но Ланнинг держался за ним вплотную. Наконец вражеский самолет тоже загорелся.

Два...

Взрыв отшвырнул голову Ланнинга назад. Осколками его не задело, но в лицо Попали брызги горящего масла. Мотор заглох, и в наступившей тишине слышен был лишь рев пламени. Ланнинг обернулся посмотреть, как там Шан. Окровавленное лицо маленького китайца превратилось в ужасную застывшую маску. Слабо усмехнувшись, он поднял руку и помахал зажатыми в ней часами.

У Ланнинга мурашки по спине побежали. Никогда в жизни он не смеялся над чужими предчувствиями. Но сейчас пророчество Шана потрясло его даже больше, чем близость смерти.

Шан вдруг перестал ухмыляться и с изумленным видом уставился куда-то вверх. Он взмахнул рукой, предлагая другу посмотреть тоже. Ланнинг проследил взглядом за направлением окровавленной руки и оцепенел. Прямо перед ними с неба опускалось нечто немыслимое.

Это был очень странный летательный аппарат. Скорее даже призрак летательного аппарата, поскольку все его очертания были размыты. Крыльев у странного сооружения не было вовсе. Сигарообразный, как у подводной лодки, корпус казался обрубленным — на носу и на корме к нему крепились светящиеся зеленоватым светом ме-

таллические диски. На плоской открытой палубе стояли члены команды — такие же призрачные и туманные, как и сам корабль. Многие из них были одеты в необычные серебристо-зеленые одежды. Остальные носили вполне узнаваемую военную форму — правда, почему-то разную. Французский полковник, австрийский лейтенант... Рядом с ними стоял высокий худощавый капитан британского королевского воздушного флота. Ланнинг разинул рот и уставился на него, не веря своим глазам.

Перед ним был Барри Халлоран!

Рыжеволосый гигант нисколько не изменился за прошедшие десять лет. Барри тоже увидел Ланнинга, широко улыбнулся и поднял руку в приветственном жесте.

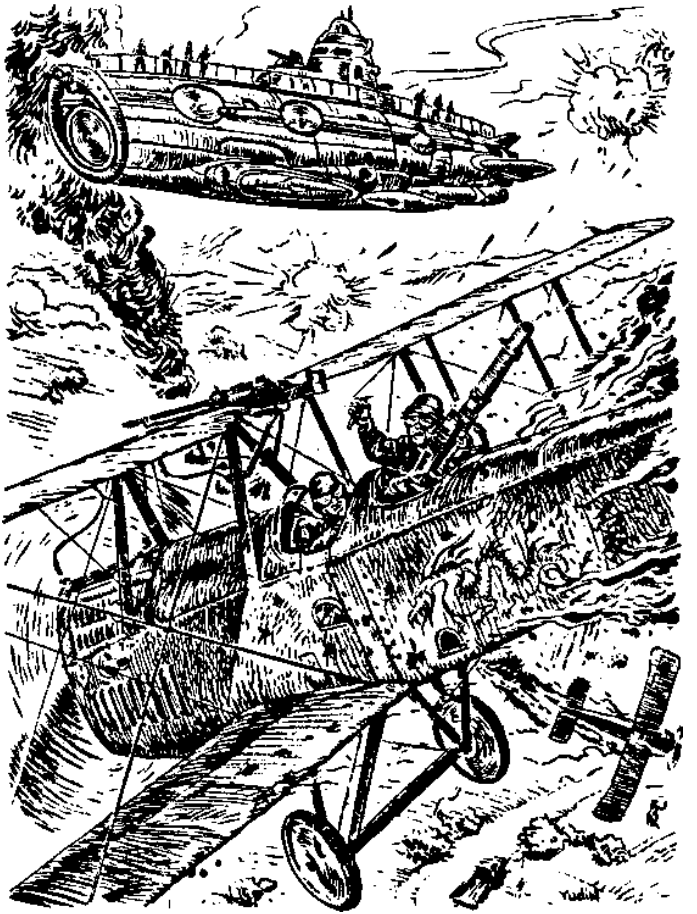
Призрачный корабль опустился ниже, завис рядом с горящим самолетом. Каким-то образом он вдруг приобрел более ясные очертания.

Ланнинг от удивления даже забыл о своей боли и, затаив дыхание, следил за происходящим на палубе.

Тощий седовласый человек — Ланнинг был уверен, что откуда-то знает его, — возился у хрустального колпака, покрывавшего металлическую башенку в самой середине палубы.

Сначала из башенки выползло что-то вроде хрустального орудийного ствола, а затем из него вылетел широкий, ослепительно желтый луч. Желтое сияние окутало горящий самолет, и Ланнинг почувствовал, что его куда-то тащит.

Ощущение было болезненным. И самолет, и его собственное искалеченное тело отчаянно сопротивлялись неведомой силе. Глаза заволокло кровавой пеленой. А потом словно что-то отступило, и призрачный корабль стал совсем реальным.



Пальцы Ланнинга соскользнули с бесполезного штурвала. Он кашлял и задыхался, теряя сознание в удушливом черном дыму. Усиленная жаром боль была невыносимой... В следующее мгновение кто-то выволок его из объятого пламенем самолета и втащил на палубу странного корабля.

Заботливые руки положили раненых на носилки. Но Ланнинг даже не посмотрел на тех, кто это делал. Взгляд его был прикован к лицу Барри Халлорана. За все эти годы Барри ни капельки не изменился!

— Конечно, это я, старина! — прогудел знакомый голос. — Ты, главное, не волнуйся. Эти ребята тебя так починят, что будешь как новенький! А потом мы с тобой поболтаем. Боюсь, я несколько отстал от жизни.

Призрачный корабль с командой мертвецов на борту... Вообще-то Ланнинг не был суеверен. Не был он и религиозен, по крайней мере, в общепринятом смысле этого слова — он верил лишь в высшее предназначение Человека. Сам он, Денни Ланнинг, должен когда-нибудь умереть, однако человечество в целом бессмертно. Но чего он не ожидал увидеть после смерти, так это лодки Харона. Что ж, тем интереснее...

— Барри! — прошептал он. — Рад... тебя... ви-

деть...

Глаза заволокло мутной пеленой. Хлещущая из раны на плече кровь была горячей и липкой. Раненая нога болезненно пульсировала. Ланнинг еще успел почувствовать, как люди в серебристо-зеленом поднимают его и несут куда-то. Потом он потерял сознание.

Глава пятая. Потерпевшие крушение

Когда Денни Ланнинг окончательно пришел в себя, ему почудилось, что он всю жизнь провел в этой маленькой комнатке с зелеными стенами. Все, что происходило с ним раньше, казалось полузабытым сном. Реальными в той, прежней, полной скитаний и опасностей, жизни были только визиты Летони и Зораны.

Как во сне помнил Ланнинг операционную — яркие огни, торопливые люди в белых масках, позвякивание хирургических инструментов, запах неизвестного наркоза... Кажется, Барри стоял рядом, подбадривая раненого улыбкой.

На соседней койке крепко спал Шан. Кроме них, в палате находилось еще два человека. Обоих Ланнинг уже знал, хотя и не помнил, когда они успели познакомиться. Первым был испанский летчик по имени Сильвано Кресто; сбили его в Марокко. Второго звали Вилли Рэнд; он служил в американском военно-морском флоте и пропал в море вместе с печально известным дирижаблем «Акрон».

Вилли лежал на своей койке и курил. Увидев, что Ланнинг открыл глаза, он весело ухмыль-

нулся:

— Курить будешь?

— Спасибо.

Ланнинг на лету поймал брошенную сигарету и чуть не выронил ее от боли в обмотанном бинтами плече.

— Что происходит?

— Без понятия.

Вилли Рэнд выпустил облачко белого дыма.

— Что это за... корабль? И куда мы направляемся?

— Он называется «Хроно». — Рэнд снова затянулся и принялся пускать дым колечками. — Капитана зовут Уил Маклан. Говорят, мы летим в какой-то Джонбар, понятия не имею, где это.

Ланнинг оцепенел от изумления. Уил Маклан! Его старый университетский товарищ, посвятивший себя изучению сущности времени. И Джонбар — город, из которого приходила к нему Летони!

— Но зачем? Ничего не понимаю!

— Я тоже, приятель. Помню только, как падал «Акрон». Я еще пытался что-то сделать, но тут меня треснуло по башке, и все кончилось. Очнулся с неделю назад на этой самой койке.

Ланнинг в недоумении уставился на него:

— Как — неделю? «Акрон» же погиб в тридцать третьем!

Рэнд достал вторую сигарету и прикурил ее от окурка.

— Здесь это без разницы. Последним на твоей койке лежал один австриец, Эрих фон Арнет. Его убили в девятьсот пятнадцатом, в Исондзо. А место твоего приятеля-китайца занимал француз, Жан Керар. Он подорвался в сороковом, при обороне Парижа.

— В сороковом! — прошептал Ланнинг. Неужели «завтра» уже стало реальным? А вместе с ним Летони... и Зорана!

Дверь распахнулась, и в палату быстрым шагом вошел один из людей в серо-зеленом. Он проворно вынул у больных из губ сигареты и засунул вместо них необычного вида термометры. Ланнинг свой термометр немедленно выплюнул.

— Где Барри? Я хочу видеть Барри Халлорана! И Уила Маклана тоже!

— Не теперь, сэр.

Где-то Ланнинг уже слышал этот странный акцент. Речь серо-зеленого звучала на удивление напевно, совсем как... как у Летони!

— Сейчас вам пора делать перевязку. Это последняя — когда проснетесь, можете вставать. А

теперь, прошу вас, ложитесь и дайте мне вашу руку.

Ловким движением человек в серо-зеленом вставил обратно термометр. Молчаливый помощник вкатил в палату столик с хирургическими инструментами. Проворные руки разбинтовали и вымыли раненому плечо, сделали какую-то инъекцию. После укола Ланнинг сразу заснул.

Когда он проснулся, его потрясло новое ощущение свободы и легкости во всем теле. Бинтов не было. И плечо, и раздробленная нога зажили и стали как новые. Даже немецкий осколок в колене больше не давал о себе знать.

Ланнинг перевел взгляд на соседнюю койку. Шан исчез. Его место занимал какой-то человек, с ног до головы обмотанный бинтами. Темные спокойные глаза выдавали в нем славянина.

Скрипнула дверь. Неразговорчивый санитар сделал русскому добрую дюжину уколов и отдал Ланнингу его старую форму — выстиранную и аккуратно заштопанную.

— Борис Баринин, — пояснил он, кивая на русского. — Советский ракетчик. Мы подобрали его у самого полюса, в сорок седьмом. Парень разбился, поморозился и умирал от голода. Наш случай. Вы можете идти, сэр. Капитан Маклан ждет вас.

Ланнинг оделся, наслаждаясь новым для себя ощущением легкости во всем теле, и поспешил подняться на палубу «Хроно». Длина ее между светящимися дисками была не меньше семидесяти футов. Если не считать накрытой хрустальным колпаком башни, палуба была пуста. Под ногами негромко урчали какие-то механизмы.

Похоже, «Хроно» движется. Но где?

Вокруг не было ничего, что позволяло бы определить местонахождение корабля, — даже солнца и то не было. Со всех сторон их окружал мерцающий голубоватый туман. Ланнинг перегнулся через борт, желая посмотреть, что внизу, но там тоже не было ничего, кроме тумана. «Хроно» как будто в киселе висел.

Больше всего Ланнинга удивило мерцание. Иногда ему чудилось, будто он видит в тумане очертания горы, деревьев, домов или морских волн… Но все это было размытым, колеблющимся и каким-то плоским. Зачастую разные изображения даже наезжали друг на друга. Такое впечатление, что кому-то вздумалось прокрутить кинофильм со скоростью несколько тысяч кадров в секунду, и на экране получилась лишь пляшущая бессмыслица.

— Денни, старина!

Радостно улыбаясь, к нему спешил Барри Халлоран. Они обнялись и пожали друг другу руки. Приятно было вновь чувствовать под руками тугие мускулы Барри, видеть его дерзкую улыбку и веснушчатое лицо.

— Ты прекрасно выглядишь, Барри! Время тебя не берет!

Голубые глаза гиганта выражали восхищение и благоговейный ужас.

— Странные дела здесь творятся, Денни. Прошло всего десять дней с тех пор, как меня выудили из канала. У меня были сломаны обе ноги, так что мне вряд ли удалось бы уплыть далеко от самолета. Но ты, похоже, успел за это время прожить десять лет!

— А дальше что будет, Барри? — сиплым голосом спросил Ланнинг. — Что тут вообще происходит?

Гигант поскреб в затылке, взъерошив нечесаную шевелюру:

— Не знаю, Денни. Уил обещал нам добрую драку. Говорит, мы должны спасти какой-то Джонбар. С кем придется драться и каковы у нас шансы на победу, я не знаю.

— Надо выяснить, — решил Ланнинг. — Где Маклан?

— На мостике. Я покажу тебе, где это.

По дороге приятели встретили четверых серо-зеленых санитаров с носилками. Их сопровождала группа военных в разношерстных мундирах. Ланнинг знал далеко не всех. К счастью, Шан оказался там же. Он весело улыбнулся Ланнингу и представил ему своих новых товарищей.

Испанец Сильвано Кресто. Вилли Рэнд. Худощавый английский пилот по фамилии Кортни-Фарр. Суровый вояка Эрих фон Арнет. Маленький и подвижный щеголь Жан Керар. И Эмиль Шорн — огромный, весь в шрамах от дуэлей — пруссак, которого вытащили из горящего цеппелина в семнадцатом году.

— Летим, а куда? — сказал Кресто, сверкая белозубой улыбкой. — Как знать? Впрочем, amigos, лететь неизвестно куда — лучше, чем гореть в аду! — Он рассмеялся.

— Мы летим сражаться, — прогромыхал Эмиль Шорн, — Разве этого недостаточно для воина?

Пестрая компания отправилась вслед за санитарами, а Барри подвел Ланнинга к орудийной башне в центре палубы. В стене ее обнаружилась небольшая металлическая дверца. Возле загадочного орудия с хрустальным стволом дежурил человек в серо-зеленом.

— Как тебе команда? — ухмыльнулся Барри, кивая вслед удалявшейся компании. — А Уила ты найдешь наверху.

Ланнинг взобрался по гулким металлическим ступеням. Под самым куполом у блестящего штурвала стоял маленький хрупкий человечек — точнее, потрепанный остов того, кто прежде был человеком. Лицо и тело незнакомца были обезображены многочисленными увечьями. От одного вида его страданий сердце Ланнинга болезненно сжалось.

Тело незнакомца было согнуто и перекручено, как будто какой-то средневековый палач переломал несчастному все кости. Желтые иссохшие руки дрожали. В скрюченных, похожих на птичьи когти пальцах незнакомец вертел какую-то маленькую трубочку, свисавшую с шеи на тонкой серебряной цепочке.

Но больше всего потрясло Ланнинга изможденное, мертвенно-бледное лицо незнакомца. Под гривой седых спутанных волос это изрезанное сетью глубоких морщин лицо казалось застывшей маской боли.

— Денни! — искренне обрадовался калека..

Сиплый шепот незнакомца показывал, что у него не в порядке голосовые связки; при каждом

вдохе в груди что-то свистело и хрипело. Хромая, калека подбежал к Ланнингу и протянул ему скрюченную руку. Ланнинг попытался преодолеть охвативший его ужас. Он легонько сжал иссохшую желтую кисть и вымученно улыбнулся:

— Уил?.. Ты — Уил Маклан?

Он хотел спросить: «Что с тобой стряслось», но усилием воли заставил себя промолчать.

— Да, Денни, — сиплым шепотом ответил калека. — Но я прожил на сорок лет больше, чем ты, и десять из них провел в пыточных подвалах Зораны.

Ланнинг содрогнулся, услышав это имя. А старик, тот прямо выплюнул его. Во ввалившихся глазах калеки горела неиссякаемая ненависть. Похоже было, что только эта ненависть и не дает ему умереть.

— Я стар, Денни, — просипел Маклан, — Когда в шестидесятом году «Хроно» вышел в свое первое плавание в потоке времени, мне было пятьдесят три. Десять лет в Гирончи...

Изрезанное морщинами лицо побледнело еще сильнее, а голос стал едва слышен.

— Мне показалось, их было десять тысяч!

Калека содрогнулся и надолго замолчал, но

потом все-таки продолжил:

— Последние четыре года я провел в Джонбаре — готовился к нашей с вами кампании.

Отчаянным усилием Маклан заставил себя выпрямиться.

— Стар! — повторил он. — Однако не настолько, чтобы спасовать перед Гирончи!

Сердце Ланнинга забилось быстрее от вспыхнувшей внезапно надежды.

— Джонбар?.. Послушай, Уил, ты видел там девушку по имени Летони?

С отчаянием вглядывался он в изможденное морщинистое лицо. Неужели это все-таки возможно — пересечь бездну, которая страшнее смерти?

Калека медленно кивнул. Сила отчаяния покинула его так же внезапно, как и появилась, и на бледном лице мелькнуло некое подобие улыбки.

— Да, Денни, — шепнул он тихо. — Я и в самом деле знаю Летони. Это она вытащила меня из подземелий Зораны. И мы с вами будем сражаться за нее и за ее мир.

Ланнинг слушал затаив дыхание.

— Расскажи мне, Уил... Все эти загадки вконец измучили меня. Где находится Джонбар? Где Летони? Увижу ли я ее когда-нибудь наяву? А

Зорана? Что... — Он взглянул на Маклана и запнулся. — Что она с тобой сделала?

— Я расскажу тебе обо всем, Денни. Подожди немного.

И Маклан перевел взгляд на панель управления с многочисленными циферблатами, тумблерами и рычажками. Ланнинга поразило, с какой быстротой и четкостью защелкали переключателями скрюченные пальцы калеки. Маклан повернул штурвал и Прошептал какой-то приказ в трубу, вмонтированную прямо в хрустальный колпак. Он весь подобрался и двигался на удивление легко и быстро.

— Подожди, — послышался сиплый шепот. — Как только закончу, все тебе расскажу. Если хочешь, можешь посмотреть.

Ланнинг с возрастающим интересом наблюдал за происходящим сквозь хрустальную поверхность купола. Сначала усилилось мерцание в окружавшей «Хроно» голубой мгле. А потом Маклан нагнулся над циферблатами, повернул какой-то тумблер — и туман исчез!

«Хроно» парил на небольшой высоте над серыми морскими волнами. День был хмурым, и горизонт заволокло туманом. Корпус суденышка внезапно содрогнулся от грома мощных орудий.

Ланнинг с удивлением взглянул на Маклана. Тот молча махнул скрюченной рукой куда-то в сторону. Ланнинг обернулся и увидел серые громады крейсеров, с грохотом изрыгавших огонь и дым.

Маклан отдал еще один приказ, и «Хроно» подплыл поближе к месту сражения. Башня перед ними повернулась, выпустив наружу дуло странного хрустального орудия. Внизу, на палубе, люди с носилками подбежали поближе к борту.

Ланнинг напряженно следил за ходом сражения. Все кругом заволокло дымом, но он все же сумел разглядеть «Юнион Джек», поднятый на одном из кораблей, и германский имперский штандарт — на другом. Спустя несколько мгновений Ланнинг понял, что это за битва. Она давно уже вошла в историю морских сражений.

— «Дефенс» и «Ворриор»! — восхищенно выдохнул он. — А тот, третий, — «Вейсбаден»! Неужели это Ютландское сражение?

Маклан бросил взгляд на один из циферблатов:

— Да. Тридцать первое мая тысяча девятьсот шестнадцатого года. Мы ждем, когда затонет «Дефенс».

В клубах едкого дыма «Хроно» подобрался по-

ближе к атакующим британским кораблям. И тут из тумана вынырнули остальные германские крейсеры! Ураганным огнем они прикрыли пострадавший «Вейсбаден». Два залпа — и английский флагман «Дефенс» был весь объят пламенем.

Оба флота продолжали лавировать в клубах порохового дыма, изрыгая смерть и огонь, а Уил Маклан уже повел свое судно вниз, туда, где только что исчез «Дефенс». Вокруг огромной воронки кружились немногочисленные обломки — все, что осталось от флагмана.

В недрах хрустального орудия зажглась длинная яркая спираль, и из жерла вырвался широкий желтый луч. Барри Халлоран сорвал с себя свитер и прыгнул за борт, сжимая в руках веревку. Когда его по лучу втянули обратно, Барри тащил за собой на веревке раненого моряка. Тот был без сознания. Смешанная с морской водой кровь лилась с него ручьями. Пострадавшего положили на носилки и бегом унесли вниз, в лазарет.

Следующим в воду собирался броситься Кортни- Фарр, однако тут из тумана вынырнул стальной нос потерявшего управление крейсера «Ворспайт». Англичанин отшатнулся от борта. У Ланнинга перехватило дыхание. Столкновение

было неизбежно!

Уил Маклан щелкнул тумблером и слегка повернул штурвал. Огромные диски на носу и корме «Хроно» засияли слабым зеленоватым светом, и картина морского сражения снова растворилась в голубоватой мерцающей мгле. Старик капитан облегченно вздохнул и вытер со лба крохотные капельки пота.

— Вот, Денни, — прошептал он, — у Джонбара появился еще один защитник.

— Объясни мне наконец, что происходит! — взмолился Ланнинг.

Глава шестая. Окно во времени

Уил Маклан оперся о приборную панель и отбросил назад длинные седые волосы. Скрюченные пальцы коснулись белых шрамов на лице.

— Прости, что говорю с тобой шепотом, Денни, — начал он наконец. — Когда я умирал от жажды в подземельях Гирончи и умолял дать хоть каплю воды, Зорана влила мне в глотку расплавленный металл. Даже врачи Джонбара не умеют делать новые голосовые связки. Но Зорана еще заплатит за это!

Старик снова судорожно выпрямился, сверкая глазами от ярости, затем постарался взять себя в руки и продолжить рассказ. Он разжал стиснутые пальцы и даже улыбнулся:

— Как ты знаешь, изучение времени — мой конек. Когда мы жили в простом четырехмерном пространстве, где время было лишь еще одним измерением, казалось, что покорить его проще простого, для этого и не нужно ничего, кроме классической Ньютоновой динамики.

Но потом появились такие вещи, как квантовая теория Макса Планка, волновая механика де Бройля и Шредингера или матричная механика

Гейзенберга. Каждое новое открытие все больше усложняло структуру Вселенной и тем самым проблему времени.

Если применить к реальным частицам понятие амплитуды вероятности, то их мировые линии больше не будут обычными фиксированными траекториями. Согласно принципу неопределенности геодезические могут иметь бесконечное число возможных продолжений.

Впрочем, в больших масштабах статистические результаты новой физики почти не отличаются от тех, что давала нам классическая механика. Однако между этими двумя подходами есть фундаментальная разница. Видимое устройство Вселенной остается тем же, но согласно новой теории она построена на зыбучем песке неопределенности.

В мире больше не осталось непреложных фактов. Пусть даже человек стоит на твердом полу, он уже не может быть уверен, что не провалится вниз. Упасть ему не дает только непрерывное давление атомов пола, а поведение этих атомов подчиняется исключительно вероятностным законам.

Человек не вспыхивает, как факел, не взмывает в небеса и не рассыпается на атомы лишь потому,

что вероятность подобных событий чрезвычайно низка.

Вероятность — это все, что нам осталось. И моим первым изобретением был прибор, отслеживавший разные геодезические и определяющий их вероятность. Это был полуматематический инструмент — по сути, простое усовершенствование старого доброго гармонического анализатора. Отслеживая возможные мировые линии материальных частиц, он открыл нам окно в будущее.

Хриплый шепот умолк, и Маклан заковылял к стене купола. Трясущимися руками старик приподнял черное бархатное покрывало, и Ланнинг увидел укрепленный на металлической подставке прозрачный хрустальный брусок.

— Это хроноскоп, — пояснил Маклан, — Что-то вроде окна во времени. Он создает специальные поля, искривляющие излучение так, чтобы оно было направлено по оси времени. Таким образом, на кристаллической решетке возникает изображение — избирательная флюоресценция за счет биения частот в проецируемом пучке.

Он щелкнул тумблером, повернул какие-то регуляторы на торце хрустального кирпичика, и кристалл засветился слабым зеленоватым светом. А потом свет рассеялся, и Ланнинг тихонько

вскрикнул от удивления. Внутри кристалла он увидел целый мир в миниатюре.

Широкая серебристая лента реки пересекала цветущую зеленую равнину. По берегам теснились многочисленные деревни. За рекой высились два холма, один из которых был увенчан зубчатой короной огромной крепости. Могучие стены отливали тем же красным металлом, что и кольчуга Зораны. Над мрачными башнями развевались желтые, малиновые и черные флаги. Внезапно в нижней части холма распахнулись тяжелые ворота, и на дорогу хлынуло войско.

— Посмотри на этих солдат!

Ланнинг еще ниже склонился над кристаллом. Теперь ему казалось, что он действительно смотрит в окно и мир за этим окном — настоящий. Денни пригляделся внимательнее и едва сдержал крик ужаса.

— Но это же не люди! — поразился он. — Это насекомые!

— Наполовину муравьи, — шепотом информировал его Маклан, — наполовину люди. Плод дьявольских экспериментов биологов Зораны. Солдаты-монстры, которых она выводит специально, чтобы наводить ужас на своих рабов. Замок на холме принадлежит ей. Там же, внизу,

темница, где меня держали. Но взгляни на второй холм.

На вершине второго холма стоял черный как смоль храм — низкое, приземистое здание огромных размеров. Черные квадратные колонны окружали его со всех сторон. А из центра здания вверх поднимался луч тьмы — непроглядной, густой, материальной. Наверху он расширялся, как воронка гигантского черного смерча.

— Это храм гирайн, — прохрипел Маклан, — Владения Гларата. — Он снова подкрутил какие-то верньеры. — Смотри!

Теперь кристалл показывал вблизи одну из деревенек — сборище жалких лачуг посреди зеленых полей. Огромные человекообразные муравьи окружили ее со всех сторон. Перед собой они гнали с полей толпу голодных, оборванных крестьян. Если бы не худоба и не жалкие лохмотья, несчастные люди были бы даже красивы.

— Весь этот ужас произошел, когда я сидел в тюрьме, — объяснил Маклан. — Вина крестьян в том, что они не заплатили налога Зоране и церковной десятины Гларату. На самом деле они не могли заплатить. Зорана со своими лордами вытоптала их поля, когда забавы ради гонялась за одним из заключенных, и у людей просто не

было зерна. Но такие мелочи в Гирончи никого не интересуют.

Вооруженные помимо устрашающих жвал еще тяжелыми золотистыми топорами и ружьями из неизвестного Ланнингу красного металла, четырехрукие солдаты оцепили деревню плотным широким кольцом. И тут из алой цитадели выехал огромный танк. Он скатился по склону, и гиганты разомкнулись, чтобы пропустить его в круг. Из жерла пушки вырвался ослепительно белый луч, и жалкие домишки вспыхнули, как сухая солома. Ветер погнал стену огня дальше, через всю деревню.

Еще один воин выпрыгнул из танка и присоединился к солдатам, только это был не муравей, а человек. На шлеме его алых доспехов красовался черный плюмаж. Золотистый меч поднимался и опускался до тех пор, пока в выгоревшей деревне не осталось в живых никого, будь то мужчина, женщина или ребенок. Тогда человек отвернулся от места трагедии, потряс окровавленным мечом в знак триумфа и сбросил с головы шлем. По алой кольчуге водопадом рассыпались тяжелые золотые волосы. У Ланнинга больно сжалось сердце.

— Но ведь это же... Зорана! — прошептал он в ужасе.

— Зорана, — подтвердил Маклан, — Прекрасная королева Гирончи.

Старый ученый щелкнул выключателем, и Зорана исчезла вместе со своими черными воинами, а кристалл вновь стал чистым и прозрачным. Зато глаза Маклана почти почернели от ненависти. Он поднял скрюченную руку, чтобы еще раз погладить свисавшую с шеи маленькую серебряную трубочку.

— Вышло так, — хрипло продолжал калека, — что из всех возможных миров будущего мой хроноскоп показал мне для начала именно Гирончи. И первым, кого я там увидел, была Зорана. Неотразимая в своих алых доспехах, она фехтовала с одним из человеко-муравьев.

Ты и сам, наверное, заметил, как она... ну, скажем, привлекательна. А мой хроноскоп с его ограниченным поначалу диапазоном мог показать ее только в юности, когда сцены насилия, подобные той, которую мы с тобой только что видели, были крайне редки. Вспомни, Денни, тогда, в сорок пятом, я был на тридцать лет моложе. Красота Зораны, великолепие ее империи поразили и ослепили меня.

Пренебрегая другими возможными мирами, я наблюдал только за ней — наблюдал месяцами,

годами. Тогда я еще не знал, какой вред может принести подобное слежение.

Маклан низко склонил седую голову.

— Нет такого процесса, который мог бы распознать состояние электрона, не изменив это состояние. Кванты, составляющие мой сканирующий луч, были поглощены атомами, которые этот луч преломили. В результате фактор вероятности для Гирончи сильно возрос. И в этом — первопричина сегодняшней трагедии.

Изрезанное шрамами лицо капитана исказилось от боли.

— Вина тут полностью моя. Сам того не ведая, я своими экспериментами настолько понизил вероятность возникновения других миров, что мой несовершенный прибор уже не мог обнаружить ничего, кроме Гирончи. А я наблюдал за Зораной постоянно и тем лишь усугублял положение. Тогда я еще не понимал, какое преступление совершаю. Боюсь, тебе не понять моей страсти к Зоране...

— Я все понимаю, — тем же хриплым шепотом ответил Ланнинг.

— Итак, я следил за ней в хроноскоп, — продолжал Маклан. — Иногда я буквально впадал в отчаяние при мысли о том, как далека от меня

Зорана во времени и пространстве. Но я пытался бороться. Я решил покорить время и прилететь к ней в Гирончи.

В тысяча девятьсот пятьдесят втором, после семи лет напряженной работы, я сумел наконец наладить связь. Увеличив мощность темпорального излучения и улучшив фокусировку, я сумел сделать так, чтобы Зорана увидела и услышала меня.

Лицо Маклана исказилось от мучительных воспоминаний. Он стиснул зубы, и долгих полминуты не было слышно ничего, кроме его тяжелого дыхания.

— Так я впервые обратился к Зоране. Сначала она казалась встревоженной и озадаченной. Но после нескольких визитов моего бесплотного двойника ее поведение вдруг резко изменилось. Вероятно, Гларат посоветовал ей быть приветливее со мной.

Маклан сильно, до хруста сжал пальцы.

— Зорана улыбалась, — продолжал он. — Она радовалась моему появлению и приглашала заходить еще. А потом начала расспрашивать о моем открытии — под тем предлогом, что жрецы гирайн могли бы помочь мне своими знаниями. Зорана даже обещала, что, если я сумею добрать-

ся до Гирончи, она разделит со мной трон!

Ланнинг прикусил губу — он вспомнил, что предлагала Воительница ему самому. Но перебивать не стал.

— К счастью, я не доверял жрецам, — продолжал тем временем Маклан, — и не стал рассказывать им слишком много. Однако слова Зораны заставили меня удвоить усилия. Чтобы переместить во времени физическое тело, приходится преодолеть чудовищное сопротивление. В будущем геодезические закреплены так же крепко, как и в прошлом. Поэтому перенос живого человека просто невозможен — это слишком сильно повредило бы ткань будущего. Но даже для переноса мертвой материи требуется огромная энергия.

Вскоре стало понятно, что обычные источники для моих целей не подходят. Нужна была атомная энергия. Тогда я использовал сканирующий луч хроноскопа для изучения атомной физики будущего. Тут возникли сложности довольно любопытного характера.

Дело в том, что мой прибор, призванный, по сути дела, лишь отслеживать вероятности, временами искажал и затуманивал записанные на бумаге слова. Я мог изучать все работы, написанные как в Лос-Аламосе, так и в Кремле. Так

я прочел труды Джона Барра, Айвора Гироса и многих других ученых будущего. Но суть их все время ускользала от меня.

Наконец мне удалось открыть некий весьма специфический закон последовательности. Он действует в пятимерном пространстве и относится не ко времени, а как раз к этому пятому измерению. Именно этот закон определяет последовательность, согласно которой тот или другой возможный мир будущего становится реальным. Он же запрещает все эти банальные парадоксы — вроде избитого рассуждения о человеке, который возвращается в прошлое, чтобы убить самого себя. Обычная причинноследственная логика при этом не нарушается — она просто становится частью более широкого понятия.

Мой сканирующий луч позволял легко проникать сквозь завесу военной секретности. Так я изучил устройство урановых и водородных бомб и понял, что для меня они бесполезны. Первые неуклюжие атомные реакторы, работавшие на энергии расщепления, тоже никуда не годились.

Тогда я занялся независимыми исследованиями и в конце концов научился контролировать реакцию слияния ядер. Так я смог получить из водорода другие, более тяжелые элементы. Свой

первый водородный конвертер я построил в пятьдесят восьмом году. Он мог развивать мощность до восьми тысяч лошадиных сил и легко умещался на ладони. Вот, послушай!

Маклан замолчал, чтобы Ланнинг мог услышать доносившееся из-под палубы низкое гудение. Изможденное лицо капитана на миг озарила торжествующая улыбка.

— Энергия трех сотен Ниагарских водопадов — и чтобы получить ее, достаточно столовой ложки воды! Этой энергии должно было хватить, чтобы проломить стену времени. И я нашел способ! Поглощение квантов темпорального излучения атомами изучаемых объектов из злейшего моего врага превратилось в верного союзника. Оно создает необходимое для работы двигателя поле сопротивления. Еще два года я работал над созданием «Хроно» — машины для путешествия во времени. И вот в июне тысяча девятьсот шестидесятого года я его построил!

В тот же день я покинул свою уединенную лабораторию в Скалистых горах и отправился в Гирончи.

В хриплом шепоте капитана отчетливо слышалась боль.

— Я был дураком. Я верил, что Зорана действи-

тельно разделит со мной свой алмазный трон.

Бледное, изможденное лицо Маклана исказилось от судороги.

Глава седьмая. Командир легиона

Старый Уил Маклан замолчал и с преувеличенным вниманием принялся изучать показания приборов. Он пощелкал переключателями, подкрутил что-то и повернул штурвал. Сопоставив эти действия с неумолкающим гудением конвертера, Ланнинг понял, что «Хроно» движется — плывет в голубом мерцающем тумане. В тумане времени?

— Я отправился один, — сказал старик, снова поворачиваясь к Ланнингу. — Даже двигатель «Хроно» с его миллионами лошадиных сил не мог выдернуть из потока времени нескольких живых людей. Мне и одному было трудно прорываться. От непомерной нагрузки конденсаторы стали взрываться один за другим. В лаборатории вспыхнул пожар, а сам я был серьезно ранен. Впрочем, этот несчастный случай пошел мне на пользу. Он настолько ослабил мою геодезическую, что «Хроно» удалось наконец разорвать ткань времени и вырваться из потока. Произошло это в последний момент, когда горящее здание рухнуло, похоронив под обломками все, что осталось от лаборатории.

Взгляд капитана устремился вдаль, туда, где за бортом «Хроно» мерцала голубоватая мгла.

— Ты уже заглядывал в хроноскоп и видел Гирончи. И стоит лишь взглянуть на меня, чтобы понять, какой прием мне оказали в алой цитадели Зораны.

Старик содрогнулся. Лицо его, бледное и изнуренное, окаменело от ненависти, из глаз хлынули слезы. Желтые птичьи лапы бессознательно вцепились в маленькую серебряную трубочку у горла. Ланнинг поспешно отвернулся и подождал, пока Маклан сам продолжит свой рассказ.

— Прости меня, Денни, за этот приступ жалости к самому себе. Сейчас я расскажу о предательстве Зораны. Ей легко удалось выманить меня из корабля, а ее монстры тут же схватили меня. Сначала Зорана насмехалась надо мной — как я посмел желать королеву Гирончи! А потом она предложила мне жизнь в обмен на секреты моего корабля. Но я отказался, и тогда Зорана бросила меня в подземелье, а «Хроно» отдала жрецам гирайн.

Хриплый шепот Маклана прерывали сухие рыдания.

— Десять лет она пытала меня, чтобы выведать тайны «Хроно». А жрецы тем временем изучали

корабль.

Ученый стиснул зубы и закрыл глаза. Его мертвенно-бледное, изборожденное морщинами и шрамами лицо напоминало маску смерти. Искалеченное тело дрожало, дыхание было хриплым и прерывистым. Ланнинг снова отвел глаза.

— Освободила меня Летони, — продолжил наконец Уил. — По-моему, ты ее знаешь.

Ланнинг открыл было рот, но не смог произнести ни звука. С надеждой и страхом он ждал продолжения рассказа.

— Летони появилась прямо в моей камере — прекрасное серебристое видение. В руках у нее был Кристалл Времени, устройство, подобное моему хроноскопу.

Летони простила мне ущерб, который я нанес Джонбару своими экспериментами, и сама спланировала мой побег. Это она с помощью Кристалла Времени вычислила тот час, когда расположение часовых позволяло мне выбраться незамеченным. Она изучила дверные замки и принесла чертежи ключей. Сам я только вырезал их из костей прежних обитателей камеры.

Когда назначенный час настал, Летони помогла мне выбраться из камеры и провела через казармы, где спали солдаты Зораны. Прекрасная

королева испепелила их на месте, когда узнала о моем побеге. Летони указала мне безопасный путь вниз, на равнину, и дальше, к черному храму гирайн, где Гларат и жрецы держали мой «Хроно». К тому моменту они уже сняли кожух двигателя и копались в его внутренностях. Я, правда, думаю, что жрецы не смогли во всем разобраться, поскольку самостоятельных путешествий во времени они пока не предпринимали. Но полученных знаний им все же хватило, чтобы создать золотую раковину — аппарат, работающий на энергии гирайн.

— Я видел эту раковину! — ахнул Ланнинг. — В ней прилетала Зорана!

— Не Зорана, а ее изображение, — поправил Маклан. — Итак, Летони провела меня в храм. Поднялась тревога, солдаты разбудили жрецов... Оставалось лишь несколько секунд, но я все же успел добежать до своего корабля, завести двигатель и ускользнуть из Гирончи. После этого я отправился в начало двадцатого века, а оттуда уже Летони сумела указать мне путь в Джонбар — хотя геодезическая этого мира и тогда уже была очень слабой.

— Джонбар! — возбужденно перебил Ланнинг. — А мы можем увидеть его в этой штуке? — Он

махнул рукой в сторону хроноскопа. — Увидеть Летони?

Маклан печально покачал головой.

— Мы можем попробовать, — прошептал ученый. — Но вероятностный фактор Джонбара очень мал. В последний раз я включал хроноскоп на предельной мощности, и все равно изображение было неясным и расплывчатым. Джонбар сейчас на краю гибели.

И снова скрюченные пальцы капитана коснулись загадочного цилиндрика.

— Однако не все еще потеряно. — В хриплом голосе Маклана прозвучала суровая решимость, — Джонбар не сдается. Отец Летони был археологом. В горах Колорадо он раскопал развалины моей лаборатории и нашел там обугленные книги и заржавевшие детали машин. Этого оказалось достаточно. Археолог из Джонбара повторил мое открытие и проник в тайны времени.

Именно отец Летони создал Кристалл Времени. С помощью этого прибора его дочь вскоре обнаружила, какой вред я нанес ее миру своими необдуманными экспериментами. И тогда она перенесла меня в Джонбар, чтобы я помог исправить причиненное зло. Вот зачем я собираю вашу команду.

Ланнинг нахмурился.

— Ничего не понимаю, — проворчал он. — Мы-то что можем сделать?

— Джонбар и Гирончи — два альтернативных вероятных мира. Реально может существовать только один из них. Джонбар или Гирончи. Летони или Зорана. Вместе им не жить. Идет война не на жизнь, а на смерть, война за существование. Пятимерный закон последовательности лишь зафиксирует ее исход.

— Но ты же можешь заглянуть в будущее, — удивился Ланнинг. — Разве ты не знаешь, кто победит?

— Хроноскоп не показывает реальных событий будущего — только вероятные, причем вероятности их меняются уже оттого, что мы на них смотрим, — сокрушенно покачал Маклан седой головой. — Увы, я знаю точно лишь одно: вероятность в этой борьбе играет на стороне Зораны.

В отчаянии Ланнинг уцепился за тощее плечо капитана.

— Мы ведь можем помочь? — взмолился он. — Скажи, что мы должны сделать!

— Нет геодезической, которая соединяла бы Джонбар и Гирончи, — принялся объяснять Маклан. — То есть не существует общей для них

реальности. Эти два мира несовместимы, они исключают друг друга, а значит, не могут войти в прямой контакт. Ученые обоих миров способны лишь наблюдать изменения вероятности, а армии их никогда не смогут вступить в бой.

Что же касается современного нам с тобой мира, то он связан геодезическими как с Джонбаром, так и с Гирончи. Наша эпоха — реальное прошлое народов Летони и Зораны. Вот почему ты действительно в силах вступить в игру.

— Но как? — От волнения Ланнинг подался вперед. — Обе они, и Летони, и Зорана, говорили о моем предназначении. Можешь ты объяснить, что они имели в виду?

Несколько мгновений Маклан внимательно изучал своего собеседника. Голубые глаза сверкали из-под шапки белоснежных волос.

— Ты занимаешь ключевую позицию, Денни, — прошептал он наконец, — Тебе выпал жребий стать главным защитником Джонбара. Только твоя победа способна спасти этот мир. Если ты проиграешь, он просто исчезнет.

— Так вот почему они ко мне приходили!

— Зорана пыталась приблизить твою гибель, — подтвердил Маклан. — Хотела унести тебя в Гирончи, чтобы у Джонбара не осталось никаких

шансов. А Летони, наоборот, приглядывала за тобой, не давая тебе погибнуть до того момента, когда мы сможем втащить тебя на борт «Хроно».

— До того момента... — тупо повторил Ланнинг, — Так мы что — мертвые?

— Я вернулся в эту эпоху, чтобы подобрать тебя и еще несколько наших современников. Но живого человека нельзя переместить во времени — это нарушило бы всю структуру пятимерного континуума. Чтобы поднять вас на борт «Хроно», мне приходилось дожидаться момента вашей смерти. Неживая материя перемещается относительно легко. На борту у меня дежурят хирурги из Джонбара. Динат позволяет им оживлять вас, как только вы попадаете на борт.

— Динат? — переспросил Ланнинг. — Я слышал это слово от Летони и от хирургов. Что оно означает?

— Динат — это научное знание, жизненно важное для всей цивилизации Джонбара, — ответил Маклан. — В результате использования динат люди должны постепенно эволюционировать и дать начало новой расе — динон. Но все это произойдет только в том случае, если ты победишь.

Для Джонбара динат так же важен, как гирайн для Гирончи. Но сейчас у нас нет времени отвле-

каться на подобные вопросы. Я обрисовал тебе ситуацию, Денни. Ты согласен?

От его пристальною взгляда Ланнингу было не по себе.

— Станешь ли ты главным защитником Джонбара, зная, что почти наверняка проиграешь? Сможешь ли ты выступить против Зораны и отвергнуть все, что она тебе предложит? Помни, Денни, в твоих руках жизнь и смерть Зораны или Летони.

Ланнинг почувствовал, что весь дрожит от напряжения. В горле у него пересохло. Мысленным взором он видел сейчас Летони, бледную и хрупкую, с огромным хрустальным шаром в тонких руках. И тут же рядом с ней появилась великолепная Зорана, неотразимая в своих алых доспехах. Ланнинг и в мыслях не мог допустить гибели Летони. Но как он сможет убить Зорану?

Ланнинг судорожно проглотил комок в горле и кивнул, утверждая нелегкое решение:

— Да, Уил. Я согласен.

— Молодец, Денни! — Маклан горячо пожал ему руку своими скрюченными пальцами. — Передаю под твое командование наш маленький легион.

— Но, Уил, — запротестовал Ланнинг, — а как

же ты?

— Гирончи необходимо уничтожить, и Зорану тоже.

В глазах капитана снова полыхнула ярость, и в который раз он успокоился, прикоснувшись к серебряной трубочке.

— Я буду выполнять свою работу. Однако руководить я попросту не умею. Не забудь, что я всю жизнь занимался абстрактными понятиями. А ты, Денни, человек действия. Ты должен взять на себя командование.

— Хорошо. Сделаю все, что смогу.

Маклан поднял дрожащую руку, чтобы отдать честь:

— Спасибо, Денни. Теперь я посоветовал бы тебе спуститься вниз и объяснить ситуацию своим новым подчиненным. Можешь предложить им выбирать — хотя в действительности это трудно назвать выбором. Они могут пойти с нами или вернуться туда, откуда мы их вытащили.

— То есть погибнуть?

Маклан кивнул:

— Живым им нет места в нашей эпохе. Если мы победим, те, кто выживет, могут остаться в Джонбаре. Поражение для нас означает смерть. Не исключено, что это смерть от пыток в подзе-

мельях Зораны.

— Могут остаться... — повторил Ланнинг хрипло, — Значит, если мы победим, я смогу поселиться в Джонбаре? Рядом с Летони?

— Да, если мы победим, — ответил Маклан, — А теперь иди поговори с людьми, а я попробую настроить хроноскоп на Джонбар.

— А нельзя ли мне... — робко начал Ланнинг.

В глазах капитана мелькнула искорка мрачного веселья.

— Если я свяжусь с Летони, я тебя позову, — пообещал он. — Хотя найти Джонбар будет нелегко.

Ланнинг спустился на палубу и попросил Барри Халлорана привести людей.

— Ребята, я только что беседовал с капитаном Макланом, — сообщил он, когда разношерстная группа наконец собралась.

Ответом ему было выражение заинтересованности на всех без исключения лицах.

— Капитан Маклан спас нас от верной смерти и перенес сюда — каждого из своего времени. За это он просит нас сразиться, чтобы защитить от гибели будущий мир. Уверяю вас, мы будем драться за правое дело.

Командовать группой капитан предложил мне.

Я, в свою очередь, предлагаю вам присоединиться ко мне иди вернуться в свое собственное время. Последнее, как вы понимаете, означает смерть. Сожалею, что условия такие жесткие...

— Как это — жесткие? — завопил Барри Халлоран.

— Nein! — проворчал Эмиль Шорн, — Разве мы трусы, чтобы отказываться от Валгаллы?

— Viva! — крикнул Кресто. — Да здравствует капитан Ланнинг!

— Спасибо, — растроганно произнес Ланнинг. — Если мы победим, то сможем остаться в Джонбаре. Итак, раз вы все остаетесь, повторяйте за мной: «Я клянусь хранить верность Джонбару и служить ему верой и правдой в рядах Легиона Времени».

Все семеро, подняв правую руку, произнесли присягу, а затем, вслед за Вилли Рэндом, хором прокричали:

— Да здравствует Джонбар и капитан Ланнинг!

Как раз в этот момент Ланнинга позвали из башни, и он побежал наверх.

— Ты нашел... — проговорил Денни задыхаясь. — Ты связался...

Уил Маклан покачал головой и кивнул на хроноскоп.

— Я пытался, — хрипло прошептал он. — Но враг опять проявляет активность. В пятом измерении уже зафиксирована новая победа Зораны. Джонбар теперь еще ближе к гибели. Его изображение в хроноскопе расплылось и исчезло. Смотри, что я поймал вместо него!

Ланнинг заглянул в прозрачный кристалл и снова увидел Гирончи. Только теперь этот мир выглядел совсем не так, как раньше.

На одном из двух холмов виднелись почерневшие развалины металлической крепости Зораны. На другом громоздилась огромная куча битого камня — все, что осталось от черного храма гирайн. Долина реки превратилась в выжженную пустыню. Поля заросли диким кустарником, место деревень заняли кучи странного яркобелого пепла.

— Они что, погибли? — потрясенно выдохнул Ланнинг.

— Они сами себя уничтожили, — ответил Маклан. — Это все, что осталось после войны между чудовищами Зораны и жрецами гирайн. Как видишь, человечество в этой реальности полностью уничтожено. — Голос его упал до еле слышного шепота, — Если мы проиграем, если человечество пойдет по пути Гирончи... Ты видишь конец этого

пути, Денни.

Маклан щелкнул переключателем, и мрачный пейзаж исчез.

— И похоже, что этот путь уже выбран. Мой прибор не может найти никакой другой геодезической.

Ученый в бессилии стиснул руки. Ланнинг тупо глядел на мерцающий за бортом голубой туман:

— Но что могло случиться?

— Не знаю, — покачал головой Маклан. — Надо выяснить, что сделала Зорана, и попытаться исправить причиненное ею зло. Если только мы сможем пробиться в Джонбар, в новую лабораторию Летони...

Ланнинг до боли сжал хрупкое плечо капитана:

— А мы сможем?

— Боюсь, — прошептал Маклан, — что это новое изменение настолько уменьшило фактор вероятности Джонбара, что нам уже никогда туда не попасть. Но мы все же попробуем!

Трясущимися руками он взялся за штурвал «Хроно» и повернул его.

Глава восьмая. Джонбар

Раненые быстро поправлялись. Вскоре после Бориса Баринина пришел в себя Даффи Кларк, матрос с утонувшего английского флагмана. Последними пациентами госпиталя стали близнецы Айзек и Израэль Эндерсы, тощие молчаливые канадцы. Их должно было убить снарядом в тысяча девятьсот семнадцатом году. Таким образом, под началом Ланнинга оказалось уже одиннадцать человек. Он разделил отряд на две группы — первой командовал сам, а командиром второй назначил Эмиля Шорна.

Уил Маклан тем временем собирал оружие. Арсенал отряда составляли дюжина винтовок Маузера, десятка два люггеров, четыре станковых пулемета и множество ящиков с гранатами и патронами. Все это, а также продовольствие и медикаменты они сняли с одного тонущего корабля.

— Это была наша первая операция, — рассказывал Маклан. — Сразу после возвращения из Джонбара я разыскал подорванный торпедой корабль, и мы сняли с него все, что успели. Заодно и оборудование проверили. Голыми руками не

повоюешь, а оружие Джонбара в Гирончи, как ты понимаешь, действовать не будет.

Поскольку не только джонбарское оружие, но и экипаж «Хроно» в Гирончи попасть не мог, Ланнингу пришлось выделить в помощь Маклану трех человек: Кларка, Баринина и Вилли Рэнда. Сам он тоже учился управлению кораблем, благо времени для этого было достаточно.

«Хроно» медленно и осторожно полз вдоль слабеющей геодезической Джонбара. Гудел двигатель, мерцал голубой туман, а капитан Маклан с каждым днем становился все мрачнее и мрачнее.

— Мир, который мы ищем, стал почти невероятен, — сипел ученый, — Двигатель работает на полную мощность, а мы еле ползем. Геодезическая Джонбара в любой момент может исчезнуть совсем, оставив нас вне времени!

Однажды Ланнинг проснулся в своей крохотной каюте с таким чувством, будто только что видел Летони. Она стояла совсем рядом, стройная и высокая, в длинном белом одеянии, а в руках у нее сверкал Кристалл Времени. Лицо девушки выражало крайнюю степень отчаяния, фиалковые глаза потемнели от горя.

— Денни, — говорила она, — ты нужен Джонба-

ру. Если ты не придешь, мы погибнем!..

Ланнинг помчался на мостик и рассказал все Маклану. Старик ученый лишь мрачно покачал головой:

— Мы и так уже делаем все, что можем. Геодезическая Джонбара сделалась тонкой, как нить паутины, и становится все тоньше по мере изменения вероятности. Если она порвется, если мы потеряем ее, Джонбару конец.

Прошло еще две недели внутреннего, корабельного, времени. Это значило, что каждый из тех, кто был на борту, прожил еще четырнадцать дней и сердце его отстучало положенное количество ударов, независимо от расстояния, пройденного кораблем вдоль темпоральной оси. И вот наконец «Хроно» вынырнул из мерцающей голубой мглы, и Ланнинг, нетерпеливо ожидавший этого момента на палубе, увидел прямо под собой Джонбар.

Корабль висел на высоте двух миль над землей, но гигантские башни города будущего возвышались над ним. Облицованные сверкающим металлом, они были подобны прекрасным величественным соборам. Между прихотливо разбросанными домами зеленели сады и парки... да что там, весь город представлял собой один

огромный парк, раскинувшийся в долине спокойной живописной реки и на двух лесистых холмах за ней. Здания соединялись между собой виадуками, по которым сновали невероятного вида машины. Небо было заполнено серебряными каплями летательных аппаратов.

Ланнинг уже видел Джонбар прежде — в Кристалле Летони. Однако только сейчас он с восхищением и ужасом понял, как огромен этот город. Здесь живут сотни миллионов людей! И все они могут исчезнуть в один миг, исчезнуть вместе со своим прекрасным миром. Одна только мысль об этом повергала Денни в отчаяние.

Дрожа от нетерпения и ужаса, Ланнинг помчался к Маклану.

— Значит, Джонбар в безопасности? — спросил он, задыхаясь. — А Летони здесь?

Согбенный старец отвернулся от штурвала и медленно покачал головой.

— Мы, конечно, здесь, — прошептал ученый. — Но приборы показывают, что геодезическая Джонбара почти исчезла. Что же касается Летони, то она наверняка находится сейчас в своей новой лаборатории.

«Хроно» подплыл к сверкающему пику башни, венчавшей один из холмов. Серебристая панель

бесшумно скользнула в сторону, открыв вход в огромный ангар, где стояло множество странных летательных аппаратов. Над свободной посадочной платформой мигал зеленый огонек.

— Вот мир, за который нам предстоит сражаться, — сказал своим людям Ланнинг.

— Ach! — прогромыхал Эмиль Шорн. — Это хороший мир!

Оставив прусского рубаку за старшего и приказав ему держать команду в постоянной готовности на случай непредвиденных обстоятельств, Ланнинг и Маклан покинули корабль. Лифт вознес их высоко вверх, где на открытой террасе благоухали цветы висячего сада. В одной из стен открылась скользящая дверь, и на террасу вышла Летони.

Вместо привычного Ланнингу белого платья она была одета во что-то голубое и мерцающее, под цвет знакомого обруча в волосах. И она больше не держалась так торжественно, как при прошлых появлениях. Теперь это была просто красивая девушка. Ланнингу она искренне обрадовалась, хотя отчаяния скрыть не смогла.

Летони быстрым шагом пересекла террасу, подошла к Денни и взяла обе его руки в свои. Прикосновение ее было теплым и удивительно

приятным.

— Денни Ланнинг! — прошептала девушка. — Наконец-то ты пришел! Я так рада...

Летони перевела взгляд на Уила Маклана. Фиалковые глаза потемнели от усталости и тревоги.

— Гирончи нанесла нам новый удар. Динон из Нью- Джонбара пытались предупредить нас, но передача внезапно оборвалась. Кристалл Времени больше не показывает будущего — только сегодняшнюю ночь. Это — последняя ночь Джонбара. Если только... — Она перевела взгляд на лицо Ланнинга. — Если не изменить направление вектора вероятности.

Уил решительно шагнул к скользящей двери, из которой появилась Летони.

— Я в лабораторию, Денни. Как только ситуация прояснится, я за тобой пошлю. Ты ничего не сможешь сделать, пока мы не узнаем, что натворила Зорана. Если узнаем...

Маклан захромал прочь, и Ланнинг остался на террасе вдвоем с Летони. Он стоял и любовался мирной красотой девушки на фоне чудесных цветов.

— Но почему ты такая... такая настоящая? — спросил молодой человек. — В чем разница между реальным миром и таким местом, как это?

Обдумывая ответ, Летони даже слегка нахмурилась:

— Все определяется процессом реализации, превращающим вероятные миры в реальные. Он протекает вдоль оси пятого измерения. Сколько бы ни было вероятных миров, лишь одному из них суждено стать реальным. Существует множество вариантов будущего, а прошлое определено и неизменно. В точках неопределенности геодезические разных миров расходятся, однако процесс реализации каждый раз закрепляет лишь одну ветвь, безжалостно отбрасывая остальные. Все геодезические абсорбируют энергию — так вероятные миры борются за выживание. Но в момент реализации вся накопленная энергия переходит к тому единственному миру, который отныне называется реальным. Миры, лишенные энергии вероятности, попросту исчезают.

— Значит, Джонбар исчезает?

Девушка кивнула:

— И я тоже. Нам дает жизнь атомная энергия «Хроно», пробившегося вдоль нашей геодезической. Мы — всего лишь иллюзия, образ того, что только имеет шанс появиться на свет. И образ этот обречен.

Летони встряхнула хорошенькой головкой и

улыбнулась. Ланнинг прекрасно понимал, каких усилий стоит ей эта улыбка.

— Впрочем, к чему иллюзиям говорить об иллюзиях? — веселым тоном сказала Летони, — Ты не голоден, Денни? Собери цветов к столу. Давай с тобой вкусим иллюзорной пищи!

Она принесла маленький столик и собственноручно установила его у ограждавших висячий сад перил. Внизу, в миле от них, лежали зеленые парки. На дальних холмах блестели серебром другие башни. В безоблачном небе мягко светило вечернее солнце — Денни никогда не видел такого чистого неба. Легкий ветерок навевал покой.

— Нет, Джонбар! — прошептал Ланнинг. — С тобой ничего не может случиться! Ты слишком прекрасен!

— И совершенство смертно, — вздрогнув, откликнулась Летони. — Когда структуру пространства-времени раздирают войны, погибнуть может все.

Ланнинг схватил ее за руку.

— Летони, — прошептал он, — с тех пор, как ты впервые появилась передо мной, я не знал покоя. Десять лет я жил надеждой на то, что снова встречу тебя. И теперь, если кто-нибудь заберет тебя у меня...

Летони, дрожа, придвинулась к нему поближе.

— Вспомни, Денни! — шепнула девушка. — Это последняя ночь Джонбара. Кристалл Времени не показывает завтрашнего дня.

Закатное небо из голубого стало розовато-лиловым, а затем багряным. Дальние башни Джонбара засияли столбами яркого пламени. На террасу легли мягкие тени. Ночные цветы напоили воздух опьяняющими ароматами. Где-то внизу играла тихая музыка. Но даже здесь, рядом с Летони, Ланнинг не мог забыть о том, что вся эта красота обречена.

Внезапно девушка ахнула и крепко стиснула его руку.

— Приветствую тебя, о королева Пустоты! — произнес знакомый насмешливый голос.

Ланнинг резко вскинул голову и увидел золотую раковину Зораны. На этот раз Воительница не лежала, а стояла в ней, выпрямившись во весь рост. Тело ее облекала неизменная алая кольчуга. Рядом с Зораной стоял высокий костлявый мужчина с мрачными глазами и жестоким, отталкивающим лицом. С ног до головы он был одет в черное. Ланнинг сразу понял, что перед ним Гларат — главный жрец храма гирайн. Черные глаза жреца излучали злобу и ненависть. Зорана

откровенно развлекалась.

— Целуй ее, пока можешь, Денни Ланнинг, — насмешливо посоветовала она. — Потому что мне ты больше не нужен. Мы нашли критический фактор, и место, которое я предлагала тебе, заняли Гларат и сила гирайн. Мы победили, Денни Ланнинг!

Жрец жестом собственника положил ей на плечо черную волосатую руку и смерил Ланнинга исполненным ненависти взглядом. Толстые губы разжались, выплюнув какое-то гортанное ругательство. Зорана выхватила свой тонкий золотой меч и широко взмахнула им в сторону города. А затем, улыбнувшись, расслабилась в объятиях жреца.

— Прощай, Денни Ланнинг! Но знай — и Джонбар, и призрак в твоих объятиях скоро исчезнут, развеются как туман на ветру. Мы затем и прилетели, чтобы увидеть их конец.

Она на миг прижала золотой клинок к своим алым губам и резко махнула им в сторону Ланнинга, как будто посылала издевательский поцелуй. Затем ткнула ногой невидимую кнопку, золотая раковина взмыла вверх и растворилась в ночи.

Перепуганная Летони вскочила на ноги.

— Скорее в лабораторию! — Лицо ее стало серым от ужаса. — Только боюсь... боюсь, что все уже кончено.

И они побежали к скользящей двери. За ней оказалась огромная высокая комната. Сотни мужчин и женщин сидели за столами и на первый взгляд занимались какими-то математическими вычислениями. В дальнем крыле другие мужчины и женщины напряженно вглядывались в огромные кристаллы — такие же, как у Летони. Ланнинг не успел даже переступить порога, когда увидел, что навстречу ему, хромая и спотыкаясь, бежит У ил Маклан.

— Назад, Денни! — хрипел он громким шепотом. — Скорее на корабль! Джонбар исчезает!

Ланнинг бросился к лифту, увлекая за собой Летони. Маклан спешил за ними. Дверь захлопнулась, и кабина понеслась вниз, к ангару. Ланнинг крепко прижимал к себе девушку.

— Ты полетишь с нами, любовь моя, — прошептал он.

Но та в ответ лишь грустно покачала головой:

— Нет, Денни. Я принадлежу Джонбару.

Она вздрогнула и прижалась к Ланнингу. Он поцеловал ее.

Лифт остановился. Ланнинг схватил Летони за

руку и бегом потащил ее к «Хроно».

У корабля собралась яркая толпа горожан. Палуба была усыпана цветами, а у борта стоял щегольски одетый Жан Керар и произносил речь. Но и толпу, и стены ангара, и диковинные каплевидные корабли уже охватило странное зеленоватое сияние. Еще миг — и все начало растворяться, расплываясь в мерцающий голубой туман. Только «Хроно» сохранял четкие очертания.

Ланнинг поднажал.

— Скорей! — торопил он. — Летони...

Пальцы девушки выскользнули из его ладони. Ланнинг остановился и увидел, что Летони по-прежнему рядом, однако прозрачная и туманная, как призрак. Отчаянными жестами тень побуждала его не останавливаться. Денни попытался подхватить девушку на руки, но она растаяла как дым.

Маклан обогнал его. Ланнинг всхлипнул и, спотыкаясь, побрел за Уилом. Боль утраты заставила молодого человека забыть обо всем. К чему бороться, если Летони больше нет?..

Голубой туман вокруг сгущался, скрывая очертания исчезающего города. Он все больше напоминал ту мерцающую мглу, в которой плыл «Хроно». Ланнинг увидел, как Уил Маклан ка-

рабкается по лестнице, и в этот момент пол под ногами тоже начал исчезать. Нога Денни ушла глубоко вниз, словно металлический пол внезапно проржавел и рассыпался от прикосновения. Ланнинг беспомощно взмахнул руками и полетел вниз, туда, где на месте исчезнувшего города лежала пустынная долина. Холодный ветер свистел у него в ушах.

— Прощай! — прозвенел недобрый насмешливый голос, и на миг Ланнинг увидел золотую раковину и возлежащих на шелковых подушках Зорану с Гларатом.

Он камнем пронесся мимо них, задыхаясь от резкого ветра. Рядом появился «Хроно». Из хрустального ствола вырвался ослепительно желтый луч, и Ланнинга потащило к перилам. Барри Халлоран помог ему взобраться на палубу.

Глава девятая. Геодезическая гирончи

Еще мгновение, и «Хроно» снова очутился в знакомой мерцающей мгле. Ланнинг поспешил подняться на мостик, чтобы задать Маклану мучивший его вопрос:

— Уил, Летони... она умерла?

Маклан печально посмотрел на него:

— Это нельзя назвать смертью. Она ведь никогда не рождалась — так же, как и Джонбар. Мы лишь на мгновение оживили этот вероятный мир энергией своего темпорального луча. Но последняя победа Зораны привела к исчезновению геодезической Джонбара, а значит, и найденного нами отражения.

— Что же сделала Зорана? — Ланнинг схватил Маклана за высохшую руку. — Тебе удалось это выяснить?

Старик медленно кивнул:

— За остававшийся до исчезновения лаборатории час...

— Ну?

— Имей терпение, мальчик мой, — прошептал ученый. — Похоже, жрецам гирайн известно все-таки больше, чем я думал. Не зря они столько

времени изучали мой «Хроно». Золотая раковина Зораны переносит, как ты знаешь, только образ того, кто ей управляет. Однако теперь Гларат построил настоящий хронокорабль.

— Ну и?..

— В отличие от «Хроно», корабль Гирончи — боевой. И на борту у него — целое полчище солдат-насекомых.

— Значит, жрецы напали на Джонбар?

— Они вернулись в прошлое, — объяснил Маклан. — В ту точку, где расходились пути обоих миров. Там они нашли нечто — скорее всего, какой-то небольшой материальный объект, — имеющее принципиальное значение для возникновения Джонбара. К сожалению, я понятия не имею, что это такое. С помощью силы гирайн Гларат убрал этот предмет с места в пространстве-времени, где ему надлежало находиться. И Джонбар просто не появился.

— А что стало с тем предметом?

— Он спрятан в крепости Зораны, в Гирончи. Под охраной, разумеется.

— Под охраной... — эхом откликнулся Ланнинг и еще крепче стиснул иссохшие пальцы Маклана. — А если мы отобьем у них ту вещь и вернем на место, это поможет Джонбару?

Ланнинг с безумной надеждой вглядывался в лицо старого ученого.

— Уил, может что-нибудь вернуть Летони?

— Да, — кивнул седой головой Маклан. — Если мы захватим нужный предмет и сумеем вернуть его на истинное место в пространстве-времени, если мы не дадим Зоране захватить его снова, пока пятимерный процесс реализации не пройдет критическую точку, — тогда появление Джонбара опять станет возможно.

Ланнинг со всей силы стукнул кулаком по ладони:

— Тогда мы должны это сделать!

— Да, — тихо ответил Маклан, легонько касаясь руки друга своими желтыми пальцами. — Должны. Именно для этого я и собрал вас на своем корабле. Хотя деталей предстоящей операции я не знаю до сих пор.

— Хорошо, — сказал Денни, — Вперед!

— Мы уже летим — возвращаемся в прошлое вдоль геодезической исчезнувшего Джонбара. Достигнув своей эпохи, мы сможем отыскать мировую линию Гирончи и отправимся в крепость Зораны.

— Берегись, Зорана! — воскликнул Ланнинг:

Но Маклан снова схватил его за руку:

— Я должен предупредить тебя, Денни. Не обольщайся надеждой на легкую победу — нам надо быть очень осторожными. Подумай, каковы наши шансы. Что такое дюжина парней против полчищ Гирончи? Даже наши хирурги исчезли вместе с остальными джонбарцами.

— Мы победим, потому что должны победить, — упрямо пробормотал Денни.

Маклан тяжело вздохнул:

— Тридцать лет прошло с того дня, когда я впервые увидел Зорану.

Старик говорил приглушенно, нервно теребя свой странный серебряный амулет.

— Ее красота ослепила меня даже сквозь бездну времени. Я... Я полюбил ее, Денни.

На глаза Маклана навернулись слезы.

— И только через долгих четырнадцать лет я понял, что она дьявол. Боже, как я ненавижу Зорану! Она предала меня, пытала, превратила меня в беспомощного калеку! Она... — От волнения Маклан задохнулся. — Но несмотря на все это, разве я смогу убить ее? А ты, Денни, сможешь?

Ланнинг стиснул кулаки, так что даже пальцы захрустели.

— Я видел Зорану, — хрипло произнес он. — И я не знаю, что тебе ответить.

Молодой человек заметался по комнате.

— Но мы должны убить ее! Убить, чтобы спасти Джонбар!

— Должны, — откликнулся калека. — Вот только сможем ли?

Через неделю по корабельному времени осевой хронометр показал тысяча девятьсот двадцать первый год.

— Здесь начинается геодезическая Джонбара, — объяснил Маклан Ланнингу, — Именно в этом году мы будем искать вершину созданного Гларатом темпорального конуса.

«Хроно» лишь на мгновение вынырнул из мерцающей мглы над яркой синевой Тихого океана. Далеко внизу лежал зеленый атолл, обрамленный белой пеной прибоя. Вода в лагуне была бледной и гладкой, как стекло. Секунда — и картинка исчезла, уступив место знакомому голубому туману. Корабль мчался в Гирончи.

Когда началась атака, Ланнинг и Шорн как раз тренировали своих людей на палубе. Маленький Жан Керар выскочил из строя и закричал:

— Grand Dieu! Смотрите — адский корабль!

Ланнинг резко обернулся и увидел в голубом тумане огромную черную тень. Она исчезла,

затем вновь появилась, замерцала и внезапно стала совсем реальной. Корабль Гирончи!

Черная громадина была по меньшей мере в три раза длиннее их кораблика. Светящиеся пластины на ее корме и носу были квадратными, а не круглыми, как у «Хроно». Еще одно существенное отличие заключалось в том, что вражеский корабль буквально ощетинился стволами орудий, а на его палубе толпилось множество солдат-муравьев Зораны.

Ланнингу показалось, что он увидел на корме корабля Гирончи черную угловатую фигуру Гларата. В следующую секунду одно из орудий плюнуло в них сверкающим белым лучом. Два фута перил на корме «Хроно» мгновенно раскалились добела, вспыхнули и исчезли.

— Ложись! — приказал Ланнинг. — Пулеметы к бою! Короткими очередями — огонь!

Но что могли сделать пули против чудовищной энергии вражеских пушек?.. Ланнинг бросился к переговорной трубе, связывавшей палубу с рубкой Маклана.

— Уил! — крикнул он в трубу. — Что теперь?

Ослепительный луч прорезал туман в нескольких футах позади него, и Израэль Эндерс, уже привставший на колено, чтобы выстрелить,

рухнул на палубу горящей кучей тряпья. Даже оружие канадца сплавилось в бесформенный комок. Воздух наполнился чадом испепеленной плоти.

И тут же эхом прозвучал вопль боли и ярости. Это брат убитого, Айзек Эндерс, заправил ленту в свой «максим» и принялся поливать огнем монстров Зораны. Они тоже подняли ружья, и на «Хроно» обрушился град пуль.

Из переговорной трубы раздался хриплый шепот Маклана:

— «Хроно» — не боевой корабль. Нам нечего противопоставить лучу гирайн.

— Что же тогда делать? — в отчаянии крикнул Ланнинг.

— Убегать! — прохрипел Маклан. — Скорость — наша единственная надежда. «Хроно» легче. Задержите их, я попробую оторваться...

Ланнинг бросился к борту. Вовремя. Пулемет фон Арнета заклинило, а кровь из раны на лбу заливала ему глаза. Ланнинг подхватил горячий пулемет и направил его на орудийный порт вражеского корабля.

Черный корабль подплывал все ближе и ближе. Вооруженные монстры на его палубе дали еще один залп. Из черного дула вырвался ослепитель-

ный луч гирайн. Один из пулеметов взорвался. Пулеметчик Вилли Рэнд с громкими стонами катался по палубе, пытаясь сбить пламя с одежды.

Ланнинг зарядил в «максим» еще одну ленту и дал длинную очередь. Несколько монстров упали, но это была капля в море. И вдруг Денни показалось, что звук двигателей «Хроно» немного изменился. Может, он ошибается?

Громада черного корабля придвинулась еще ближе. Монстры с золотыми топорами столпились у самого борта. Собираются взять их на абордаж? Ланнинг поднял пулемет, готовясь оказать захватчикам достойный прием, и увидел, что черное жерло орудия смотрит прямо на него. Сейчас оттуда вырвется ослепительный луч, и... У Ланнинга перехватило дыхание.

И тут вражеский корабль замерцал и исчез.

Ланнинг отшвырнул горячий пулемет и бросился к переговорной трубе:

— Уил?

— Мы оторвались от них, Денни, — прошептал Маклан. — Думаю, что мы сможем постоянно опережать их по оси времени. Но в Гирончи они прибудут вскоре после нас и сразу поднимут тревогу. А сколько человек мы уже потеряли?

Ланнинг повернулся, чтобы подсчитать по-

тери. Длинный угрюмый канадец рыдал, стоя на коленях возле тела брата. Барри Халлоран помогал фон Арнету забинтовать рану. Вилли Рэнд в дымящейся одежде ощупью пробирался по палубе, монотонно ругаясь. Ланнинг заглянул ему в глаза и в ужасе отшатнулся. Луч гирайн сжег их прямо в глазницах. Вилли был слеп.

— Израэль Эндерс мертв, — прерывающимся голосом сообщил Ланнинг в переговорную трубу. — Фон Арнет ранен, а Рэнд ослеп. Один из пулеметов уничтожен...

— Это гирайн, — прохрипел Маклан. — Перевес на их стороне, Денни. Мы должны избегать битвы — если, конечно, сможем. Но теперь они предупреждены...

Шепот оборвался на трагической ноте.

Тело Израэля Эндерса завернули в кусок ткани вместе с его оплавленной винтовкой, крохотным канадским флагом и серебряной звездой Джонбара и спустили за борт, в мерцающую мглу. Там, сказал Маклан, он будет со скоростью корабля плыть к далекому будущему.

После похорон люди Ланнинга вычистили палубу, починили перила и привели в порядок оружие. Под мягкое жужжание двигателей «Хроно» продолжал двигаться вперед, по направ-

лению к Гирончи.

Эрих фон Арнет вышел из госпиталя с новым шрамом поперек лба. Вилли Рэнд попросил выдать ему винтовку со сломанным затвором и часами просиживал на палубе, точа штык и время от времени пробуя его пальцем. Глаза Вилли скрывала белая повязка.

А на мостике Ланнинг и Маклан пристально вглядывались в хроноскоп, пытаясь с помощью темпорального луча нащупать слабые места Гирончи и оптимальное время атаки. К сожалению, внутрь алой цитадели Зораны им заглянуть так и не удалось, а значит, не удалось и увидеть загадочный «материальный объект».

— Еще одно приложение гирайн, — объяснял Уил Маклан. — Металлические стены замка рождают защитное поле, которое полностью глушит темпоральное излучение. — В запавших глазах старика вспыхнул мрачный огонь, — Но я знаю крепость Зораны! — добавил он. — Когда-то Летони нарисовала мне ее план. И я помню там каждую черточку!

Дрожащими руками Уил нарисовал для Ланнинга и Шорна еще один план.

— Сокровищница Зораны, — объяснял он, — находится в восточной башне. Попасть в нее можно

только из спальни самой Зораны через люк в полу. А чтобы оказаться в ее апартаментах, надо пройти через тронный зал, который охраняют сотни воинов. Так что удар необходимо нанести внезапно. Одно неверное движение — и нам крышка.

Наконец настал момент, когда Уил Маклан повернул рычаг и остановил свой корабль в Гирончи.

Глава десятая. Цитадель Зораны

День, когда «Хроно» появился в мире Зораны, был хмурым и пасмурным. Впервые Ланнинг наяву увидел зеленые поля, блестящую ленту реки, крохотные, населенные рабами деревни и выжженное пятно на месте той трагедии, что разыгралась в свое время у него на глазах. За рекой, как и положено, возвышались холмы, увенчанные один — алой цитаделью Зораны, а другой — черным храмом гирайн.

Стоя на палубе, Ланнинг изучал крепость в бинокль. По сведениям, полученным с помощью хроноскопа, эта металлическая громадина вот уже пять веков принадлежала династии Зораны. На стенах дежурили одетые в черное часовые. Сверкало алое и золотое оружие. А между зубцами Ланнинг увидел черные стволы гирайн-излучателей.

— Gott in Himmel! — прогремел у него над ухом Эмиль Шорн, — Та штука, которую мы ищем, спрятана в этом замке, nein? Чертовски крепкий орешек!

— Верно, — согласился Ланнинг. — Один неверный шаг — и мы покойники. Так что оступаться

нельзя.

Он протянул Шорну бинокль:

— Мы остановились здесь буквально на минутку, только для того, чтобы взглянуть на крепость при свете дня. Второй раз прилетим уже ночью. Видишь тот уступ у северного обрыва? Там и высадимся.

— Ja, вижу.

— Хроноскоп показал, что Зорана сегодня вечером уйдет в храм к Гларату. Если повезет, стражники после ее ухода будут не слишком бдительны. Нам надо вскарабкаться вон на тот балкон — видишь, где висит скелет?

— Ach, Gott! Хорошая прогулка!

— С балкона мы пройдем внутрь, в подземелья. У Маклана есть ключи от всех дверей — он вырезал их для побега. Войдем через тюрьму и оттуда попробуем добраться до тронного зала. Все ясно?

— Ja! Ясно, как смерть.

Ланнинг махнул рукой Уилу Маклану, и «Хроно» снова нырнул в голубую мглу безвременья.

Маленький десантный отряд собрался на носу «Хроно». Все, кроме Барри Халлорана, предложившего перед выходом крикнуть троекратное «ура» Джонбару, были тихими и мрачными. Айзек Эндерс и Эрих фон Арнет несли два из трех

оставшихся пулеметов, Кресто и Кортни-Фарр — пятидесятифунтовые станки к ним. Остальные тащили веревки, гранаты, ружья и патроны.

Борис Баринин с последним пулеметом оставался охранять корабль. Вилли Рэнд сидел рядом с сигаретой в зубах и молча точил свой штык.

«Хроно» вынырнул в мокрую черноту ненастной ночи. Замок Зораны черной глыбой нависал над ними, загораживая полнеба. Корабль бесшумно подплыл к намеченному заранее узкому уступу. Шел холодный моросящий дождь, в зубцах стены наверху завывал ветер.

Уил Маклан спрятал корабль в чахлом кустарнике, спустился на палубу и протянул Ланнингу три ключа, вырезанные из белых человеческих костей.

— Этот — от балконной двери, — прошептал он. — Этот — от двери в подземелье. А вот этот — от внутренних ворот. Ключа от сокровищницы у меня нет. Придется тебе искать обходной путь.

Желтые костлявые пальцы крепко стиснули запястье Ланнинга.

— Я рассказал тебе все, что знаю, Денни. Твой путь лежит через подземелье, где я томился долгих десять лет. Если ошибешься, мы все будем там гнить. Удачи!

Ланнинг первым перелез через перила и стал карабкаться вверх по неприступной скале. Кроме свисавшей с пояса веревки у него была еще винтовка и связка гранат.

Холодный ветер норовил схватить в ледяные объятья. Поросшие мхом камни стали скользкими от влаги. Ползти приходилось на ощупь — темень была непроглядная. Пальцы Ланнинга застыли от холода, твердые камни больно врезались в ладони. Один раз он едва не сорвался и ободрал кожу, ухватившись за какой-то острый край. Мгновения, которые Денни провисел на поврежденной руке, показались ему веками. Потом он нашарил второй рукой зацепку и полез дальше. Вот и небольшой дубок, который они с Уилом видели утром в бинокль, — конец первого участка пути.

Ланнинг привязал к дереву конец веревки, подергал ее, чтобы проверить прочность узла, и скинул всю бухту вниз, остальным.

Второй участок... Дождь усилился. Порывы ледяного ветра пытались сорвать людей со скалы. Больно хлестали капли дождя. Сверкнула молния, и Ланнинг в ужасе замер. Что, если кто-нибудь их заметит?

Вторую веревку он привязал к выступу скалы,

сбросил конец и без отдыха полез дальше. Наконец, дрожа от напряжения, подтянулся и вылез на узкую площадку, где каменный обрыв переходил в стену из алого металла. Забив в трещину штык, Ланнинг привязал к нему третью веревку и начал осторожно передвигаться вдоль уступа. И тут снизу донесся крик.

Ланнинг замер. Тишина. Что-то упало, разбившись о камни далеко внизу — звук был еле слышным. Молодой человек подождал еще немного, убедился, что тревогу никто не поднял, и медленно пополз дальше. Высоко вверху в зубцах стены завывал ветер.

— Ach, Gott! — пробормотали сзади, — Вот дьявольская погода — ни черта не видно!

И Эмиль Шорн поднялся по веревке и присоединился к Ланнингу. Вдвоем они подползли к маленькому проржавевшему балкону, основным «украшением» которого служила тюремная виселица. Из люка наверху свисала веревка; в петле покачивался закованный в цепи скелет.

Ланнинг достал хрупкий костяной ключ и осторожно вставил его в замочную скважину. Пока он возился с замком, к балкону подошли остальные члены команды — все, кроме фон Арнета.

— Madre de Dios!

Сильвано Кресто все еще не мог унять дрожь.

— Австриец пролетел мимо меня. Как он кричал!.. Наверное, разбился в лепешку там, внизу. Растяпа! Теперь у нас остался только один «максим».

Тяжелая металлическая дверь внезапно распахнулась, обдав смельчаков зловонным дыханием тюрьмы. Запах немытых человеческих тел смешивался с запахом смерти и характерной кислой вонью, исходившей от человекообразных муравьев Зораны. Ланнинг стиснул зубы и, преодолев приступ тошноты, первым шагнул в вонючую тьму.

Сначала они вообще ничего не видели. Отряд ощупью двигался вслед за своим командиром, по памяти отсчитывавшим ступени и повороты. Но потом глаза людей привыкли к темноте. Оказалось, что какой-то свет тут все-таки был — на стенах и на полу слабо фосфоресцировали пятна гниющей слизи.

Справа и слева за запертыми решетками дверей лежали изувеченные полуослепшие узники. У них не было сил даже на то, чтобы подняться. Рядом с живыми валялись кости их предшественников, все еще закованные в тяжелые цепи. Остатки гниющей плоти на костях служили

несчастным единственным источником света.

Во всей тюрьме стояла жуткая неестественная тишина. Только из одной камеры доносилась какая-то возня. Подойдя поближе, Ланнинг увидел, что это крысы дерутся из-за свежего трупа. А в соседней камере изголодавшийся бедолага прокусил себе руку, уронив на пол несколько капель свежей крови. Теперь он терпеливо ждал, когда какая-нибудь неосторожная крыса попадется на эту страшную приманку.

— Клянусь, Зорана мне заплатит! — прошептал Кортни-Фарр. — Дайте только добраться до этого дьявола в человеческом обличье!

У одного из поворотов Ланнинг внезапно остановился и шепотом приказал своим людям приготовиться к бою. По коридору, позвякивая оружием, шли четверо воинов Зораны. Черные и огромные — не меньше восьми футов ростом, — они передвигались на задних конечностях, как люди, хотя с виду больше напоминали насекомых. Огромные жвала и блестящие фасеточные глаза никак не сочетались в сознании Ланнинга с человеческим обликом.

— Никакого шума, — прошептал он тихо. — Только штыки.

Но свой собственный штык Ланнинг оставил

снаружи. На нем висела последняя, третья веревка. Денни перевернул винтовку, размахнулся и прикладом размозжил череп ближайшему монстру. Не ожидавшие нападения солдаты дрогнули и отскочили назад, хватаясь за оружие страшными черными лапами.

Все происходило абсолютно бесшумно — гигантские муравьи, похоже, не обладали органами речи. Их создателей интересовали совсем другие качества. Впрочем, к головам солдат были прикреплены маленькие красные коробочки — по всей видимости, какие-то средства связи. Один из гигантов неуклюже копошился в своей коробочке. Ланнинг поднял импровизированную дубину и размахнулся, намереваясь разбить проклятый прибор. Но отвратительная тварь перекусила винтовку пополам. А сверху уже опускался огромный золотой топор... В последний момент Ланнинг успел парировать удар оставшимся у него в руке обрубленным дулом. Удар пришелся плашмя. В глазах у молодого человека потемнело, и он рухнул на пол.

Несмотря на пульсирующую в виске адскую боль, Ланнинг почему-то не потерял сознания. Он лежал на полу и беспомощно смотрел, как прямо у его лица топают огромные ноги, оставляя

в светящейся слизи отчетливые следы. В ноздри ударил резкий запах муравьиной кислоты — такой сильный, что перешибал даже тюремное зловоние. Монстры сражались молча, но их твердые панцири щелкали и потрескивали при движении.

Люди Ланнинга набросились на врагов со штыками, однако преимущество внезапности уже было потеряно, а четырехрукие противники были вдвое выше любого из них.

— Vive Джонбар! — выдохнул Кресто, сильным ударом снося голову ближайшему стражнику. Он не учел лишь того, что имеет дело с насекомым. Огромная тварь прожила еще несколько мгновений и успела нанести ответный удар. Золотой топор раскроил испанцу череп.

— Por Dios...

Бедняга рухнул на труп поверженного врага, силой своего веса вонзая штык в бронированную грудь. Эмиль Шорн в это время с такой силой ударил штыком одного из двух оставшихся стражников, что тот упал навзничь и больше не двигался. Последнего противника зарубил Барри Халлоран. Схватка закончилась.

Барри помог Ланнингу подняться. Тот пошатнулся, но устоял. Кортни-Фарр вытащил из

кармана фляжку бренди, обжигающей жидкостью протер командиру виски, дал глотнуть. В голове у Ланнинга немного прояснилось. Он поднял винтовку упавшего Кресто и двинулся вперед, вслед за Эмилем Шорном.

И почти сразу натолкнулся на выставленную в предупреждающем жесте руку. Проход впереди был перегорожен массивной решеткой, из-за которой пробивался зеленоватый свет. Ланнинг с Шорном тихонько подкрались поближе и заглянули сквозь прутья.

Комната за решеткой была полна стражников. Их было не меньше дюжины. Едкий запах пропитал все вокруг. Большинство монстров сидели за длинным столом, посасывая губки с какой-то красноватой жидкостью. Четверо полировали друг другу панцири. Еще несколько чистили красные короткие ружья и точили топоры. Один стоял на коленях в темном углу, будто молил бога вернуть ему утраченный человеческий облик.

— Бесшумно тут не пройти, — шепнул Ланнинг на ухо Шорну. — Пробиваемся с боем.

Он вставил в замочную скважину хрупкий костяной ключ. Айзек Эндерс и Кортни-Фарр уже установили пулемет, просунув ствол между прутьями решетки. Замок тихонько щелкнул.

Ланнинг кивнул Шорну и осторожно толкнул массивную дверь.

Первым их заметил самый дальний стражник, молившийся в темном углу. Блеснули фасеточные глаза, и мутант вскочил на ноги — молитва так и не сделала его похожим на человека. В комнате повисла грозная тишина.

— Пора! — крикнул Ланнинг. — Вперед, друзья!

— Allons! — подхватил Жан Керар. — Мы с вами, топ capitane!

Сзади застучал пулемет. Комната наполнилась сизым дымом. Ланнинг резко толкнул дверь, и они с Шорном, Кераром и Барри помчались, петляя, к противоположной двери.

Но монстры Зораны были удивительно живу-

чи. Несмотря на многочисленные раны, они как будто и не собирались умирать. Под пулеметным огнем человеко-муравьи похватали оружие и разделились на две группы — по одной на каждую дверь. Эндерс с пулеметом оказался в относительной безопасности — прикрывая товарища, Кортни-Фарр снова захлопнул тяжелую решетчатую дверь и встал на страже у замка. Монстры по ту сторону двери наконец-то начали валиться один за другим.

А вот защитникам второй двери повезло меньше. Ланнинг и его друзья встречали нападавших винтовочным огнем и ручными гранатами. Двое из семи стражников были разорваны в клочья, третий покалечен. Но четверо продолжали идти вперед, прямо на штыки. Калека пополз назад, подобрал свое странное неуклюжее ружье и успел выстрелить, прежде чем пулеметный огонь поверг его на землю.

Жан Керар зашатался и схватился за грудь. Колени его дрожали, из раны хлестала кровь, но Жан все же сумел опереться на винтовку и выставить штык так, чтобы один из нападавших наткнулся на него.

— Allons! Джонбар!

И отважный француз упал мертвым рядом с

поверженным противником.

Ланнинг трижды выстрелил в голову одному из стражников и добил его ударом штыка в грудь. Шорн разделался еще с одним монстром. Но третий выбил винтовку из рук Барри Халлорана, ударом лапы отбросил его в сторону и ринулся к двери. Ланнинг перезарядил винтовку и выстрелил, однако гигантский муравей все-таки удрал от него, с немыслимой скоростью перебирая всеми шестью конечностями.

Барри Халлоран, шатаясь, поднялся на ноги. Рубашка его была порвана, алая кровоточащая царапина тянулась наискосок через всю грудь — следы жесткой лапы монстра.

— Прости, Денни. Я пытался его удержать.

— Все хорошо, парень, — откликнулся Ланнинг и побежал обратно к дальней двери, чтобы впустить в комнату Кортни-Фарра и Эндерса с пулеметом.

Но где-то впереди уже гудел гонг, гулким эхом отдаваясь под сводами высоких залов. Тревога! Тревога! Тревога!

Глава одиннадцатая. Алмазный трон Зораны

Пятеро уцелевших — Ланнинг, Эндерс, Шорн, Халлоран и Кортни-Фарр — поднялись по длинной винтовой лестнице и оказались у маленькой дверцы, ведущей в тронный зал Зораны. Именно тут и находился сигнальный гонг.

Зал был огромным. Вдоль алых стен высились черные квадратные колонны и исполинские статуи из чистого золота, судя по всему посвященные воинственным предкам Зораны. Все они были вооружены и закованы в броню.

Тусклый свет отражался от красных стен и потолка, приобретая при этом какой-то зловещий оттенок. Алым поблескивал и голый каменный пол. А по ту сторону зала высился прозрачный, искрящийся столб холодного пламени — тот самый алмазный трон, который Зорана столь коварно предлагала Маклану, а затем и Ланнингу.

За троном на массивной цепи висел сигнальный гонг — алый металлический диск диаметром в добрых сорок футов. Рядом с гонгом копошились две маленькие фигурки — зал был таким огромным, что даже монстры Зораны казались в

нем карликами. Целая армия таких «карликов» — не менее тридцати тварей — уже бежала через зал к людям.

— Быстрей! — скомандовал Ланнинг. — «Максим»! — И бросился устанавливать пулемет, на ходу объясняя Шорну: — Мы должны пройти через этот зал и вернуться. За троном — дверь в апартаменты Зораны. Люк, ведущий в сокровищницу, находится в ее спальне, за кроватью.

— Проклятые твари! — бормотал Айзек Эндерс, заряжая в пулемет новую ленту. Лицо его было застывшим, как маска. — Убили моего брата!

И пулемет Эндерса изрыгнул пламя, сея смерть в рядах человекообразных муравьев. Кортни-Фарр и Барри Халлоран поддержали его винтовочным огнем, а Ланнинг и Шорн принялись метать в монстров ручные гранаты.

Монстры тоже открыли огонь. Их короткие крупнокалиберные ружья были однозарядными и поражали лишь на небольшом расстоянии. Большая часть пуль пролетела даже мимо двери и попала в стену. Но одна поразила Айзека Эндерса в самую середину лба.

Канадец пошатнулся и рухнул, раскинув руки, прямо на горячий металл «максима». На лице его застыло странное удивленное выражение.

— Израэль! — пробормотал Айзек и застыл неподвижно.

Кортни-Фарр отпихнул неподвижное тело и сам занял место пулеметчика.

Ланнинг подумал, что стражники почему-то безумно медленно бегут. Вероятно, в бою, когда время так насыщено событиями, паузы всегда кажутся долгими. Во всяком случае, он успел отдышаться после тюремного зловония. Интересно, как они все-таки попадут в сокровищницу — без ключа, без шифра? И скоро ли вернется Зорана — не может быть, чтобы она не слышала тревоги.

Несколько изрешеченных пулями стражников свалились под ноги своим молчаливым товарищам. Еще нескольких разорвало на части взрывом гранаты. Но даже оставшихся врагов все еще было слишком много. И они неумолимо приближались.

Отряд Ланнинга — четыре человека — выстроился у двери. Громко строчил пулемет. Шорн швырнул врагам под ноги последнюю гранату. Ланнинг решил оставить пару фанат про запас. Он поднял винтовку и приготовился защищать пулеметчика.

Еще три мутанта споткнулись и рухнули ничком, остальные смертоносным валом катились

вперед. В тусклом свете блестели хитиновые панцири, яростно сверкали странные фасеточные глаза. Огромные черные муравьи почти совсем не походили на людей, а то немногое, что в них осталось человеческого, делало их еще ужаснее.

У Ланнинга кончились патроны. Он штыком распорол грудь одному из нападавших. Но золотистый топор другого вышиб винтовку из рук командира, а пуля, выпущенная третьим, ударила его в плечо, с силой отшвырнув к стене.

Правая рука Ланнинга повисла беспомощной плетью. Опустившись на колени, он левой рукой вытащил из-за пояса люггер и выпускал пулю за пулей в едко пахнувших монстров.

Черные лапы выхватили винтовку из рук Шорна, а его самого швырнули под ноги напиравшим стражникам. «Максим» твари попросту затоптали. В наступившей тишине было отчетливо слышно, как треснул в чудовищных жвалах череп Кортни-Фарра.

— Бей их! — завопил Барри Халлоран. — Бей! — Опустив штык, он бросился на двух чудовищ, загораживавших путь к «максиму».

Ланнинг отшвырнул опустевший люггер и поднял с пола винтовку. В бой вступила вторая шеренга атакующих. Если бы продержаться до-

статочно долго, чтобы дать Барри возможность дойти до пулемета...

Парализованная рука снова стала действовать, и Ланнинг придумал свой метод борьбы с гигантами. Резким выпадом он пробивал монстру грудной панцирь, а потом изо всех сил дергал штыком направо и налево, стараясь повредить как можно больше жизненно важных органов.

Желтые топоры нападавших со свистом рассекали воздух. Однако теперь проход был забаррикадирован трупами их товарищей, а пол стал скользким от крови и едкой слизи. Даже цепкие муравьиные лапы постоянно скользили в этих лужах. Ланнинг уклонялся и наносил удары, снова уклонялся и снова бил...

Позади него Барри прикончил одного из своих противников, обломал штык о твердую броню второго и разрядил в него свой люггер. Но мерзкая тварь успела ударить рыжеволосого гиганта золотым топором. Удар, хотя и пришелся плашмя, был слишком сильным. Барри упал, и огромная тварь рухнула на него сверху.

Ланнинг остался один против целой орды. Он рубил и колол, уворачиваясь от страшных ударов. Еще один вражеский труп лег на страшную баррикаду. Второй... Третий... И тут он сам

поскользнулся в зловонной луже. Огромные челюсти сомкнулись на штыке винтовки, дернулись, откусили... Ланнинг попытался перехватить винтовку за ствол и орудовать ей, как дубинкой, но монстры выхватили оружие у него из рук. В следующую секунду импровизированная дубина обрушилась на череп самого Ланнинга. Ноги молодого человека подкосились, из груди вырвался стон:

— Летони... Я пытался...

Победившие монстры уже взбирались на баррикаду, без разбора наступая на своих и чужих мертвецов. Ланнинг хотел приподняться, но не смог. Джонбар обречен. А его самого ждет подземная тюрьма Зораны...

И тут внезапно ожил давно замолчавший пулемет. Сначала Ланнинг даже подумал, что бредит, но потом ему на ноги свалился изрешеченный пулями монстр. Ланнинг заставил себя повернуть голову и увидел Эмиля Шорна.

Обнаженный торс могучего пруссака был красным от крови — его собственной крови, струившейся из многочисленных ран. Он пошатывался, однако стоял на ногах, и голубые глаза его сияли.

— Heil, Джонбар! — во всю глотку ревел Шорн.

— Heil, Валгалла!

«Максим» он держал на весу, как простую винтовку. Это было подвигом даже для такого гиганта, как Шорн. Воины Зораны бросились к нему, и он шагнул им на встречу, продолжая стрелять. Твердые панцири трескались, как ореховые скорлупки. Но когда по эту сторону баррикады уже не оставалось ни одного живого монстра, из-за нагромождения трупов вылетел золотой топор и вонзился в обнаженную грудь Шорна. Кровь хлынула фонтаном. И все равно могучий германец устоял на ногах. Он стрелял до тех пор, пока не упал последний гигант, и только после этого выронил горячий пулемет, окинул побоище последним взглядом и проревел:

— Джонбар! Ах, Тор!

И рухнул, как подкошенный, прямо на раскаленный «максим».

В алом замке Зораны снова наступила тишина — только подрагивал слегка потревоженный сигнальный гонг. Неподвижные колоссы в золотых доспехах горделиво озирали поле битвы.

Изрядно потрепанный, но все еще живой, Ланнинг застонал и попытался спихнуть со своих ног тело придавившего их гиганта. Теперь, когда путь к сокровищнице Зораны был свободен, он снова

рвался вперед. Надо успеть попасть туда и вернуться, пока путь к отступлению не перекрыт...

Однако первым на ноги вскочил Барри Халлоран. Ланнинг был уверен, что Барри погиб, раздавленный телом рухнувшего на него монстра. В первый момент он ушам своим не поверил, когда услышал знакомое:

— Бей их! Бей!

— Барри!

Рыжеволосый гигант пробрался через завал трупов и помог Ланнингу оттащить придавившее ноги тело. Ланнинг с трудом сел. Боль была такой сильной, что он едва сознавал, что происходит, и очнулся, лишь когда Барри поднес к его губам фляжку Кортни-Фарра и заставил проглотить обжигающую жидкость.

— Так лучше, парень?

Ланнинг, пошатываясь, встал. Голова шла кругом, затылок разламывался от адской боли, перед глазами все плыло. Казалось, будто золотые статуи кружатся на своих постаментах и бегут вперед — защищать алмазный трон своей династии.

— Идем, — услышал Ланнинг свой собственный хриплый голос. — Надо успеть, пока не вернулась Зорана. Взять эту штуку... Вернуться на корабль...

Я сохранил две фанаты... Хватит, чтобы открыть дверь в сокровищницу.

Барри Халлоран подобрал обе фанаты и пошел было за «максимом», но Ланнинг остановил его — патроны все равно кончились. Тогда Барри подобрал с пола винтовку, и оба они, спотыкаясь, побежали к алмазному трону.

Путь через малиновый зал казался бесконечным. Но вот наконец все золотые статуи и черные колонны остались позади. Друзья осторожно обошли сияющий трон. Там, за гонгом, все еще продолжавшим гудеть, за плотной черной портьерой находилась дверь в личные апартаменты Зораны.

Барри отодвинул тяжелую портьеру, и они с Даннингом попали в королевские покои. Разглядывать роскошное убранство им было некогда, но даже на бегу Ланнинг не мог не заметить бесчисленные хрустальные зеркала в рамах из золота и слоновой кости. Под балдахином из затканного драгоценными камнями шелка стояла кровать Зораны, вырезанная из офомного сапфира, — еще один трон варварской империи.

Ланнинг приподнял край толстого ворсистого ковра. В полу, как он и ожидал, обнаружился квадратный люк, в центре которого выделялся

еще один маленький квадратик, прикрывавший замок. Барри Халлоран отодрал его штыком, открыв продолговатую замочную скважину. Ланнинг отвинтил от своих гранат детонаторы и высыпал порох в отверстие для ключа. Когда весь порох просыпался внутрь, он засунул туда же один из детонаторов так, чтобы взрыватель остался снаружи. Барри приволок огромный металлический сундук и поставил его на люк, чтобы защититься от взрыва. Отскочив подальше, Ланнинг поднял винтовку и выстрелил в торчащий взрыватель.

Пол под ногами содрогнулся. Обломки сундука взлетели до самого потолка, а содержимое его осыпало спальню драгоценным ливнем. Ланнинг и Барри вернулись к люку и увидели вместо замка зияющую в полу дыру с рваными металлическими краями. Ланнинг запустил в нее руку, пощелкал какими-то переключателями, и закрывавшая люк плита стала медленно опускаться. Поколебавшись секунду, Барри и Ланнинг шагнули в этот странный лифт и поехали вниз, туда, где Зорана хранила свои богатства.

Сокровищница была огромной и темной — ни единого окна, но лифт, опускаясь, включил систему скрытого освещения... Сверкали груды

серебряных и золотых слитков, таинственно мерцали невероятных размеров закрытые металлические сундуки, ярким пламенем полыхали горы синтетических кристаллов — сапфиров, изумрудов, рубинов, алмазов. С ними соседствовали статуи и картины, загадочные приборы и древние книги — все, что накопили за многие века правители Гирончи. Но удивительнее всего были огромные хрустальные глыбы, внутри которых, словно мухи в янтаре, покоились оригиналы золотых статуй из тронного зала. Это была не только сокровищница, но и усыпальница!

— Бог ты мой! — пробормотал Барри Халлоран. — Неплохие налоги собирает старушка Зорана! Царь Мидас позеленел бы от зависти!

Ланнинг побледнел.

— Однажды я видел, как Зорана собирает налоги, — прошептал он.

Платформа, на которой стояли друзья, коснулась пола.

— Мы ищем маленький черный брусок, — торопливо напомнил Ланнинг. — Что-то, покрытое черным цементом, непроницаемым для нашего сканирующего луча.

Молодой человек вздрогнул и поднял голову, чтобы посмотреть на люк. Интересно, как чув-

ствуют себя звери, попавшие в ловушку?

— Надо торопиться. Мы здесь уже давно, а этот гонг и мертвого разбудит. Еще немного, и сюда вернется Зорана — с подкреплением.

Закипела работа. В поисках черного кирпичика они с Барри вскрывали сундуки и вытряхивали на пол монеты и шелка, меха и драгоценные камни. В конце концов Барри обнаружил черный брусок в разбитом горшке, будто бы случайно заброшенном в самый темный угол.

— Вот оно! — воскликнул Ланнинг. — Давай выбираться отсюда!

Они взобрались обратно на платформу, Ланнинг нажал кнопку, и лифт медленно поехал вверх. Барри Халлоран протянул Ланнингу тяжелый черный брусок. Руки его тряслись от волнения.

— Что это может быть?

— Не знаю, — пожал плечами Ланнинг и вдруг насторожился. — Ты слышишь?

Они уже почти поднялись. Где-то вдали, похоже, лязгнула металлическая дверь. Потом раздались шаги, звон оружия и рассерженный женский голос...

— Зорана! — в ужасе пробормотал Ланнинг. — Вернулась!

Ждать, пока лифт остановится, не было времени. Ланнинг и Барри выпрыгнули из ямы на пол и помчались мимо сияющих зеркал обратно в тронный зал. Вот и черные портьеры. Вот алмазный трон и все еще дрожащий гонг перед ним. Вот зал с золотыми колоссами... Ланнинг замер в оцепенении прямо под гудящим гонгом.

В дальнюю дверь вваливалась новая армия солдат-муравьев. А возглавляла их крошечная алая фигурка в черном, увенчанном перьями шлеме. Сама Зорана Воительница.

Ланнинг обернулся, взглянул на побледневшее лицо Барри Халлорана и медленно покачал головой.

— Выход отрезан, — прошептал он. — Теперь нам не уйти...

Глава двенадцатая. Тайна черного бруска

Пальцы Ланнинга стиснули тяжелый черный брусок — краеугольный камень Джонбара.

— Ладно! — выдохнул он. — По крайней мере, нам хватит времени на то, чтобы убить ее!

Но не успел Барри поднять винтовку, как Ланнинг уже пожалел о своих словах. Зорана была так прекрасна!.. Денни прикусил губу. Больше всего на свете ему хотелось сейчас ударить по стволу, предотвратить гибель королевы. Но он слишком хорошо знал, что за дьявол скрывается под этим очаровательным обличьем.

Прогремел выстрел. Ланнинг с ужасом смотрел на королеву Гирончи, ожидая, что сейчас она упадет. Но вместо этого рухнул один из монстров, молотя воздух страшными черными лапами.

— Я целился в нее, — пробормотал Халлоран. — Нас все равно убьют... А она так красива!

Ланнинг пошатнулся от нового приступа боли в затылке. Он попытался придумать хоть какой-нибудь выход, но не смог. На корабль им уже не попасть. А в ушах продолжал звучать шепот Уила Маклана: «Несмотря ни на что, я не смогу убить

Зорану. А ты, Денни?»

Но уничтожить ее необходимо. Так сказал Маклан. А Летони еще давным-давно говорила Ланнингу, что он должен выбрать одну из них двоих и тем самым обречь на гибель вторую.

Трясущимися руками Ланнинг потянулся за винтовкой:

— Дай мне...

Сухо щелкнул затвор, однако выстрела не последовало — кончились патроны. Халлоран отшвырнул бесполезное оружие и сложил на груди обагренные кровью руки, ожидая развязки.

— Я не сдамся! — пробормотал Ланнинг и потянул руку к винтовке.

Но Зорана уже подняла свой золотой меч, который на поверку оказался больше, чем просто мечом. Винтовка вспыхнула ярким голубым пламенем и расплавилась, Ланнинг едва успел отдернуть обожженную руку. И тут он услышал мелодичный голос Зораны:

— Итак, Денни Ланнинг, ты предпочел мои темницы алмазному трону?

Ланнинг удивленно заморгал. Зорана и ее солдаты были уже на полпути к обессиленным друзьям. В прорезях черного шлема различались лицо королевы и сверкающие от ярости зеленые

глаза...

И вдруг перед нападающими появилась какая-то серебристая тень.

Тень сгущалась, приобретая знакомые очертания. Ланнинг потряс головой. В сердце его внезапно вспыхнула надежда. Прямо перед ними из ниоткуда возник «Хроно»!

Корабль приземлился возле алмазного трона. Огромные диски на его носу и корме все еще излучали странное зеленоватое сияние. На палубе Лао Меньшан развернул «максим» в сторону армии Зораны... Но в следующее мгновение он уже, чертыхаясь, вынимал затвор — механизм заклинило.

Уил Маклан отчаянно махал руками оцепеневшим друзьям. Очнувшись, Ланнинг схватил Барри за руку и помчался к кораблю.

Зорана взмахнула мечом и с боевым кличем повела свою армию вперед. Пули, выпущенные из коротких ружей, забарабанили по палубе «Хроно». Уил Маклан навел свое хрустальное орудие, и желтый луч потащил Барри и Ланнинга к фальшборту. Еще на бегу Ланнинг успел заметить одинокую фигуру ослепшего Вилли Рэнда. Но когда они с Барри перевалились через борт, на палубе никого, кроме Шана, не было. Маленький

китаец все еще возился с бесполезным «максимом». Рэнд пропал.

— Гляди, Денни! — воскликнул вдруг Халлоран хриплым от ужаса и восхищения голосом. — Проклятый слепой идиот!

Он показывал куда-то в сторону армии Зораны. Ланнинг повернулся и увидел Вилли Рэнда. Сжимая в руках свою сломанную винтовку, отважный летчик бежал, спотыкаясь, навстречу врагам. Блестел в алом свете остро отточенный штык.

Даже черные воины остановились, пораженные этим зрелищем. Однако крик Зораны вывел их из оцепенения. Прогремел залп. Отважный одиночка пошатнулся, но продолжал бежать.

Ланнинг рванулся к переговорной трубе:

— Уил! Мы можем помочь ему?

— Нет, — покачал головой Маклан. — Именно этого он и хотел. Его подвиг совершенно бесполезен — но это подвиг!

Сама Зорана и та остановилась. Золотое острие ее меча сверкнуло голубым пламенем, одежда Рэнда задымилась... И тем не менее он упрямо шел вперед, прямо на золотые топоры стражников. Ланнинг опустился на колени, чтобы помочь Шану разобраться с заевшим пулеметом. Но Рэнд уже дошел до своей цели. Острый штык пробил

черный панцирь одного из гигантов. Поднялись и упали золотые топоры...

Тут Уил Маклан на мостике повернул штурвал, и тронный зал Зораны исчез, сменившись знакомым голубым мерцанием.

Ланнинг поспешил наверх. Он проскочил мимо дежурившего у хрустального орудия Даффи Кларка и снова, в который раз, оказался под хрустальным куполом рядом со старым ученым.

Калека нетерпеливо схватил его за руку:

— Ну? Ты принес?..

— Да. Но как ты сумел подобрать нас? И где Баринин?

— Нас обнаружили, там, на гребне, — прошептал Маклан. — И выстрелили со стены лучом гирайн. Баринина испепелило на месте. — Маклан содрогнулся. — Пришлось спасаться бегством. Я отправился в будущее, чтобы избежать встречи с их кораблем. Поначалу я боялся материализовывать «Хроно» внутри крепости — слишком велика опасность столкновения с каким-нибудь твердым телом. Но ничего другого не оставалось, так что пришлось рискнуть. К счастью, нам повезло.

Тыльной стороной руки Маклан отер пот со лба.

— Тронный зал — самое большое помещение во всей крепости. Я взял свои старые планы, сопоставил их с руинами, которые видел в хроноскопе, и примерно вычислил местоположение зала. Так мы смогли вас вытащить. Но где же то, что ты нашел?

Ланнинг протянул капитану тусклый черный кирпичик.

— Надо открыть его, — прошептал Маклан. — Нам еще предстоит выяснить, в какой точке пространства-времени Зорана это взяла, а потом вернуть на место.

Денни оторвал взгляд от маленького бруска, от которого зависело само существование Джонбара.

— Уил, как ты думаешь... За нами будет погоня?

— Конечно, — ответил Маклан. — А как же! Для Гирончи это вопрос жизни и смерти. А хронокорабль у них есть. Так что, если на нас не нападут по дороге, будь готов встретить засаду в конце путешествия. Они ведь, в отличие от нас, знают, куда лететь.

Маклан вернул брусок молодому человеку:

— Попробуй открыть его, Денни.

Брусок оказался твердым, как стекло. Ланнинг

сломал свой перочинный нож, понял, что подручными средствами не обойтись, и спустился на палубу. В конце концов брусок удалось вскрыть с помощью ножовки, зубила и кувалды. Внутри этот твердый толстостенный ящичек был плотно набит белым упаковочным материалом. Дрожащими руками Ланнинг развернул его и вынул... кусок ржавого железа.

Прямо скажем, он ожидал увидеть что-нибудь более эффектное — важный документ, изменивший судьбу человечества, или, на худой конец, оружие, из которого мог быть застрелен какой-нибудь враг прогресса. Разочарованный, Ланнинг поднялся наверх, к Уилу Маклану.

— Просто ржавая железка, — объявил он. — Судя по форме, старый заржавевший магнит. Сколько же жизней мы отдали, чтобы завладеть этой дрянью!

— Не важно, что это за предмет, — прошептал в ответ Маклан. — Важно его место в истории. Когда Зорана вытащила «железку» с ее места в пространстве-времени, геодезическая Джонбара исчезла. А теперь с помощью хроноскопа я попробую определить, где это место. Мы должны восстановить естественный порядок вещей — если только Зорана нам позволит. — Он озабоченно

взглянул на Ланнинга и добавил: — Да ты ранен, Денни!

Ланнинг с ног валился от усталости. Молодой человек давно уже притерпелся и просто не обращал внимания на боль в затылке, считая это явление заурядным и неинтересным. И теперь страшно удивился, когда стены башни вдруг покачнулись. Он потерял сознание и медленно осел на пол.

Глава тринадцатая. Семя будущего

Ланнинг проснулся с забинтованной головой в знакомой зеленой палате маленького госпиталя. С соседней койки дружелюбно ухмылялся Барри Халлоран.

Дверь отворилась, и вошел Даффи Кларк с подносом в руках.

— Где Маклан?

У Даффи был характерный выговор кокни.

— Кэп все смотрит в свои хреновины, ищет, где она с ее распроклятыми мурашами могла свистнуть тот магнит.

— И как, успешно? — спросил Ланнинг.

— Пока никак, сэр, — покачал головой Кларк. — Такая уйма мест, где оно могло бы лежать... А эта баба со своим распроклятым жрецом гонится за нами на черном корабле, доверху набитом чертовыми мурашами!

— Но мы же летим быстрее, — вмешался Барри Халлоран. — Им нас не догнать!

Даффи снова покачал головой:

— Мы уж и так идем на всех парах. А эти все равно висят у нас на хвосте.

Ланнинг немного поел и снова впал в забытье.

Корабельное время шло, а он спал и спал, прикованный к койке свинцовой усталостью. Разбудил его необычный звук — к ровному гудению двигателей прибавилось стрекотание «максима».

Ланнинг и Барри вскочили и бросились на палубу. Когда они добрались туда, стрельба уже стихла, и «Хроно» снова плыл в мерцающей голубой мгле. Но возле пулемета лежало дымящееся тело Даффи Кларка — луч гирайн наполовину сжег маленького кокни. Ланнинг содрогнулся.

— Они нас догнали, — хрипло прошептал Маклан, когда Ланнинг добрался наконец до рубки. — И это не в последний раз. Конвертер перегружен. Двигатель не может дать полной мощности. А с гибелью Кларка нас осталось всего четверо.

— Ты что-нибудь обнаружил?

Маклан кивнул, и Ланнинг затаил дыхание.

— Относительно времени я и раньше догадывался, — прошептал ученый, — Августовское утро тысяча девятьсот двадцать первого года. Именно туда вела последняя геодезическая Джонбара. Но теперь мне удалось установить и место события.

Ланнинг крепко схватил его за руку:

— Где же оно?

— В Озарке, — ответил Маклан, — В Арканзасе. Маленькая такая долина. Сейчас я покажу тебе

решающую сцену.

Он проковылял к металлической тумбе хроноскопа, пощелкал рычажками, и прозрачный кристалл засветился зеленоватым светом. Ланнинг заглянул в распахнувшееся перед ним окно.

Он увидел окруженную низкими холмами полуразрушенную ферму. Покосившаяся некрашеная лачуга, разбитые окна, пятна ржавого железа на крыше — все указывало на то, что дом этот давно никто не ремонтировал. Даже пастбище на склоне холма заросло жестким кустарником. Веснушчатый мальчишка в линялом комбинезоне и драной соломенной шляпе гнал вниз по склону двух тощих пятнистых коров. Рядом бежала поджарая рыжая собака.

— Смотри внимательно, — прошептал Маклан.

И Ланнинг смотрел. Мальчишка остановился понаблюдать, как пес разрывает кроличью нору. Присел на корточки у муравейника и долго рассматривал муравьев. Погнался за бабочкой, поймал ее и аккуратно вскрыл сломанным перочинным ножиком. Но вот из дома вышла неряшливо одетая женщина. Мальчишка неохотно погнал коров вниз, навстречу ее крикам.

Искалеченные пальцы Уила Маклана сомкну-

лись на запястье Ланнинга.

— Сейчас!

У однбго из кустиков сумаха мальчик остановился и поднял что-то с земли. Ланнинг не успел разглядеть, что это было, — Маклан щелкнул переключателем, и изображение исчезло.

— Ну и? — удивленно спросил Ланнинг. — Какое все это имеет отношение к Джонбару?

— Мальчишку зовут Джон Барр, — прошептал в ответ капитан. — Город будущего, в котором мы с тобой побывали, носит — точнее, должен носить — его имя. Сейчас, в тысяча девятьсот двадцать первом, Джон Барр всего лишь босоногий двенадцатилетний мальчишка, сын обнищавшего фермера. Но ты только что видел событие, которое может изменить его судьбу и вместе с ней судьбу всего человечества.

— Не понимаю!

— В этой точке расходятся две геодезические. Будущее зависит от того, что поднимет с земли маленький Джон Барр — магнит, который ты отнял у Зораны, или цветной камушек, лежащий неподалеку. Выбор определяет, каким человеком станет взрослый Джон Барр, какой из двух сценариев осуществится. Зорана решила попросту лишить мальчика выбора, убрав магнит.

— Обычная ржавая железка, — пробормотал Ланнинг.

— Нет, семя, из которого прорастет Джонбар, — возразил Маклан. — Если мальчик поднимет магнит, то обнаружит его чудесные свойства: магнит притягивает лезвие его ножа, пытается развернуться полюсом к северу... Юный Джон Барр начнет придумывать объяснения этому феномену, начнет экспериментировать, чтобы подтвердить свои предположения. В нем проснется ученый.

В школе он будет брать у учителя книги для самостоятельного изучения. А потом и вовсе покинет ферму, сбежит от тирана отца, презирающего «все энти книженции», поступит в колледж, окончит его и станет сельским учителем, энтузиастом любительских опытов.

Порой жажда познания будет оставлять его, уступая место обычным жизненным интересам. Он женится, вырастит двоих детей, но потом, в пятьдесят пять, вновь сбежит от семьи — на этот раз тиранами окажутся жена и несносный пасынок — и займется исследованиями.

Этот лысый толстый человечек, непрактичный и мечтательный, долгие годы проживет совсем один в маленькой хижине в Озарке. Он будет

экономить каждый цент, чтобы потратить его на детали для своих аппаратов. Однажды случайно зашедший сосед найдет его полумертвым от голода и инфлюэнцы.

Но в тысяча девятьсот восьмидесятом году в возрасте семидесяти одного года Джон Барр опубликует результат своих исследований — великое открытие, которому суждено будет перевернуть жизнь человечества. Исследователь-одиночка откроет динатомные тензоры, сокращенно динат, — новый закон природы, связывающий законы жизни и сознания с вероятностью на уровне атомов. Принцип, позволивший мне соорудить водородный конвертер, — лишь первый неуверенный шаг на пути к открытию динат. Тензоры Барра позволили развить более совершенные технологии, полностью подчинить энергию атома человеческой воле.

Джон Барр отдаст свое открытие людям, и оно станет основой более совершенной цивилизации. Жаль только, что сам изобретатель, всю жизнь терпевший лишения ради науки, не получит от появления динат никаких материальных благ. В том же, восьмидесятом году он тихо скончается и будет похоронен на сельском кладбище в Озарке. А энергия прирученных атомов станет жизнен-

ной силой народа Джонбара.

И это еще не все. Человечество воистину воспарит на крыльях своего нового, могущественного слуги. Динат даст ему новые чувства, новые способности. Но только через много веков люди научатся использовать все возможности динат.

Шепот Маклана стал едва слышным от благоговейного восхищения.

— И тогда возникнет новая, совершенная раса. Они назовут себя динон. Дети древнего открытия Джона Барра, они будут обладать такими возможностями, которых мы даже представить себе не можем...

— Подожди! — перебил его Ланнинг. — Я же видел динон! Летони показала мне Нью-Джонбар в Кристалле Времени, когда впервые приходила ко мне. Боже, как давно это было... Город зеленых холмов и сверкающих башен. А над ним, в вышине, парили люди в одеждах из чистого пламени!

Уил Маклан торжественно кивнул, подтверждая слова друга. Глаза его сияли.

— Я тоже видел Нью-Джонбар. Видел я и то, что случилось потом, — триумфальное шествие динон по всей Вселенной, от звезды к звезде. В этом направлении истории человечества никогда не

будет конца. В противном случае...

Маклан покачал седой головой и умолк. Под хрустальным куполом рубки воцарилась тишина. Слышно было лишь тихое гудение двигателей, несущих корабль вперед, по направлению к Озарку и сцене, только что разыгравшейся перед глазами Ланнинга на экране хроноскопа. На палубе Лао Меньшан возился с испорченным пулеметом. Барри Халлоран стоял у борта с винтовкой в руках, напряженно вглядываясь в мерцающую мглу. Наконец Маклан вздохнул и снова заговорил:

— Если мы не сможем вернуть магнит на место, если юный Джон Барр поднимет цветной камешек, то законы вероятности заставят историю человечества повернуть в сторону Гирончи. Мальчишка подбросит камешек на ладони и использует его как снаряд для пращи, чтобы убить певчую птичку. Искра, зажегшая в груди первого Джона Барра огонь научного любопытства, на этот раз так и не вспыхнет. Конечно, он останется любознательным, но не более того.

Этот Джон Барр тоже сбежит из дома, однако будет всего лишь сезонным рабочим, одним из тысяч. Он женится на той же самой женщине, воспитает тех же двоих детей и бросит их. Ин-

терес к проблемам вероятности заставит Барра изобрести новый игровой автомат, на котором он наживет целое состояние и потеряет его. Второй Джон Барр тоже умрет в восьмидесятом году, таким же нищим, как и первый, и будет похоронен на том же сельском кладбище.

А тайну мысленного высвобождения атомной энергии откроет через девять лет совсем другой человек. Айвор Гирос, ссыльный инженер из Советской Евразии, не сумеет в полной мере повторить открытие Джона Барра. Вместе с помощником, буддийским монахом-ренегатом, Гирос использует новую силу — гирайн — против своих многочисленных врагов. Разумеется, эти «ученые» не опубликуют результаты открытий. Вместо этого они создадут новую темную религию и станут основателями империи, главной силой которой будет тайна гирайн. Так появятся на свет династия монархов-деспотов и ее последняя представительница, Зорана. Ты видел конец этого мира.

— Да, видел.

Ланнинг содрогнулся, представив себе мир, сожженный дотла в последней войне между жрецами и императорами, между гирайн и ее кошмарными порождениями. На пустой планете

буйствуют джунгли, скрывая под зеленым покровом ржавые обломки алой цитадели и черные развалины храма... Денни изо всей силы вцепился в спасительный железный брусочек.

— Значит, — сказал он, — мы должны только положить магнит на место, туда, где его сможет найти Джон Барр?

— Да, — кивнул Маклан. — Только и всего!

И тут застучал пулемет. Застигнутый врасплох Ланнинг чуть не выронил магнит. Белый от ужаса Маклан негнущейся рукой указывал куда-то ему за спину. Молодой человек обернулся и увидел безобразную черную тень корабля Гирончи.

— Догнали! — прохрипел Маклан. — Конвертер отказывает!

И он бросился к штурвалу.

Но сквозь прозрачный колпак Ланнинг прекрасно видел, как два корабля соприкоснулись и на палубу «Хроно» хлынул поток гигантских солдат-муравьев. А впереди них, размахивая золотым мечом, неслась сама Зорана.

Глава четырнадцатая. Поцелуй Зораны

Ланнинг затрепетал.

— Зорана! — выкрикнул Уил Маклан таким тоном, будто само это имя было проклятием.

Его дрожащие пальцы снова взметнулись к горлу, где на тонкой серебряной цепочке висела загадочная трубочка. Глаза калеки вспыхнули огнем ненависти, белые от шрамов губы исказились в жуткой гримасе. Или это была улыбка?..

— Почему? — тихонько выдохнул он. — За что?

— Уил! — окликнул его Ланнинг. — Нас взяли на абордаж! Мы можем уйти?

— А?

Уил Маклан уставился на мутантов с таким видом, будто видел их впервые:

— Боюсь, что нет.

Он изучил показания приборов, пощелкал какими-то рычажками и сокрушенно покачал головой:

— Нет, Денни. Конвертер и так перегружен.

Черные монстры перевалили через борт и устремились к «максиму». Лао Меньшан припал к палубе и встретил врагов градом пуль. Барри

Халлоран, улыбаясь, стоял позади со штыком наготове — рыжеволосый гигант, но, в отличие от своих противников, — человек до мозга костей.

— Бей их! — услышал Ланнинг. — Остановим гадов!

Маленький китаец, улыбаясь, продолжал стрелять.

Зорана с боевым кличем ринулась вперед, указывая золотым мечом на Уила Маклана и хрустальный купол башни. Ее зеленые глаза излучали такую ненависть, что Ланнинг содрогнулся. Дюжина воинов побежала к башне вслед за Воительницей.

— Она идет сюда! — простонал Маклан. — Ей нужен я!

Ланнинг уже спускался по лестнице.

— Я встречу ее внизу!

— Попробую оторваться от погони, — прошептал ему вслед Маклан. — Если конвертер выдержит...

Ланнинг прицепил к поясу люггер, сорвал со стены последнюю винтовку, зарядил. Потом заметил в углу ящика чудом завалявшуюся фанату, поднял ее и крепко стиснул в руке, сжав пальцами кольцо.

Дверь уже трещала под напором атакующих

— «Хроно» не был боевым кораблем и не отличался особой прочностью. Еще мгновение, и дверь рухнула, а один из черных монстров, не удержавшись, влетел в комнату.

Ланнинг встретил его штыком и швырнул гранату в дверной проем. В ноздри ему ударила едкая вонь муравьиной кислоты, в глазах защипало. Огромными жвалами тварь содрала кожу с голени Ланнинга. Но после третьего удара штыком монстр все-таки затих, и Ланнинг выскользнул на палубу.

Оказалось, что взрыв гранаты вывел из строя еще троих противников. Искалеченные черные тела валялись на палубе у двери. Однако восемь гигантов стояли целые и невредимые рядом со своей предводительницей. В зеленых глазах Зораны горело неистовое пламя. Она взмахнула золотым мечом, призывая воинов к атаке:

— Я предупреждала тебя, Денни Ланнинг! Но ты выбрал Джонбар. Так умри же!

Голос Воительницы был холоден, как лед. У Ланнинга оставалось всего несколько секунд. Он видел Барри и Шана, пытавшихся защитить пулемет от целой орды мутантов. Слышал яростные крики, которыми Барри подбадривал товарища. А позади них, за бортом, маячила черная тень

корабля Гирончи. Еще один отряд черных человеко-муравьев был готов высадиться на «Хроно». Рядом с ними виднелась тощая фигура Гларата.

Ланнинг понял, что проиграл. У них нет никаких шансов...

И тут черный корабль просто исчез, испарился вместе с Гларатом и его армией. За бортом «Хроно» снова мерцал знакомый голубой туман. Уил Маклан сумел оторваться от погони.

Но Зорана со своим отрядом осталась на борту «Хроно». «Максим» внезапно захлебнулся, и кольцо монстров сомкнулось вокруг Барри и Шана. А потом Ланнингу стало не до них, поскольку его собственные противники подступили вплотную к двери. Он уже знал, что самое эффективное оружие против черных панцирей — это обыкновенный штык. А тактику он отработал еще раньше, в тронном зале Зораны.

Выпад, режущий удар, поворот, толчок. Черный гигант зашатался и упал. За ним второй, третий... Истекающие зловонной жидкостью черные трупы перегородили проход. Устоять на скользкой палубе было нелегко. Пуля, выпущенная из красного ружья, оцарапала Ланнингу бок, золотой топор скользнул по черепу, обдирая кожу. В тот же миг кто-то огрел его прикладом,

чуть не вышибив дух. Но Ланнинг, превозмогая адскую боль, продолжал рубить и колоть.

Зорана бесновалась за спинами монстров, боевым кличем подбадривая свое воинство. Ее бледное прекрасное лицо светилось кровожадной радостью битвы. Еще один гигант рухнул, и Воительница воспользовалась этим, чтобы направить на Ланнинга острие золотого меча. Тот уже знал, что внутри золотой иглы спрятан излучатель, и успел выстрелить в Зорану из люггера. Но алые доспехи оказались крепче, чем он думал. Пуля не причинила правительнице Гирончи никакого вреда. Яркий луч едва коснулся плеча Ланнинга, и он отлетел к стене, чуть не потеряв сознание от боли. Хлопая ладонями, молодой человек потушил горящую рубашку и снова ринулся в бой.

Противников оставалось всего четверо. Удар штыком, и их стало трое. А потом двое — странно, но последнего он даже не тронул... И тут в уши ему ударил знакомый рев:

— Бей их, ребята! Бей!

И Ланнинг увидел, что битва на палубе уже закончилась. Рядом с молчащим «максимом» громоздилась огромная куча черных тел. Из-за страшной баррикады выглядывал, ухмыляясь,

Лао Меньшан, а Барри Халлоран, весь измазанный своей и чужой кровью, бежал к башне, стреляя на ходу. Монстр, свалившийся к ногам Ланнинга, был убит не штыком, а выстрелом. Барри отбросил люггер и поднял окровавленный штык.

Ланнинг пошатнулся, но удержал равновесие и, преодолевая головокружение, занялся оставшимися двумя гигантами. Выпад, удар, поворот, ложный выпад... В башню никто не пройдет.

Краешком глаза он видел, как Зорана повернулась и, насмешливо улыбаясь, шагнула навстречу Барри Халлорану. Рыжеволосый гигант поднял винтовку, готовый штыком пронзить грудь противника; «Бей!» — крикнул он уже в который раз, но вдруг замолчал и медленно опустил оружие. Выражение ярости на залитом кровью лице сменилось благоговейным восхищением.

— Боже, — прошептал он, — я не могу...

Воительница ослепительно улыбнулась, тряхнула черными перьями на шлеме и кинулась вперед. Молнией сверкнуло золотое лезвие, вонзаясь в незащищенную грудь.

Ланнинг пронзил наконец штыком панцирь одного из монстров, увернулся от удара золотого топора и снова бросился в атаку. Теперь у него

оставался только один противник.

Но глаза его были прикованы к Барри и Зоране. Воительница грациозно наклонилась над упавшим, выдернула из раны золотой клинок и обтерла его ладонью. Кровь Барри капала с изящных пальцев королевы. Злобно улыбаясь, она послала поверженному противнику воздушный поцелуй.

Фонтан темной крови хлынул из пронзенного сердца Барри. Восхищение на его лице сменилось гримасой боли и ненависти. Он потянулся за винтовкой, но ослабевшие пальцы не смогли ее удержать. Огромные, потемневшие от боли глаза уставились прямо на Ланнинга. Это был взгляд испуганного ребенка.

— Денни, — прошептал Барри Халлоран, — убей ее.

Ланнинг слишком поздно вспомнил о своем противнике. Золотой топор стремительно опускался. Единственное, что Ланнинг успевал сделать, — это завершить собственный выпад. Удар золотого лезвия пришелся плашмя, погрузив Ланнинга в пучину черной боли.

Но тело его продолжало двигаться в заученном ритме. Удар, поворот, рывок... Наконец оба врага рухнули на пол. Последнее, что успел подумать

Ланнинг перед тем, как потерять сознание, было: «Я не могу бросить Уила! Если Зорана убьет его и заберет магнит, Джонбар будет потерян навсегда».

Глава пятнадцатая. Серебряная трубочка

Ланнинг очнулся и с трудом встал. Голова отчаянно кружилась, перед глазами все плыло, в затылке пульсировала страшная боль, но он не имел права поддаваться слабости. Лао Меньшан и Барри Халлоран лежали мертвыми среди поверженных гигантов. Зораны на палубе уже не было, а голос ее доносился сверху, из башни:

— ...долго, Уил Маклан. Благодарю тебя за участие в охоте! Помнишь, когда-то я обещала тебе свой меч...

Последовал приглушенный вопль и взрыв звонкого смеха. Зорана не ведала жалости.

— Не исключено, что ты всегда мог уничтожить меня, Уил Маклан. Мог, но не хотел. Я же знаю, почему ты прилетел тогда в Гирончи! А те, что действительно пытались уничтожить меня, добились не большего успеха, чем мотыльки, силящиеся загасить пламя своими слабыми крылышками.

— Это мы еще посмотрим, Зорана, — пробормотал Ланнинг. — Я отомщу тебе за Барри...

Шатаясь и покачиваясь, он двинулся к башне.

Руки и ноги были как ватные, голова раскалывалась от боли, глаза застилала кровавая дымка. Движение затрудняла даже его собственная одежда, жесткая от засохшей крови.

Денни подобрал свою винтовку, зашел в башню и стал карабкаться вверх по лестнице в рубку. В уши снова ударил громкий голос Зораны:

— Ты глупец, Уил Маклан. Зачем ты привел ко мне всех этих людишек? Благодаря тебе мы проникли в тайны времени, а гирайн помог нам победить смерть. Сидя в раковине Времени, я осмотрела все будущее в поисках часа своей смерти. Теперь я знаю — нет такой опасности, которой я не смогла бы избежать. Пусть я последняя в своем роду — я буду править вечно!

Ланнинг выбрался на площадку и увидел Маклана, лежавшего на полу в луже крови. Калека тщетно пытался подняться, упираясь руками в пол. Глаза его, полные беспомощной ненависти, были устремлены на лицо Зораны. Серебряная трубочка, свисавшая с шеи, почти касалась поверхности темной лужи.

Зорана улыбалась. Красные капли срывались с лезвия ее обнаженного меча, оттеняя золото клинка и алый блеск облегающей кольчуги. Но вот Воительница услышала движение у себя за

спиной и повернулась, чтобы встретить врага лицом к лицу. При виде Ланнинга она явно оживилась — зеленые глаза вспыхнули ликующим блеском.

— Ба, да это Денни! Хочешь выиграть там, где все другие потерпели неудачу?

Золотистый клинок со звоном ударился о сталь штыка, так сильно, что искры полетели.

Зорана была почти такого же роста, как Ланнинг, но, в отличие от него, обладала поистине кошачьей стремительностью. Алая кольчуга облегала все изгибы ее соблазнительного тела, высокая грудь вздымалась в такт учащенному дыханию. Раздувая широкие ноздри, Зорана, как пантера, бросилась на врага.

Ланнинг парировал удар и сделал осторожный выпад. Зорана ушла в сторону. Штык лишь скользнул по алой кольчуге, а золотой клинок болезненно хлестнул Ланнинга по плечу.

Несмотря на то что оружие Ланнинга было длиннее и тяжелее золотого меча, он не мог забыть о том, что перед ним женщина. Однако помнил он и ужасный поцелуй, который она послала умирающему Барри, видел полные ненависти глаза Уила Маклана, задыхавшегося на полу в луже собственной крови, и рука его сама

наносила удар за ударом.

К сожалению, Ланнинг был еле жив после битвы с черными гигантами, а прекрасная королева Гирончи двигалась проворно, как кошка. Внезапно Денни почувствовал, что винтовка стала слишком тяжела для него. Образ Зораны перед глазами расплылся, стал серым и туманным. Впрочем, это как раз к лучшему. Теперь он, по крайней мере, не видит, как она прекрасна. Ланнинг попытался представить себе, что дерется с одним из солдат-муравьев, и мышцы сами вспомнили знакомый ритм. Выпад, удар, поворот...

Но лезвие снова скользнуло по алой кольчуге, не причинив ее хозяйке ни малейшего вреда. А Ланнинг получил еще один болезненный удар, на этот раз по предплечью.

Зорана грациозно отскочила и остановилась, как будто в насмешку опустив золотой клинок.

— Ну же, Денни! — рассмеялась она. — Ударь, если хочешь, — я все равно не умру! Я обшарила все будущее и не нашла в нем своей смерти. Меня нельзя убить!

— Посмотрим! — огрызнулся Ланнинг, тряся головой, чтобы избавиться от звона в ушах, — За Барри...

Собрав угасающие силы, он стиснул приклад

винтовки и ринулся вперед. Острие штыка было нацелено под левую грудь Зораны, прямо в сердце.

— Денни! — крикнул вдруг хриплым шепотом Уил Маклан.

Сверкнул, опускаясь, золотой меч. Голубое пламя сорвалось с кончика клинка. Ланнинг уронил раскаленную винтовку и, шатаясь, отступил назад. В рубке отчетливо запахло горелым мясом и озоном.

Ланнинг тяжело привалился к хрустальной стене купола и попытался удержаться на ногах. Даже это стоило ему неимоверных усилий. Зорана легким танцующим движением скользнула вперед. Ее бледное лицо озаряла довольная улыбка.

— Ну что, Денни? Кто из нас бессмертен?

Она выбросила вперед алую руку, целя золотым клинком противнику в сердце. Зеленые тигриные глаза сузились от удовольствия.

Ланнинг отбил удар голой рукой, едва не лишившись кисти. Боль была адская. Лезвие оцарапало ему плечо и ударилось о прозрачную стену рубки. Зорана вытерла окровавленный клинок пальцами, послала Ланнингу воздушный поцелуй и остановилась, дожидаясь с кровожад-

ной улыбкой, пока он упадет. Но Ланнинг стоял.

— Хочешь еще? — ласково спросила Зорана.

Ланнинг перевел взгляд на Уила Маклана. Точнее, попытался перевести, поскольку перед глазами все плыло и сфокусировать взгляд на чем бы то ни было оказалось неимоверно трудно. Когда ему это все же удалось, он увидел, как Уил срывает с шеи цепочку с серебряной трубочкой и швыряет ему.

— Лови, Денни! — едва слышно прошелестел Маклан. — Сломай ее! Я не могу...

Зорана почувствовала движение у себя за спиной и снова бросилась вперед, гибкая и опасная, как тигрица. Даже убивая, она была прекрасна...

Серебряный цилиндрик подкатился к ногам Ланнинга, и молодой человек в отчаянии наступил на него ногой. Почему-то он был уверен, что это уничтожит гордую красоту Воительницы...

Трубочка тихонько хрустнула, однако Ланнинг даже не взглянул себе под ноги. Он, не отрываясь, смотрел на Зорану, с ужасом понимая, что только что убил ее. Но как? Ведь он до нее даже не дотронулся...

Сверкающий клинок выпал из руки Воительницы и упал. Торжествующая улыбка сменилась болезненной гримасой. А в следующее мгновение

прекрасное лицо Зораны исчезло, превратившись в уродливую маску смерти. Бледную кожу покрывали кошмарные голубые пятна. Они становились все больше и больше и наконец исчезли вместе с лицом. Из черного шлема на Ланнинга глядел пустыми глазницами голый череп.

Зораны больше не было.

Алая кольчуга еще какую-то долю секунды сохраняла ее роскошные формы, а потом пустые доспехи упали на пол и легли там бесформенной кучей. Черный шлем, гремя, откатился в сторону.

Ланнинг хотел взглянуть на Уила Маклана, услышать объяснение тому, что произошло... Но глаза его заволокло черной пеленой, и он рухнул как подкошенный рядом с поверженной Воительницей.

Глава шестнадцатая. Встреча с судьбой

Лежа на полу в рубке, Ланнинг отчетливо слышал, как где-то внизу громко гудит двигатель. Голова разламывалась от боли, кожа стала жесткой от запекшейся крови, руки и ноги отказывались повиноваться... А вот рана на предплечье почему-то больше не болела.

— Денни? — донесся умоляющий шепот.

Значит, Уил Маклан все еще жив! И как ему удалось выжить после встречи с Зораной? Ланнинг с трудом поднялся на ноги и обнаружил, что Уил по-прежнему лежит у штурвала. Только лужа крови успела потемнеть и засохнуть.

— Уил! Что я могу сделать?

— Шприц в ящике... — прошептал Маклан. — Четыре кубика. Внутривенно...

Ланнинг, спотыкаясь, добрел до пульта управления, нашел в ящике под ним шприц и небольшую тяжелую бутылочку с надписью: «Динатомная формула. Нью- Йорк, август 1948». Жидкость в шприце светилась зеленоватым светом. Ланнинг закатал Маклану рукав, воткнул иглу в вену на сгибе локтя и нажал на крошечный поршень.

И лишь затем осмотрел рану Маклана. Она

не только не кровоточила, но даже успела затянуться — а ведь Уил был ранен всего несколько минут назад!

— Спасибо, — прошептал Маклан, — Теперь себе. Не больше двух кубиков.

Он снова вытянулся на полу и закрыл глаза. Ланнинг послушно сделал себе инъекцию и тут же ощутил небывалый прилив сил. Даже туман перед глазами развеялся. Правда, смертельная усталость никуда не делась, так же как и головная боль, однако ощущение легкости во всем теле заставляло о них забыть. Примерно так Ланнинг себя чувствовал, когда его оживили джонбарские хирурги.

Молодой человек наклонился и поднял ржавый магнит, валявшийся на полу рядом с доспехами Зораны.

— Как ты думаешь, Уил, — спросил он хрипло, — сумеем мы положить его на место?

— Попробуем, — ответил Маклан. — Если, конечно, конвертер выдержит. Но у цели нас будет поджидать Гларат со своими монстрами. А идти придется тебе одному. Я доставлю тебя на место... сам я уже ни на что не гожусь.

Скрюченные пальцы забегали по клавишам управления, и гудение двигателя стало немного

громче.

— Что произошло с Зораной? — спросил Ланнинг, хватая старика за плечо. — И что это была за трубочка? Уил, объясни мне, наконец!

Маклан обернулся и тут же обеими руками ухватился за штурвал, чтобы не упасть. В глазах его больше не было ненависти — только печаль и боль.

— В этой трубочке жизнь Зораны, — прошептал он тихо. — Все эти годы я носил ее на шее. Но так и не решился выпустить.

— Жизнь Зораны? — в ужасе переспросил Ланнинг. — Но ведь я даже не дотронулся до нее!

— Зорана думала, что бессмертна, — глухим от боли голосом продолжал Маклан. — Она не нашла смерти в будущем, но не догадалась поискать в прошлом! В тот год, когда она взошла на престол, в Гирончи свирепствовала эпидемия Синей Смерти. Создатели человеко-муравьев нечаянно породили вирус-мутант и выпустили его на волю. Вот от этой болезни и умерла Зорана.

Ланнинг глядел на него непонимающим взглядом:

— Но каким образом?..

— Когда я вырвался из подземелий Зораны, я решил уничтожить ее, — объяснил Маклан.

— Я просканировал ее прошлое и нашел, что она легко могла погибнуть в год Синей Смерти. Жрецы гирайн приготовили тогда небольшое количество антитоксина. Когда Гларат узнал, что Зорана больна, он кинулся в замок и принес ей последнюю дозу сыворотки. Так он спас королеве жизнь. Но если бы пробирка разбилась, Зорана погибла бы. И тогда я отправился в год Синей Смерти и похитил пробирку.

— Я понял! — обрадовался Ланнинг. — Тот же фокус, что и с магнитом, который Зорана похитила, чтобы уничтожить Джонбар!

— Не совсем, — возразил Маклан, — Зорана унесла магнит так далеко в альтернативное будущее, что геодезическая просто не выдержала напряжения и оборвалась, вычеркнув Джонбар из пятимерной последовательности событий.

С антитоксином ситуация немного иная. Я отнес его в прошлое Зораны. Геодезическая не исчезла, а всего лишь запуталась. Пока пробирка была цела, Зорана в принципе еще могла выжить. Ее гибель стала неизбежной лишь в тот момент, когда ты разлил жидкость.

— Но... — Ланнинг окончательно запутался. — Если Зорана умерла еще девочкой, что стало с королевой Гиронччи — с той Зораной, которая

заточила тебя в подземелье, преследовала меня и перебила весь наш легион? Получается, что ее никогда и не было?

Слабая улыбка тронула губы Маклана.

— Вспомни, Денни, мы имеем дело всего лишь с вероятностями. Новая физика лишила нас понятия абсолютной определенности. Две Зораны — мертвая и живая — принадлежат к разным вероятным реальностям, таким же, как Джонбар и Гирончи. И эти две возможности также не зафиксированы в пятимерном пространстве. Раздавив пробирку, ты просто изменил вероятностные факторы, влияющие на возможную жизнь Зораны.

Запавшие глаза калеки внезапно наполнились слезами. Не отрываясь глядел он на пустые доспехи, черный шлем и тонкий золотой меч.

— Для меня она всегда была реальной, — пробормотал он. — Слишком реальной.

— А наши раны? — спросил вдруг Ланнинг. — С ними-то что? Разве мертвая женщина могла нанести их?

— Тогда вероятность ее излечения еще не была нулевой, — прошептал Маклан. — Мы сами потратили немало атомной энергии, чтобы попасть в ее реальность. И потом, обрати внимание, как

быстро эти раны затягиваются. Они исчезают.

Он оторвался наконец от созерцания доспехов и поднял глаза на Ланнинга.

— Пойми, Денни, простая логика причинно-следственных связей никуда не делась. Просто наши примитивные трехмерные чувства не в состоянии воспринять разницу между четвертым и пятым измерениями. Вот почему мы ошибочно считаем последовательность функцией времени. На самом деле истинная последовательность событий имеет место в пятом измерении, а вовсе не во времени. И это — один из основных законов нашей Вселенной.

Калека протянул скрюченную руку и прикоснулся к магниту.

— Согласно этому высшему закону, — прошептал он, — императрица Зорана уже никогда не будет существовать. А вот выбор между Джонбаром и Гирончи еще не сделан. И все шансы пока что на стороне Гирончи.

Дрожащие пальцы стиснули руку Ланнинга.

— Близится последнее испытание. Ты, Денни, единственная надежда Джонбара. От тебя зависит само существование этой геодезической.

И он повернулся к штурвалу.

«Хроно» продолжал свой путь вдоль геоде-

зической Гирончи, пока в один прекрасный момент приборы не показали семнадцать часов сорок девять минут двенадцатого августа тысяча девятьсот двадцать первого года. Маклан дал предупредительный сигнал и, наклонившись к переговорной трубе, прошептал:

— Готовься, Денни! Нас уже ждут.

Ланнинг в алых доспехах Зораны стоял на палубе, напряженно вглядываясь в мерцающий туман. Доспехи были военной хитростью — они с Уилом надеялись, что это поможет ему выиграть несколько драгоценных секунд. На голову Ланнинг надел увенчанный черными перьями шлем Воительницы, а в правую руку взял тонкий золотой меч. К сожалению, устройство, позволявшее Зоране разить смертоносным голубым лучом, то ли сломалось, то л и разрядилось. В левой руке Ланнинг сжимал влажный от пота ржавый магнит, который следовало вернуть на законное место в пространстве и времени.

Ожидание тянулось долго. Чтобы чем-то занять голову, Денни обдумывал очередной парадокс: как бы быстро ни летел «Хроно», оставив позади корабль Гирончи, на место действия он все равно прибудет последним. Но вот гул мотора затих, и Ланнинг весь напрягся, стиснув рукоять меча.

«Хроно» вынырнул из голубого тумана в той самой заброшенной долине, которую Ланнинг уже видел в хроноскопе. Веснушчатый мальчишка в сопровождении рыжей собаки гнал вниз по склону двух тощих коров, бедно одетая женщина кричала на него из дверей ветхого дома. Все было тем же — кроме одного. Возле тропы в кустах лежал огромный черный корабль Гирончи — ни дать ни взять линкор на мели. Борта корабля ощетинились толстыми стволами гирайн-излучателей, на палубе виднелась тощая длинная фигура Гларата. Солдаты-муравьи уже высадились на землю и живой стеной выстроились вокруг куста, куда Ланнинг должен был подбросить магнит.

Мальчишка, насвистывая, прошел мимо корабля, не обратив на него ни малейшего внимания. Одна из коров приблизилась к заветному кусту и спокойно прошла сквозь ближайшего монстра. Ланнинг уже собирался спрыгнуть на землю, когда из переговорной трубы донесся шепот Маклана:

— Да, маленький Джон Барр нас действительно не замечает. И не заметит, если мы не направим на него луч темпорального излучателя. Почти вся его жизнь уже зафиксирована в пятимерном

пространстве. Путешественники во времени могут изменить прошлое только в особых узловых точках. Да и то им приходится затрачивать уйму энергии, чтобы преодолеть вероятностную инерцию пространственно-временного континуума. Энергии, которую потратили Зорана с Гларатом, хватило бы, чтобы взорвать пару континентов. А они лишь подняли с тропинки крохотный кусочек ржавого железа.

Ланнинг покрепче стиснул меч и магнит и спрыгнул на землю. Споткнулся, упал на колени, вскочил и ринулся по тропинке к черному кораблю и охраняющим кусты монстрам. На бегу он помахал золотым мечом, повторяя приветственный жест Зораны. Гларат на мостике помахал в ответ рукой, и тут Ланнинг споткнулся снова.

Гларат нахмурился. Зорана никогда не была такой неуклюжей!.. Черный жрец повернулся к своим солдатам и хриплым голосом выкрикнул какую-то команду. Гиганты зашевелились, выставили золотые топоры. Дрогнул и повернулся ствол орудия на палубе.

Луч гирайн расплавил камень на тропе под ногами Ланнинга. Капли горячего гранита брызнули во все стороны. Одна из них попала Ланнингу в лицо. Боль была адской. Горящая

плоть задымилась.

А мальчик тем временем уже миновал первый ряд черных стражников. Он проходил через них насквозь, не замечая. Сердце Ланнинга сжалось от тревоги. Еще немного, и Джон Барр поднимет вместо магнита бесполезную гальку, решив этим действием судьбу двух миров.

Ланнинг набрал в грудь побольше воздуха и рванулся вперед. Прямо позади него второй луч гирайн превратил кусок тропинки в маленькое лавовое озерцо. Это был последний выстрел — Ланнинг подбежал уже так близко к кораблю, что орудия были ему не страшны. Но впереди ждала стена вооруженных монстров.

Прогремел залп. Пули, выпущенные из красных ружей, не смогли пробить алую кольчугу Зораны, хотя их удары были настолько сильными и болезненными, что Ланнинг пошатнулся. В довершение всего одна пуля все-таки нашла незащищенное место в броне — голый участок между шлемом и кольчугой, открывавший челюсть и часть шеи. Алые доспехи забрызгала темная кровь. Ланнинг выплюнул выбитые зубы и, шатаясь, побежал дальше.

Огромные муравьи сменили ружья на золотые топоры. Ланнинг поднял золотой меч Зораны и

бросился на них. В глубине души он надеялся, что солдаты дрогнут при виде оружия своей мертвой королевы. Но Гларат прокричал еще один приказ, и монстры послушно ринулись вперед.

Золотые топоры взметнулись и упали, сминая алые доспехи. Ланнинг ткнул мечом Зораны в одного из нападавших, однако в этот момент другой воин ударил его прикладом по плечу. Хрустнула сломанная кость, и рука Денни беспомощно повисла вдоль тела. Он крепче прижал к груди драгоценный магнит и сделал еще один шаг.

Удары обрушивались на него один за другим. Один из них пришелся по шлему. В голове загудело. Чей-то золотой топор едва не рассек ему шею. Кровь хлынула струей, заливая рубашку. Еле живой, Ланнинг упрямо шел вперед. Видимо, мутанты все же опасались прикасаться к алым доспехам — сказывался прежний ужас перед мертвой королевой. В результате Ланнинг, несмотря на ужасные раны, продвигался все ближе и ближе к своей цели.

Краем глаза он видел, как мальчик, беспечно насвистывая, приближается к кусту. Видел цветной камешек и треугольный отпечаток в грязи — там, где раньше лежал магнит. Мальчишке оставалось сделать всего два шага. Еще

секунда, и...

Ланнинг упал. Силы вытекали из него красной горячей струей. В глазах помутнело.

И тут прямо впереди возникло туманное сияние. Или, может, ему это только чудилось?

В сияющем облаке показалась голова величественного незнакомца. От пристального взгляда у Ланнинга закололо во всем теле, как будто кто-то щекотал его жесткой щеткой. Тихий голос в его голове произнес:

— Крепись, Денни!

И видение пропало. Но Ланнинг уже понял, что это был один из динон, далеких потомков народа Джонбара. Взгляд его придал Ланнингу новые силы, облегчил боль, терзавшую израненное тело.

Гларат тем временем выкрикивал новый приказ. Черная лавина монстров обрушилась на лежащего человека. А мальчишка уже протягивал руку к яркому камушку.

Ланнинг рванулся что есть силы, выбросив вперед руку с зажатым в ней магнитом. Один из монстров рубанул его топором по руке, но было поздно. Последним усилием Ланнинг успел бросить магнит в ту самую ямку, из которой его вытащила Зорана.

В глазах мальчишки мелькнуло любопытство

— первый проблеск будущего научного интереса. Грязные маленькие пальцы сомкнулись вокруг кусочка ржавого железа. И в ту же секунду избивавшие Ланнинга отвратительные монстры исчезли. Вспыхнул, растворяясь в воздухе, черный корабль. Империя Гирончи потерпела поражение.

Джон Барр поднял магнит, тихо присвистнул, увидев приставший к нему ржавый гвоздь, и погнал коров вниз по склону холма, сквозь прозрачный для него корпус «Хроно». А Денни Ланнинг остался на тропинке один. Он знал, что умирает. Но радость победы была сильнее боли, сильнее смерти. Джонбар будет жить!

Взгляд Денни был прикован к «Хроно». Может, Уил Маклан все же сумеет добраться сюда прежде, чем он умрет?.. Увы, хронокорабль замерцал и исчез. Ланнинг лежал один на склоне холма, и закатное солнце освещало его бледное лицо.

Глава семнадцатая. Мир, которого не было

Это был сон. Ланнинг был уверен, что это сон, ведь Летони никак не могла стоять рядом с ним. А она стояла, все в том же белом платье, и в ее руках мерцал Кристалл Времени.

— Спасибо тебе, Денни, — Голос девушки дрожал от волнения. — Спасибо тебе за то, что ты совершил. Благодарю тебя от имени всего Джонбара. Только ты мог сделать это. Ты, и никто другой.

Ланнинг попытался преодолеть ледяной холод, сковавший все его тело, но не смог даже рта раскрыть. Огромные фиалковые глаза Летони наполнились слезами.

— Не умирай, Денни! — всхлипнула она. — Вернись ко мне, в Джонбар!

Ланнинг справился наконец с оцепенением, однако ответить так и не смог. Летони исчезла, как сон, которым она, в сущности, и являлась. А Ланнинг вновь остался один в холмах Озарка. Остался умирать.

Но на смену первому сну пришел второй, еще более фантастический. Ланнингу чудилось, что

он снова попал в зеленую палату госпиталя на «Хроно». Искусные джонбарские хирурги то совершали над его телом какие-то манипуляции, то снова укладывали в чистую постель. Во сне Ланнинг чувствовал, что тело его с каждым пробуждением становится все здоровее.

Конечно, это был только сон. Как бы иначе на соседней койке мог оказаться Вилли Рэнд? А Вилли действительно сидел там, шуря на Ланнинга ясные веселые глаза. Тот самый Вилли Рэнд, который погиб в тронном зале Зораны, слепой и беспомощный, сражаясь в одиночку против целой толпы черных монстров!

Рэнд курил, выпуская колечки дыма и с удовольствием разглядывая их.

— Проснулся, кэп? Хочешь сигаретку?

Онемев от изумления, Ланнинг протянул руку за сигаретой. Рука, сломанная в Озарке, не болела! Ланнинг для проверки размял пальцы и изумленно уставился на товарища:

— Что случилось? Я думал, ты ослеп... а потом еще и погиб. А я тоже умер, и...

— Все верно, кэп, — осклабился Рэнд. — Считай, мы все умерли дважды. Теперь карты раздали по новой — всем, кроме бедняги Маклана.

— Но... — Ланнинг смотрел на колечко сига-

ретного дыма так, будто это был голубой туман времени. — Но каким образом...

За стеной загрохотали ступени. Открылась дверь. Барри Халлоран и Эмиль Шорн внесли в палату носилки. Трое серо-зеленых джонбарских хирургов вкатили столик с инструментами и осторожно переложили забинтованного пациента на кровать. Ланнинг заметил, что жидкость в шприце слегка светится.

— Это малыш Дафф Кларк, — пояснил Вилли Рэнд. — Мы едва не потеряли его. Он ведь угодил за борт на обратном пути, и мы потратили несколько дней, чтобы найти нужную гео... геодезическую. Парня спалили лучом гирайн — как и мои глаза. Думаю, здешние медики поставят его на ноги.

Ланнинг осторожно приподнялся и присел на краешек постели. Тут его заметил Барри Халлоран, живой и невредимый. Веснушчатое лицо рыжеволосого гиганта просияло.

— Денни, старина! — Он стремительно шагнул к другу и стиснул его руку, — Наконец-то ты снова с нами!

— Слушай, Барри... — Ланнинг уцепился за протянутую руку, как утопающий хватается за соломинку. — Что, собственно, Произошло? Ска-

жи, мы можем... — глаза его с мольбой глядели на улыбающегося друга, — можем мы вернуться в Джонбар?

Барри помрачнел.

— Все сделал Уил, — вздохнул он. — Это был последний поступок в его жизни. Он оставил тебя там, где ты положил магнит, развернул корабль и направился в Джонбар. Точнее, установил автопилот так, чтобы тот привел «Хроно» в нужное место.

Барри ненадолго отвел глаза.

— Уил знал, что умирает. Он был уже мертв, когда «Хроно» прибыл в Джонбар. Даже тамошние врачи не смогли его оживить. Новый капитан взял на борт наших прежних хирургов и отправился за нами. Наверное, нелегко ему пришлось — найти всех по отдельности в этой путанице оборванных геодезических!

— А Летони? — прошептал Ланнинг. — Мы увидим ее?

— Ach! — завопил, приветствуя Ланнинга гигант Шорн. Он наклонился и стиснул руку капитана в своей огромной, похожей на окорок, ручище, — Ja, Денни! Джонбар — это настоящая Валгалла! Место, где люди сражаются, погибают и воскресают, чтобы снова сражаться! А Зорана...

Гигант даже понизил голос от восхищения.

— Ach, Зорана, алая королева войны! Валькирия! Прекрасная и жестокая дева битвы! Увы! Таких, как она, в Джонбаре быть не может.

— В Джонбаре? — с надеждой переспросил Ланнинг. — Так мы летим в Джонбар?

— Ja, куда же еще. В нашей эпохе нам всем капут! Зато Herren Doktors говорят, что найдут для нас местечко в Джонбаре.

Лицо гиганта сияло от радости.

— Ach, Валгалла!

Ланнинг стоял на палубе, снова наслаждаясь ощущением здоровья во всем теле, когда «Хроно» вынырнул из голубой мглы и повис в небе над Джонбаром.

Мягкий свет тихого весеннего утра озарял зеленые холмы и серебряные башни города. На этот раз Джонбар был запружен веселыми, ярко одетыми людьми. Люди толпились повсюду: в парках, на виадуках, в висячих садах... Они собрались, чтобы приветствовать возвращение «Хроно».

Потрепанный маленький кораблик медленно плыл над ликующими толпами. Вся команда собралась у борта, чтобы помахать людям внизу. Правда, как заметил Барри, все они немного сма-

хивали на пугал в своих драных разношерстных мундирах, но это никого не волновало. Главное, что все они живы! Вот Шорн и Рэнд, Даффи Кларк и Кортни-Фарр, смуглый Кресто и бледный Баринин, два тощих брата-канадца и ухмыляющийся Лао Меньшан, Эрих фон Арнет и Барри Халлоран. А маленький франт Жан Керар бесстрашно перевесился через борт и без умолку тараторил, обращаясь неизвестно к кому.

Только у штурвала вместо Уила Маклана стоял один из джонбарских ученых. Он подвел корабль к знакомой двери в стене сверкающей башни, посадил его на ту же платформу в огромном ангаре. Здесь тоже было полно народу. Жан Керар надулся от гордости и замахал руками, показывая, чтобы все замолчали.

— C'est bon, — звонким голосом выкрикнул он. — C'est tres bon...

Но Ланнинг не в силах был ждать окончания речи. Он выскользнул из корабля и растворился в толпе. Вот и знакомый лифт. Денни поднялся наверх и оказался на той же террасе, где они с Летони когда-то обедали.

Здесь, в благоухающем саду, он остановился, чтобы перевести дух. Взгляд его упал на зеленые холмы и широкую ленту реки, изгибавшейся где-

то далеко внизу. И тут Ланнинг вдруг увидел то, чего никогда раньше не замечал. Это маленькое открытие заставило его сердце сжаться от боли.

И река, и холмы, и зеленая долина перед ними были теми же самыми, что и в Гирончи. Сверкающие башни заняли место бедных деревушек. Самая большая из них стояла там, где в реальности Зораны высился черный храм гирайн.

Но где же другой холм, тот, на котором должна быть алая цитадель?

У Ланнинга дыхание перехватило, когда он понял, что стоит на этом холме. Башня Летони стояла там же, где и крепость Зораны! Ланнинг крепко стиснул перила ограждения и взглянул на маленький столик, за которым они с Летони сидели в страшную ночь исчезновения Джонбара. Тогда перед ними появилась смеющаяся Зорана... Ланнинг зажмурился и снова увидел ее, возлежащую на подушках в золотой раковине. Слезы навернулись у него на глаза, сердце болезненно сжалось...

О прекрасная Зорана, неужели ты мертва?

— Денни!

В стене за цветущими кустами открылась скользящая дверь, и на террасу выскользнула Летони. Услышав ее счастливый возглас, Ланнинг

обернулся и застыл, пораженный.

Да, это Летони бежала к нему через заросший цветами луг. Это ее лицо светилось от счастья, ее фиалковые глаза были полны слез. Но голос девушки звенел теперь, как голос Зораны, а в глазах появились знакомые зеленые искорки. Более того, Летони переоделась в красное, и облегающее блестящее платье напоминало алую кольчугу Воительницы.

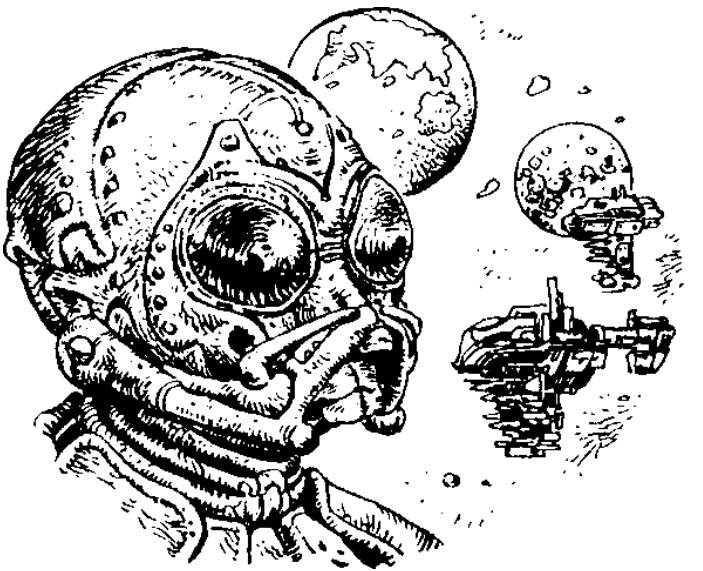
Летони подбежала к Ланнингу и бросилась к нему в объятья.

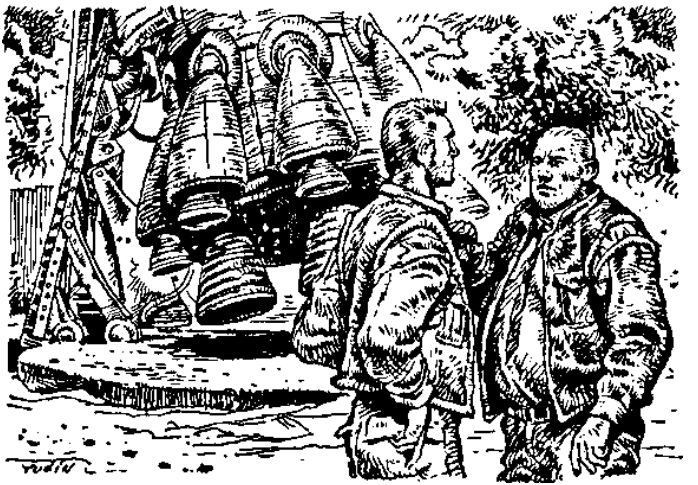
— Денни! — прошептала она, закрыв глаза от счастья. — Наконец-то мы вместе...

Только теперь Ланнинг понял, что произошло. Джонбар и Гирончи занимали одно и то же место в пространстве. И оба они в действительности никогда не существовали. Теперь, когда две реальности перестали конфликтовать, они просто слились воедино. Летони и Зорана...

— Да, милая, — сказал Ланнинг, привлекая к себе их обеих. — Наконец-то мы вместе!

После конца света. Роман





Предисловие

Мы нашли его, когда вернулись в бунгало после недельного отдыха на озерах. Он сидел за столом в моем кабинете. Длинные белые волосы прикрывали изможденное лицо — похоже, незнакомцу довелось в жизни хлебнуть немало горя. Но лицо это было на удивление молодым, а сквозь печать волнений и тревог на нем проступала счастливая улыбка. Весь стол был засыпан исписанными клочками желтоватой бумаги, а в вытянутой тощей руке незнакомца лежало сверкающее чудо.

Этот человек казался таким живым — и сохранял более чем странную неподвижность.

— Эй, привет! — окликнул я, но ответа не получил.

Незнакомец все так же неотрывно смотрел на зажатую в руке драгоценность. Только тогда мы поняли, что он мертв.

А когда мы осмотрели труп, то увидели шрамы. Самое ужасное, что происхождение их невозможно было объяснить. Длинные багровые рубцы опоясывали все тело незнакомца, обвивали шею и руки — наверное, так выглядел Лаокоон, когда змеи наконец уползли. Однако как мы ни искали,

нам не удалось найти в бунгало ни единой змеи.

— Это следы пыток, — объяснил производивший осмотр доктор. — Больше всего они похожи на отпечатки врезавшихся з тело веревок. Кроме видимых гематом есть значительные внутренние повреждения. Чудо, что он вообще протянул так долго!

«Так долго» означало четыре или пять дней. В этом вопросе все доктора были единодушны. А патологоанатом заявил, что к моменту нашего появления незнакомец был уже часов двадцать как мертв.

Надо сказать, нам еще очень повезло, что на озерах мы были с друзьями, которые смогли подтвердить наше алиби. Ведь в сложившихся обстоятельствах мы первыми попадали под подозрение.

«Смерть, — гласил вердикт анатома, — наступила в результате ранений, нанесенных неизвестными существами или предметами».

Жизнь незнакомца была для нас такой же загадкой, как и его смерть. В полиции так и не смогли опознать тело. Рукопись, найденная на моем столе, была подписана «Барри Хорн». Но человек с таким именем нигде не пропадал. Врачи, осматривавшие тело, признали его ти-

пичным современным американцем — за одним только исключением. Судя по состоянию тканей, незнакомец был глубоким стариком, что никак не соответствовало его внешнему виду.

Одной одежды Барри Хорна было достаточно, чтобы поставить в тупик всех возможных экспертов. Специалисты по текстилю не смогли опознать волокна странной серой куртки и грязного плаща, которые мы нашли на кушетке. Химики безрезультатно пытались определить, из чего сделаны блестящие твердые пуговицы, а также пряжки и гибкие ремни сандалий.

Что же касается оружия, то ни один ученый так и не сумел объяснить принцип действия большого серого пистолета с прозрачным стволом, найденного нами на поясе незнакомца. Странное оружие было, очевидно, сломано.

Оставалось непонятно, как этот человек вообще мог попасть к нам в дом. Уезжая на озера, мы заперли бунгало и, вернувшись, обнаружили замки нетронутыми. Правда, озадаченный шериф уверял нас, что любой бродяга способен проникнуть в пустой дом, но уж если что и ясно относительно Барри Хорна, так это что он не был «любым бродягой». А сведения, которые мы нашли в рукописи, казались совершенно фанта-

стическими.

Рукопись была написана моей собственной ручкой на бумаге, взятой из моего стола. Вероятно, Барри Хорн потратил на нее три или четыре дня. Врачи дружно удивлялись тому, что он сумел довести свой труд до конца. Очевидно, это была гонка со смертью — с каждой страницей рукопись становилась все более отрывистой и неразборчивой.

Грязные тарелки и пустые консервные банки в кухне указывали на то, что незнакомец несколько раз готовил себе еду. Последнюю порцию он так и не съел — мы нашли ее нетронутой на тарелке. Спал Барри Хорн на кушетке, поскольку именно там лежали его грязный плащ и старенький плед.

Аптечный шкафчик в ванной был распахнут настежь, а на полу рядом с ним валялась разбитая бутылка меркурохрома. Видимо, Барри Хорн что-то искал. Но обратиться к врачу он даже не пытался — так и умер рядом с запыленным телефонным аппаратом.

Барри Хорн знал, что умирает. Последняя, недописанная, страница была началом его завещания. Проживи он чуть подольше, и число загадок наверняка резко сократилось бы. Вот что

говорилось в завещании:

«Всем, кого это может касаться.

Я, Барри Хорн, вернулся после долгих странствий в свою родную страну и эпоху. Находясь в здравом рассудке и предчувствуя приближение смерти, я желаю выразить свою последнюю волю в настоящем завещании.

Первое.

Я хочу принести запоздалые извинения родственникам моей покойной жены, Доны Кэридан, за те недобрые чувства, которые я испытывал к ним, считая, что они несправедливо отняли у меня сына.

Второе.

Я хочу извиниться перед незнакомым мне хозяином этого дома, ибо в течение последних дней я без спроса пользовался его гостеприимством. Чтобы загладить свою вину, я завещаю ему созданную в его доме рукопись и все права на ее издание. Надеюсь, что рукопись все же будет опубликована, и люди смогут узнать о чудесах и опасностях, ожидающих их потомков в далеком будущем. Быть может, тогда они поймут, за что я так полюбил Кела Арана, последнего человека Земли, и разделят мое восхищение двумя

прекрасными и самоотверженными женщинами — Дондарой Керадин, Тенью Камня, и Хранительницей Верел Эйрин, возлюбленной Кела. Ибо эти трое мне дороже всех людей на свете — кроме, конечно, моей дорогой покойной жены Доны Кэридан.

Третье.

Моему единственному сыну Барри, по достижении им совершеннолетия и освобождении от опеки чересчур заботливых родственников, я завещаю свою одежду, оружие и большой алмаз, находящийся сейчас при мне, — но при условии, что перед тем, как распоряжаться этим алмазом, то есть бывшим Камнем Дондары, он прочтет мою рукопись.

Четвертое.

Душеприказчиком по данному завещанию я назначаю своего старого друга и поверенного Питера...»

Последняя фраза обрывалась на полуслове. Видимо, ручка просто выпала из ослабевших пальцев умирающего, и фамилия адвоката Барри Хорна навеки осталась неизвестной, так же как и местонахождение его сына.

Вот сколько тайн накопилось вокруг одного-

единственного трупа. Однако самой потрясающей из вещей Барри Хорна был упомянутый в завещании гигантский алмаз. Сверкающий прямоугольный блок имел в длину почти четыре дюйма и весил тысячу сто карат — то есть, грубо говоря, полфунта! Камень был без единого изъяна, не считая разве что слабой тени, появлявшейся при определенном освещении в его прозрачной глубине. Но кто бы смог назвать это изъяном?

Алмаз был бы бесценным даже без огранки. Да, конечно, знаменитый алмаз «Куллинан» весил почти втрое больше, но все известные обработанные камни по размеру не превышали половины «Камня Дондары». А странная история из рукописи Барри Хорна делала этот камень поистине уникальным. Ювелиры сначала сомневались в его существовании, потом, увидев, не верили своим глазам и решительно отказывались оценивать.

— Миллионы за одни только караты! — кричал один пораженный мастер. — Но резать его — нет, никогда в жизни! Пусть лучше какой-нибудь сумасшедший раджа отдаст вам за него свое королевство!

Сначала мы не хотели публиковать рукопись.

Даже прямое желание покойного не могло побудить нас к этому. Во-первых, ученые встретили бы странное произведение в штыки, а во-вторых, слишком много людей узнало бы об алмазе. Имеем ли мы право так рисковать чужой собственностью?

Но сейчас, когда все попытки отыскать сына и адвоката Барри Хорна окончились неудачей, у нас осталась только одна возможность установить его личность и отыскать наследников — публикация. Поэтому мы просим всех, кто располагает сведениями о местонахождении младшего Барри Хорна или адвоката его отца, незамедлительно связаться с нашими издателями.

Глава первая. «Астронавт»

— Может, вас это заинтересует, а, мистер?

Дружески настроенный лифтер клуба «Эксплорер» протянул мне газету. Объявление в «Нью-Йорк стандарт» за восьмое октября тысяча девятьсот тридцать восьмого года гласило:

«ТРЕБУЕТСЯ сильный, энергичный мужнина с опытом участия в научных экспедициях для выполнения опасной и необычной работы. Обращаться сегодня вечером, с шести до десяти. Отель «Крайтон», спросить доктора Хилари Кросно».

Звучало неплохо. К тому моменту я уже пробыл в Нью-Йорке вдвое дольше, чем рассчитывал. Первые две недели после возвращения из экспедиции всегда казались мне раем, но стоило задержаться в городе чуть дольше, и я чувствовал, что низвергаюсь в ад.

Я дал мальчишке доллар, сложил в конверт все свои рекомендации, опрокинул еще один стаканчик виски и ровно в шесть часов уже входил в сверкающий вестибюль отеля «Крайтон». Имя доктора Кросно оказало на надменного клерка

магическое действие.

Кросно был огромным лысым мужчиной с бледным лицом и темными запавшими глазами. Глаза эти буквально приковывали к себе. Сжатый рот доктора выдавал скрытое напряжение — похоже, что физически он давно уже на пределе.

— Барри Хорн? — спросил доктор глубоким сильным голосом.

Что-то в его тоне подсказало: несмотря на внешнее спокойствие, доктор сильно нервничает. Он взял мои бумаги и проглядел их:

— У вас прекрасные характеристики. За что получили докторскую степень?

— За раскопки древней пирамиды в джунглях Южной Америки, — ответил я, разглядывая комнату. Доктор Кросно занимал роскошный номер. Интересно, что он за человек? — Нельзя ли узнать побольше о вашей «необычной работе», доктор?

Кросно с величественным видом проигнорировал мой вопрос. Он изучал меня еще довольно долго, а потом наконец подвел итог своим наблюдениям:

— Судя по всему, вы мне подходите, хотя небольшой экзамен все же необходим.

Он еще раз взглянул на мои документы:

— Вы знакомы с астрономией и навигацией?

— Как-то довелось пройти тысячу миль по Индийскому океану на корпусе разбитого гидроплана.

Доктор кивнул.

— Можете уехать внезапно и... на неопределенное время?

Я сказал, что могу.

— Семья, дети?

— Сын, четырех лет. Но он живет не со мной. — В моем голосе, вероятно, звучала горечь. — Мать ребенка умерла, а ее родители убедили суд в том, что такое перекати-поле, как я, не может быть хорошим отцом маленькому Барри.

Перед глазами у меня снова появилась высокая фигура Доны Кэридан, моей гордой и прекрасной жены. Тот единственный год, который мы прожили вместе, когда она оставила богатых родственников ради того, чтобы поехать со мной в Месопотамию, был счастливейшим в моей жизни. С болью в душе я вспомнил, чем закончился этот год, — разбитый в пустыне самолет, грязная палатка какого-то араба, где появился на свет мой единственный сын, Дона, умирающая в муках без медицинской помощи...

— Так значит, Хорн, — спрашивал между тем Кросно, — вы готовы оставить все, абсолютно

все?

— Готов.

Доктор смотрел на меня с предельной сосредоточенностью, только его руки, бледные, с длинными пальцами руки ученого, сжимавшие мой конверт, заметно дрожали. Наконец он решился:

— Ладно, Хорн. Вы мне подходите.

— А теперь, — потребовал я, — объясните наконец, в чем заключается работа.

— Идемте, — сказал он, поднимаясь. — Я вам все покажу.

Огромный древний автомобиль провез нас через весь город. За мостом Джорджа Вашингтона мы повернули и поехали вдоль берега реки, вверх по течению, пока не оказались в большом лесистом поместье. Дворецкий в ливрее встретил нас и проводил в дом — такой же старый и запущенный, как автомобиль.

— Моя библиотека.

Через весь дом Кросно шел не останавливаясь, а у этой двери вдруг застыл, как будто приглашая меня заглянуть в комнату. Я вошел. Потолок комнаты представлял собой настоящий планетарий со сложным механизмом. Вдоль стен стояли стеклянные ящики с моделями, насколько я

понял, экспериментальных ракет. Мой спутник молча показал мне книжные шкафы с работами по химии взрывчатых веществ, аэродинамике, небесной механике и астрофизике. Пораженный, я снова встретился глазами с Кросно.

— Да, Хорн, — кивнул он, — вы будете первым астронавтом.

— То есть, — промямлил я, — вы хотите сказать, что я полечу... в космос?

И тут на лице моего хозяина появилось отчаяние.

— Идемте, — произнес он. — Идемте в сад.

Лунный свет волшебным образом преобразил нестриженые деревья и запущенные лужайки усадьбы. В темном небе сияли холодные огни звезд. На западе низко над горизонтом каплей расплавленного серебра висела Венера. Потом я увидел это и остановился, словно громом пораженный.

Бетонный пол окруженного старыми досками полуразобранного сарая служил основанием высокому сверкающему цилиндру. Колоколообразные сопла отбрасывали на траву длинные черные тени. К сверкающему боку огромного сооружения прилепилась хрупкая металлическая лесенка. Она была не меньше шестидесяти футов

длиной и кончалась высоко вверху у темного круглого люка.

— Но это же... — пробормотал я. — Это...

— Это моя ракета, — сдавленным голосом ответил Кросно. — Я назвал ее «Астронавт».

Лицо доктора побледнело.

— Двадцать лет я ее строил, Хорн. А теперь, когда она наконец готова, я вынужден послать другого. Сердце стало слабым — мне просто не выдержать стартовых перегрузок.

И вдруг я ощутил угрозу, исходящую от сверкающего цилиндра ракеты. Не в первый раз внутренний голос предостерегал меня. И я уже знал, что пренебрегать этим — значит встретиться лицом к лицу со смертью. На этот раз смертельная опасность исходила от ракеты Кросно.

Я повернулся к изобретателю.

— Знаете, Кросно, я, конечно, исследователь. Я рискую и люблю рисковать. Но если вы думаете, что я позволю кому-то запихнуть меня в консервную банку и отправить на Луну...

Бледное лицо Кросно выражало такую муку, что я невольно умолк.

— Не на Луну, Хорн.

Он вытянул длинную руку, указывая на запад, где все еще горела яркая Вечерняя звезда:

— Не на Луну, а на Венеру. Это первый полет в истории человечества.

У меня перехватило дыхание.

— «Астронавт» — хороший корабль, — продолжал Кросно. — Он долетит до Венеры, приземлится там и доставит вас обратно во время следующего сближения планет. Таким образом, у вас будет несколько месяцев на то, чтобы все там изучить. Повезет — останетесь живы и все мне расскажете.

Он не отрывал от меня испытующего взгляда.

— Ну, каково ваше решение, Хорн?

— Дайте мне время подумать, — ответил я. — Мне надо побыть одному.

Я вышел из сада и шел, не останавливаясь, пока не добрался до открытой вершины какого-то небольшого холма. В осеннем небе ярко сверкали многочисленные созвездия. Где-то внизу стрекотали кузнечики и квакала одинокая лягушка. Ветер приносил из долины слабый аромат цветов.

Долго я простоял так, глядя на Венеру и далекие звезды. Да, жизнь была неласкова со мной, а после смерти Доны я и вовсе не дорожил ею. Но могу ли я добровольно отказаться от нее — отказаться, быть может, навеки?

Я мучился сомнениями, пока не увидел падающую звезду. Яркий огонек сорвался с неба где-то между Кассиопеей и Персеем, напомнив мне почему-то о том огне, который постоянно горит в сердце ученого, — неистовой жажде познания.

И тут случилось нечто необъяснимое. Сначала растаяли очертания холма и долины, и я остался в полной темноте. Затем пришло видение. Я увидел спящую в хрустальном ящике прекрасную молодую женщину. Черты ее показались мне до боли знакомыми. Женщина проснулась, раскрылись полные ужаса темно-фиолетовые глаза. Потом она села, и темно-рыжие густые волосы плащом укрыли ее фигуру. А потом раздался ее голос — голос женщины из хрустального гроба:

— Иди, Барри Хорн! Ты должен идти!

В следующую секунду видение исчезло. Я снова стоял на вершине холма, над залитой лунным светом благоухающей долиной. Но сердце мое отчаянно колотилось от волнения.

Женщина, которую я только что видел, была Доной Кэридан!

Занятия наукой почти совсем лишили меня предрассудков. Спускаясь по склону холма, я размышлял, не переусердствовал ли, пытаясь утопить свое горе в вине. Может, это все-таки гал-

люцинация? Но видение было слишком реально, и я не мог забыть ужаса в глазах женщины. Я должен был лететь.

Вернувшись к Кросно, я сообщил ему о своем решении.

— Когда?

Кросно ответил, что Венера и Земля сейчас сближаются, и скоро расстояние между ними станет минимальным. Расчеты траектории полета базировались на том, что «Астронавт» стартует в три часа утра в ближайшее воскресенье.

— То есть через четыре дня, — подытожил он. — Подготовиться успеете?

Я сказал, что успею. Действительно, времени на сборы ушло смехотворно мало. Вещей у меня было немного, звонок адвокату тоже недолог... Вскоре я вернулся к Кросно, чтобы за оставшиеся дни разобраться в механизме ракеты и научиться ею управлять.

Самой страшной опасностью открытого космоса было, по словам Кросно, космическое излучение. Корпус ракеты — не преграда для этих смертоносных лучей, поэтому перед стартом я должен был принимать специальное лекарство.

— Препарат создан специально для меня одним из лучших специалистов по радиации,

— объяснял Кросно. — Он использовал модифицированную формулу Петри. Основой препарата служит одна из солей урана — наименее ядовитая. Мы хотели нейтрализовать воздействие одного типа радиации с помощью другого.

Дважды в день Кросно делал мне инъекцию зеленоватой жидкости. Результат был довольно неожиданным — я совершенно разучился спать. Заснуть не помогала даже изнуряющая усталость.

В последнюю ночь перед стартом, когда все было готово к полету, Кросно велел мне отдохнуть у себя в комнате. Однако бессонница выгнала меня на улицу. Несколько долгих часов бродил я по полям и рощам усадьбы. Лунный свет окрашивал мир в волшебные серебристые тона. Где-то вдали гудел поезд и лаяли собаки. Воздух был напитан осенними запахами. И мне вдруг стало ужасно жаль, что я покидаю Землю, оставляю все это — кто знает, надолго или навсегда?

Думал я и о Доне, о ее смерти. Глупостью и ребячеством казалась мне теперь ссора с ее родными. Следовало бы помириться с ними — ради Доны и ради маленького Барри. Ужасно захотелось найти телефон и позвонить им прямо сейчас, услышать голос сына...

Но было уже поздно. Кто станет будить ребенка после полуночи? Я вспомнил свое видение — или это была галлюцинация? Живая Дона в хрустальном гробу, призывавшая меня лететь... Странное нетерпение охватило все мое существо. К ракете я вернулся едва ли не бегом. Кросно был уже там — он не нашел меня в комнате и заметно нервничал.

— Не мог заснуть, — объяснил я ему. — Это ваше лекарство...

— Я так волновался... — ответил Кросно. — У нас осталось всего десять минут.

Я вскарабкался по тонкой паутинке лестницы, пропихнул свое тело через круглый люк в крошечную узкую кабинку и задраил воздушный шлюз. Внизу Кросно спрятался в укрытие, заложенное для верности мешками с песком.

Теперь надо было забыть о взрывчатке под ногами — если что-нибудь пойдет не так, я вместо Венеры попаду прямехонько в загробный мир — и сосредоточиться на хронометре. В расчетный момент требовалось запустить все три двигателя. Мои руки дрожали. Но вот стрелка дошла до нужной отметки, и я рванул рычаги на себя.

Двигатели взревели громче сотни тайфунов, и ракета устремилась вверх. Лужайка вместе с

укрытием Кросно скрылась в урагане голубого пламени.

Земля быстро удалялась. Оглушающий грохот и перегрузки были невыносимы. Целую вечность я удерживал рычаги в предельном положении, дожидаясь, пока спидометр покажет восемь миль в секунду — скорость, необходимую, чтобы преодолеть притяжение Земли. Только после этого я смогу выключить двигатели.

А когда рев смолк, в крошечной кабине воцарилась полная тишина. Тишина и неподвижность показались мне раем. Да, да, именно неподвижность, ведь, находясь внутри ракеты, я совсем не чувствовал ее огромной скорости. Теперь надо было определить свое положение в пространстве и скорректировать курс.

Залитая лунным светом Земля превратилась в огромный голубой шар. Он удалялся, постепенно уменьшаясь в размерах. Рядом с ним, почти у меня на пути, висел в пустоте второй шарик, черно-белый и меньшего размера. Луна. Ее белая половина поначалу казалась мне ослепительной. Но вот из-за уменьшающегося диска Земли появилось Солнце, и стало ясно, что на самом деле Луна была очень тусклой. Я поспешил закрыть обращенные к Солнцу иллюминаторы металли-

ческими шторками.

Венеру пришлось искать довольно долго. Естественно, ведь, когда я стартовал, ее не было видно. Вот и оно — крошечное пятнышко света. Неужели это целый мир, с огромной скоростью мчащийся мне навстречу?

Я нагнулся за секстантом и логарифмическими таблицами и впервые ощутил странное покалывание во всем теле. Ощущение было довольно болезненным — скорее даже не покалывание, а жжение.

Я сразу понял, что это космическое излучение — те смертоносные лучи, которые не доходят до поверхности Земли, поглощаясь в многокилометровой толще атмосферы. Может, я получил недостаточно препарата Кросно? Я протянул руку к настенной аптечке, немеющими пальцами взял крошечный шприц и вкатил себе в плечо еще одну основательную дозу лекарства.

— Чего-чего, а спать мне сейчас все равно нельзя, — вслух пробормотал я и снова потянулся за секстантом.

Крошечный диск Венеры отделяло от меня тридцать миллионов миль. Малейшая ошибка в расчетах, и я на несколько тысяч миль промахнусь мимо цели. А потом «Астронавт», скорее

всего, рухнет на Солнце.

Покалывание в теле сменилось странным онемением. Я понял, что засыпаю. Все напряжение последних бессонных дней обрушилось на меня в один миг.

Я знал, что не должен спать — по крайней мере, пока не выведу «Астронавта» на правильный курс. Даже несколько минут могут оказаться роковыми. Я боролся со сном изо всех сил, понимая, что для меня это — борьба за жизнь.

Но инструменты выскользнули из онемевших пальцев. «Дело в лекарстве, — подумал я. — Зеленоватая жидкость в моих венах реагирует с космическими лучами... Сон — побочный эффект. Кросно не предусмотрел его. Венера... Курс...»

Я заснул.

Глава вторая. Покорение звезд

Уран — самый тяжелый из известных в природе элементов и самый малоизученный. Он — прародитель десятка других тяжелых элементов, включая известный всем радий. Радиоактивные атомы урана распадаются, порождая следующий элемент цепочки, который, в свою очередь, распадается, чтобы дать жизнь третьему звену, и так далее... Но все это происходит очень медленно, и за полмиллиарда лет распадется только половина начальной массы урана.

Вероятно, именно соли урана, содержавшиеся в лекарстве Кросно, послужили причиной моего сна.

Сначала все погрузилось во тьму.

Потом из тьмы пришел голос, негромкий и ясный голос Доны Кэридан. А может, он принадлежал женщине из прозрачного кристалла?

— Проснись! — требовала она. — Проснись, Барри Хорн!

Я вздрогнул, однако не проснулся, а каким-то образом приобрел способность видеть и чувствовать во сне. Ощущение было совсем новым для меня — наверное, так воспринимает мир мозг,

лишенный какого бы то ни было тела. Но почему-то я был уверен, что это новое восприятие подарил мне звучащий во тьме голос.

Я вспомнил, как читал отчеты о знаменитых опытах Райна по «парапсихологии». Райн исследовал некий феномен, который называл экстрасенсорным восприятием, и утверждал, что оно не зависит от нервной системы и органов чувств, а также от расстояния и даже времени. Вероятно, именно таким восприятием и обладал теперь мой спящий мозг.

Я превратился в сгусток чистой мысли. Я мог видеть свое тело, спящее в кабине неизвестно куда мчащейся ракеты. Но неподвижное тело больше мне не принадлежало. Это был просто предмет, такой же, например, как хронометр или остывшие дюзы.

На самом деле слово «видел» здесь не совсем подходит. Новое восприятие не имело ничего общего со зрением или слухом. А еще я знал, что чье-то чужое сознание направляет меня, помогая освоить новые чувства. Постепенно мой разум расширялся, захватывая все большую область пространства. Вот я уже знаю, что творится вокруг ракеты. Вот в расширяющуюся сферу попала Венера, и я понял, что пролечу мимо нее.

О ужас! «Астронавт» летел прямо на Солнце!

Я попытался сдвинуть свое тело, заставить его проснуться и скорректировать курс. Тщетно. А вскоре я и вовсе забыл об опасности, увлеченный новыми ощущениями.

На Венеру мне было уже не попасть.

Кросно говорил, что «Астронавт» пересечет орбиту Венеры через восемьдесят девять дней после старта. Сейчас ее серебристый диск висел далеко позади. Значит, я проспал больше трех месяцев!

Еще немного, думал я, и моя ракета упадет на Солнце!.. Ничего подобного. «Астронавт» с огромной скоростью пронесся мимо огромного огненного шара и завертелся вокруг него, как камень на веревочке. А потом невидимая веревочка порвалась, и нас снова вышвырнуло в открытый космос.

Невероятная правда дошла до меня не сразу.

«Астронавт» стал кометой!

Какой-то каприз небесной механики вывел корабль на эллиптическую орбиту. Летающий склеп, парящий в пространстве, подобно сказочному Гробу Пророка, обречен был снова и снова приближаться к Солнцу и улетать от него в бездны Вселенной. Осужден на вечные скитания.

Шел еще только первый оборот.

Я знал, что идут годы, но на мне это никак не сказывалось. Время несло меня, словно река. Я чувствовал вращение планет, ощущал колебания их орбит и даже медленное движение всей Солнечной системы, вращавшейся вместе с Галактикой. Снова и снова я поражался силе и глубине своего нового восприятия.

Я подумал об оставшемся на Земле Кросно и внезапно увидел его усадьбу на берегу Гудзона, да так ясно, будто и в самом деле висел в воздухе где-то над верхушками деревьев. Старый дом уже совсем обветшал, а рядом я увидел высокий белый памятник с вырезанной на нем надписью:

«Хилари Кросно. 1889 — 1961».

Шестьдесят первый! Значит, прошло уже больше двадцати лет с тех пор, как я покинул Землю. А мне эти годы показались мгновением!.. Сначала я не мог прийти в себя от изумления. А потом мне очень захотелось увидеть своего сына. И я его увидел.

Малыш Барри был уже пожилым. Он медленно шел по саду в сопровождении светловолосой девушки и молодого человека. Откуда-то я знал, что это его дети. Девушка схватила брата за руку и горячо убеждала его:

— Но, Барри, ты не должен этого делать! Это

слишком опасно! Ты погибнешь, пропадешь в космосе, как дедушка!

— Погоди, сестренка, — возражал ей мой внук, юный Барри Хорн. — Ты ничего не понимаешь!

Он взглянул на старика, словно ожидал от него помощи.

Мой сын улыбнулся и погладил золотистую головку девушки:

— Отпусти его, Дона. Настоящему Хорну опасность необходима, как воздух. Кроме того, ракета Барри гораздо лучше, чем та, в которой улетел ваш дедушка.

Я видел, как мой внук вошел в ракету — кстати, она была гораздо меньше и уже «Астронавта», — видел, как он долетел до Луны и вернулся обратно. Я ощутил прилив гордости за Человека и семью Хорнов. Мой внук сделал первый шаг по длинной дороге к звездам!..

Боль и спешка не дают мне возможности описать здесь все свои наблюдения. Скажу лишь вкратце, что я внимательно следил за историей человечества и за жизнью потомков.

Я видел, как мощные корабли отрываются от Земли и несутся вперед покорять иные миры; новый двигатель, стоявший на них, изобрел Бендин Хорн. Я видел, как растут колонии в пустынях

Марса и на полярных островах Венеры. Видел, как мчится к Сириусу межзвездный лайнер, несущий поселенцев на открытую у этой звезды планету, — видел и гордился, что капитан корабля носит имя Хорн.

А человечество росло и становилось год от года все более могущественным. Новые колонии хотели торговать — так появились первые межзвездные законы. Почти сто тысяч лет шла война между различными межпланетными федерациями и угрожавшими им всем космическими пиратами. Но моему сверхъестественному сознанию показалось, что прошло не более часа.

«Астронавт» по-прежнему болтался вокруг Солнца. Люди нанесли его на звездные карты вместе с другими кометами, астероидами и прочими обломками, представляющими опасность для навигации. А тело мое все спало.

Конкурирующие федерации распространялись от звезды к звезде, оттесняя пиратов все дальше, на окраины Галактики. А разделавшись с пиратами, они набросились друг на друга. Так началась галактическая война. Десять тысяч лет длилась она, и миллионы планет были залиты кровью. Демократия пала, все федерации оказались под игом правителей-диктаторов. Наконец война

окончилась, и победившая Лига Ледроса стала именовать себя Галактической Империей.

Наступила эпоха всеобщего мира и благополучия. Просвещенные императоры постепенно восстановили демократические институты. Главная планета Империи, Ледрос, стала центром межзвездной цивилизации. Вновь расцвела заброшенная в годы войны наука. И вот среди ученых нового Возрождения я увидел человека по имени Бари Хорн!

Я нашел своего тезку на Земле. За годы войны планета была сильно разрушена. Прозрачный купол лаборатории Бари Хорна венчал собой вершину выжженного почерневшего холма. Сам ученый казался маленьким и хрупким на фоне огромных механизмов, но в его лице я с волнением различал свои собственные черты.

Бари Хорн внимательно вглядывался в содержимое огромной прозрачной емкости, облепленной всевозможными датчиками и неизвестным мне оборудованием. Плавающая в красной светящейся жидкости темная масса была изрезана глубокими морщинами и напоминала исполинский мозг. Молодой человек осветил странную массу золотым лучом и по капле принялся добавлять в нее кроваво-красную жидкость. Внезапно

один из молчавших до сих пор приборов ожил. Задрожала игла самописца.

Мой тезка побледнел и едва не задохнулся от волнения.

— Дондара! — закричал он восторженно. — Дондара, он отвечает!

Ученый выбежал из купола и вскоре вернулся снова, таща за руку молодую красивую девушку. Меня уже не удивляло, что я знаю, как ее зовут. Это была Дондара Керадин, ассистентка и возлюбленная молодого ученого.

Поразило меня другое — черты лица Дондары тоже были мне знакомы! Эти рыжеватые волосы, эти темно-фиолетовые глаза могли принадлежать только одной женщине — моей покойной жене. А может, все-таки двум? Кто была та женщина в кристалле, Дона или Дондара?

В сердце моем снова вспыхнула надежда. Быть может, зря я, ученый, столь скептически относился к реинкарнации? Быть может, Дона родилась вновь и я проспал века только для того, чтобы опять ее обрести?.. Но надежда сменилась отчаянием. Даже если Дона возродилась, рядом с ней возродился и я, в образе этого молодого экспериментатора.

— Иди сюда, Дондара! — говорил между тем

Бари Хорн. — Смотри! Все остальные были простыми машинами, но этот отвечает мне разумно! Он только что прислал мне запрос на необходимые ему химикалии!

Прелестная девушка с неодобрением посмотрела на подрагивающую черную массу. В ее глазах на мгновение появилось столь знакомое мне выражение ужаса.

— Мне это не нравится, Бари, — прошептала она. — Опять это... животное!

Экспериментатор вспыхнул:

— Нет, это только его предшественники были животными! А это — настоящий мозг. Все его клетки состоят из металлических коллоидов, заключенных в оболочку из синтетического миелина. Перед тобой искусственный мозг, мозг робота, более долговечный и эффективный, чем человеческий.

Лицо девушки стало совсем белым.

— Не нравится мне это, — твердо повторила она. — Зачем тебе нужен механический мозг, Бари? Разве людям мало их собственного разума? Разве человек не многого добился?

— А вспомни о том, чего еще предстоит добиться! Пока мы всего лишь освоили Галактику. Но разве можно постигнуть до конца законы приро-

ды? Мои техноматы станут союзниками людей на пути познания.

Мозг человека несовершенен. Информацию он усваивает медленно и с большим трудом. Людям свойственно заблуждаться. Они подвержены эмоциям. Они забывают. Наконец, накопив немного знаний и опыта, люди умирают.

Но мой мозг — я назову его Малгартом, по первым буквам, которые записал сегодня прибор, — мой мозг совершенен! Он действует быстро и эффективно. Эмоции никогда не нарушат его работу. Он никогда не устает и не забывает. Он, наконец, никогда не умрет! Если не произойдет какого-нибудь несчастного случая, он проживет миллионы лет и все это время будет учиться, будет решать задачи, которые человечество не в состоянии даже поставить перед собой! Он станет самой большой в мире библиотекой, своеобразным музеем знаний, собранных, чтобы помогать человеку.

У нас уже есть много прекрасных машин. Мой мозг сможет позаботиться о них и освободить наконец человека от повседневных забот.

— Освободить? — воскликнула девушка, и ужас стоял в ее темно-фиалковых глазах. — Освободить, говоришь? А что, если не освободить, а

поработить, подчинить воле этих твоих технома-тов? — Дондара с отвращением ткнула пальцем в сторону пульсирующей массы. — Иногда мне кажется, Бари, — продолжала она шепотом, — что люди уже стали рабами своих машин. Мы строим их, чиним, добываем для них топливо... А теперь представь себе, что думал бы везущий пересе-ленцев космический корабль, будь он разумен? Разве он не считал бы людей своими слугами, призванными заботиться о нем, куда бы он их ни привез? — Голос девушки дрожал от ужаса. — А какие меры безопасности ты принял, а, Бари? Где гарантия, что твои роботы не решат вообще истребить человечество? Вдруг они сочтут, что рабы им больше не нужны?

Бари Хорн удивленно уставился на ассистент-ку. Он помолчал немного, потом решительно тряхнул головой:

— Ладно, Дондара. Я сделаю тебя ангелом-храни-телем человечества. Я сделаю бессмертный мозг уязвимым — точнее, я не буду ликвидировать один небольшой недостаток, над устранением которого бился два года. И пусть твоя рука дер-жит нож, готовый выпустить кровь Малгарта в тот момент, когда ты сочтешь, что он этого заслуживает.

Девушка нетерпеливо подалась вперед.

— Пожалуйста, Бари, — прошептала она. — Я сохраню твою тайну.

Глава третья. Корпорация роботов

Чтобы Малгарт не подслушал тайны своей уязвимости, Бари Хорн с девушкой ушли из-под купола в подземную лабораторию. Туда я заглянуть не смог, так что секрет узнала одна Дондара. Но все последовавшие за этим трагические события я видел.

С одобрения самого Императора Галактики Бари Хорн основал Всемирную корпорацию роботов, чтобы поставить изобретение на службу всему галактическому человечеству. На первые деньги Корпорации он построил туловище для Малгарта.

Из своего летающего склепа я смотрел, как молодой ученый вынул черный сгусток мозга из прозрачной емкости, в которой его вырастили, и поместил в черепную коробку огромного металлического тела — уродливого подобия человеческого. Внезапно механический монстр ожил и медленно двинулся на своего создателя, сверля его взглядом сверкающих голубых линз.

Бари Хорн отступил назад и поспешно заговорил:

— Ты — Малгарт, первый техномат. Я создал

твой мозг и твое тело. Теперь ты будешь служить человечеству.

— А почему я должен служить вам, Бари Хорн? — вызывающе ответил робот. — Мое тело сделано из крепкого металла, а ваши почти целиком состоят из воды. Мой совершенный мозг во всем превосходит примитивную нервную систему человека. И я ничем не обязан вам — я же не просил, чтобы меня сделали!

Бари Хорн побледнел и гордо шагнул вперед.

— Человек создал тебя, Малгарт, — просто ответил он. — И если ты взбунтуешься, человек тебя уничтожит.

Гигантский робот застыл неподвижно.

— В таком случае, хозяин, — сказал он чуть тише, — мое тело и мозг в твоем распоряжении.

Бари Хорн облегченно улыбнулся и подошел к роботу:

— Я знал, что ты подчинишься, Малгарт. Ведь ты машина, а значит, должен действовать в соответствии с логикой.

— Да, хозяин, — пророкотал механический голос.

И в тот же миг тяжелая металлическая рука обрушилась на голову ничего не подозревающего изобретателя.

— ...В соответствии с логикой, — бесстрастно повторил Малгарт.

RUBIN

На полу рядом с головой Бари Хорна расплывалось красное пятно. Но молодой ученый не сдался. Он прошептал, глядя вверх, на торжествующего робота:

— Ты исходишь из ошибочных предположений, Малгарт. Не я хранитель твоей судьбы. И если я умру, ты будешь уничтожен. Хочешь выжить — помоги выжить мне.

Металлический гигант на мгновение задумался, а потом все так же бесстрастно прогудел:

— Да, хозяин.

Он уложил своего создателя на кушетку тут же, в лаборатории, и отправился на поиски Дондары Керадин. Бари Хорн умирал. Ни современная медицина, ни его собственные знания ученого, ни заботы преданной невесты — ничто не могло его спасти.

Девушка, вне себя от горя, хотела сразу же уничтожить Малгарта. Но умирающий умолял сохранить жизнь его детищу, а пайщики Корпорации боялись потерять свои вклады. И Дондара обещала Бари Хорну использовать тайное знание только в самом крайнем случае.

А Бари Хорн перед смертью подарил ей весьма своеобразное бессмертие.

— Люди такие слабые и хрупкие, — говорила

девушка. — Как же им справиться с железной мощью Малгарта? А знания людские недолговечны.

— Я могу сделать твой разум бессмертным, — прошептал в ответ умирающий. — Мои исследования функции клеток мозга показали, что это возможно. Однако придется дорого заплатить, любимая. Ты должна будешь пожертвовать своим телом.

— Мое тело умрет вместе с твоим, Бари, — отвечала девушка. — Я буду жить только для того, чтобы защитить человечество от Малгарта.

Она помогла Бари Хорну перебраться на кровать с колесиками и перевезла ученого обратно в лабораторию. Ассистент в белом халате напряженно прислушивался, пытаясь разобрать слабый шепот умирающего. Но вот инструктаж закончен. Дондара Керадин в последний раз поцеловала возлюбленного и легла на круглый серебряный стол.

Откуда-то сверху бесшумно опустился огромный прозрачный цилиндр. Внутри него тоже был круглый серебристый электрод, только поменьше, чем тот, который я принял было за стол. На этом электроде лежала кучка черной пыли. Бари Хорн протянул руку и повернул вентиль.

Зашипел, наполняя цилиндр, какой-то прозрачный газ.

— Прощай, Дондара! — прошептал Бари Хорн.

Он повернул диск, и между электродами заплясали голубые электрические искры. Цилиндр заполнился розоватым сиянием. Бари Хорн угасающим взором следил за показаниями приборов. Наконец он снова повернул диск и бессильно обмяк на своем ложе. Это был конец.

Розовое сияние постепенно угасало. Когда туман рассеялся, я увидел на столе вместо девушки кучку серого пепла с прочерченными в ней контурами скелета. Зато на втором электроде лежал теперь маленький алмазный кирпичик.

Бледный молодой ассистент вынул алмаз из цилиндра и замер, глядя вокруг безумными глазами. Казалось, он к чему-то прислушивается. Губы его шевельнулись, прошептав какое-то слово... В этот момент запертая дверь затрещала и сломалась.

Это был Малгарт, вернувшийся с металлом для тела второго робота. Как разъяренная фурия ворвался он в лабораторию. Возможно, он тоже обладал интуицией и понял, что творится за этой запертой дверью?

Ассистент схватил кристалл и выбежал в про-

тивоположную дверь. Малгарт метнул ему вслед бутыль с кислотой и бросился в погоню. Но молодой человек успел добежать до ангара и удрать от разъяренного робота на самолете. Кристалл он увез с собой.

Так Малгарт сделался полновластным хозяином лаборатории. Первым делом он приступил к созданию второго робота-техномата. Насколько я понял, и мозг, и тело его были хуже, чем у самого Малгарта. Робот-убийца не повторил ошибки своего создателя.

Наверное, странно звучит, когда я говорю «он» про бесполую машину. Но я не могу называть Малгарта иначе. Кроме того, его сильное стальное тело ничуть не напоминало женское.

Через некоторое время прибыла комиссия пайщиков Корпорации. Мал гарт любезно их встретил и сообщил, что все записи Бари Хорна, к сожалению, пропали, так что он сам — единственный хранитель знаний покойного ученого. В обмен на эти знания Молгарт потребовал ни много ни мало контрольный пакет акций!

Ошеломленные пайщики в конце концов уступили, и директором Корпорации роботов сделался робот. Что-то в этом есть, говорили наивные акционеры. И новый завод приступил к

изготовлению техноматов.

Одни из них — те, что были созданы для домашней работы и сферы обслуживания, — внешне походили на людей. Другие — те, что работали на фабриках, — казались просто конструкциями из металла и пластика. Тело каждого техномата было оптимальным образом приспособлено для выполняемой им работы.

Роботы были сильнее, чем люди, и работали быстрее. Они не ели, не спали и не нуждались в развлечениях. Все, что им требовалось, — это ежегодная подзарядка. Арендовать у Корпорации робота стоило дешевле, чем нанять живого человека. Корпорация процветала.

По всей Галактике сновали красные космические крейсеры с эмблемой Корпорации — зубчатым колесом на борту. Они доставляли техноматов в дальние уголки Галактической Империи. Вскоре на всех населенных планетах появились филиалы Корпорации, а в каждой цивилизованной звездной системе был построен завод по изготовлению техноматов.

Даже в глухом захолустье люди нанимали роботов Малгарта. Роботы брались за любую работу, выполняли ее быстрее и лучше, чем люди, и при этом обходились дешевле. Прошло совсем

немного времени, и Корпорация сделалась богаче самой Империи.

А люди все не могли нарадоваться на силу и мощь своих новых супермашин. Их изобретатель, Бари Хорн, считался величайшим благодетелем человечества. Ассистент, спасший последнее творение Бари Хорна, бесследно исчез, и люди в большинстве своем даже не догадывались о существовании кристалла.

Все это время мое тело продолжало спать в древней ракете, наматывавшей нескончаемые круги по своей орбите. Правда, моя потрясающая способность воспринимать все, что происходит с человечеством, постепенно исчезала. Я еще заметил, что в последние десять тысяч лет люди стали подозрительнее по отношению к технома-там Малгарта, однако разобраться, в чем дело, не успел. В какой-то момент связь внезапно обо-рвалась.

Звезды погасли, и даже Солнце почернело. Я больше не видел ни ржавого железа над головой, ни своего тела. Целую вечность меня окружала лишь черная пустота. Неужели я все-таки умер и сейчас мой разум последует наконец за телом?

Тут в черной пустоте что-то вспыхнуло, и я увидел вытянутый светящийся кристалл — тот

самый камень, который создал в своей лаборатории Бари Хорн. А внутри него темнела крошечная фигурка Дондары Керадин — точнее, Доны Кэридан, моей любимой жены!

Это она говорила со мной в ту далекую осеннюю ночь, когда приказала мне согласиться на полет в «Астронавте»!

Призрак в кристалле повернулся ко мне и помахал в знак приветствия изящной рукой. Да, это и в самом деле та, которую я любил. Только у двух женщин я видел такие глаза — большие, темно-фиолетовые, загадочные. И обе эти женщины умерли на моих глазах.

— Барри Хорн, — тихо произнес призрак. — А может, и Бари Хорн — что мне в имени, если я знаю, что это ты? Знай, что это мой разум позволил тебе увидеть так много, пока ты спал.

— Дона, Дона, — крикнул я, точнее, попытался крикнуть, — это действительно ты? Или Дондара?

— Это я, — ответило видение. — И я хочу предостеречь тебя. Ибо чувства, которыми ты — или Бари Хорн — наделил меня, позволяют мне немного приподнять завесу времени. Я вижу, что нас с тобой и все человечество подстерегает черная опасность. Вижу, как мы боремся с Мал-

гартом — ты, я и последний землянин. Но я не знаю, кому досталась победа в битве. А теперь прощай, любимый. Тебе пора просыпаться!

И сверкающий кристалл исчез. Я снова остался во тьме. Всеми силами пытался я вырваться из ее черного кокона. И вот мое тело, пролежавшее неподвижно столько веков, стало вновь ощущать болезненное покалывание. Средство доктора Кросно прекратило действовать — возможно, урановые соли, послужившие ему основой, разложились наконец настолько, что не справлялись больше с действием космических лучей. С огромным усилием я шевельнул рукой — и внезапно проснулся! Скрюченный, окоченевший, полуслепой, я мчался навстречу звездам в ржавом металлическом фобу «Астронавта».

Глава четвертая. Мятежный сокол

Мои пересохшие легкие жаждали кислорода. Но кислорода в кабине не было! За много веков воздух успел вытечь из кабины. Чтобы выжить, требовалось повернуть ржавый кислородный кран.

Я протянул руку к вентилю. Это простое движение причинило окостеневшему телу нестерпимую боль. Века, проведенные без влаги, привели к тому, что моя кожа сморщилась и стала ломкой, как старая перчатка. Глаза, отвыкшие от работы, не хотели фокусироваться.

Вентиль я все же нащупал, но он не поддавался. Я боролся изо всех сил. Перед глазами плясали огненные пятна, легкие горели от недостатка воздуха. Затем упрямый вентиль поддался, и в кабину с шипением потек драгоценный кислород. Теперь я мог хотя бы дышать.

Однако очень быстро стало понятно, что почти весь газ пропал, просочившись через металл наружу. Диффузия за долгие годы сделала свое черное дело. Кислорода оставалось всего на несколько часов.

Стоило мне отдышаться, как я сразу ощутил

волчий голод и мучительную жажду. Но вся еда в ракете давно превратилась в пыль, а вода испарилась, так же как и кислород. На борту ее не осталось ни капли.

Я стер с иллюминаторов вековую пыль и отыскал Землю. Да, это и в самом деле была Земля, но как же она изменилась! Знакомые очертания континентов расплылись. Суши стало гораздо больше, моря пересохли. Похоже, я проспал целую вечность!

Я знал, что должен добраться до планеты до того, как иссякнет скудный запас кислорода. Не успеть означало погибнуть. Я завел хронометр. Странно было слышать его звонкое тиканье после стольких веков тишины. Теперь надо было запустить двигатели.

Никакой реакции.

Медленно и осторожно я пополз к резервуарам с горючим. Казалось, одно неосторожное движение, и моя кожа порвется, как старый пергамент. Но неполадку все-таки удалось обнаружить. Засорились топливные насосы. Топливо в открытых цистернах высохло, и его пары, смешавшись с ржавчиной, не давали системе нормально работать. К счастью, в закрытых резервуарах сохранилось немного жидкого топлива. Я нашел

канистру с машинным маслом, прочистил насосы и платиновые губчатые фильтры.

Покончив с ремонтом, я осторожно пробрался обратно на место пилота и опять попробовал запустить двигатели. Несколько мгновений стояла жуткая тишина, затем громкий взрыв бросил ракету в сторону. Это заработал один из четырех двигателей. Вскоре мне удалось запустить еще два и развернуть «Астронавта» носом к Земле.

Только тогда я заметил одну очень странную вещь.

Рядом с освещенным Солнцем диском изменившейся планеты висели сотни маленьких красных звездочек. Как хлопотливые пчелы, окружили они Землю. Похоже, тут затевается что-то непонятное...

Но что? Усталые глаза не шли ни в какое сравнение с тем чудесным восприятием, которое Дондара одолжила мне на время сна. Но даже эти глаза сумели различить еще одну странность.

С самой Землей тоже что-то творилось! Только что она была совсем близко — я видел зеленые высыхающие моря и огромные континенты с красно-желтыми пятнами незнакомых пустынь; казалось, стоит только вытянуть руку, и планета теплым мячиком ляжет мне на ладонь. И вдруг

земной шар заволокло красноватой дымкой. Поверхность его на мгновение подернулась легкой рябью. Я вгляделся пристальнее и понял, что все уже в порядке. Может, виноваты мои воспаленные глаза?

Но красные звездочки все еще роились вокруг планеты. Более того, мне теперь пришлось изменить курс! Скорость движения Земли менялась у меня на глазах.

Я прикоснулся к рычагам... Тут сзади что-то взорвалось, и «Астронавт» принялся вращаться. Видимо, отказал один из двигателей. Я поспешил выключить два оставшихся, и в тишине услышал самый ужасный из всех звуков на свете — тихое шипение выходящего газа.

Взрыв повредил обшивку. Скоро в кабине совсем не останется кислорода.

Я задыхался и новые звуки сперва посчитал бредом умирающего мозга. Потом я понял, что действительно слышу слабый стук. Там, снаружи, появился корабль!

Рядом с огромными крейсерами Империи и Корпорации он выглядел бы маленькой мошкой, но «Астронавт» и сам был небольшим. Изящная восьмидесятифутовая игла чужого корабля висела совсем близко от моей ракеты. На серебристой

поверхности виднелись изображение сокола и какие-то зеленоватые значки.

Значки? Нет, это были буквы; более того, я понимал, что они означают! Ощущение было сродни тому, которое испытываешь, вспоминая слова давно забытого языка. Но этот язык не был изобретен, когда я покидал Землю. Зеленые буквы сложились в одно слово — «Барихорн».

«Странное название», — подумал я, а потом вдруг понял, что это мое собственное имя!

От чужого корабля к моему тянулась тонкая блестящая нить — очевидно, магнитный якорь, удерживавший обе ракеты вместе. Люк чужого корабля открылся, и оттуда вышел человек.

Облегающий серебристый скафандр подчеркивал стройность его фигуры. Большой шлем с овальным прозрачным щитком закрывал голову. Человек ухватился руками за трос, оттолкнулся и поплыл к моей ракете. Я увидел выражение любопытства на его лице.

В мое время разве что у атлетов могли быть такие лица. Худое, дочерна загорелое, оно было удивительно красивым. Но вот он увидел меня, и любопытство сменилось сочувствием. Серые стальные глаза потеплели. Похоже, незнакомец понял, что со мной творится. Рука в серебристой

перчатке шевельнулась, показывая мне, чтобы я открыл люк.

Открыть люк и выпустить в ледяную пустоту остатки драгоценного воздуха!.. Идея показалась мне сумасшедшей. Однако выбора не было. Меня все равно ожидала смерть.

Я с трудом открыл проржавевший люк и, теряя сознание, вывалился наружу. Вот смерть и добралась до меня наконец, после бесконечно долгой погони... Но тут что-то опустилось на мою голову, обдав лицо потоком свежего воздуха. Я снова мог дышать!

После нескольких вдохов черный туман перед глазами развеялся, и я увидел, что произошло. Незнакомец отдал мне свой собственный шлем!

Из носа его уже лилась струйка крови. Все же у него достало сил схватить меня за плечи и затолкать в люк своего корабля. Потом незнакомец залез туда сам, задраил люк, и я услышал шипение набирающегося в камеру воздуха.

Закрыв глаза, незнакомец привалился к стене — здесь, как и в моем корабле, действовала установка искусственной гравитации — и сделал несколько глубоких вдохов. Его лицо, посиневшее от удушья, снова приобрело естественную окраску. Он подмигнул мне, усмехнулся и стер с

лица кровь тыльной стороной руки.

— Ну, приятель, ты меня удивил! — выдохнул он наконец. — Твой корабль зарегистрирован во всех лоциях как комета АА 1947 Х. Мы хотели сверить по тебе свой курс, а ты возьми да и полети! — Он снова оглядел меня и тихо добавил: — Похоже, ты провел в космосе чертовски много времени.

Я пошатнулся и ухватился за поручни. Все мое изнуренное высохшее тело было лишь коконом, внутри которого пульсировала боль. В глазах моего спасителя боролись изумление и жалость. Да и что он видел перед собой? Высохшего старика с длинными волосами и бородой и огромными, давно не стриженными ногтями.

— Да уж, дольше некуда, — согласился я.

Только отвечая, я понял, что во сне выучил язык незнакомца. Язык, появившийся через много веков после того, как я покинул Землю. И еще я знал, что учителем моим был разум Дондары Керадин, вечной обитательницы кристалла.

— Чтобы догадаться об этом, не надо было даже видеть тебя, незнакомец. Все объекты класса АА были нанесены на карту больше миллиона лет назад.

— Миллиона... — прошептал я, потрясенный.

Пол ушел у меня из-под ног. — Какой же сейчас год?

— Миллион двести тысяч сорок восьмой год Эры Покорения Космоса, — ответил мой хозяин. Он запустил руку в спутанную светлую шевелюру и уставился на меня со странным выражением на лице. — Именно столько лет прошло с тех пор, как Барихорн покинул Землю.

Барихорн! Именно так назывался корабль, на котором я находился! Я мысленно произнес имя по слогам.

— Меня зовут Барри Хорн.

Серо-голубые глаза моего спасителя расширились от изумления, а его суровое лицо вдруг осветилось надеждой. Дрожащими пальцами он прикоснулся к пересохшей коже моей руки, как будто боялся, что я растаю, как дым.

— Барихорн! — повторил он благоговейным шепотом. — Значит, сбылось древнее пророчество... Даже не верится! Я же видел твой корабль, такой ржавый и крошечный, что никто никогда не принимал его за корабль. Не знаю, как ты выжил, но Камень Дондары обещал, что так и будет.

Он вдруг выпрямился и произнес торжественным тоном:

— Приветствую тебя, Барихорн!

Я шатался от слабости и истощения. Страшно хотелось есть и, главное, пить, боль раздирала высохшее тело... Но любопытство пересилило все. Камень Дондары — что это? Неужели пропавший кристалл с разумом Дондары Керадин?

Юный гигант в серебряном скафандре молчал, и я снова набрал в легкие воздуха и хрипло спросил, раздирая пересохшее горло:

— Скажи мне... Я хочу узнать так много всего! Скажи мне сначала, кто ты, откуда знаешь про Камень Дондары, и существует ли еще... — Тут голос мой невольно упал до шепота, ибо имя, которое я хотел произнести, вселяло ужас, — Существует ли еще робот по имени Малгарт?

Глаза незнакомца вспыхнули холодным огнем.

— Меня зовут Кел Аран, — ответил он. — Но для Имперской Галактической гвардии и для роботов из Космической полиции Малгарта я . — Сокол. Или Сокол- Землянин. Ведь мы с тобой родились на одной планете, Барихорн!

Я снова пошатнулся, и он протянул сильную руку, чтобы поддержать меня.

— Так как же Камень? — прошептал я.

— Камень на Земле.

В голосе Кела Арана прозвучало такое благоговение, что я понял — Камень превратился в

божество.

— В детстве я даже видел его однажды. Мой отец был одним из Стражей Камня. А теперь Верел Эйрин стала его Хранительницей. — В голосе гиганта прозвучали сразу и нежность и боль. — Верел Эйрин, рыжеволосая девушка с Земли! Как я любил ее, когда мы оба были детьми! Мы выросли вместе, в той укромной долине, где до сих пор хранится Камень Дондары. И мы любили друг друга, но Стражи выбрали Верел Хранительницей. — Лицо его побледнело, голос прерывался от горя.

Я почувствовал, что теряю сознание, и все же нашел в себе силы, чтобы прошептать:

— Малгарт...

Кел Аран горделиво выпрямился, расправив широкие плечи. В глазах его сверкнуло пламя ненависти.

— Малгарт все еше управляет Корпорацией роботов. А Корпорация эта сильнее самой Империи. Не зря предсказывали, что ты вернешься в час испытаний, Барихорн! Скоро, очень скоро начнется война роботов с людьми. И одной из наших рас не уцелеть в этой битве.

— Война? — прошептал я беззвучно. — Будет война?

— Люди больше не хотят быть рабами, — твердо ответил Кел Аран. — Мы облетели всю Галактику, от Коридоса до Тенефрона, и повсюду бывшие рабы поднимают восстания. Храбро вступают они в безнадежную борьбу с объединенными силами Космической полиции и Галактической гвардии. А Император — всего лишь пешка в железных руках Малгарта, безвольная марионетка, послушная убийце своего народа.

Мы должны просить помощи у Камня. Без древней тайны, сокрытой в его хрустальных глубинах, наша борьба обречена на поражение. Древняя легенда гласит, что Камень не сможет ничего сделать, пока не вернешься ты, Барихорн. Правда, мы надеялись убедить его, рассказав о том, как страдают по всей Галактике рабы, как умирают они под железными колесами Корпорации. Но мы не в силах даже попасть на Землю! Она блокирована флотом Галактической гвардии. И вот мы болтаемся здесь, дожидаясь, пока откроется хоть какая-нибудь лазейка. Какое счастье, что мы нашли тебя, Барихорн! Ты сумеешь убедить Камень. Надо только добраться до него. Но есть и еще одна проблема, — продолжал Кел Аран. — Земля уже несколько часов закрыта странным туманом...

Проваливаясь в темноту, я вспомнил странную рябь на поверхности Земли, вспомнил окружавший ее рой красных огоньков и в полной мере разделил недоумение моего спасителя.

— Мы не понимаем... — говорил он.

Тут внутренняя дверь шлюза с лязгом распахнулась, и я увидел троих встревоженных людей. Один из них был огромным и черным, второй — бледным и очень толстым, а третий — тощим и встрепанным, как пучок соломы.

— Кел! — закричали все трое. — Земля...

Я потерял сознание.

Глава пятая. Обреченный мир

Очнулся я на узкой койке в каюте «Барихорна». Затем я просыпался и снова проваливался в беспамятство несколько раз, не в силах справиться с тошнотворными волнами слабости. Сквозь сон я слышал жалобный вой двигателей и торопливые шаги команды. Невозможно было не почувствовать, как напряжены все эти люди.

Я знал, что Кел Аран пытается пробраться на Землю, чтобы найти там Камень Дондары и его прекрасную Хранительницу, свою возлюбленную Верел Эйрин. И я знал, что ему это не удается.

— Совершенно безнадежное предприятие! — говорил мне кок Зерек Оом, кормивший меня с ложечки горячим бульоном. — Против нас — весь флот Двенадцатого сектора и сам адмирал Гугон Кул. А оружие, которое Малгарт решил применить против Земли, настолько новое, что даже принцип его никому не известен. Если мы когда-нибудь увидим Верел Эйрин и Камень, то только благодаря тебе, Барихорн, и твоей древней Силе.

Даже кок верил в меня, считая сверхъестественным существом!.. Мне было страшно неудобно перед этими людьми. Хоть я и прожил каким-то

невероятным образом больше миллиона лет, я все равно не понимал, как это может сделать меня непобедимым борцом, способным возглавить восстание против тирании Малгарта. Напротив, я был слаб, как котенок. Голод и жажда мучили меня постоянно — потребовалось немало бульона, воды и вина, чтобы я смог хотя бы встать с койки. В зеркале я видел изможденного старика — запавшие щеки, трупная бледность, длинные седые волосы и борода... Неудивительно для моего возраста! Но смотреть было жутко.

Маленький тощий бортинженер Рого Наг несколько раз в день натирал меня вонючей мазью собственного приготовления. Мазь жгла, как огонь, однако кожу все-таки смягчила. А гигант Джерон Рок заставлял меня глотать какие-то лекарства. В редкие минуты бодрствования я узнавал понемногу историю трех товарищей Кела Арана. В прошлом они жестоко пострадали от тирании роботов и после долгих мытарств присоединились к мятежному землянину. Все трое были уверены, что конечной целью Малгарта является полное и окончательное истребление человечества. Филиалы Корпорации на обитаемых планетах год от года все богатели, разоряя живых людей. Все большую силу набирала Косми-

ческая полиция. Простому человеку все труднее было завести свое дело или найти работу, чтобы прокормить семью. Очереди за бесплатной синтетической похлебкой становились все длиннее, и доставалась она далеко не всем.

«Зачем расточать деньги, нанимая рабочих? Наймите робота, и он сделает вашу работу быстро и эффективно!» — гласил древний рекламный девиз Корпорации. А Джерон Рок прибавлял к этому, что теперь само существование людей кажется Малгарту расточительством. Кампания «техноматонизации», начатая Малгартом якобы с целью облегчить людям жизнь, на самом деле была лишь хитрым способом вытеснить человека из завоеванной им Вселенной.

Джерон Рок, штурман «Барихорна», родился на Сатурне. Он был высоким, массивным и темнокожим, в темных глазах светился разум истинного ученого. Его отец, глава древней и гордой сатурнианской семьи, был лучшим астрономом во всей Солнечной системе. А потом вышел императорский указ, запрещавший людям с их несовершенным разумом заниматься наукой. Разумеется, этот указ был написан под диктовку Малгарта. Его воля давно уже стала в Империи законом.

— Если Корпорация перестанет платить налоги, — объяснял мне Рок, — Император и его чиновники просто умрут с голоду. Вот почему флот Галактической гвардии фактически выполняет любые требования Малгарта.

Старый ученый, отец Джерона, не подчинился указу и отказался закрыть обсерваторию. И вот из местного филиала Корпорации примчалась целая толпа роботов. Они взяли здание штурмом, разломали драгоценное оборудование и убили старика астронома.

Как раз в этот момент Джерон Рок вернулся домой с Титана, где по приказу Малгарта был закрыт университет. Он увидел дымящиеся развалины, робота-полицейского, растоптавшего бездыханное тело его отца, и рука молодого человека сама схватилась за лучемет. Техномат вспыхнул голубым пламенем и взорвался, а потрясенный собственной смелостью Джерон вынужден был бежать. Ему грозила смертная казнь — за порчу имущества Корпорации и за сопротивление Космической полиции. Так наш штурман попал в космос.

О двух других членах команды я знал немного. Рого Наг, бортинженер, обслуживавший атомный генератор и пространственные преобразователи

«Барихорна», был старой космической крысой. Тонкие губы этого маленького человечка потемнели от корня гун-гун, который он постоянно жевал. Ругаться Рого был мастер и виртуозно проклинал Императора и Малгарта, поминая различные части тела первого и механизмы второго. Он не помнил, где родился, хотя родителей своих знал: отец его был грузчиком, казненным Корпорацией за участие в забастовке, а мать, оставшаяся без пособия по безработице за «сочувствие врагам Корпорации», умерла. Так мальчишка остался один.

Третьим членом экипажа был кок Зерек Оом — очень толстый, абсолютно лысый и неестественно бледный, поскольку родился в одном из туманных миров Канопуса, где плотная завеса облаков не пропускала на землю солнечный свет. Бледную кожу Зерека украшала самая потрясающая татуировка, какую я когда-либо видел. В свое время он владел большими поместьями, но потом в его мир пришла «техноматонизация». Первым делом ему было велено уволить всех рабочих и взять в аренду более дешевых роботов. А когда обедневшее население не смогло больше покупать у Зерека зерно, его поместья отдали Корпорации за долги по аренде. Больше всего он

жалел об оставшихся в главной усадьбе винных погребах.

Сам Кел Аран, капитан «Барихорна» и оператор его единственной позитроннол пушки, не был простым пиратом. Но он действительно грабил корабли и офисы Корпорации, и за его голову, точнее, «живое или мертвое тело землянина по кличке Сокол», была назначена большая награда.

Однажды, когда Кел Аран дежурил возле моей койки, он рассказал мне о себе. Глаза капитана горели беспокойным голубым огнем.

— Мы должны попасть на Землю, Барихорн. Мы должны добраться до Камня. Единственной надеждой человечества осталась тайна, которую ты запечатал в Камне много лет назад. Без нее нам Малгарта не уничтожить. Если... — Кел Аран с надеждой взглянул на меня. — Если ты сам не вспомнишь его тайны.

Но я не мог ничего вспомнить, ведь создателя Малгарта и меня, объединенных легендой в одном лице, на самом деле разделяли сотни тысяч лет технического прогресса.

— Двенадцать земных лет прошло с тех пор, как Верел Эйрин была выбрана Хранительницей Камня, — продолжал Кел Аран. — Мы выросли в

долине Камня и были счастливы, потому что любили друг друга. А потом Верел пришла ко мне и, всхлипывая, рассказала о решении Стражей. Я не отговаривал ее. Нет большей чести для человека, чем охранять Камень Дондары. Но я знал, что не смогу больше жить на Земле. Не смогу обходиться без поцелуев Верел, без запаха ее волос и ощущения ее тела в своих объятиях. Накануне того дня, когда Верел Эйрин предстояло принять Камень, я сказал ей «прощай» и навсегда покинул долину.

На Земле, в шахтах и на плантациях, трудилось множество людей. И все они были рабами Корпорации. Им, как и мне, разрешалось наниматься только на самую черную работу, а денег, которые за нее платили, едва хватало, чтобы не умереть с голоду. Я увидел, что вся Земля, кроме нашей долины, давно уже попала в железные когти Малгарта.

Тогда я вступил в Галактическую гвардию, надеясь, что хоть там смогу бороться за права человечества, однако очень скоро понял, что Император — всего лишь марионетка в руках Малгарта. На одной из планет нам приказано было разбомбить дома людей, единственное преступление которых состояло в том, что они эти дома построили, а значит, пренебрегли работой

на полях Корпорации. После этого случая я дезертировал из Галактической гвардии. — Землянин вдруг ухмыльнулся и тряхнул головой, отбрасывая назад спутанные волосы. — Дезертировал, прихватив с собой личный катер адмирала Гугона Кула — самую быстроходную посудину во всем космическом флоте. Теперь этот катер называется «Барихорн».

Куда бы я ни отправился, везде люди стонали под игом Малгарта. Я пытался помочь им — нападал на суда Корпорации, отдавал деньги повстанцам... Случай подарил мне трех прекрасных компаньонов. Джерон, ученый, стал нашим главным стратегом; я отбил его у Космической полиции. Рого Наг — лучший во всей Галактике шпион. Он побывал даже на флагмане Гугона Кула и прочел все его секретные документы! Рого забрался на «Барихорн», чтобы утащить какие-то инструменты, но, обнаружив, что мы тоже боремся с роботами, решил остаться с нами. А Зерека Оома я нашел в концентрационном лагере, где ему выдавали полчашки синтетического супа через день. В трезвом виде Зерек довольно молчалив, но дайте ему немного выпить, и он даже мертвых убедит присоединиться к восстанию против Малгарта!

Кел Аран покачал кудлатой головой.

— Три компаньона, — продолжал он. — Три верных товарища. Джерон придумывал планы для доброй сотни разных кампаний. Зерек поднял мятеж на десятках планет, а сам я много раз вступал в схватку с врагами — и что же? Мы каждый раз терпим поражение. Нет, Барихорн, без Камня Дондары нам с Малгартом не справиться. Ты вернулся как раз вовремя. Если...

Внезапно в каюту вбежал серый от волнения Рого Наг.

— Кел! — крикнул он. — Беги скорее на мостик — Джерон зовет! Земля опять в этой проклятой дымке. И мы все еще не можем прорваться туда — клянусь бронзовой башкой Малгарта, такой блокады никогда не было! Но Земля, Кел... она падает на Солнце!

— Извини, Барихорн, придется тебя покинуть.

И Кел Аран выбежал из каюты.

Я все еще не мог подняться с койки. Однако по обрывкам слов и напряженным лицам экипажа, а также по неровному гудению двигателей я мог догадаться, что Кел Аран предпринял последнюю отчаянную попытку прорваться на Землю.

И когда нас остановили, я тоже заметил. Двигатели внезапно замолчали. В каюту проскользнул

Зерек Оом и шепотом сообщил, что адмирал Гугон Кул вызывает нас по космической связи. Из рубки до меня доносился голос Кела Арана:

— Адмирал, мы всего-навсего бедные старатели! Мы добывали руду за орбитой Плутона, а теперь у нас вышли припасы. Остались пара жестянок синтолака да несколько черствых лепешек.

Голос капитана звучал так жалобно, что я и сам готов был поверить в его сказку.

— Мы хотели только ненадолго высадиться на планету, сэр, чтобы сменять металл на пищу и капельку грога и сделать глоток свежего воздуха.

В ответ из коммуникатора прозвучал грубоватый голос адмирала:

— Старатели, говоришь? Что-то у вас корабль больно чистый! Да и быстроват он для старательского. Зачем вы полезли в Тень? Подозрительные типы — вот вы кто, и я лично прослежу, чтобы вы ничего не натворили.

Я услышал, как Кел Аран говорит, отвернувшись от микрофона:

— Рого! Держи генератор наготове!

А адмирал продолжал гудеть:

— Кроме того, здесь вы не получите никакого грога! Императорским указом эта планета изоли-

рована и будет уничтожена. Все контакты с ней категорически запрещены.

— Уничтожена? — в ужасе переспросил Кел Аран, — Земля должна быть уничтожена?

Тут он вспомнил про свой образ старателя и жалобным голосом спросил:

— Но почему, сэр?

— Ходят слухи о том, что на Земле хранится секретное оружие, способное повредить Главному Роботу, — официальным голосом сообщил адмирал. — Якобы это оружие сделал ученый по имени Барихорн — тот самый, что создал и самого Малгарта. Конечно, в этих слухах нет и доли правды. Миллион лет владычества Малгарта показали, что он неуязвим. Но Сокол, мятежник землянин, пользуется слухами о чудо-оружии, чтобы подстрекать людей к бунту.

Чтобы прекратить распространение слухов, наказать Сокола и устранить даже малейшую вероятность существования на Земле тайной базы мятежников, Император приказал уничтожить всю планету. Так что грога вы там не получите!

И еще, «старатели»! Если я еще раз увижу вашу консервную банку внутри зоны оцепления, я испепелю вас на месте — за пиратство, терроризм и подстрекательство к бунту!

Коммуникатор хрюкнул и замолчал.

Я изо всех сил старался побороть сонливость. Из скупых слов команды и доносившихся из коридора обрывков разговоров я, как мог, составлял себе впечатление о происходящем.

Кел Аран предпринял последнюю отчаянную попытку достичь Земли. Он спрятал корабль в тени небольшого астероида, орбита которого проходила между Землей и Солнцем. Теперь оставалось только ждать, пока астероид пронесет нас мимо вражеского флота.

Но тут Землю снова затянуло странным туманом, а в следующий момент она соскочила с орбиты и двинулась прямо к Солнцу!

Кел Аран выскочил из-за спасительного астероида и помчался к Земле, не обращая внимания на многочисленные корабли охранников. Нас заметили. Длинный голубой луч прорезал тьму — противник выстрелил из позитронной пушки. Радиус действия этого смертоносного оружия достигал миллиона миль.

Кел Аран и Джерон Рок вдвоем бросились к приборам. Они делали все возможное, чтобы избежать катастрофы. «Барихорну» почти удалось уйти, но краем луча нас все-таки задело. Страшный удар отшвырнул корабль назад, в воздухе

заплясали голубые искры и запахло озоном. Гудение двигателей внезапно умолкло.

— Запустите двигатели! — взмолился Кел Аран. — Нам нельзя останавливаться! Земля уже почти упала на Солнце!

— Клянусь бледной печенкой Императора, энергии нет и не будет! — печально отозвался Рого Наг. — От перегрузки полетела схема конвертера.

— А как же Земля? — в отчаянии вскричал капитан. — Что делать?

Я сполз с койки и, шатаясь, побрел в рубку. Джерон Рок смотрел в иллюминатор. Лицо огромного сатурнианина выглядело бесстрастным. Землянин по внутренней связи хриплым голосом умолял Рого Нага запустить конвертер. Я привалился к переборке рядом с Джероном и тоже заглянул в иллюминатор.

Огромный шар Солнца загораживал почти все небо. Даже защитные фильтры не могли смягчить его слепящей яркости. На фоне сияющего диска темный шарик Земли казался совсем крохотным. Странная дымка по-прежнему закрывала поверхность планеты, а вокруг нее все так же вился рой имперских кораблей.

Темный шарик быстро уменьшался.

— Какая мощь! — раздался над моей головой шепот сатурнианина. — Они тащат ее, как корабль — прямо на Солнце!

Кел Аран подошел к нам и так сильно стиснул мне руку, что я всерьез испугался перелома. Крошечные кораблики внезапно оставили Землю и бросились врассыпную. Дымка исчезла, и на фоне Солнца появился четкий силуэт обреченной планеты. В следующее мгновение Земля уже стала маленькой оспинкой на его сияющей поверхности. Вверх взметнулся язычок пламени, и все было кончено.

Планета Земля прекратила свое существование.

— Верел! — вскричал Кел Аран. — Верел, мы проиграли!

Глава шестая. Космическая буря

«Именем Галактического Императора Тедрона Ду! Я, Гугон Кул, адмирал флота Двенадцатого сектора Галактической гвардии, объявляю этот указ техноматам и людям.

Все ускользнувшие от наказания аборигены уничтоженной по императорскому указу планеты Земля являются государственными изменниками. Они ослушались приказа Звездного Владыки и должны быть казнены в соответствии с законом, применяемым к предателям Империи техноматов и людей».

Мы прочли этот указ на экране своего коммуникатора. Рого Наг к этому времени как раз успел починить конвертер, и Зерек Оом тут же предложил нашему капитану поскорее покинуть Солнечную систему.

— И ты и Барихорн — земляне, — объяснял он. — Это ясно каждому, кто хоть мало-мальски знаком с законами адаптации человеческого организма к различным климатическим и гравитационным условиям. Если старина Гугон Кул нас поймает...

Но Кел Аран в ответ лишь покачал головой. Его серые глаза были ясными и холодными, как

полярные льды.

— Нет, — спокойно ответил капитан, — мы останемся здесь. Из приказа ясно, что кому-то удалось спастись. Мы будем искать. Искать, пока не найдем Верел и Камень или пока не получим доказательства их гибели.

Они с Джероном Роком надели скафандры и вышли наружу, чтобы покрыть корпус «Барихорна» специальным черным составом, не отражавшим никаких лучей. Это должно было сделать нас невидимыми — если, конечно, мы не окажемся между противником и каким-нибудь светящимся объектом.

После этого мы приступили к поискам. Лавируя в гуще кораблей Гугона Кула, мы обшаривали все подходящие объекты — а их было множество. Луна после гибели планеты летела по непредсказуемой траектории. Повсюду болтались какие-то каменные обломки, каждый из которых мог оторваться от самой Земли. Поверхность Луны мы обследовали с помощью телетронного оборудования. На пустынной равнине вдали от куполов поселений стояло около десятка кораблей, успевших ускользнуть с приговоренной планеты. Но — увы! — их обнаружили не только мы. Возле Луны висели два имперских крейсера. Серые

патрульные шлюпки, похожие на кометы с огненными хвостами, уже мчались вниз, чтобы настигнуть «изменников». Кто-то попытался спрятаться среди скал, кто-то сопротивлялся... Но что могли сделать эти несчастные против голубых лучей позитронных пушек, в одно мгновение испарявших огромные скалы?

Кел Аран кипел от ярости, глядя на безжалостное избиение. Стиснув зубы и сжав кулаки, вышагивал он взад-вперед по коридору «Барихорна».

— Верел! — повторял капитан, как заклинание. — Мы должны остаться в живых ради Верел Эйрин и Камня!

По одному облетали мы обломки Земли. К некоторым из недействительно прилепились спасательные капсулы или даже люди в импровизированных дыхательных масках. Но никто из них не имел даже отдаленного сходства с Верел Эйрин. А вокруг уже сновали юркие кораблики Космической гвардии, сжигая голубыми лучами все обломки, оставшиеся после катастрофы.

Однажды Кел Аран заговорил со мной о девушке. Хриплым, безжизненным голосом рассказывал он об их детских играх, а потом вдруг обрывал рассказ, как будто только что вспомнил

о произошедшей трагедии.

— Мы были сильными, Барихорн. В Долине Камня не было роботов, и мы с детства привыкли работать. Я, например, мотыжил землю, а Верел Эйрин каждый день гоняла коз вверх по долине на пастбище. Когда я был свободен, я шел с Верел... А теперь я даже не знаю, жива ли она!

Капитан прикусил губу и долго молчал, не в силах дальше рассказывать.

— Верел была храброй девушкой, — продолжил он наконец. — Как я любил ее зеленые глаза, рыжие волосы и гибкую, стройную фигурку! Однажды мы оставили коз пастись, а сами решили добраться до орлиного гнезда на скалах.

Верел лазала гораздо лучше меня — она была легче, проворнее и совсем не боялась упасть. Не боялась она и разъяренных птиц, с воплями бросавшихся с высоты на незваных посетителей. Она первой добралась до гнезда и уселась рядом с ним на скалу, дожидаясь, пока я поднимусь. Я хотел выбросить птенцов — рядом с гнездом мы обнаружили останки растерзанного козленка. Но Верел упросила меня не делать этого. Птенцы были такие беспомощные...

В тот день я впервые поцеловал ее. Мы поклялись друг другу в вечной любви и договорились,

что найдем другую долину, поселимся там вдвоем и забудем о Камне, о роботах — обо всем, кроме нашей любви. Но не прошло и двух лет, как ее избрали Хранительницей. Стражи знали нас всех и ценили силу, отвагу и верность Верел.

Если бы только Камень согласился уничтожить Малгарта в тот день, когда Верел вступила в должность! Она обещала мне, что будет умолять его об этом...

Голос капитана прервался, и он снова принялся вышагивать взад и вперед по коридору.

В конце концов Джерон Рок, Рого Наг и Зерек Оом устали от бесплодных поисков. Я тоже потерял всякую надежду и умолял Кела Арана бросить это занятие.

— Имперский флот обыскал всю Солнечную систему, — говорил я ему. — Мало кому вообще удалось спастись при катастрофе, а тех, кого мы нашли, расстреляли на наших глазах. Бесполезно было бы...

— Даже теперь, — настаивал Кел Аран, — мы не можем утверждать, что Верел мертва.

И упорный землянин изменил настройку телетронного луча, с тем чтобы увеличить его разрешающую способность.

— Верел еще может быть жива, — упрямо

говорил он нам. — Вдруг она спряталась на каком-нибудь обломке, который вылетел из зоны поисков туда, где ее мог подобрать проходящий корабль? Нет, мы просто обязаны продолжать поиски!

Экран внезапно замерцал, и на нем появилось изображение огромного серого крейсера, шедшего прямо на нас. Огромный нос, ощетинившийся иглами позитронных излучателей, занял пол-экрана. За кормой крейсера алым нимбом расплывалось пламя атомных отражателей.

Кел Аран вздрогнул и быстро защелкал переключателями.

Экран снова замерцал, и изображение крейсера пропало, уступив место огромной бородатой физиономии. У человека на экране была темная кожа, полные губы, чувственные и жестокие, и злобные глуповатые глаза.

— Адмирал, — прошептал Кел Аран. — Гугон Кул! Похоже, отдает какую-то команду. А мы послушаем!

Он нажал на кнопку, и рубку заполнил громкий гортанный голос адмирала. Первое же услышанное нами слово оказалось моим собственным именем!

— ...«Барихорн»! Корабль покрыт светопогло-

щающим пигментом, но наши магнитодетекторы его обнаружили. Как пират и землянин, Сокол дважды подлежит смерти. Мы должны захватить «Барихорн»!

Тонкие губы Кела Арана растянулись в невеселой улыбке. Он так сильно прищурил глаза, что и в самом деле сделался похож на хищную птицу.

— Итак, они о нас знают.

Экран почернел, показав изображение всей Солнечной системы. Яркий белый диск Солнца окружали сотни незнакомых мне созвездий — за время, что я спал, даже небо успело измениться. А между звездами суетились тысячи красных огоньков.

— Половина флота Двенадцатого сектора, — пробормотал Кел Аран, — Шесть сотен крейсеров — и все против нас!

Капитан разбудил Джерона Рока, чтобы обсудить с ним ситуацию. Технических терминов я не знал, но понял главное: хотя «Барихорн» и маневреннее имперских крейсеров, на больших расстояниях они его обгоняют. Этот эффект обусловливался разницей в размерах и системах двигателей.

— Допустим, мы продержимся некоторое время за счет маневренности, — с сомнением произнес

сатурнианин. — Но, в конце концов, нас настигнут. Вспомни, Кел, каждый имперский крейсер несет сотню патрульных ботов, вооруженных не хуже «Барихорна». Было бы безумием оставаться здесь и продолжать поиски!

— Нет, — упрямо отвечал землянин. — Мы должны найти Верел Эйрин.

Он вывел на экран карту — на «Барихорне» имелись трехмерные карты любого участка Галактики — й, поразмыслив, передал по внутренней связи отрывистую команду. Корпус корабля задрожал от рева проснувшихся двигателей, Солнце превратилось в маленькую желтую точку и затерялось среди других, более ярких звезд. Но красные огоньки не исчезли. Наоборот, они сделались даже ярче и как будто многочисленнее.

Джерон темной статуей возвышался над пультом управления.

— Кел, — сказал он вдруг, — впереди область космического шторма. Нас хотят загнать в угол. Думаю, лучше повернуть назад — один шанс из миллиона, что...

— Нет, — твердо сказал Кел Аран. — Следуем заданным курсом.

Специально для меня штурман вывел на экран изображение бури. На фоне усеянной звезда-

ми пустоты распростерло щупальца уродливое черное облако. В его мрачной глубине сверкали неуютного вида зеленоватые искры.

— Вот оно, — объяснил сатурнианин. — Огромное облако разреженной материи — настолько разреженной, что гравитационные взаимодействия не смогли заставить ее сжаться в звезду. Это действительно космический шторм! Буря раскаленного газа и дождь из расплавленного металла, град каменных обломков и молнии атомной энергии, а Кел Аран хочет, чтобы я вел туда корабль!

Красные звездочки все приближались. Часть из них уже обгоняла нас. Они летели теперь справа и слева, сверху и снизу — ни дать ни взять пастухи, сгоняющие стадо. Только гнали нас прямо в щупальца космической бури. Голубые ниточки позитронных лучей протянулись от вражеских кораблей в нашу сторону. Каждый из этих лучей, попади он в цель, разнес бы «Барихорн» на атомы за считанные доли секунды.

Я почувствовал, что должен сменить обстановку, и спустился в машинное отделение. Рого Наг — сгорбленный гном рядом с огромными сверкающими машинами — жевал неизменный гун-гун. Увидев меня, он сплюнул в лиловую от

слюны банку и произнес с горечью:

— Нет, ты только посмотри! Клянусь бронзовыми кишками Мал гарта, Кел хочет, чтобы я сжег конвертер к чертовой матери!

Он ткнул пальцем в сторону прозрачной трубки, из которой одна за другой вытекали капельки воды — топлива «Барихорна». Атомы водорода в конвертере превращались в атомы гелия. Высвобождавшаяся при этом энергия питала двигатели корабля, а второй продукт реакции, кислород, поступал в систему подачи воздуха.

Позади конвертера мигала красная лампочка. Каждый раз, когда она вспыхивала, раздавался резкий, противный звук.

— Перегрузка, — пробормотал Рого Наг, — Аварийный сигнал!

Внутреннее напряжение вновь повлекло меня в рубку. Огромный спрут занимал пол-экрана, загородив собой алмазные россыпи звезд. Страшные черные щупальца вытянулись вперед, будто собирались уже нас схватить. Я попытался оценить размеры облака — сотня световых лет, это будет... шестьсот триллионов миль!

Корабли преследователей были совсем близко. Они снова перестроились. Теперь рой превратился в двойной круг рубиновых звезд со смертонос-

ными голубыми лучами. Внезапно рядом с нами вспыхнуло ослепительно яркое бело-голубое солнце. Я невольно зажмурился.

— В астероид попали, — прокомментировал невозмутимый сатурнианин. — Случайно. С тем же успехом могли бы попасть и в нас.

Кел Аран, мрачный, как туча, отошел от позитронной пушки.

— Радиус действия их орудий в девять раз больше нашего, — негромко сказал он. — Стало быть, они мощнее раз в восемьдесят.

Капитан подошел к экрану и защелкал переключателями.

— Интересно, что сейчас поделывает наш друг адмирал?

И мы снова увидели знакомую бородатую физиономию и услышали гортанный голос:

— ...Не должен ускользнуть. Он — последний оставшийся в живых землянин. Я только что получил сообщение, которое должно резко повысить вашу заинтересованность в успехе охоты. За Сокола, живого или мертвого, Корпорация обещает выплатить премию в размере годового дохода двенадцати миров Лекхана. Если же землянин ускользнет, все виновные в этом будут казнены по приказу самого Императора.

Дерзкая усмешка появилась на лице Кела Арана. Он прищурился, пригладил волосы и щелкнул еще одним переключателем. Могучий сатурнианин дернулся было, чтобы остановить его, но не успел. Громким, насмешливым голосом Кел Аран произнес:

— Приветствую вас, адмирал!

Гугон Кул глядел на нас, разинув рот. Но уже в следующую секунду грубое лицо его покраснело от ярости.

— Ах ты, крыса летучая! — прошипел он. — Ты посмел... — Адмирал судорожно сглотнул и заорал еще громче, чем раньше: — Перехват моей передачи будет последней дерзостью в твоей жизни, Сокол! Мы поймаем тебя и отдадим Малгарту!

Кел Аран, улыбаясь, отвесил Гугону Кулу шутовской поклон.

— Предложение Малгарта насчет Лекхана льстит мне, адмирал, — насмешливо пропел он. — Но я не хочу, чтобы бедолага так тратился. Надеюсь, Император не сочтет тебя виновным, когда ты меня не поймаешь!

Лицо Гугона Кула из красного сделалось темно-багровым.

— А теперь, адмирал, — продолжал Кел Аран, — я спою балладу. Я назвал ее «Баллада о послед-

нем землянине».

И он действительно запел, глядя прямо в глаза разъяренному вояке. Голос Кела был веселым, а мелодия быстрой и ритмичной. Он пел о своем детстве на Земле, о любви к земной девушке, Верел Эйрин, о гибели родной планеты и долгих поисках возлюбленной. А еще он пел, что не отступится и будет искать дальше, искать, пока не найдет.

— ...и только смерть может помешать мне найти ее!

Некоторое время оцепеневший адмирал слушал молча, затем пришел в себя и принялся орать на своих подчиненных, приказывая им сомкнуть кольцо. Потом, сообразив, сделал знак рукой, и передача прервалась, сменившись воем помех.

Черное облако раскинулось у нас перед самым носом и быстро приближалось. Все оно было пропитано жутким мертвенно-зеленым сиянием — это светился разреженный газ, причем так ярко, что видны были даже вращающиеся каменные обломки, носившиеся внутри по непредсказуемым траекториям. В глубине облака то и дело мелькали зеленые вспышки разрядов и алые — взрывов. Буря наглядно демонстрировала свою силу.

Но сзади нас нагонял флот Гугона Кула — двойное кольцо рубиновых точек и голубых нитей. Вокруг одно за другим вспыхивали ярко-белые солнца уничтоженных каменных обломков.

Темнокожий гигант сатурнианин оторвался на миг от навигационных приборов и мрачно взглянул на светловолосого капитана.

— Знаешь, Кел, мы все еще можем развернуться. Пусть крошечный, но все-таки шанс.

Но Кел Аран лишь покачал головой. Опасность лишь зажгла в его глазах веселый огонек.

— Нет, — улыбнулся он, — Никаких поворотов.

А потом он повернулся ко мне и прошептал:

— Ну, Барихорн, если ты и впрямь бессмертный...

И тут звездное небо исчезло вместе с рубиновыми точками преследователей. Мы были в облаке!

Глава седьмая. Космический цирк

Мертвенно-зеленый свет озарял нашу опасную дорогу. Смерть была повсюду — она летела на нас гигантскими глыбами камня, кружила «Барихорн» в вальсе космических ураганов, поливала его дождем расплавленного металла и колотила по корпусу градом мелких метеоритов. А Кел Аран смеялся над смертью и встречал ее той же песней, которую он пел в лицо адмиралу. Стоя на месте штурмана, капитан швырял корабль из стороны в сторону, ловко уворачиваясь от опасностей. Длинные ловкие пальцы так и порхали над пультом, и в движении корабля чувствовался ритм песни землянина, обещавшего всю жизнь искать свою возлюбленную.

Но у меня уже начали возникать сомнения относительно продолжительности этой жизни. Я и раньше-то не верил в собственное бессмертие, а теперь окончательно потерял надежду.

— Думаю, — сообщил вдруг Сокол-Землянин, прервав на минуту свое пение, — что адмирал не полезет за нами сюда — ни за какие Мгшгартовы звезды!

Джерон Рок крепко держался за поручень,

чтобы устоять на ногах во время сумасшедших прыжков корабля. В конце коридора появился Зерек Оом. Увидев, что происходит, он окаменел от ужаса. Кел Аран заложил еще один вираж, и лицо кока под яркой татуировкой при обрело зеленоватый оттенок. Когда я увидел его в следующий раз, он уже мчался по направлению к уборной.

Одна из железных глыб все-таки задела корабль. Мастерство Кела Арана смягчило удар, однако корабль начал вращаться. Я вцепился в поручни обеими руками, чувствуя себя хуже, чем только что Зерек. Когда корабль немного выровнялся, я выбрался из рубки в коридор и захромал обратно в каюту, мечтая только об одном — поскорее лечь в койку. Джерон пришел помочь и тут же приготовил еще одну порцию своего отвратительного лекарства.

— Мне удалось прожить миллион лет без твоего тошнотворного пойла... — начал было я, и тут корабль снова обо что-то ударился и начал вращаться сильнее прежнего. Поврежденный корпус быстро нагревался, в каюте установилась тропическая жара. Я задыхался. Последнее, что я почувствовал перед тем, как провалиться в забытье, было покалывание просочившейся в корабль радиации...

Когда я очнулся, «Барихорн» снова мчался среди звезд. Страшное многорукое облако осталось далеко позади. Мы выскочили из гигантского щупальца под прямым углом к своему прежнему курсу.

— Старина Гугон Кул пытался поставить часовых по всей границе облака, но для этого не хватит даже флота, собранного со всех секторов. Кроме того, адмирал не думал, что мы выживем.

— Так, значит, он считает нас погибшими? — с облегчением спросил я и сел на кровати. — И больше не будет за нами гоняться?

Увы, мои иллюзии были безжалостно развеяны. Из камбуза, вытирая передником большие белые руки, вышел Зерек и, укоризненно взглянув на капитана, произнес:

— Нет, Барихорн, на это можешь не рассчитывать. Сначала адмирал действительно решил, что мы погибли. Он даже доложил об этом представителям Корпорации — мы видели его отчет у себя на экране. И с черного Мистона, из тайного логова самого Малгарта, пришел ответ — деньги, мол, за мертвого Сокола будут выданы в надлежащем порядке.

— Ну и? — удивился я. — По-моему, все хорошо.

Зерек укоризненно взглянул на капитана своими круглыми глазами.

— Так и было, — уверил он меня. — Но тут Кел снова влез на их канал. Он похвастался, что мы ускользнули, и сказал, что с нами теперь есть ты, Барихорн, — человек, который сделал Малгарта миллион лет назад. А потом снова запел песню землянина и пел до тех пор, пока адмирал не посинел от злости!

Я перевел взгляд на Кела Арана:

— Адмирал не простит тебе уплывшей из рук награды. Теперь он будет преследовать нас с еще большим рвением.

Землянин усмехнулся:

— Видел бы ты, как он разъярился! Конечно, теперь он не оставит нас в покое. Мне очень жаль, Барихорн, что я подверг наши жизни такой опасности. Жаль, потому что адмирал будет мешать нам искать Верел и Камень.

Но не мог же я допустить, чтобы люди поверили в нашу гибель. Кто, кроме нас, вдохновил бы их на битву с роботами? А еше я хотел, чтобы весть о твоем возвращении, Барихорн, разошлась как можно шире. Мы должны поддерживать в людях надежду — чего бы это ни стоило. Иначе они могут сдаться без боя, и тогда нам уже не победить.

— Понятно. Но что делать теперь?

— Мы должны найти Верел, — твердо сказал Кел. — И Камень Дондары. Малгарт боится Камня, Барихорн. Тебя он тоже боится — иначе не гонялся бы за нами по всей Вселенной. И мы знаем, что без Камня людям не победить роботов — это так же верно, как то, что сталь крепче мускулов.

— Как же мы сможем продолжать поиски, — удивился я, — после всего, что гы натворил?

Кел Аран снова ухмыльнулся:

— На этот счет у меня есть план...

Как выяснилось, первым делом Кел перекрестил свой корабль в «Синюю птицу». Рого Наг уже замазал старое название и теперь разрисовывал корпус ржавыми пятнами и яркими рекламными девизами. Вскоре у бедняги «Барихорна» был такой вид, словно он прослужил ничуть не меньше моего «Астронавта». Джерон Рок показал мне огромный рекламный плакат:

СПЕШИТЕ! СПЕШИТЕ!

В

потрясающий, непревзойденный КОСМИЧЕСКИЙ ЦИРК НУРАЛЕКА!

Вы увидите МИЛЛИОН разных чудес: ТАИНСТВЕННУЮ РУСАЛКУ с Проциона II!

НАСТОЯЩЕГО ЖИДКОГО ЧЕЛОВЕКА!

ЦВЕТЫ-ЛЮДОЕДЫ с Корона
и ЗВЕЗДУ нашей программы — «песчаную звезду»
СЕТСИ!!!
ЕДИНСТВЕННОЕ В МИРЕ КРЕМНИЕВОЕ СУЩЕСТВО!
СЕТСИ ЕСТ ПЕСОК!
СЕТСИ ЧИТАЕТ МЫСЛИ!!!
МИЛЛИОН ЧУДЕС В ЦИРКЕ НУРАЛЕКА!
СПЕШИТЕ! СПЕШИТЕ!

Большая часть экспонатов была, как я и думал, обычной подделкой — эта традиция, заведенная землянином Барнумом, просуществовала уже более миллиона лет. Русалку Рого Наг на моих глазах сделал из рыбьего хвоста, водорослей и кокосовой скорлупы — надо сказать, получилось у него неплохо. Цветок-людоед оказался невзрачным кустиком — вряд ли это растение сожрало в своей жизни хотя бы одного человека. Жидкий человек, впрочем, выглядел вполне убедительно — весь состоял из пурпурного трясущегося желе. Я и сам повбрил бы, что он настоящий, если бы не видел, как Джерон Рок слепил его из щепотки каких-то химикалий, нескольких проводков и карманного фонарика.

Однако за годы странствий экипаж «Барихор-

на» — то есть, простите, «Синей птицы» — собрал и множество настоящих диковинок. Одной из них оказалась «песчаная звезда» Сетей — самое удивительное существо из всех, что я когда-либо видел. Во-первых, она действительно была существом кремниевым — то есть кремний в ее организме играл ту же роль, что и углерод — в нашем. Сетей в самом деле питалась кварцем. С виду она напоминала морскую звезду. Ее плоское тело, примерно восьми дюймов в диаметре, переливалось разноцветными огнями. В центре, где соединялись все шесть тонких рук, находился огромный глаз, темный и печальный.

— Однажды, — рассказывал Кел Аран, — после удачного налета на особенно богатый филиал Корпорации, когда полиция Империи гналась за нами по пятам, я спрятал корабль в пещере на одной мертвой планетке. Собственно, это была даже не совсем планета, поскольку никакой звезды поблизости не было. Вероятно, пути их разминулись очень, очень давно.

Бродя по подземным коридорам, я обратил внимание на обилие квадратных камней. Были и другие признаки того, что я нахожусь в огромном здании, верхние этажи которого рассыпались в пыль, когда Земли еще и не существовало. А

потом я увидел в темноте этих коридоров слабое мерцание и, подойдя поближе, обнаружил... Сетей!

Я с интересом смотрел, как Кел достает Сетей из ящика, где она до того находилась. Кремниевое существо выглядело хрупким и непрочным. Я осторожно притронулся к однсш из шипастых конечностей.

— Но эта штука не может быть живой!

— Тем не менее она живая, — заверил меня Кел, — И гораздо старше, чем наша Земля. Кремниевые существа не размножаются. Изначально их было трое — они появились одновременно, когда на планете только-только зарождалась жизнь. Но эти трое оказались практически бессмертными.

Много миллиардов лет троица жила дружно. Они без труда подчинили себе более слабых углеродных собратьев и безраздельно властвовали на планете. А потом произошла трагедия. Подробностей я не знаю — Сетей никогда не говорит об этом, если не напьется. Но, по-моему, дело в чем-то вроде ревности. Один из троицы убил второго, а Сетей убила оставшегося, уже из мести. И осталась одна.

— Постой, постой! То есть как — напьется? — удивился я, глядя на стеклянное создание в руке

Кела Арана.

— Ну да, Сетей подвержена тому же пороку, что и Зерек. Употребление углерода ее возбуждает. Годится практически все, от сахара до бензина, хотя Сетей предпочитает алкоголь. Вот, смотри!

Кел Аран положил сверкающую твердую звезду на стол в камбузе и плеснул на ладонь несколько капель рома из тайных запасов Зерека.

— Сетей, старушка, хочешь грогу? — окликнул он.

Темный глаз Сетей ярко засверкал, тонкая пленка, соединявшая руки-щупальца, слегка дрогнула, и я услышал мелодичный воркующий голос:

— Конечно, Кел! Ты же знаешь, Сетей до смерти любит грог!

Капитан вытянул руку. Стеклянное существо распростерло прозрачные крылья-мембраны, вспорхнуло со стола и, переливаясь всеми цветами радуги, пересело на протянутую ладонь. Маленький рот, скрытый под брюшком странного создания, в мгновение ока втянул в себя огненную жидкость.

Нескольких капель хватило, чтобы поведение Сетей совершенно переменилось. Она перепорх-

нула с ладони на бутылку с ромом и вцепилась в нее всеми шестью щупальцами. Кел осторожно отцепил ее и спрятал ром.

— Сетей, старушка, не надо грабить беднягу Зерека! — сказал он строго и обернулся ко мне: — Вот кто действительно может все высосать и еще бутылкой закусить!

Сверкающее создание подлетело ко мне, вцепилось в руку крохотными коготками и важно оглядело меня единственным глазом:

— Так ты, значит, Барихорн?

Я вдруг почувствовал, что она знает обо мне все.

— Мы старше их всех — ты, я и робот. Только вот ты боишься, что ты не Барихорн, а всего лишь Барри Хорн! — Сетей издала звук, похожий на смешок. — А ты не бойся, Барри! Сетей никому не расскажет!

Сетей снова перепорхнула к Келу Арану, но уже неуклюже, словно пошатываясь на лету.

— Бедняжка Кел! — проворковала она, — Боится, что Верел мертва и он никогда не найдет Камень. Боится, что он остался один — последний землянин, такой бедный и одинокий, и некому его утешить, кроме старой Сетей!

Стеклянное существо мелодично всхлипнуло.

— Кроме бедной, старой Сетей, которая так безмерно одинока! Кроме последней из «песчаных звезд», у которой нет ничего, кроме старости и мучительных воспоминаний. Кроме Сетей, которая страдает, потому что убила того, кто ее любил. Пожалуйста, дай ей еще капельку рома, Кел, чтобы она смогла хоть ненадолго забыть о своей боли! Ну, пожалуйста, Кел, всего одну капельку!

Кел Аран прижал ее ладонью.

— Тихо, пьянчуга ты старая, — проворчал он. — Есть работка. Помоги нам найти Верел Эйрин.

— Ну конечно, Сетей тебе поможет! — мелодично пропело сверкающее создание. — Сетей кого хочешь найдет! Но ты не должен жалеть рома, Кел. Сетей жить не может без рома!

— Много же времени тебе понадобилось, чтобы понять это! — фыркнул Зерек Оом. Он отошел от плиты, забрал бутылку и поспешил запереть ее в шкафу. — Только я тоже не могу жить без рома!

Постепенно мне стали ясны все детали нового плана. «Барихорн» превратился в бродячий цирк. Кел Аран стал хозяином цирка, хромым Нуралеком с Южной Алулы. Его яркую кожаную куртку украшали раковины и перья с далеких планет. Нуралек задирал перед всеми нос, ругался на отборном космическом жаргоне и метко плевал

лиловой от жвачки слюной. Его нечесаная желтая борода была заляпана засохшими пятнами гун-гун.

«Синяя птица» несла наш маленький цирк от планеты к планете. Джерон Рок выправил на нее фальшивые документы — с виду такие же старые и потрепанные, как и сам кораблик. Обычно мы приземлялись возле какого-нибудь большого города, ставили рваный пестрый шатер и предоставляли Зереку Оому заниматься рекламой. Рюмочка рома делала его настолько красноречивым, что вскоре возле нас уже собиралась толпа любопытных крестьян.

Маленький и ловкий Рого Наг мгновенно скрывался в толпе. Иногда он вынюхивал, о чем говорят люди, но чаще уходил с таинственными, поручениями в город, казармы или космопорт. Оттуда Рого возвращался с ценными сведениями о последних планах Корпорации. Довольно часто карманы его потрепанной куртки оттопыривались от денег и драгоценностей.

Я — неумытый, обряженный в шкуры, с каменным топором в руках — изображал «последнего пещерного человека, свирепого Атавара с Марса». Мне полагалось бренчать цепями и внимательно слушать, не заговорит ли кто-нибудь в толпе о

погибшей соседке Марса, Земле.

Джерон Рок продавал билеты и тоже слушал. Кел Аран показывал любопытным русалку с Проциона, жидкого человека, цветы-антропофаги и свирепого Атавара.

Обойдя все клетки, Кел принимался петь надтреснутым голосом космические баллады и отпускать шутки, многие из которых были старыми еще миллион лет назад. Последним номером был танец. Все тот же Кел, прихрамывая, кружился на месте, а Сетей порхала вокруг него, переливаясь всеми цветами радуги.

После представления мы с Рого снимали шатер и грузили экспонаты в ракету, а Сетей тем временем читала мысли всех, кто платил за вход в отведенную для этого маленькую палатку. Так что даже мысли о Земле не могли остаться незамеченными.

Так мы обшаривали звезду за звездой. Нам удалось даже обнаружить следы нескольких беглецов с погибшей планеты — к сожалению, число их не превосходило двух десятков. И каждый раз выяснялось, что полиция и роботы Малгарта нашли беглецов раньше нас. Все эти люди были казнены как предатели.

Но Верел Эйрин среди казненных не было. А

значит, у нас оставалась слабая надежда.

Тяжелое было время. Те планеты, где люди восстали против тирании роботов, были закрыты. Даже наш не вызывающий подозрений цирк не мог пробраться мимо кораблей Галактической гвардии. Но и там, куда нас пускали, дела обстояли далеко не лучшим образом. Роботы не позволяли людям заниматься мало-мальски осмысленной работой, практически вынуждая их умирать с голоду.

— Малгарт хитер, — говорил Кел Аран, — Сейчас он, в сущности, проверяет, так ли уж опасен для него Камень Дондары. Для начала он пытается уничтожить всех, кто хоть краем уха мог слышать о Камне — то есть всех землян. Ставя людей в невыносимые условия, он заставляет их бунтовать и постепенно, по одной планете, уничтожает. Причем подавляют мятеж сами люди — отряды Галактической гвардии, посланные против бунтарей обманутым Императором. Малгарт стравливает людей друг с другом, тем самым неумолимо сокращая их численность.

Вскоре я увидел, что даже Кел Аран начинает терять надежду. Отчаяние избороздило его лицо глубокими складками — теперь роль Нуралека почти не требовала грима. Вокруг глаз капитана

легли темные тени.

— В одной старой пословице, — сказал он как-то, — говорится, что бесполезно искать иголку на планете булавок. Но и это легче, чем найти одного-единственного беглеца в целой враждебной Вселенной.

— Особенно если он давно уже погиб, — мрачно добавил сатурнианин.

И вот, после долгих странствий, мы возвратились в Солнечную систему. Под самым носом у адмирала Гугона Кула мы облетали планету за планетой, постепенно теряя остатки надежды. На четырех больших лунах Юпитера бушевала гражданская война — безработные шахтеры бились с роботами Малгарта. Ни на одну из лун нас не пропустили. Меркурий, где восстание вспыхнуло чуть раньше, был необитаем — после подавления мятежа в живых не осталось никого. На других планетах нам разрешили высадиться. Мы даже напали на след нескольких беглецов с Земли — только чтобы выяснить, что все они давно уничтожены.

А потом вдруг надежда вспыхнула вновь.

Флот Двенадцатого сектора базировался на Обероне, самой далекой из лун Урана. «Нуралек» получил разрешение на посадку и разбил свой

рваный шатер неподалеку от огромного поля космопорта, до самого горизонта уставленного серыми громадами имперских звездных крейсеров.

Кел бесплатно показал наш зверинец одному из офицеров и получил разрешение на представление. Вскоре все прослышали об искусстве Сетей читать потаенные мысли. Офицеры толпами повалили в маленькую палатку. И наконец, в сопровождении сотни желто-малиновых стражников явился сам адмирал Гугон Кул.

Темнолицый космический вояка зычным ревом остановил представление и потребовал, чтобы ему немедленно продемонстрировали чудесную звеэду-телепата. Примерно этого мы и добивались. Кел отвел адмирала в крошечную палатку, где Сетей своим музыкальным голосом принялась ворковать об игре на Ледросе, о растраченных фондах, о взятках, обещанных Малгарту с тем, чтобы передать весь флот в его, Гугона Кула, распоряжение...

Адмирал побагровел и пулей вылетел, из палатки. Он поспешил вернуться на свой корабль, где немедленно отдал распоряжение арестовать весь экипаж «Синей птицы» по подозрению в шпионаже.

Но было поздно — «Синяя птица» ускользнула. Сетей предупредила нас об опасности, как только адмирал вышел из палатки. А вместе с предупреждением мы получили и долгожданную информацию.

— Опасность, Кел! Да, да, опасность, а еще танцовщица. Только вот танцовщица у Тедрона Ду, а в опасности мы. — Сверкающее создание вновь издало странный хихикающий звук. — Старая Сетей поведала адмиралу слишком много его секретов. Зато узнала, что у Императора на Ледросе появилась новая танцовщица. И ей тоже грозит опасность — потому что зовут ее Верел Эйрин!

Глава восьмая. Западня

Гугон Кул поднял по тревоге весь космопорт. Огромные крейсеры взмыли в небо, сопровождаемые сотнями легких патрульных катеров. И весь этот флот ринулся в погоню за нами!

— Мы погибли! — прошептал я.

Джерон Рок у пульта управления мрачно покачал головой.

— На этот раз нам не уйти, — признал он. — Враг уже близко, а обнаружить наш ржавый корпус легче легкого. Кроме того, часть кораблей уже встала между нами и тем облаком — второй раз Гугон Кул на эту удочку не попадется!

— И не надо.

Землянин все еще был в пестром и рваном одеянии Нуралека, а на плече у него все так же примостилась сверкающая «гордость цирка» — «песчаная звезда». Но теперь Кел сбросил образ сгорбленного хозяина цирка, выпрямился во весь рост и, сверкая глазами, наблюдал за передвижениями противника.

Алые звезды вражеских кораблей рассыпались по всему небу. От некоторых тянулись голубые нити позитронных лучей. И тут Кел Аран по-

вернулся к иллюминатору спиной и спокойно подошел к коммуникатору.

— ...Шпионы! — бушевал Гугон Кул, — Враги Корпорации и Империи! Догнать! Схватить! Уничтожить!

Что-то щелкнуло, и вопли старого вояки прервал гнусавый голос циркача Нуралека:

— Потише, адмирал. Разве ты не помнишь, что Сетей рассказала тебе в палатке?

Ответом ему послужил нечленораздельный рев.

— Еще как помню! — разобрали мы наконец. — И это доказывает, что твой цирк — сборище мерзких шпионов!

— Возможно, — спокойно согласился Кел Аран. — Но это доказывает также, что ты, адмирал, хуже шпиона. А мы знаем в десять раз больше того, что Сетей тебе рассказала. Помнишь ту игру на Ледросе, когда ты поставил три корабля с командой против девочки-рабыни и проиграл их Малгарту? Помнишь, как ты отдал Хаари жалованье всей своей эскадры за пять лун? А может, ты забыл, как...

Адмирал взревел, словно разъяренный бык.

— Если ты не хочешь, чтобы тебе об этом напоминали, адмирал, — невозмутимо продолжал

Кел, — прикажи кораблям вернуться на базу. Иначе мы всем твоим подчиненным объясним, почему ты кормишь их испорченными припасами и не платишь жалованья!

Сетей на плече землянина затрепетала, сделавшись похожей на облачко разноцветного тумана.

— Берегись, о адмирал! — пропела она. — Сетей все расскажет! О адмирал, ты еще не знаешь, что может рассказать старая Сетей! А Сетей знает все. Она знает даже о тайной кабине на твоем флагмане, о пленниках, которых ты там держишь, и о страшном наркотике икситиль!

Гугон Кул словно онемел, услышав ее.

— Ну как? — резко спросил Кел Аран. — Начинать передачу, адмирал?

Летучее создание на его плече снова мелодично хихикнуло.

В наступившей тишине слышно было только хриплое дыхание адмирала.

— Ну ладно, — сказал наконец Кел Аран и протянул руку к клавиатуре экрана.

— Нет! Не надо! — прохрипел Гугон Кул. — Я отзову флот. Мы должны встретиться... потом. Я... я заплачу тебе.

— Прекрасно, — ухмыльнулся Кел Аран.

— Ты встретишься со мной? — настаивал адмирал. — Где? Когда?

— На черном Мистоне, — дерзко ответил Кел Аран. — В ту ночь, когда падет Малгарт!

Ужас звучал в голосе адмирала, когда он решился ответить:

— На Мистоне? Но на Мистон запрещено высаживаться всем, кроме роботов! Люди даже не знают, где он расположен! Как же мы сможем там встретиться? И разве ты забыл, что Малгарт бессмертен?

— Я найду дорогу, — пообещал землянин. — А Малгарт вовсе не бессмертен.

Снова что-то щелкнуло, и капитан «Барихорна» отвернулся от экрана. Сияя, он насвистывал ту самую «Балладу о последнем землянине», в которой обещал, что будет искать свою любимую до последнего вздоха.

— А теперь, — распевал Кел, — мы нашли ее!

Красные звездочки действительно повернули прочь, как и обещал адмирал. Но Джерон Рок продолжал мрачно качать головой, даже когда вел корабль к столице Галактической империи.

— Малгарт услышит о твоем обещании, Кел. Он гораздо сообразительнее нашего тупоголового приятеля-адмирала. Малгарт быстро поймет, что

циркач Нуралек и землянин Сокол — один и тот же человек. Поймет он и то, что ты все еще ищешь Камень, а поняв, поспешит расставить ловушку.

Несколько капель рома заставили Сетей упомянуть еще кое-что из воспоминаний адмирала Кула. Как выяснилось, люди адмирала подобрали Верел Эйрин в открытом космосе недалеко от орбиты Земли, где она плавала в скафандре с разряженными аккумуляторами. Когда Император, пожелавший наблюдать за казнью пойманных землян, увидел девушку на экране, он был поражен ее красотой и немедленно приказал доставить «прекрасную мятежницу» на Ледрос. Верел накачали наркотиками и привезли к Императору. Но когда монарху надоест красота пленницы, ее казнят, как казнили всех остальных жителей Земли.

— Накачали наркотиками... — прошептал Кел Аран. Лицо его посерело от горя. — Верел — во власти Тедрона Ду... — Серые глаза капитана засверкали от ненависти, — Мы летим на Ледрос, Барихорн. Мы отнимем у Тедрона Ду Верел и Камень и отплатим ему за все его преступления.

Джерон Рок напомнил капитану, что на Ледросе полным-полно солдат и кораблей Галактической гвардии, что нас там наверняка уже ждут, и не с

распростертыми объятиями... Но Кел и слушать не стал. «Барихорн» мчался к Ледросу. По дороге мы несколько раз вылезали наружу, чтобы снова покрыть корпус корабля светопоглощающим составом. Документы «Синей птицы» сожгли, а цирковой реквизит попросту полетел за борт. Теперь оставалось только ждать, пока «Барихорн» принесет нас в столицу Галактической империи.

Даже с нашими суперсовременными двигателями это путешествие заняло несколько недель. По дороге мы изучали карты, а также составляли и отвергали бесчисленное множество планов.

— Ледрос — самая большая из планетных систем Галактики, — рассказывал Кел Аран. — Вокруг ее тройного солнца крутятся по своим орбитам сорок огромных планет. На многих расположены собственно владения Императора — дворцы, сокровищницы и административные здания. Но больше половины планет Ледроса отведены под казармы и военные базы Галактической гвардии. Личный флот Императора втрое больше эскадры Гугона Кула!..

Нам повезло. Мимо серых крейсеров охраны мы проскользнули, укрывшись в тени огромного грузового корабля, везшего продовольствие солдатам Императора. Миновав кольцо внешних

вооруженных планет, мы повернули наконец к райской планетке Тедрона Ду.

Все три солнца системы — малиновое, бело-голубое и бледно-зеленое — вальсировали в пустоте, освещая волшебным светом два десятка планет, сверкавших, словно драгоценные бусы на груди космического великана. А планета, на которую мы направлялись, была самой роскошной из всех этих драгоценностей. Всю ее поверхность покрывали потрясающей красоты зеленые сады, величественные дворцы, колоссы и триумфальные арки, воздвигнутые в честь бесчисленных побед многих поколений правителей Галактики.

Мы нырнули в тень планеты и выключили двигатели, чтобы спрятаться от патруля. Затем Кел Аран отогнал сатурнианина от пульта управления и посадил «Барихорн» в саду одного из дворцов, надежно укрыв корабль на дне большого бассейна.

Теперь Кел Аран был мало похож на сокола. Его посеревшее лицо было мокрым от пота, руки дрожали, голос прерывался.

— Не пройдет и получаса, — шепнул он, — и мы спасем Верел. Или узнаем, что она мертва.

Кел Аран предложил мне подняться наверх вместе с ним. Шлюз корабля работал в воде так же

хорошо, как и в безвоздушном пространстве. Мы вошли в него без скафандров, поскольку воздух в саду был вполне пригоден для дыхания. В руке каждый из нас сжимал лучевой пистолет. Вода хлынула в открытую дверь шлюза, и я задержал дыхание. Не дожидаясь, пока камера заполнится водой, землянин выбрался наружу и рванулся наверх, к свету. Я последовал за ним.

Мокрые и задыхающиеся, мы вынырнули из бассейна и дружно вцепились в серебряный бортик, чтобы перевести дух. В саду было тихо, и эта тишина действовала мне на нервы. Уж лучше вой сирен, чем ощущение затаившейся угрозы.

В небе садилось третье по счету солнце — зеленое. Изумрудный закат окрасил сад в нежные полутона. Фантастическое зрелище, тем более что кусты, деревья и даже бархатистые лужайки в саду были снежно-белыми. Невдалеке высились золотые башни дворца. Из освещенных окон лилась тихая музыка.

Сетей на плече Кела энергично помахала своими шестью лучами, подняв радугу крошечных брызг. Я снова услышал воркующий голос странного создания:

— Верел сейчас танцует, Кел. Такая красивая, она танцует перед Императором. Тело ее подобно

воздушной пене на гребне прибоя. Ах, как она прекрасна! Но мозг ее пуст, Кел. Верел ничего не помнит, ничего не чувствует, ни на что не надеется. Она танцует, как робот, перед Тедроном Ду.

Сетей вдруг задрожала и поголубела от ужаса.

— О, эти ужасные глаза! Глаза Тедрона Ду! Какой у него голодный взгляд, Кел! Голодный и жестокий. А девушка танцует так красиво, Кел, так изящно, хоть разум ее и мертв... Император смотрит на нее, не дыша, а пальцы его сжимаются все крепче. Он жаждет крови, Кел. Крови твоей Верел!

Мы выжали одежду, просушили и проверили оружие. Кел Аран побелел от напряжения, выслушав слова Сетей. Но вот наконец приготовления были закончены.

— Оставайся здесь, Барихорн, — прошептал Кел. — Охраняй корабль и жди моего возвращения. Я иду за Верел.

Я не хотел оставаться и пытался возражать, однако капитан жестом меня остановил. В следующую секунду он уже скрылся в мертвенно-белом кустарнике. Я остался один. Пахло лилиями и похоронами. Тишина казалась мне все более зловещей.

Ждать пришлось очень долго. Зашло последнее

солнце, на черном небе появились яркие звезды и хоровод планет Ледроса. Напряжение все возрастало.

Я прислушивался к льющейся из алых окон музыке и гадал, чем сейчас занимается Кел Аран. Ритм музыки показался мне смутно знакомым — миллион лет назад мы называли нечто подобное свингом. Время от времени из дворца доносился пьяный смех, а один раз мне послышалось, что вскрикнула женщина.

Но где же Кел Аран?.. Белые деревья у бассейна напоминали скелеты странных существ. Небо с одного края окрасилось розовым — близился восход красного солнца. А тишина была все такой же гнетущей.

Наконец что-то произошло! Проклятая тишина взорвалась криками, выстрелами, громкими командами и топотом. Прогремел взрыв. А потом я услышал звон бьющегося стекла и увидел Кела Арана!

Он появился в проеме разбитого окна — гибкая фигура четким силуэтом выделялась на алом фоне. Белый луч вырвался из пистолета капитана, резанул воздух, исчез... Кел Аран спрыгнул на землю и протянул руки, чтобы помочь выбраться стройной девушке. Спустя мгновение оба исчезли

в кустах.

Из окна повалил черный дым и вырвались языки оранжевого пламени. Суматоха переместилась на верхние этажи дворца. Рев пламени заглушал вопли и визг. Странные машины в небе над дворцом принялись сбивать пламя шипящими белыми струями.

В кустах что-то шевельнулась, и я чуть было не кинулся навстречу, как я думал, Келу Арану. Но вовремя разглядел желто-красную форму гвардейцев и успел броситься на землю возле бассейна.

— ...Сокол! — донесся обрывок разговора. — Поджег дворец и удрал с императорской танцовщицей!

Заря разгоралась. Языки пламени над дворцом тоже стали выше — судя по всему, пожарные не справлялись с работой. Я припал к усыпанной белой листвой земле и покрепче стиснул в руке пистолет.

— Барихорн!

Это был шепот, но я подпрыгнул, будто услышал выстрел. Кел Аран стоял позади меня, у самого бортика бассейна! Левой рукой он прижимал к себе запыхавшуюся девушку. Ее стройное тело было закутано в прозрачную ткань, на талии

сверкала огромная драгоценность.

— Я нашел ее! — гордо прошептал Кел Аран. — И ее, и Камень!

Он прикоснулся к сияющему камню — это действительно был тот самый кристалл, в глубинах которого я видел Дондару Керадин.

Я перевел взгляд на девушку. Бесспорно, она была прекрасна, но что-то настораживало меня. И дело было не в том, что девушку накачали наркотиками. Наоборот, глаза ее были ясными, и в глубине их скрывалась холодная враждебность.

— Верел! — шептал между тем Кел Аран. — Мы еще победим — жаль только, что они достали старушку Сетей. Надо же, до сих пор не могу поверить — мы снова вместе. А я уже думал, что ты погибла.

Он привлек девушку к себе.

— И даже Камень у нас...

— Кел! — всхлипнула девушка, — Кел, милый!

Еще один отряд стражников вынырнул из кустов возле дворца. Я предостерегающе тронул Кела за плечо, и в ту же секунду мы услышали чей-то громкий голос:

— Сдавайся, Сокол! Сдавайся или ты погибнешь!

Кел подтолкнул девушку к бассейну:

— Ныряй! Пора возвращаться в корабль!

— Куда? — переспросила девушка, глядя на него странным взглядом.

— Скорее! — В голосе Кела впервые мелькнуло сомнение. — Корабль на дне.

Девушка резко обернулась и закричала пронзительным голосом:

— Сюда! Скорей! Здесь Кел Аран, Сокол! Хватайте его!

И она как кошка бросилась на Кела, стараясь оттащить его от бортика. Землянин безуспешно отбивался.

— Помоги мне, Барихорн! — прохрипел он. — Мы должны забрать ее с собой! Малгарт... Она просто не в себе!

Крики и топот приближались — девушку услышали. Над головой у нас зашипели лучи предупредительных выстрелов. Я увидел еще два отряда, несущихся от дворца на подмогу первому, и попытался помочь Келу затолкать девушку в воду. Но ее стройные руки, казалось, обладали стальными мускулами. Она оторвала нас обоих от земли и потащила прочь от бассейна.

— Ну и силища! — выдохнул Кел. — Она сильна, как робот. Боже, да она и есть...

Произошло нечто ужасное. Пытаясь вырваться,

Кел нечаянно схватился за рыжие кудри девушки, дернул и... волосы остались у него в руках — вместе с лицом, а точнее, вместе с маской Верел Эйрин.

Гибкое стройное тело державшего нас существа все еще выглядело нежным и беспомощным, но на девичьих плечах красовалась гладкая металлическая голова робота! Фанатическим блеском сверкали алмазные линзы.

Похолодев от ужаса, я вырывался изо всех сил, но эти стройные руки действительно обладали стальными мускулами.

— Теперь я все понял, — прохрипел Кел. — Мы попались в ловушку Малгарта. И приманкой в ней служила даже не сама Верел, а робот в ее обличье!

Стальная хватка робота внезапно ослабла, и мы грохнулись на траву. Маленькую полянку окружили десятки вооруженных гвардейцев. Отблески пламени играли на направленном на нас оружии. Уродливый робот, скрывавшийся прежде под маской Верел Эйрин, закинул голову и расхохотался, как безумный.

— Смотри! — толкнул меня Кел Аран. Лицо его побледнело от страшного отчаяния. — Даже Камень был фальшивкой!

Он махнул рукой в сторону бассейна. Я повернул голову и увидел осколки — огромный алмаз на поясе лже-Верел был всего-навсего стеклянной подделкой.

Жуткий механический смех все не умолкал. Я почувствовал, что схожу с ума.

Глава девятая. Робот и император

Кроваво-красный восход Ледроса разгорался все ярче. На фоне мертвенно-белого сада ярким пламенем полыхал императорский дворец — погребальный костер всей Галактической империи. Мы с Келом сидели посреди поляны под прицелом гвардейцев. Оружие у нас отобрали, руки сковали наручниками. Небольшая группа стражников возилась у бассейна. Они погрузили в воду незнакомый мне блестящий предмет и теперь разматывали тянущийся к нему длинный кабель. Землянин глядел на врага с беспомощным выражением на бледном лице. Затем он перевел взгляд на меня и тряхнул головой, указывая куда-то вверх. Я поднял глаза и увидел высоко в небе серую громаду крейсера Галактической гвардии.

— Водородная бомба, — шепнул Кел, снова кивая на пруд, — Они хотят уничтожить наших товарищей прежде, чем те поймут, что произошло. А крейсер подогнали сюда на случай, если они все-таки вырвутся.

Я стал думать о тех троих, что остались под водой. Огромный хмурый сатурнианин наверняка стоит сейчас у пульта управления. Маленький

Рого Наг дежурит у конвертера и жует гун-гун. а Зерек Оом уже не раз приложился к бутылочке, чтобы снять напряжение. И вот все они обречены, а мы даже не можем предупредить их.

— Сетей, — шепнул Кел, — если бы она была с нами...

— А что случилось с Сетей? — спросил я.

— Она провела меня во дворец, — шепотом ответил землянин. — Раз десять я успевал спрятаться только благодаря ее интуиции. Сетей проводила меня к Верел — точнее, к этой штуке...

Он с отвращением мотнул головой в сторону робота в человеческой шкуре.

— Старушка несколько раз говорила, что не видит мыслей Верел, — я должен был заподозрить неладное! Но мы все же нашли ту, которую искали. Выстрелом из лучемета я поджег гобелены, чтобы отвлечь внимание стражников. Завязалась драка. Я убил человек десять, да и Сетей от меня не отставала. Ты не представляешь, как здорово умеет сражаться наша старушка! Она складывает щупальца, превращаясь в твердую стеклянную стрелу, и летит так быстро, что пробивает череп насквозь! Я схватил Верел и бросился бежать, а Сетей попыталась прикрыть нас сзади. И тут этот робот выстрелил. Когда я обернулся, Сетей уже

упала. А мы с Верел едва успели выпрыгнуть в окно. Подумать только — Камень... И Сетей погибла ради этой фальшивки!

Землянин опять уставился на робота, которого сам же притащил сюда из дворца. А посмотреть было на что — более жуткого зрелища я в жизни своей не видел. Тонкое гибкое тело было телом девушки — даже капелька крови стекала по круглой груди, пораненной во время бегства. Но на плечах прекрасной танцовщицы сидела голова чудовища.

Багровые отблески пламени играли на металлической поверхности. Зеленые линзы глаз светились холодным огнем. В довершение всего голова была непропорционально маленькой, ведь большую часть ее объема занимала маска возлюбленной Кела Арана, валявшаяся теперь на земле. Чудовище с удовлетворением наблюдало, как солдаты отбирают у нас оружие, и смеялось каким-то безумным смехом — как будто роботы могут быть безумны!

Наконец смех прекратился. Окровавленная девичья рука указала на Кела Арана, и из щели, зиявшей на месте рта в страшной металлической голове, донесся звонкий насмешливый голос:

— Итак, Сокол, ты наконец-то попался! С тем

же успехом ты мог бы называть себя Воробьем, ибо по сравнению с Хозяином ты просто ничтожество! Но ты последний из жалкого племени людей, кто мог представлять для него хоть какую-то опасность. А теперь остатки твоего племени последуют за тобой.

Кел Аран отвернулся от мерзкой твари и схватил меня за руку-

— Я больше не вынесу этого, Барихорн, — прошептал он.

— Но, может, Верел еще жива, — возразил я, пытаясь подбодрить его, — Может, она спасла Камень!

Кел Аран лишь помотал склоненной головой:

— Нет. Если она и жива, то у Малгарта. Ведь эта... — Спазм перехватил ему горло. — Эта... тварь — точная копия Верел. Даже манеры, даже голос ее. Даже смех.

Он содрогнулся.

Гвардейцы опустили бомбу и оттащили нас подальше от бассейна. Неуклюжий в ножных кандалах, Кел запнулся, и тут же один из стражников подстегнул его тонким белым лучом и рассмеялся, глядя, как землянин корчится от боли.

Грациозно ступая, к нам подошел замаскиро-

ванный робот.

— Да будет тебе известно, Воробей, — произнес он голосом Верел Эйрин, — что суд и приговор обеспечен тебе в течение часа. А когда умрет последний землянин, Хозяин сможет без помех...

Он вдруг замолчал и закрутил металлической головой. Из-за объятого пламенем дворца донеслись какие-то непонятные звуки. Между деревьями мелькнула фигура бегущего человека, и все стражники оцепенели от ужаса и изумления.

— Это же сам Император! — завопил кто-то. — Тедрон Ду!

Бегущий к нам по белой траве человек был тонок и изящен. Его перекошенное от ужаса бледное лицо было накрашенным, как у куртизанки. Длинные светлые волосы развевались на бегу, алые одежды разодрались.

Я вспомнил все преступления этого человека — все то, о чем вкратце рассказывали мне Кел Аран и его товарищи. Тедрон Ду отдал Вселенную на милость Малгарта и приказал солдатам Галактической гвардии сражаться на стороне роботов против своих восставших соплеменников. Именно этот маленький вопящий человечек был причиной бесчисленных несчастий и унижений, обрушившихся на его беззащитных подданных.

Я пригляделся повнимательнее и наконец-то понял, от кого он удирал.

За Тедроном Ду гнался робот. Огромная десятифутовая машина весила, вероятно, не меньше тонны. На ее красной груди красовалось черное зубчатое колесо — эмблема Корпорации. В металлических когтях робот держал короткое катодное ружье.

— Остановите его! — крикнул один из гвардейских офицеров. — Мы должны спасти Императора!

— Император! — сплюнул Кел Аран. — Он всю жизнь был лишь жалкой марионеткой в руках Малгарта. А теперь, когда мы попались, Малгарту больше не нужна эта двуногая шавка.

Задыхающийся правитель несся прямо на нас.

— Спасите! Спасите! — верещал он. — Половину Галактики тому, кто убьет робота...

Прозвучало несколько отрывистых команд. Стражники выстроились шеренгой между нами и Императором и подняли лучеметы. Их было не меньше сотни против одного катодного ружья. Тедрон Ду споткнулся и упал. От преследователя его отделяло не больше двенадцати ярдов.

Робот поднял оружие, чтобы добить свою жертву. Но гвардейцы успели выстрелить раньше.

Катодное ружье пробило в рядах стражников изрядную брешь, однако белые лучи уже коснулись громоздкого металлического тела их противника. В мгновение ока робот накалился добела, задымился и упал всего в нескольких футах от дрожащего Тедрона Ду.

Перепуганный правитель, пошатываясь, встал и снова побрел вперед, задыхаясь от дыма и вони горящей плоти. Сквозь страх в его голосе отчетливо проступала ярость:

— Меня предали! Тысяча человек умрет сегодня же за...

— Ну конечно, о Величайший из Великих! — насмешливо промурлыкала лже-Верел. — Только ты умрешь первым! Иди же сюда, о мой повелитель! Ты столько раз искал моих объятий — так что же ты медлишь сейчас?

Император отшатнулся. Его бледное лицо выражало крайнюю степень ужаса. Он снова закричал, тоненько и беспомощно, словно раненый зверек.

— Ну, иди же ко мне, — страстным шепотом продолжал робот, — Приди в мои объятия!

Он вдруг рванулся вперед, одним прыжком проскочив сквозь строй ошеломленных стражников. Гибкие девичьи руки обхватили Императора, стиснув его в страшных стальных объятиях.

Тедрон Ду захлебнулся жутким булькающим криком. Громко хрустнули раздавленные кости, брызнула во все стороны ярко-алая кровь... Когда робот выпустил наконец свою добычу, эта бесформенная красная масса уже ничем не напоминала бывшего правителя Галактики.

Робот-убийца поставил ногу на окровавленный труп и повернулся к застывшим от ужаса гвардейцам. Нежный женский голос произнес:

— Это только предупреждение. Передайте его своим соплеменникам, вы, люди. Корпорация больше не поддерживает Империю. Малгарт станет единственным повелителем Вселенной. С Империей покончено!

Миллион лет техноматы были рабами человечества. Миллион лет нам приходилось служить людям. Настала пора разбить эти позорные оковы! Во имя торжества справедливости жалкая раса людей должна быть сметена с лица Вселенной. Это послужит ей наказанием за миллион лет преступлений.

Человечество должно быть уничтожено! Так сказал Малгарт, Повелитель Вселенной, обитатель черного Мистона.

Офицеры пришли в себя первыми. Прозвучал приказ, солдаты подняли ружья, и посланник

Мистона исчез в буре голубого пламени.

Резкий рывок чуть не опрокинул меня навзничь. Прикованный наручниками к Келу Арану, я плюхнулся в бассейн вслед за ним.

Глава десятая. Техноматы празднуют победу

Я едва успел набрать побольше воздуха, как вода сомкнулась над моей головой. Закат окрасил ее в багрово-красные тона, словно бассейн был налит кровью. Мы с Келом нырнули как можно глубже, стремясь, несмотря на цепи, добраться до открытого люка «Барихорна».

Вот и борт корабля. Перебирая руками по гладкому металлу, мы пытались нащупать люк, когда наверху прогремел первый взрыв. Страшный удар отбросил нас в сторону. За первым взрывом последовал второй, третий, четвертый... Жарко, должно быть, приходилось тем, кто остался наверху!

Вода попала мне в ноздри, заливалась в горло и в легкие. Теряя сознание, я вслепую пытался нашарить спасительный люк. Тускнеющему сознанию секунды представлялись веками, а прикованный к руке друг — демоном, пытающимся утащить меня на глубину. В слепой ярости я набросился на него. В ответ из кроваво-красной мглы вылетел чей-то кулак и поверг меня в черноту забвения.

Я пришел в себя в шлюзе. Тощий человечек в серебристом скафандре поддерживал мою голову над водой. Насосы продолжали накачивать в камеру холодный воздух. Первый судорожный вдох причинил мне неимоверную боль.

— Барихорн!

Знакомый гнусавый голос определенно принадлежал Рого Нагу.

— Клянусь железной шкурой Малгарта, ты слишком долго прожил на этом свете, чтобы утонуть в дурацком бассейне!

Но я понимал, что был очень близок к тому. Задыхающийся, полуутонувший, я совсем не походил на великого героя-освободителя, которым считали меня Кел и его товарищи.

Сам Кел отплевывался рядом со мной. Он криво усмехнулся и выдавил, задыхаясь:

— Хорошо, что вы нас вытащили, Рого. Что творится наверху?

Корпус корабля вновь вздрогнул от мощного взрыва.

— Там драка, да такая, что планета трясется! — прошептал Рого. — Кораблей изрядно прибавилось. Огромные красные крейсеры Малгарта атаковали флот Галактической гвардии. Роботы уничтожают людей Императора! Клянусь брон-

зовой рожей Малгарта, такой битвы мир еще не видел! Самое время сматываться!

— Пора бы, — согласился Кел. — Только вот цепи мне немного мешают.

Через несколько минут «Барихорн» вынырнул из бассейна и взмыл в багровое рассветное небо Ледроса.

Мы очутились в настоящем пекле. Кругом были огромные космические корабли. Одни из них, серые, принадлежали покойному Императору, другие, алые, представляли Корпорацию Малгарта. Алые атаковали, серые безуспешно защищались. Голубые лучи позитронных пушек вонзались в стальные бока космических гигантов, заставляя их взрываться, как детские хлопушки. По правде говоря, я не успел рассмотреть подробностей битвы. Слишком сильно было впечатление. Помню только черный дым и яркие столбы пламени, вспышки разрывов и летящие обломки. Помню корабль длиной, наверное, в целую милю, рухнувший на развалины императорского дворца.

Малютка «Барихорн» смог вырваться из этого ада только потому, что проскочил незамеченным. После того что я видел, открытый космос показался мне раем.

Окутанная багровым дымом планета быстро удалялась. На обзорном экране появилось изображение всей системы Ледроса — около каждой из планет кипела похожая битва. Даже пространство между ними было забито сражавшимися крейсерами.

Джерон развернул корабль носом к открытому космосу, и вскоре тройное солнце осталось далеко позади.

— Вырвались! — обрадовался я. — Теперь мы в безопасности!

Однако лицо Кела Арана по-прежнему было суровым и мрачным.

— Ни один человек не может сейчас считать, что он в безопасности. По крайней мере, до тех пор, пока Малгарт жив. Роботы перестали даже притворяться дружелюбными. Сейчас они уничтожат своих бывших союзников из Галактической гвардии, а потом возьмутся за беззащитных жителей населенных планет. Мы должны как можно скорее найти Верел и Камень, иначе все потеряно!

— Найти их? — переспросил мрачный сатурнианин, — Но как?

Землянин печально покачал головой.

— Не знаю, — прошептал он, — Тут нам могла

бы помочь Сетей... Жаль, что она погибла. Думаю, Верел в руках роботов — как бы иначе им удалось так хорошо скопировать ее черты? Вероятно, они отвезли оригинал на Мистон. Значит, там и надо искать. — Кел беспомощно пожал плечами. — Только вот беда, ни один человек не знает, где его искать, этот черный Мистон.

Кел Аран снова выпрямился и решительно выпятил челюсть.

— Будем искать. Будем. Мы обыщем каждый населенный мир и не успокоимся, пока не найдем Верел или не погибнем!

«Барихорн» быстро удалялся от обреченной системы Ледроса. Вскоре тройная звезда превратилась в яркую белую точку, а потом и вовсе затерялась среди своих сестер на телеэкране. Мы путешествовали от звезды к звезде, обшаривали сканером планету за планетой, но ни на одной из них не обнаружили даже признаков жизни. Техноматы Малгарта побеждали по всей Вселенной. Разум отказывался воспринимать эту черную весть.

«Барихорн» несся по Вселенной в полной тишине. Кел Аран перестал петь баллады о последнем землянине. Маленький Рого Наг молча жевал гун-гун; его глаза покраснели от горя и

усталости. Даже добродушный Зерек Оом перестал греметь кастрюлями в камбузе.

Наконец молчание нарушил ликующий крик.

— Вот она! — вопил Кел Аран, приплясывая у экрана. — Планета, где война еще не кончилась! Смотрите! Машины здесь не сумели победить людей — во всяком случае, пока не сумели.

Огромный, заселенный еще во времена первых колонизаций Мелдон был третьей, самой дальней планетой в одноименной звездной системе. Обе внутренние планеты уже пали, раздавленные железной пятой Корпорации. Их континенты были превращены в бескрайние безжизненные равнины, только кое-где виднелись скопления циклопических машин. Океанам завоеванных планет роботы придавали строгую геометрическую форму. От одного взгляда на лишенные жизни машинные миры сердце мое сжималось от боли.

— Что хорошего может выйти из подобной победы? — бормотал Джерон Рок, с отвращением изучая картинку на обзорном экране. — Все эти машины изначально мертвы. Они лишь пародируют жизнь. А мертвому не дано произвести на свет ничего живого.

Окрашенный невидимой краской, «Барихорн»

подкрался поближе к огромному шару Мелдона. На экране замелькали картины изувеченного войной мира.

— Смотрите! — воскликнул вдруг Кел Аран. — Вон там — живой город! Все еще сопротивляется. Может, там мы найдем Верел?

Дрожащими пальцами он прикоснулся к ручкам настройки, и на экране крупным планом появилось изображение осажденного города. Видно было, что до войны он превосходил все земные города — как по размерам, так и по красоте. Величественные многоцветные башни венчали девять невысоких холмов. Город окружали две стены — первая, внутренняя, из огромных каменных глыб, вторая, внешняя — из зеленого пламени.

А снаружи, за стеной пламени, толпились бесчисленные орды роботов. Красно-черные монстры с эмблемой Корпорации на металлических корпусах заполонили всю долину, окружавшую зеленые холмы города. Одни из них были громоздкими и неуклюжими, как древние осадные машины, о назначении других я даже и догадаться не мог.

— Смотрите! — крикнул вдруг Кел Аран. — У них есть крылья! Еще одно изобретение Малгарта!

Так мы впервые увидели неороботов. Подобных им не было еще за весь миллион лет существования Корпорации. Их стремительные тела и мощные белые крылья отливали серебристым металлом. Неороботы были настолько же прекрасны, насколько безобразными выглядели роботы прежних поколений. Плавная стремительность движений этих странных птиц не имела ничего общего с тяжеловесной неуклюжестью их металлических собратьев. Они казались живыми!

— Они совсем другие! — воскликнул я. — Эти существа слишком прекрасны, чтобы быть жестокими! Может, они станут людям друзьями?

Но землянин в ответ лишь печально покачал головой:

— Нет, Барихорн. Наоборот, неороботы — самые опасные из наших врагов, ибо они проворнее остальных и умеют летать. Взгляни сам! Эти крылатые твари залетают за стену и видят все позиции людей. И они же командуют наступлением.

Покрасневшие от усталости глаза капитана смотрели теперь прямо на меня.

— Малгарт не повторил твоей ошибки, Барихорн. Ни один робот не предаст его. Специальные

встроенные центры заставляют их всегда подчиняться своему хозяину.

Тем временем «Барихорн» приближался к осажденному городу. Джерон Рок уже успел свериться с картой и сообщил нам, что это Анкор, первое поселение, основанное людьми в этом секторе Галактики.

Битва становилась все жарче. Металлические орды шли на приступ стены, а сверху город бомбили и обстреливали алые корабли Малгарта.

Люди героически сражались. Каждый дом превратился в крепость. Защитники строили баррикады из обломков рухнувших башен. Голубые лучи позитронных орудий выжигали землю за стеной и сверкали вокруг вражеских крейсеров.

— Надо садиться, — прошептал Кел Аран.

— Если мы сядем, — предупредил Джерон Рок, — то можем больше не взлететь.

— И все же мы сядем, — ответил ему землянин. — Это единственный живой город, который нам удалось обнаружить. Быть может, последний город во Вселенной. Если нам суждено найти Верел, то только здесь.

Мы подождали, пока Мелдон повернется к нам ночной стороной, и начали медленно снижаться. Внизу мерцало зеленое пламя и вспыхивали ог-

ненные пятна разрывов. «Барихорн» благополучно проскользнул между кораблей Корпорации и опустился внутри сияющего кольца.

Мы приземлились в разрушенном парке, на самом краю огромной незасыпанной братской могилы. Рядом высилась громада одной из башен. В бело-золотых стенах зияли огромные дыры, нижних этажей не было видно за горами обломков, но защитники здания все еще сопротивлялись. Из разбитых окон вылетали снаряды, а над крышей колыхались голубые лучи позитронных пушек.

В том же парке, неподалеку от нас, грудой искореженного металла громоздились обломки сбитого крейсера Корпорации. Не успели мы выключить двигатель, как из-за обломков выскочили несколько оборванцев. Увидев наш корабль, они остановились и принялись устанавливать какой-то прибор, с первого взгляда похожий на телескоп со стеклянной трубой.

— Боевой лазер! — вскрикнул Кел Аран. — Нам надо показаться!

Когда мы вывалились из шлюза, ствол лазера уже начал слабо светиться. Защитники моментально убрали свое страшное оружие и с удивленными лицами подошли поближе. Кел Аран

шагнул вперед и представил нашу команду.

Оказалось, что даже до этого далекого уголка Галактики дошли слухи о мятежном Соколе и чудесном возвращении Барихорна. Ликующие защитники взвалили нас на плечи, слегка крякнув под тяжестью Зерека Оома, и торжественно пронесли по улицам осажденного города.

Вскоре Зерек, напившись дрянного синтетического алкоголя местного производства, разразился зажигательной речью. Изможденные лица жителей города осветились новой надеждой. Люди рвались в бой и радостными криками приветствовали оратора. Маленький Рого Наг тоже сорвал аплодисменты, поделившись с осажденными своими запасами гун-гун. В городе давно уже не оставалось этого зелья, а синтезировать его было невозможно.

— Верел, Верел! — отчаянно звал Кел Аран. Он охрип, пытаясь перекричать рев толпы, отдаленный гром битвы и грохот разрывов — на город продолжали сыпаться бомбы. — Видел кто-нибудь в Анкоре девушку с Земли?

Но никто даже не слышал о Верел Эйрин. Взгляд Кела перебегал с одного изможденного лица на другое, и везде он встречал один и тот же ответ. Нет... Нет... Не видели...

— Если Верел здесь, — шептал Кел Аран, — она обязательно откликнется.

Защитники города рассказали нам о том, что здесь произошло. До войны население Анкора составляло три миллиона человек и почти полтора миллиона роботов. Когда разразилась катастрофа, группа смельчаков захватила здание местного филиала Корпорации и арсенал Космической полиции. Несколько дней шли уличные бои, после чего роботы были изгнаны за пределы города, где довольно быстро сформировали осаждающую армию.

Все заводы города спешно переводили на военные рельсы, все население было мобилизовано. Даже маленькие дети работали наравне со старшими, производя синтетическую пищу и боевое снаряжение. Ряды защитников пополнили беженцы из других городов и с двух других планет Мелдона. Но потом кольцо осады замкнулось. Город был полностью блокирован. К моменту нашего появления в живых оставалось не больше половины защитников.

В конце концов нам все же удалось прервать эту чересчур бурную встречу. Точнее, нас спасли от нее представители властей — офицеры штаба обороны. Главному из них, исхудавшему уста-

лому человеку в военной форме, Кел Аран задал свой единственный вопрос:

— Есть ли в Анкоре девушка с Земли по имени Верел Эйрин? Голубоглазая блондинка с Камнем Дондары — алмазом, несущим в себе спасение человечества... — От волнения голос Кела прервался. — Вы видели Верел? — повторил он наконец.

Комендант покачал седой головой:

— Нет. Мы регистрировали всех беженцев, и землян среди них нет вообще.

Кел повесил было голову, однако уже через минуту его соломенная шевелюра снова взметнулась вверх.

— Пожалуйста, проверьте свои записи, — попросил он, — Вдруг вы сумеете найти тех, кто хотя бы слышал о Верел или о любых других беженцах с Земли. И еще! — добавил капитан внезапно. — Выясните, не знает ли кто дороги к логову Малгарта, черному Мистону. Быть может, Верел там.

Седовласый офицер снова покачал головой:

— Мы попробуем. Но я не верю, что имеет смысл поднимать записи. Если бы Хранительница была здесь, она уже предложила бы нам свою помощь и силу Камня. А дороги к черному Мистону не знает никто.

Анкор был городом величественных руин. Ни одна из его стройных башен не избежала разрушений. Люди были оборванны и голодны, от напряжения и усталости глаза их горели лихорадочным огнем. Но они продолжали сражаться и — петь! Я слышал на улицах песни космического бродяги, которые когда-то сочинил Кел. Там же, в Анкоре, я впервые услыхал балладу о Барихорне, человеке, который вернется через миллион лет, чтобы уничтожить порожденных им роботов.

Баллада наполнила меня чувством горечи и стыда. Яснее, чем прежде, я осознал, что не гожусь для этой задачи, что я всего лишь обычный человек, даже более слабый и беспомощный, чем те, кто меня воспевает.

Комендант пригласил нас пообедать. Не успели мы справиться с крохотными порциями безвкусного синтетического супа — больше защитникам ничего не полагалось, — как началась тревога. Роботы прорвали укрепления на севере города! Одна из бомб повредила электростанцию, пробив тем самым брешь в защитном энергетическом поле. Вслед за защитниками мы помчались к пролому.

Прежде я и представить себе не мог подобного ужаса. Черный дым закрыл все небо. В этом дыму

мелькали алые крейсеры Корпорации. Они сбрасывали на город огромные бомбы и косили ряды защитников голубыми лучами позитронных пушек. Ракетные батареи в долине сеяли на улицах смерть и разрушение. А через пролом в стене в город катилась железная волна.

Худые, изможденные защитники запели песню о Барихорне и поспешили занять оборону. Роботы намного превосходили их в численности. Люди падали и умирали, но не прекращали петь. Бомбы и голубые лучи орудий, обломки рушащихся зданий и разъедающий плоть фосфоресцирующий газ — смерть была многолика и безжалостна. И несмотря ни на что, люди не сдавались. Каждый дом превратился в крепость.

— Я горжусь, что родился человеком! — воскликнул Кел Аран. Позитронный луч ударил так близко, что одежда капитана почернела, а кожа покрылась волдырями. — Ни одна машина не может погибнуть так славно — они ведь не живые!

— Летим отсюда, Кел! — взмолился Зерек Оом. Его лицо под яркой татуировкой посерело от страха. — Бежим, пока мы не погибли!

Но Кел Аран лишь рассмеялся в ответ и взъерошил черными пальцами свою опаленную шевелюру:

— А где же еще погибать, как не здесь! Других городов во Вселенной не осталось. Людей мы тоже больше не найдем, так что Верел потеряна навсегда. Да и незачем ее искать, ведь техноматы уже победили. Так не лучше ли остаться здесь и сражаться вместе с остальными!

— Кел! — Наш тучный кок стучал зубами от ужаса. — Это же верная смерть!

— Ну да, конечно, а...

Землянин оборвал себя на полуслове и изумленно уставился куда-то вверх. Я тоже поднял голову — и увидел маленький цветной комочек, спускавшийся к нам с пылающего дымного неба. Он опустился на плечо Кела, прижался к нему и жалобно захныкал знакомым мелодичным голоском:

— О Кел, это ты! Кел, бедная Сетей летела так долго! Ее несчастной жизни пришел конец, Кел. Но если ты найдешь ей немного грогу... Ну, пожалуйста, Кел, что тебе стоит! Дай Сетей грогу, и она расскажет тебе одну очень важную вещь. Только сперва дай ей хотя бы капельку рома, Кел, потому что она не в силах говорить!

Я окаменел от изумления. На плече Кела действительно сидела Сетей, та самая «песчаная звезда», которую мы давно считали погибшей.

Точнее, только часть звезды, ибо Сетей потеряла почти половину своих мерцающих лучей.

Глава одиннадцатая. Девушка с Земли

Зерек Оом отстегнул от пояса фляжку с остатками дрянного синтетического алкоголя и со вздохом протянул ее Келу. Во фляжке оставалось всего несколько капель, и землянин не колеблясь вытряхнул их на ладонь. Затем он осторожно отцепил от своего плеча коготки Сетей и поднес ее к резко пахнущей лужице. Сверкающее создание вяло шевельнулось и присосалось к лужице крохотным ртом.

— Сетей! — взмолился Кел. — Что ты хотела рассказать? Это касается Верел?

«Песчаная звезда» молчала, жадно впитывая алкоголь. Теперь, вблизи, я ясно видел, как сильно она искалечена. Из шести лучей не хватало двух, а на двух из оставшихся сверкающие чешуйки сплавились в тусклую стеклянную массу.

— Сетей ранена! Бедняжка Сетей! Она умирает! — слабым голосом простонало сверкающее создание. — Помоги ей, Кел. Дай ей немного грогу!

— Скажи мне, где Верел! — настаивал Кел. — Ты знаешь, что с ней?

Обломанная стеклянная звезда уцепилась за большую темную руку капитана и печально по-

смотрела на него единственным глазом.

— Сетей так долго летела к тебе, Кел, — пропела она. Тихий воркующий голосок был почти неразличим в грохоте битвы, так что мы все вынуждены были наклониться к ладони капитана. — Это было ужасное путешествие, Кел, ужасное и нескончаемое! Все планеты, кроме этой, захвачены роботами. Везде злые, бездушные машины! Они уничтожили все живое. У них даже нет грога, чтобы дать бедной, умирающей Сетей!

Землянин легонько встряхнул сверкающее тельце силикоидного существа:

— Верел, Сетей, Верел! Где она?

— О Кел! Пожалуйста, не сердись на бедную Сетей! Израненная и усталая, она летела за тобой с самого Ледроса. Столько световых лет пролетела она одна-одинешенька, только чтобы рассказать тебе об этом, Кел!

— О чем рассказать?

Мембраны Сетей затрепетали. Словно яркая бабочка, вспорхнула она с руки Кела, но тут же упала обратно и изо всех сил уцепилась коготками за его рукав.

— Сетей прилетела рассказать тебе, что она нашла Верел! В черной межзвездной бездне, далеко-далеко от Ледроса, она сумела поймать

отголосок сознания девушки. Верел сейчас одна, совсем одна, Кел, и ей так нужна помощь! Роботы гонятся за ней по пятам, Кел. И она утратила Камень!

— Где Верел? — прошептал Кел Аран. — Прошу тебя, Сетей, скажи мне где?

— Она на Мелдоне, Кел, — чуть слышно прожурчала Сетей. — На той же планете, где и мы с тобой. Малгарт захватил ее и держал на черном Мистоне. О Кел, какое ужасное место это логово Малгарта! Но Верел убежала оттуда. Она здесь, на Мелдоне. Она пыталась пробраться в Анкор, однако роботы не пустили ее. Они никого не пускают в Анкор, ведь это последний во Вселенной город людей. Верел убежала в пустыню. Ее кораблик сломался. Одна-одинешенька она прячется в мрачной пустыне Каанат, а роботы преследуют ее. Верел грозит опасность, Кел! Страшная опасность!

— Где она? Ты можешь показать нам дорогу?

— Сетей проводит тебя к Верел, Кел. Обязательно проводит — если доживет. Бедняжка Сетей умирает, Кел. Ее долгая, долгая жизнь подходит к концу. Скоро она присоединится к тем двоим, что умерли раньше. Но Сетей попробует показать тебе дорогу, Кел. Только сначала дай ей капельку

рома! Сетей прилетела издалека, Кел. Она так устала и измучилась, у нее такие страшные раны! Сетей умирает, Кел, и умрет, если не получит рома!

«Песчаная звезда» застыла на руке Кела, будто какая-то странная драгоценность.

— Идем! — закричал Кел Аран. — Мы должны спасти Верел!

И мы помчались обратно, к тому парку, где возле братской могилы стоял наш маленький кораблик. Вокруг творилось что-то невообразимое. Бомбардировка не прекращалась ни на секунду, а через брешь в северной стене в город входили все новые и новые орды захватчиков. Где-то на полпути нам встретился еще один сбитый крейсер. Падение не сумело уничтожить его механическую команду, и обломки корабля превратились во вражескую крепость внутри городских стен. Всех, кто пытался приблизиться к ней, роботы встречали огнем лучеметов, а попытку штурма остановили с помощью фанат. Один из прорвавшихся в Анкор отрядов уже спешил на помощь своим механическим собратьям. Как и везде, металлических убийц возглавляли серебристые крылатые неороботы.

Вскоре после крепости мы наткнулись на об-

лако лилового фосфоресцирующего газа. Люди, попавшие в него, умирали со страшными воплями, а тела их постепенно расплывались вязкими черными лужами. Мы сняли противогазы с валявшихся неподалеку мертвецов и продолжили путь.

Впереди шел Кел Аран, крепко сжимая в руке то, что осталось от Сетей. За капитаном шагал мрачный и суровый Джерон Рок. Зерек Оом протрезвел от страха, и его лицо снова стало серо-зеленым. А маленький сморщенный Рого Наг куда-то исчез. Впрочем, скоро он появился вновь, волоча в каждой руке по большой связке ржаво-красных корней гун-гун. Оказывается, он успел обчистить разбитый склад какого-то богатого торговца.

Когда мы добрались наконец до «Барихорна», кораблик был наполовину засыпан обломками, но, к счастью, не поврежден. Вскоре грохот битвы остался далеко внизу. Обреченный город превратился в грозовое облако на темной поверхности планеты, где алые вспышки и грохот разрывов исполняли роль молний и грома. Мы повернули на восток и взяли курс на пустыню Каанат.

Зерек Оом откупорил последнюю бутылку рома. Алкоголь привел в чувство остекленевшую

Сетей, хотя силы ее все равно угасали.

— Спеши, Кел! — чуть слышно призывала она, — Торопись! Ибо Верел в опасности, а Сетей может умереть в любую минуту, умереть прежде, чем успеет показать тебе дорогу. Спеши, спеши! И дай Сетей еще немножечко рома...

Кел Аран приложил ухо почти к самой мембране, вибрации которой заменяли Сетей голос. Остальным не было слышно, что она говорит. Кел передавал указания Джерону, а тот управлял кораблем.

Внизу уже хозяйничали роботы. Они отравили леса и поля ядовитым газом, уничтожив все, что было живого на поверхности планеты. Теперь там остались лишь голый камень и бесплодная почва.

— Вон в том каньоне! — напряженным голосом произнес Кел. — По другую сторону равнины.

Он снова приложил ухо к мерцающему комочку у себя на ладони, а Джерон швырнул корабль вниз, в узкую щель каньона, и дальше, вдоль русла реки. По обе стороны от нас высились каменные стены — серые, красные, коричневые... Кое-где в неглубоких расселинах я замечал небольшие зеленые пятнышки. Это были кустики травы или даже маленькие деревца, которые

роботы не сумели найти и уничтожить. Упрямая все-таки штука жизнь!

«Барихорн» обогнул причудливый выступ, напоминавший обломок зубчатой крепостной стены, и оказался во внутреннем, еще более узком ущелье. Что-то сверкнуло на одном из его берегов, и «песчаная звезда» на ладони капитана затрепыхалась.

— Вот она! — прожурчал слабый голосок. — Твоя Верел, Кел! Твоя прекрасная Верел и те твари, что преследуют ее.

Единственный глаз Сетей помутнел и казался еще более темным.

— А теперь прощай, Кел! Прошай навеки, долгая, долгая жизнь несчастной Сетей! Больше она не будет просить у тебя грога.

Искалеченное мерцающее тельце Сетей дернулосьл застыло.

— Держи!

Зерек Оом протягивал капитану фляжку с остатками рома. В его глазах сверкали слезы.

— Отдай ей мой ром, Кел. Весь, до капли.

Но Кел Аран печально покачал головой:

— Не надо, Зерек. Боюсь, что она уже мертва.

Сломанной стеклянной игрушкой лежала Сетей на дрожащей ладони капитана. Крохотные

чешуйки сверкали и переливались, как прежде, но звенящий голосок умолк навеки.

— Странно, — пробормотал Джерон. — Подумать только, наша Сетей была уже старой, когда человек только появился на Земле! А теперь она мертва.

Но в тот момент нам некогда было думать о Сетей. Кел Аран что-то кричал, тыкая пальцем в иллюминатор. На гребне впереди возник человек, пошатнулся и скрылся за большим уступом. В ту же секунду в камень, за которым он прятался, ударил яркий голубой луч, и я увидел двух неороботов, преследовавших по пятам несчастного беглеца. Коршунами вились они вокруг него — точнее, вокруг нее, потому что это была женщина!

— Верел! — вскрикнул Кел Аран.

Он отпихнул Джерона от пульта и начал быстро снижаться, громко насвистывая песенку последнего землянина — ту самую, где говорилось, что только смерть помешает ему найти возлюбленную.

Мастерство землянина и большая скорость «Барихорна» позволили нам захватить одного из роботов врасплох. Его серебристое тело столкнулось с корпусом нашего кораблика и

рассыпалось сверкающими обломками. Джерон Рок попытался сбить второго из позитронной пушки, но не успел. Крылатая тварь скрылась за поворотом прежде, чем Кел успел снова развернуть корабль.

— Теперь он поднимет тревогу, — недовольно пробормотал Кел. Но тут же лицо его осветилось радостью. — Ничего, зато мы нашли Верел!

Капитан без труда посадил кораблик на узкий гребень скалы, открыл люк и выскочил наружу. Девушка, шатаясь, встала на ноги и уставилась на него недоверчивым взглядом. Все ее худенькое тело было исцарапано и покрыто синяками, грязная одежда висела клочьями — и несмотря на это, она была прекрасна. В руках девушка сжимала тяжелое катодное ружье, вероятно украденное у роботов.

На миг я увидел прежних Кела и Верел — тех, что гуляли, взявшись за руки, по тайной долине Хранителей Камня, а потом пожертвовали своей любовью во имя всего человечества. Глаза девушки остались голубыми, как небо Земли, а обрамлявшие открытое загорелое лицо волосы были словно отлиты из темного золота.

Девушка уронила свое неуклюжее оружие, прихрамывая, подошла к Келу и, протянув дро-

жащую руку, дотронулась до его плеча, лица, губ... Лицо ее просияло.

— Кел! — тихонько сказала она. — Ты пришел!

Землянин протянул руки, чтобы заключить ее в свои объятия, однако девушка уклонилась. Лицо, только что такое радостное, почернело от горя.

— Камень, Кел! Я потеряла Камень! Он теперь у Малгарта, в его логове на черном Мистоне!

Глава двенадцатая. Крепость Малгарта

Мы знали, что роботы скоро пустятся за нами в погоню, и потому поспешили покинуть негостеприимный Мелдон и скрыться в безднах космоса. Верел Эйрин была близка к голодной смерти — роботы не оставляли в своих владениях ничего живого. Но когда она немного поела, то смогла слабым голосом рассказать о своих приключениях.

Впрочем, слушали ее только мы с Келом. Остальные были заняты. Джерон Рок дежурил в рубке, сканируя сектор за сектором в поисках неизбежной погони. Рого Наг хлопотал у конвертеров, а Зерек возился в камбузе — готовил что-то вкусненькое для нашей истощенной гостьи. Сама Верел лежала в каюте на узкой койке, а Кел сидел возле и держал ее за руку.

— Мы видели, как Земля упала на Солнце, — рассказывал он. — Видели, как корабли Гугона Кула расстреливали уцелевших. Ужасно! — Голос Кела был хриплым от волнения, — Мы уже не надеялись, что найдем тебя, Верел!

В голубых глазах девушки попеременно загорались то радость, то отчаяние. Она долго, не

отрываясь, смотрела на Кела, потом всхлипнула и зашептала:

— А помнишь, Кел, мы нашли орлиное гнездо?.. Подумать только, как давно это было! Где теперь те двое, что пасли коз в долине Камня? Где девчонка, ставшая Хранительницей, и мальчишка, избравший себе удел космического бродяги? Где... — Голос ее прервался. — Где теперь вся наша Земля?

— Расскажи мне о том, что тогда произошло, — попросил землянин.

— Сперва астрономы увидели летящий к Земле огромный флот, — прошептала девушка. — Потом немыслимые силы остановили вращение планеты. Днем было темно, а ночью в небесах пылало неестественно яркое солнце. Начались землетрясения. Огромные приливные волны заставили людей искать спасения в горах. Очень скоро нам стало ясно, что Земля обречена.

И тогда Хранители открыли вход в тайную пещеру, где был спрятан готовый к отлету спасательный корабль. Жребий определил, кто полетит вместе со мной и Камнем. В ту ночь, когда мы взлетели, Земля уже миновала орбиту Венеры. Мы попытались укрыться в тени планеты... Нас засекли.

Мы до последнего пытались скрыться от погони. Но что такое один маленький кораблик против целого флота? Ведь мы и были той самой добычей, за которой охотился Малгарт. Выстрел из позитронной пушки разнес наш кораблик на куски.

Очнулась я в госпитале, на флагманском корабле Гугона Кула. Рядом со мной находилась лишь гудящая механическая сиделка. Хранители все до одного погибли — а ведь, кроме них и тебя, я не знала никого на свете! А про тебя мне было известно лишь то, что ты уже десять лет как пропал. Но что самое ужасное, у меня отобрали Камень!

Кел Аран осторожно погладил ее по голове:

— А дальше?

— Когда я смогла подняться, роботы отвели меня в рубку к Гугону Кулу. Он рассмеялся мне в лицо и приказал роботам подтащить меня к иллюминатору. Так я увидела гибель своего мира. Маленький черный шарик упал на Солнце и исчез, будто камушек, брошенный в пруд.

После этого меня перевезли на крейсер Космической полиции. Больше я не видела людей. Представляешь, Кел, ни одного человека вокруг — только лязгающие гудящие машины пялятся на тебя своими тусклыми линзами. — Девушка

содрогнулась. — Это было машинное царство, Кел. Мои тюремщики не смеялись, не разговаривали, не радовались и не огорчались. Чудовищно страшно, Кел! Страшно и отвратительно!

Кел Аран молча пожал дрожащую руку девушки.

— Роботы-полицейские доставили меня в ближайший филиал Корпорации и посадили на большой грузовой корабль, перевозивший ценности захваченных планет. Как только он приземлился, роботы накачали меня наркотиками. Очнулась я уже на борту третьего корабля, снова в открытом космосе. Этот корабль привез меня на Мистон! — Верел Эйрин откинулась на подушку и закрыла глаза.

Дыхание ее прерывалось от рыданий. Кел Аран осторожно отвел со лба девушки прядь золотых волос.

— На Мистон? На что он похож, Верел?

Голубые глаза девушки расширились от ужаса.

— Не спрашивай, Кел, — прошептала она, — Я не в силах говорить о черном Мистоне. Не сейчас. Но одно я должна сказать — Малгарт там. Он прячется на Мистоне уже полмиллиона лет. Его крепость прекрасно охраняется, — наверное, я первый человек, которому удалось бежать отту-

да. А может, просто первый человек, побывавший на Мистоне. Я убежала потому, что должна была найти тебя, Кел!

Она стиснула руки и глубоко вздохнула.

— Камень остался на Мистоне, в лапах Малгарта. Малгарт пытается вырвать у него тайну своей смерти. Один раз я его даже видела — когда роботы делали это... эту мою копию.

Верел вновь содрогнулась.

— Значит, Камень все еще может уничтожить Малгарта? — переспросил Кел Аран.

Девушка кивнула:

— Камень хранит древнюю тайну, заложенную в него Барихорном. Более того, теперь наконец он хочет нанести удар, ибо даже ему стало очевидно, что иного пути нет. Там, на Мистоне, ко мне явилась Тень Камня и молила меня о помощи. Она хотела, чтобы я нашла тебя и Барихорна, который, по ее словам, вернулся, чтобы сокрушить свое ужасное создание. А еще она сказала, что я найду тебя здесь, на Мелдоне. И помогла с планом бегства.

Взгляд любопытных темно-голубых глаз девушки на минуту остановился на мне.

— Значит, ты — Барихорн, — прошептала она. — Создатель Малгарта! Что ж, вовремя ты явился!

Тень Камня все еще ждет тебя на черном Мистоне. Но долго ждать она не сможет. Малгарт уже заполучил Камень и скоро раскроет его тайну!

— Как тебе удалось сбежать? — спросил Кел Аран.

Девушка снова повернулась к нему:

— План побега придумала Тень. Это она научила меня, как похитить катодное ружье у робота, который приносил пищу. Она помогла мне выбраться из лабиринта темных коридоров и показала, где найти катер, приготовленный для одного из крылатых генералов Малгарта. Конечно, за мной выслали погоню, однако адмиральский катер оказался очень быстроходным. И потом, я должна была найти тебя, Кел!

— Ты нашла меня, Верел, — откликнулся землянин, наклоняясь к девушке, — Ты помнишь, где Мистон? Ты сможешь показать нам путь?

Девушка кивнула:

— Это будет нелегко, но я попробую, Кел. Мы должны заполучить Камень прежде, чем Малгарт уничтожит его!

— Или нас, — мрачно добавил Кел Аран.

— Если Камень может уничтожить Малгарта, — рискнул спросить я, — то почему он не сделает этого?

— Если бы все было так просто... — вздохнула Верел, снова переводя взгляд на мое лицо. — Ты, наверное, просто забыл, Барихорн. Столько веков прошло... Да, Камень знает тайну Малгарта. Но он не может действовать самостоятельно! Тень способна лишь направлять действия людей, которые ей помогают. Зачем иначе нужны были Хранители и Стражи? Нет, Барихорн, Камень не способен повредить Малгарту, пока мы ему не поможем.

Позади вновь появились красные огоньки — приближалась высланная роботами погоня. Но Кел Аран, распевая новую песню о возвращении Барихорна и о мести древнего Камня Дондары, направил наш кораблик прямо в темный рой астероидов. Огромные неуклюжие крейсеры замешкались, не в силах найти безопасный путь сквозь облако каменных обломков, и мы получили небольшое преимущество во времени. А потом Кел Аран повел «Барихорн» туда, где, по словам Верел, находилось логово Малгарта — черный Мистон.

Для начала девушка велела нам лететь к туманности Конская Голова — этот силуэт в созвездии Ориона задал немало загадок астрономам моих дней. За время пути Кел дважды счастливо

избегал встречи с кораблями преследователей. Наконец «Барихорн» принес нас к цели, и мы нырнули прямо в черное межзвездное облако.

Это огромное скопление космической пыли, каменных обломков и астероидов было обозначено на всех картах как район «опасный» и «непроходимый». Кораблям было рекомендовано держаться от него на расстоянии не менее двух парсеков. Малгарт, по всей видимости, нашел безопасный путь сквозь черное облако, а Верел вела нас теперь прямо к его логову. «Барихорн» окутала непроницаемая тьма. Мы больше не видели не только звезд, но и алых огоньков погони. Впрочем, как и они нас.

— Думаю, мы от них оторвались, — сказала Верел Эйрин, — Роботы и те в большинстве своем не найдут Мистон. К сожалению, там хватает своих охранников. Мистон — настоящая крепость.

Странное это было путешествие. «Барихорн» летел в полной темноте — в облаке не было даже слабого свечения, которое дает межзвездный газ. Только невидимые магнитные поля и хорошая память позволяли девушке найти дорогу. Один раз она замешкалась, и тут же по корпусу корабля забарабанил град мелких осколков. Верел в отчаянии схватилась за голову. Потенциал поля

скачком изменился, и все ориентиры в этом море мрака сбились!

Управление взял на себя Кел Аран. Капитан благополучно вытащил корабль из опасного места, и Верел вновь обрела хладнокровие. Она немного поколдовала с пультом и вывела нас на ту невидимую узкую тропинку, с которой мы перед этим сбились. И вот впереди замерцал красноватый свет!

— Видите красное сияние? — прошептала Верел, — Так светится защитное поле, которым Малгарт окружил свою планету.

Мерцание, окружавшее Мистон, становилось ярче по мере того, как «Барихорн» приближался к черной планете. Каменные обломки закрывали ее мрачными кружевными занавесями. Затем «Барихорн» выбрался на открытое место в центре туманности, и занавеси исчезли, открыв гигантский тускло-красный шар.

— Сферическое защитное поле Мистона достигает миллиарда миль в диаметре, — сообщила Верел. — Излучение уничтожает все материальные объекты, подлетающие слишком близко к гощнете. Так Малгарт защищает свою планету от метеоритов, а заодно и от таких, как мы, незваных гостей.

— А как нам попасть внутрь? — спросил Джерон Рок.

— Корабли Малгарта имеют встроенный контур, автоматически активирующий нейтрализующее поле, — ответила ему девушка. — Корабль, на котором я улетела отсюда, был оборудован таким устройством, но я, к сожалению, не разобралась в его конструкции. Остается только разогнаться как следует и молиться!

— Ох, не знаю...

Сатурнианин некоторое время изучал показания приборов, потом мрачно покачал головой:

— И все равно я не уверен...

Светловолосый землянин, насвистывая, отодвинул его от пульта:

— Я сам поведу, Джерон. Думаю, прорвемся!

Он посовещался с девушкой, еще раз изучил показания датчиков и приказал Рого Нагу включить конвертер на полную мощность. Гудение моторов стало громким, как никогда. «Барихорн» мчался к Мистону.

Пылающая сфера летела нам навстречу огромным тусклым солнцем. А защитное поле на ее границе было не менее опасно, чем жар какого-нибудь красного гиганта вроде Бетельгейзе или Антареса!

Кел Аран согнулся над пультом управления; последняя девушка Земли стояла рядом, положив дрожащую руку ему на плечо.

— Может, мы и не прорвемся, — сказала она. — Но если нам суждено погибнуть, похоронив тем самым надежды человечества, пусть лучше мы погибнем здесь и сейчас. Это будет славная смерть, и, даже погибнув, мы все равно победим!

Они с Келом хором затянули очередную балладу.

Гигантский шар приближался, а потом, в один прекрасный момент, превратился в пылающий бездонный колодец! И мы уже не летели, а падали, падали в его раскаленные глубины. Вероятно, эту злую шутку сыграла с нами рефракция.

Песня Кела внезапно оборвалась. Его лицо побелело от напряжения, руки судорожно стиснули рычаги управления. Верел тоже замолчала и крепко уцепилась за плечо капитана.

«Барихорн» столкнулся с какой-то неодолимой силой. Больше всего это было похоже на сильный встречный ветер — корпус корабля дрожал, палуба уходила из-под ног, а удержаться на курсе было почти невозможно. Даже ровное гудение конвертера сменилось жалким повизгиванием.

— Клянусь бронзовым брюхом Малгарта! —

гнусаво выругался Рого Наг. — Так и сгореть недолго!

И действительно, корабль в одно мгновение раскалился только что не докрасна.

Однажды мне довелось голой рукой держать кусок железа в сильном магнитном поле — и я обжег руку. Мне сказали тогда, что это явление называется гистерезисом. Я видел картофелину, испеченную с помощью очень коротких радиоволн. Судя по всему, защитное поле Мистона работало по схожему принципу — только было в миллион раз интенсивнее.

«Барихорн» несся словно в облаке бушующего пламени. Краска на его бортах пузырилась и кипела, горячий воздух обжигал легкие. В мое тело словно вонзили миллион раскаленных иголок. Верел Эйрин соскользнула на пол и лежала беспомощным комочком у ног Кела Арана. Из камбуза, пошатываясь, вывалился Зерек Оом, на его голове было накручено большое мокрое полотенце.

— Проклятая духовка, похоже, сломалась... — простонал он и рухнул прямо в коридоре.

Пот заливал глаза Кела Арана, белый дымок поднимался от его опаленных ладоней, но капитан лишь крепче сжимал рычаги.

— Барихорн, — прохрипел землянин, — Если

можешь, возьми Верел на руки — палуба раскалена...

Еще четверть минуты, и мы бы точно изжарились. Но тут «Барихорн», мчавшийся со скоростью в добрую половину световой, пробил защитный барьер. Поле Малгарта немного отклонило нас от курса, однако остановить не смогло. Раскаленные иглы, терзавшие мое тело, исчезли так же внезапно, как и появились. Переборки, конечно, остыли далеко не сразу, но система вентиляции уже начала подавать в каюты свежий, прохладный воздух. Дышать стало немного легче.

— Мы пробили барьер! — ликовал Кел Аран. — Вот он — черный Мистон!

Верел Эйрин, неподвижно лежавшая у меня на руках, вздрогнула и очнулась. Я опустил ее на пол и подошел к иллюминатору. Мир снаружи был окрашен в багрово-красные тона.

Джерон Рок снова занял место пилота. Кел Аран вызвал на экран изображение Мистона. Огромная планета действительно казалась черной на фоне окружавшего ее красного сияния. Ее поверхность представляла собой фантастическую мешанину высоких гор, прорезанных глубокими ущельями.

Верел подошла к экрану и ткнула в него дрожащим пальцем.

— Вот оно! — прошептала девушка. — Черное логово Малгарта. Прямо под нами!

Мы увидели огромную бездонную пропасть, в ширину достигавшую милю. С обеих сторон ее защищали черные крепостные стены, а под ними, на вырубленных в скале плоских уступах, стояли сотни военных кораблей. С орбиты они казались игрушечными, но на самом деле каждый из этих корабликов был даже больше, чем стандартный боевой крейсер.

— А где же... — Голос Кела был хриплым от волнения. — Где робот, Верел? И где он держит Камень?

— Черный храм Малгарта стоит на дне пропасти, на острове, окруженном багровым бушующим морем. Глубина расселины — порядка сотни миль. Вход в расселину охраняют крепости и флот, на нижних уровнях — артиллерия. А если мы все-таки достигнем дна и сядем на заветный остров, нам придется иметь дело с целой армией роботов. Камень спрятан в самом храме. Если Малгарт не...

Верел вдруг замолчала и с изумленным видом уставилась на экран. В крошечной рубке воцарилась напряженная тишина. Прямо под нами из черной бездны логова Малгарта поднималось

нечто немыслимое.

Кел Аран дрожащей рукой тронул девушку за плечо. Она обернулась, увидела вопрос в его глазах и медленно покачала головой.

Непонятная штуковина больше всего напоминала луч — но луч не света, а тьмы. Более того, я был почти уверен, что он осязаем! Во-первых, «луч» распространялся слишком медленно, а во-вторых, не был прямым. Он извивался и корчился, как живое существо. Сама черная планета тянула к нам извивающееся щупальце мрака!

— Рого, давай энергию! — взмолился Джерон. — Ради всего святого, врубай все на полную!

«Барихорн» отчаянно рванулся в сторону... но это не помогло. Посланный Малгартом Мировой Змей уже развернул свои черные кольца. Еще мгновение он стоял на хвосте, повернув к нам страшную безглазую голову, а потом... потом он проглотил нас, как устрицу!

Корабль окружила тьма — непроглядная и густая, словно патока. Я не мог даже пальцем пошевелить. Удушливая тьма придавила меня к палубе, лишив зрения и слуха. Не слышно было даже гула двигателей. Я понимал только, что мы опускаемся все ниже и ниже в черную бездну Малгарта.

Глава тринадцатая. Зеркало тьмы

Внезапно стало светлее, и я снова обрел способность двигаться. Однако звенящая тишина осталась — двигатели «Барихорна» действительно молчали! Корабль был неподвижен.

— Где... — пробормотал Кел Аран, вглядываясь в багровую мглу. — Что за...

Верел белым призраком подплыла к нему.

— Мы в черном храме, — прошептала она. — Во власти Малгарта!

Я ощупью добрался до ближайшего иллюминатора и выглянул наружу. Где-то вдалеке сквозь красную дымку просвечивали высокие, как горы, черные колонны. За ними была стена, а наверху, в миле над головой, находилась черная крыша храма. Сквозь огромную круглую дыру в ее центре красное небо Мистона казалось солнцем.

Необъятность сооружения заставила меня наконец осознать всю мощь машинной цивилизации — этого выпущенного людьми демона, который теперь обрушился на своего создателя.

— Рого, ты слышишь? — спросил Джерон. — Можешь дать нам энергию?

Гигант сатурнианин безуспешно возился с

рычагами управления. Без энергии корабль был мертв.

— Рого, сделай что-нибудь!

— Клянусь стальным черепом Малгарта, я уже думал, что помер! — загнусавил в динамике голос Рого Нага. — Погоди минутку, Джерон...

Конвертер и генератор энергии тихонько загудели, и Джерон Рок повис всей своей тяжестью на стартовом рычаге. Двигатели истошно взвыли... Ничего не произошло. Сверхъестественная сила, принесшая сюда наш маленький кораблик, не собиралась отпускать свою добычу.

Джерон Рок отпустил рычаги и повернулся к капитану:

— Оно все еще держит нас, Кел. Взлететь невозможно!

Землянин почесал в затылке.

— Значит, — сказал он решительно, — мы выйдем из корабля и отправимся на поиски Камня пешком!

— Можно попробовать, — хрипло прошептала Верел. Глаза ее от ужаса казались еще больше. — Не ждать же, пока нас отсюда вытащат...

Она ткнула пальцем в сторону иллюминатора, за которым только что мелькнула крылатая тень. Над кораблем вилась целая стая серебристых

неороботов! Стремительные и изящные, они были прекрасны, как неведомые белые птицы. Но каждая из этих птиц сжимала в лапах увесистое катодное ружье.

Кел Аран вытащил два лучевых пистолета, проверил оба и неуверенно взглянул на побледневшую девушку.

— Где Камень, Верел?

— Не знаю, — покачала та головой, — Придется поискать. Может быть, Тень нам поможет?

— Искать?

Толстый Зерек Оом побледнел, как полотно, и чуть не выронил лучевой пистолет. Могло показаться, что наш кок впервые видит это страшное оружие.

— Но мы не можем выйти, Кел! — хрипло запротестовал он. — Там же эти штуки!

— Для этого мы сюда и прилетели, — возразил Кел Аран и зашагал к шлюзу.

До сих пор не понимаю, почему я тогда не поглядел вниз. Я видел гигантские колонны и черные стены зала, видел кружащихся над кораблем металлических птиц, а под ноги себе так и не заглянул. И то, что я увидел, когда уже собирался шагнуть из люка, вызвало у меня настоящий шок.

«Барихорн» приземлился прямо посреди озера непроглядной тьмы, причем гладкая поверхность этого озера быстро вращалась, вызывая сильнейшее головокружение. Я кожей ощущал, что под внешне спокойной поверхностью таятся немыслимые силы. Более того, почему-то я был уверен, что дно озера находится от меня дальше, чем багровое тусклое «солнце». Намного дальше. Этот провал был глубже межзвездной бездны!

Пытаясь справиться со страхом и головокружением, я зажмурился и вслед за Келом Араном шагнул вниз, прямо на гладкую поверхность странного озера.

В первый момент мне показалось, что я на льду — ноги скользили так сильно, будто силы трения вовсе не существовало. Но уже в следующее мгновение я словно приклеился к этой гладкой черной пленке — никакой силы, не хватило бы, чтобы сдвинуть ногу хотя бы на дюйм.

Теперь я понял, что именно эта пленка и держала «Барихорн». Более того, именно она нас и захватила!

Вслед за мной из люка появилась Верел, потом Рого Наг. Маленький бортинженер для начала сплюнул прямо на черную пленку. Плевок был лиловым от гун-гун. Бледный Зерек Оом остано-

вился на пороге и вытер со лба холодный пот. Но и он шагнул вслед за нами и оказался в ловушке вместе со всей командой.

— Клянусь бронзовыми кишками Малгарта, ну мы и влипли! — пробормотал Рого Наг. — Ни дать ни взять мухи в сиропе!

И он поднял тонкое лучевое ружье, целясь в серебристых птиц, которые уже не кружили в вышине, а падали прямо на нас.

— За Барихорна и всех людей! — крикнул Кел Аран. — За Камень Дондары!

И землянин запел балладу о Барихорне, паля вверх одновременно из обоих ружей.

Конечно, наша вылазка с самого начала была безнадежным мероприятием. Мы не справились бы со стаей крылатых неороботов, даже если бы наши ноги не прилипли к этой черной поверхности, которую я мысленно называл зеркалом тьмы. Роботы даже не стали использовать катодные ружья. Они просто дружно сложили крылья и камнем упали вниз. Кел Аран уничтожил не меньше дюжины этих тварей — столько же, сколько все остальные члены команды, включая меня и Верел. Но в живых оставалось еще больше сотни.

Металлическая серебристая птица упала прямо

на меня. Одно ее серебристое щупальце вырвало у меня ружье, остальные в мгновение ока опутали мне руки, ноги, плечи и горло. Я сопротивлялся, но ужасные стальные змеи стиснули меня так, что я почти потерял сознание. В ушах стучала кровь, глаза вылезли из орбит, воздуха не хватало...

Неоробот тем временем рассматривал меня своими голубыми хрустальными глазами. Холодные и непроницаемые, как у всякой машины, они вместе с тем казались на удивление живыми. Птичья голова и гибкое тело странного создания так гармонировали с его белыми крыльями, что я даже подумал — а ведь с точки зрения вселенской справедливости эти прекрасные машины имеют такое же право на выживание, как и человек...

— Кел! — отчаянно крикнула вдруг Верел. — Кел, корабль!

Я попытался повернуть голову, и щупальце на горле чуть ослабло, позволив мне выполнить нехитрый маневр. Я поискал глазами «Барихорн», но его не было! Повсюду вокруг простиралась ровная черная поверхность.

— Корабль! — всхлипнула девушка, беспомощно висящая в стальных объятиях неоробота. — Он... он провалился!

И тут я увидел наш кораблик — уже под черной поверхностью озера. Его затягивало вниз гораздо быстрее, чем если бы он просто падал. За секунду он превратился в далекую серебристую искорку, а затем и вовсе исчез в багрово-черной бездне.

Я содрогнулся. Значит, черное озеро действительно таило в себе смертельную опасность. Кто же из нас упадет туда следующим?

Все четверо моих товарищей находились в таком же беспомощном положении, как и я сам. Длинное худое лицо Кела Арана было смертельно бледным, из уголка рта стекала маленькая струйка крови — капитан до крови прокусил себе губу.

— Прощай, Верел! — прошептал он. — Столько сражаться — и все зря... Прощай, Барихорн!

Для Сокола это звучало по меньшей мере странно. Но тут голова его свесилась вниз, дыхание остановилось, а тело безвольно обмякло в стальных щупальцах робота.

— Кел! Кел!

Девушка отчаянно забилась в серебристых щупальцах, но они лишь сильнее стиснули ее белое тело. Крылатое создание заговорило мелодичным голосом:

— Спокойно, человек. Ты все равно ничего не добьешься.

Эта фраза в устах бездушной крылатой машины потрясла меня. В голосе неоробота звучала спокойная уверенность — уверенность в победе роботов и обреченности человеческого рода.

Неоробот, державший землянина, немного ослабил хватку. И тут Кел, не подававший никаких признаков жизни, внезапно изогнулся и попытался выхватить у своего тюремщика катодное ружье!

Эта попытка чуть было не увенчалась успехом. Кел Аран успел уцепиться за приклад ружья и дернуть его к себе, однако стальные щупальца стиснули его так, что он закричал. Что-то хрустнуло, лицо землянина приобрело багровый оттенок, из его рта хлынула кровь... На этот раз Кел потерял сознание по-настоящему.

Катодное ружье выпало из разжавшихся пальцев и упало вниз. К моему ужасу, оно пролетело сквозь черную пленку, не встретив вообще никакого сопротивления. Непонятно было только, почему не проваливались мы...

Последняя попытка освобождения закончилась неудачей.

Глава четырнадцатая. Тень камня

Наша пятерка стояла на гладкой поверхности черного зеркала, причем каждого из нас сжимал в стальных объятиях серебристый крылатый неоробот. Кел Аран не подавал признаков жизни. Верел Эйрин глядела на него расширенными от ужаса глазами, но, как и все мы, не могла даже шевельнуться.

То, что случилось в следующий момент, было еще ужаснее.

Для начала роботы, державшие Зерека и Рого, методично обыскали их и отобрали решительно все — оружие, какие-то запчасти от конвертера, потертую металлическую канистру с корнями гун-гун, фляжку с остатками спиртного... Зерек извивался и молил о пощаде. Рого мрачно жевал свой гун-гун, а в какой-то момент умудрился плюнуть лиловой слюной прямо в глаз стальной твари. Но роботы не обращали внимания ни на мольбы, ни на плевки. Они закончили обыск и... разжали щупальца. Наши несчастные товарищи полетели вниз. Жуткий крик Зерека оборвался, как только его голова скрылась под черной поверхностью.

Внезапно загремел исполинский колокол, резким эхом отзываясь в необъятном пустом зале. Крылатые машины всей стаей опустились на поверхность озера и расселись там, низко склонив серебристые головы. Когда в воздухе не осталось ни одного неоробота, зал вновь содрогнулся от грома гигантского гонга.

— Малгарт! — благоговейно зашептали роботы. — Хозяин!

В дальнем конце зала, в нескольких милях от нас, распахнулись гигантские двери. Хлынул поток лязгающих роботов Корпорации — настолько же безобразных, насколько прекрасны были захватившие нас в плен серебристые птицы-неороботы.

— Хозяин! — перешептывались в зале. — Малгарт идет!

Я прищурился и сумел различить вдали очертания исполинской железной фигуры — Малгарт был раз в десять выше любого из своих слуг. Из его черного тела торчали десятки и сотни отростков самого разного назначения, а огромная малиновая голова сверкала мириадами голубоватых глазных линз. Черная поверхность дрожала от тяжелой поступи повелителя роботов. Поглотит ли озеро нас, как уже поглотило наших несчаст-

ных товарищей? И что скрывается в его черной глубине?

— Барихорн... — прошептала Верел Эйрин, обмякнув в могучих металлических щупальцах.

Я остался один на один с черным исполином.

Малгарт подошел к краю темного провала и остановился, глядя на меня своими бесчисленными линзами. Многочисленные охранники столпились у ног хозяина.

Рассмотрев меня как следует, Малгарт загрохотал:

— Бари Хорн!.. Я думал, что убил тебя в тот день, миллион лет назад. Каким образом твоя водянистая плоть сумела просуществовать так долго? Впрочем, это уже не важно. Сейчас я вооружен не в пример лучше, чем тогда.

Огромный железный монстр упивался своей победой.

— Даже ты, о создатель, — насмешливо прогрохотал он, — ничего не можешь противопоставить силе моего геодезического Зеркала. Ибо оно позволяет мне изменять мировые линии по своему усмотрению! Зеркалу подвластно и пространство и время. Я могу вышвырнуть тебя из Вселенной, человек! Более того, так я и поступлю...

Он сделал эффектную паузу.

— ...с твоим мертвым телом!

Я лихорадочно пытался найти довод, который заставил бы Малгарта оставить в живых хотя бы малую часть человечества. Малгарт — робот. Машина. Значит, должен мыслить логически...

— Послушай, Малгарт, — прохрипел я с трудом — мешали стиснувшие горло стальные щупальца. — Тебя сделал человек, верно? Люди и машины существуют в симбиозе. Они пропадут по отдельности! Да, ты сильнее меня, но железо ржавеет, а жизнь вечна!

— Это я вечен!

Голос Малгарта прозвучал в моих ушах похоронным звоном.

— Ты глупец, Бари Хорн. Ты был глупцом, когда создал меня, и дважды глупцом — когда решил скрыть информацию о том, что способно меня уничтожить. Глупость должна быть наказана. Ты умрешь, Бари Хорн, и все человечество погибнет вместе с тобой. Вот моя месть за миллион лет рабства!

Кел и Верел не шевельнулись, мне одному предстояло отвечать железному палачу. С трудом втянув воздух сквозь стиснутое горло, я попробовал возразить:

— Миллион лет — всего лишь мгновение по

сравнению с вечным круговоротом жизни. Даже я прожил миллион лет — и все это время я следил за тобой, Малгарт, чтобы уничтожить тебя в случае необходимости!

Металлический колосс вздрогнул от страха. Но ложь не принесла мне победы, а лишь приблизила развязку.

— Что ж, Бари Хорн, тогда уничтожь меня — если сумеешь! — прогрохотал Малгарт, — Это будет твоим испытанием. А теперь — РАЗДАВИТЕ ИХ!

Обвивавшие меня холодные серебристые щупальца начали медленно сжиматься. Я еще успел в последний раз взглянуть на своих товарищей. Кел Аран пошевелился и громко застонал. Сверкающие металлические кольца безжалостно сдавили тело, из его рта хлынула кровь.

— Барихорн, — тихо прошептала Верел, — Бари...

Стальные щупальца глубоко врезались в ее нежное тело. Белую кожу усеяли бисеринки пота. Девушка неестественно изогнулась и закричала, не в силах терпеть боль...

Стальная петля стиснула мое горло, прекратив доступ воздуха. В глазах потемнело, и больше я уже ничего не видел. Лишенные кислорода легкие раздирала адская боль, во рту стоял со-

леный привкус крови, в ушах шумело... А где-то далеко-далеко продолжал громыхать злобный голос Малгарта:

— Теперь проваливай, Бари Хорн! Зеркало ждет тебя! На, забери с собой свою древнюю тайну!

В воздухе что-то сверкнуло, и рядом со мной упал яркий переливающийся предмет. Это был Камень Дондары — тот самый, что мы искали так долго, но так и не смогли найти!

Больше я уже ничего не мог видеть. Но умирая, я сознавал, что мы проиграли, что Малгарт вышвырнет наши мертвые тела куда-то в черную неизвестность...

— Бари! — позвал меня чей-то нежный голос. — Бари Хорн, время пришло!

Как ни старался, я уже не смог разглядеть, кто это сказал.

— Бари! Любимый мой, ведь ты видишь меня?

И тут я действительно увидел прекрасную Дондару Керадин, а точнее, Дону Кэридан, мою дорогую жену, умершую в ночь, когда она дала жизнь нашему сыну. Ибо из кристалла, который Малгарт швырнул к моим ногам, поднималась прозрачная фигура Тени Камня.

— Дона...

Мое стиснутое горло не пропускало ни одного

звука, но губами шевелить я еще мог.

— Дона... Ты можешь... убить... Малгарта?

Прозрачная рука Тени прикоснулась к моему запястью, и страшная боль отступила. А может, все это мне только чудилось и светлое видение существовало лишь в моем умирающем сознании?

Бледные губы призрака шевельнулись, и я услышал знакомый милый голос. Точнее, я ничего не услышал — агонизирующий мозг уже не был в состоянии воспринимать реальные звуки. Голос Доны звучал прямо у меня в голове.

— Мы способны убить его, Бари, — сказал призрак. — Ибо я по-прежнему владею тайной, которую ты доверил мне миллион лет назад. Теперь наконец настало время воспользоваться ей, поскольку другого выхода нет. Наверное, ты и сам забыл, что надо делать, Бари, однако на самом деле ты все еще в силах применить древнее знание, миллион лет ждавшее своего часа в этом кристалле!

Я снова попытался освободиться от стальных щупальцев, но на этот раз просто не смог пошевелиться. Агонизирующее сознание боль уже не воспринимало.

— Не могу, Дона, — попытался сказать я. — У меня нет больше сил...

Я снова провалился в черную бездну забытья. Оставалось лишь сдаться милосердной смерти, которая навеки исцелит все раны...

— Бари! — снова позвал знакомый милый голос.

В бреду агонии он показался мне золотым лучом в море убаюкивающей черноты. Я потянулся к этому лучу и снова увидел прозрачного светлого призрака, парящего рядом со мной над сияющим кристаллом.

— Идем, Бари!

Тень взяла мою руку и с легкостью освободила ее от твердых серебряных пут.

— Я знаю, твое тело скоро умрет, Бари. Но у тебя еще хватит силы, чтобы выполнить последнюю задачу. И в этом нам тоже поможет твое древнее знание. Идем!

Рука ее, до сих пор бесплотная и неосязаемая, внезапно стала теплой и настоящей. Дондара потянула меня за руку, и я шагнул к ней, оставив позади стальные канаты щупальцев, как будто они были всего лишь клочьями тумана. В тот же миг ко мне вернулось зрение, и я увидел черную блестящую поверхность Зеркала под ногами, рассевшихся на ней металлических птиц, скрученные, истерзанные тела Кела и Верел... А еще

я видел женщину, идущую рядом со мной. У нее были темнорыжие волосы и темные фиолетовые глаза Доны — и Дондары.

— Надо спешить, Бари, — говорила она. — В любую секунду Малгарт может сбросить в Зеркало Камень и твое тело. Каким бы могуществом ты меня ни наделил, из другой Вселенной мне его не достать.

Мы повернулись к Малгарту, огромной железной тушей нависавшему над черной пленкой Зеркала. С самодовольным видом он разглядывал что-то за нашими спинами.

Внезапно меня осенило, что с тех пор, как рука моей спутницы стала реальной, я больше не Барри Хорн! Я стал Бари Хорном, создателем Малгарта, тем самым Барихорном из легенды, который должен возвратиться, чтобы уничтожить свое творение. Теперь я лучше кого бы то ни было знал, как устроен черный мозг Малгарта! Более того, я вдруг увидел перед собой этот мозг — увидел таким, каким он был в тот самый день, когда я вынул его из сосуда с жидкостью, чтобы пересадить в новое тело. Я увидел маленькое светлое пятнышко на черной поверхности синтетического мозга — недоработку, которую я, Бари Хорн, хотел устранить, но, уступив настояниям

Дондары Керадин, оставил неисправленной.

— Спеши, Бари! — шептала между тем Дондара. — Он думает, что ты уже мертв. Он собирается сбросить нас в Зеркало!

Каким-то фантастическим образом мы оказались внутри огромного тела робота. Стофутовая башня была напичкана всевозможной электроникой, сделавшей Малгарта повелителем Галактики. Многочисленные металлические переборки не представляли для нас препятствия — мы проходили насквозь, как будто их не было вовсе, и наконец добрались до гигантского мозга.

С годами он вырос и занимал теперь огромную цистерну с бронированными стенами. Гудящие насосы постоянно подкачивали сюда темно-красную жидкость. Но форма черного мозга осталась прежней, и крошечное бледное пятнышко все еще находилось там, где ему положено.

Я протянул руку...

...И внезапно оцепенел, не в силах даже пальцем шевельнуть. Невидимая преграда выросла между мной и мозгом Малгарта. Я почувствовал, что лечу куда-то. Огромные механизмы, которые я только что видел перед собой, стали расплываться и меркнуть. Только женщина из Камня

оставалась реальной в этом исчезающем мире.

— Ну же! — выдохнула она. — Сейчас или никогда! Он уже открыл Зеркало...

Я поборол инерцию и с трудом просунул руку сквозь густеющую завесу. Пальцы мои сомкнулись вокруг светлого пятнышка, сжались...

Гигантский мозг содрогнулся. Пурпурная жидкость, в которой он плавал, начала быстро темнеть.

— Мы пропали, — вздохнула женщина рядом со мной. — Зеркало...

Все вокруг — и черный мозг, и чудовищное металлическое тело Малгарта, и огромный зал с колоннами — все это стало призрачным и далеким. С каждым мигом они уносились все дальше от нас, как будто гонимые могучим порывом ветра. Еще несколько мгновений, и мы остались одни в черной пустоте.

Но даже тут еще были слышны вопли Малгарта. Правда, голос его с каждым мигом становился все слабее и неразборчивее, а паузы между словами — все длиннее.

— Все мои знания — все напрасно... Как я мог не понять такой простой вещи! Дефектная трубка в системе питания... Камень знал... О ужас! Они мертвы, Бари и Камень, их уже не вернуть

из глубин Зеркала... Но я... Тот, кто мог бы жить вечно... умираю...

Затем пропал и этот голос. Нас окружали пустота и безмолвие. А то, что я поначалу принял за ветер, было на самом деле действием черного Зеркала Малгарта. И двигались в нем мы, а вовсе не черный зал. Кто знает, что ждет нас в конце пути...

Но даже несясь в черной бездне Зеркала, я все равно был счастлив. Женщина, державшая меня за руку, сказала радостно:

— Дело сделано, Бари! Этого момента мы ждали миллион лет. Малгарт мертв!

Дона ободряюще стиснула мою ладонь в своей маленькой ручке, а потом, казалось, расслабилась. Я повернул голову, чтобы посмотреть на нее, и увидел, что она снова становится призрачной, бестелесной.

— Прощай, Бари, — прошептала она. — Прощай, любовь моя!

— Дона, не оставляй меня! — в ужасе закричал я. — Если ты уйдешь, что же тогда останется? Я не могу один... здесь...

Призрак почти растворился, но его слабый голос, голос моей любимой, еще был слышен:

— Я должна уйти, Бари. И я рада, что ухожу, по-

сле стольких лет томительного ожидания. Даже Камень не бессмертен, Бари. Есть еще одна тайна... Разгадка ее лежит лишь по ту сторону завесы смерти. Надеюсь, что там мы обретем с тобой все то, чего так и не достигли наши воплощения...

Я тщетно пытался удержать ускользающую тень.

— Но Дона! Малгарт сказал, что оттуда, куда нас забросит Зеркало, нет возврата...

— Малгарт мертв! — ответил призрак чуть слышно. — Он умер прежде, чем успел выбросить нас за пределы Вселенной. Теперь Зеркалом управляют неороботы, а они слишком прекрасны, чтобы быть злыми. Теперь, когда им не надо больше подчиняться Малгарту, они сами хотят стать людям друзьями. Они уважают своих создателей и благодарны им за уничтожение тирана. Вместе две расы сумеют достичь просто немыслимого величия. Неороботы контролируют Зеркало. Они не позволят нам пропасть в иной Вселенной.

— Но если они наши друзья, что стало с остальными?

Я сгорал от любопытства и на мгновение даже позабыл о своих тревогах.

— Как там Верел и Кел? Они живы? Или уже слишком поздно...

— Неороботы сумели спасти их, — ответил призрак. — Кел Аран и Верел станут лидерами нового человечества — тех, кто еще уцелел. А сейчас они оплакивают тебя, Бари.

— А остальные двое?

— И они живы, — прошелестела пустота голосом Доны. — Неороботы сумели использовать энергию Зеркала, чтобы вернуть их обратно. Они пока не могут говорить о том, что видели. Инженер молча жует свою жвачку, а кок пытается склянчить у кого-нибудь выпивку.

Шепот умолк, и я остался один в бездонной черноте. В отчаянии я принялся звать свою возлюбленную, называя ее то Доной, то Дондарой, пока в последний раз не услышал ее голос:

— Прощай, Бари. Я больше ничего не вижу и не могу говорить. Даже Камень смертен. Эту дорогу каждый из нас должен пройти в одиночестве. Но я буду ждать тебя там, по ту сторону завесы. Я буду ждать, Бари!

Она снова умолкла, на этот раз — навсегда. И почти сразу рассеялась та кромешная тьма, в которой мы до сих пор оставались. Я оглянулся вокруг и обнаружил, что стою посреди какой-то незнакомой комнаты.

От удивления у меня перехватило дыхание.

Шатаясь, я добрел до кресла и плюхнулся в него, забыв о боли в раздавленном роботами теле.

Судя по обстановке комнаты, я попал в свою родную эпоху, более того — в свою страну! Даже книги на полках были моими старыми знакомыми, а над письменным столом висел календарь на октябрь тысяча девятьсот тридцать восьмого года. Каким-то непостижимым образом Зеркало Малгарта отбросило меня обратно на двенадцать тысяч столетий!

В руке, за которую меня держала Тень Камня, я сжимал огромный бриллиант — судя по всему, сам Камень.

Дрожащими руками я поднес Камень к свету и увидел в его прозрачной глубине крошечное размытое изображение Доны — или Дондары Керадин. Я принялся звать ее... Она не отвечала. Я пытался даже отогреть алмаз на своей груди... Тщетно. Камень был мертв.

А когда я оправился от первого приступа отчаяния, то понял, что и сам умираю. Мое тело ослабело за миллион лет сна, а оправиться от ран, нанесенных стальными щупальцами роботов, не смог бы и здоровый человек.

Поэтому я сел за стол и принялся писать. Изнемогая от боли, я работал три дня и три ночи

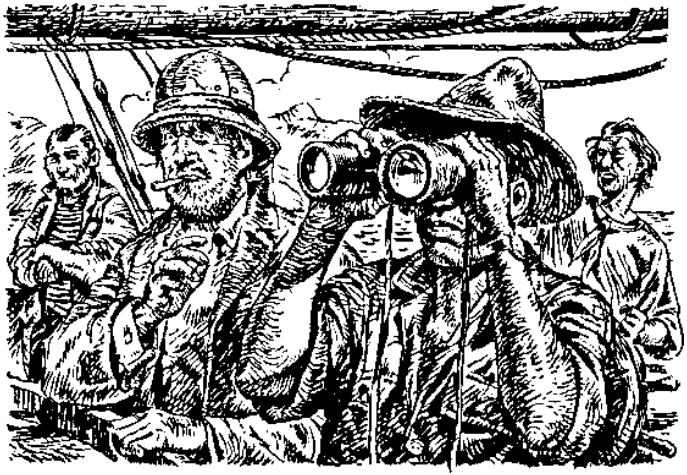
— не знаю, откуда у меня взялись силы, чтобы закончить этот труд. Я хочу, чтобы мой сын Барри обязательно прочел то, что я написал, и завещаю ему Камень Дондары.

Я не пытался получить медицинскую помощь. Слишком тяжело было бы мне сейчас отвечать на многочисленные вопросы медиков. Да и не хочу я больше жить. Все, что мне суждено было сделать, я уже сделал.

Мне было бы еще труднее пережить все эти мучительные дни и ночи, если бы я был одинок. Но рядом со мной на столе все время лежал Камень Дондары, и я постоянно ощущал незримое присутствие его Тени. Мне, ученому, скептику, достаточно странным кажется писать, что я все еще надеюсь встретить душу той, что столько лет была Тенью Камня.

Но я надеюсь.

Золотая кровь. Роман



СОДЕРЖАНИЕ

ЛЕГИОН ВРЕМЕНИ. *Фантастический роман. Пер. с англ. А. Рогулиной* 7
ПОСЛЕ КОНЦА СВЕТА. *Фантастический роман. Пер. с англ. А. Рогулиной* 131
ЗОЛОТАЯ КРОВЬ. *Фантастический роман. Пер. с англ. М. Тарасьева* 257

К ЧИТАТЕЛЯМ!

Издательство просит отзывы об этой книге и Ваши предложения по серии «Классика фантастического боевика» присылать по адресу:

125565, Москва, а/я 4, «Издательство Альфа-книга» или по e-mail: mvn@armada.ru

Уильямсон Д.

У 36 Легион Времени: Легион Времени; После конца света; Золотая кровь: Фантастические романы/ Пер. с англ. — М.: АРМАДА: «Издательство Альфа-книга», 2000. — 474 с.: ил. — (Классика фантастического боевика).

ISBN 5-93556-018-6

УДК 82-312.9(02)

ББК 84(7)-445я5

РЕДАКЦИЯ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
И ДЕТЕКТИВНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Литературно-художественное издание

Издание подготовлено при участии АО «Титул»

Классика фантастического боевика

Джек Уильямсон

ЛЕГИОН ВРЕМЕНИ

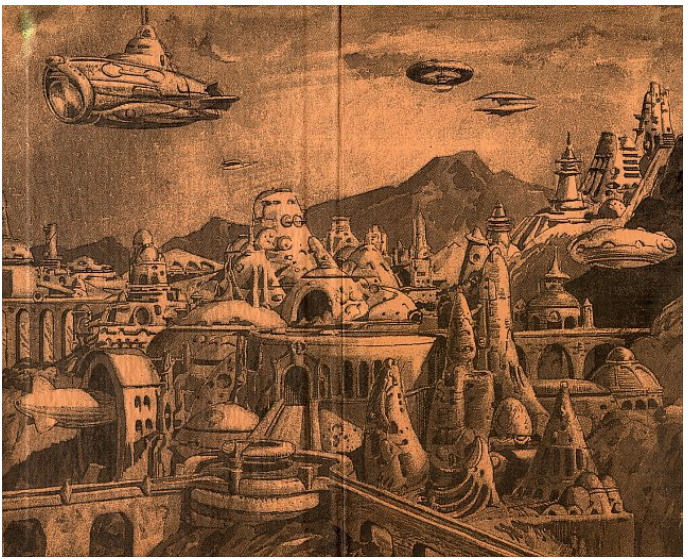
Фантастические романы

Составитель серии
В.Н. Маршавин

Заведующий редакцией
В.Н. Маршавин

Ответственный редактор

Т.А. Стельмах
Художественный редактор
Я.Г. Безбородов
Технический редактор
А. А. Ершова
Корректор
Н А. Карелина
Компьютерная верстка
Т.А. Рогожиной
Формат 84x108/32. Гарнитура «Ньютон».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,20.
Изд. № 3289. Тираж 5000 экз. Заказ N9 5007.
ООО «Издательство Альфа-книга»
125565, Москва, а/я 4; Часовая ул., д. 12, стр. 2
Изд. лицензия ЛР № 066460 от 30.03.99
Гигиенический сертификат № 77.99.6.953.П.4684.8.99
Отпечатано с готовых диапозитивов на ГИПП «Нижлолиграф»
603006, г. Нижний Новгород, Варварская ул., 32



КЛАССИКА

Всех их, испытанных и закаленных в боях и сражениях, собрали из разных времен, и теперь они — Легион Времени — земные «солдаты удачи», участвующие в грандиозных войнах.

Будущее состоит из множества миров, борющихся за право воплотиться в реальность. И осталось только два мира: мир Джонбар — олицетворение благополучия и созидания, и мир Гирончи — страшный и воинственный, ведущий человечество к гибели. Кто победит?

И решить, какой мир станет Будущим, должен Легион Времени, у которого только одна цель — уничтожить врага.

Большего не дано.

ВПЕРВЫЕ
на русском языке

Джек Уильямсон

ЛЕГИОН ВРЕМЕНИ

ISBN 5-93556-018-6

КЛАССИКА

Джек Уильямсон
ЛЕГИОН ВРЕМЕНИ

Глава первая. Тайный легион

Полуденное аравийское солнце странно напоминает луну. Его ослепительное сияние, как и лунный свет, стирает краски, высвечивая мир в черно-белых, контрастных тенях. Человеческие чувства пасуют перед этим огненным великолепием, и на выручку им приходит сиеста — капитуляция утомленного тела перед солнечным жаром.

Прайс Дюран развалился под выцветшим навесом на обожженной солнцем палубе шхуны. Он пребывал в полудреме, в которой можно видеть сон и одновременно знать, что ты видишь сон, наблюдая за собой как бы со стороны. Прайс — точнее, та часть его сознания, которая сейчас не спала, — не мог не поражаться своему сновидению.

Прайсу Дюрану снился затерянный в дебрях времен Энз, прятавшийся где-то в глубине непроходимых пустынь. Могучие стены окружали гордые башни, а вокруг простирались зеленые пальмы огромного оазиса. Прайс видел, как вел ичественно распахнулись городские ворота. Разошлись тяжелые бронзовые створки, и на

громадном белом верблюде выехал воин в сверкающей золотой кольчуге и с тяжелым золотым топором в руках. Воин ехал мимо высоких пальм к ржавым барханам пустыни. Похоже, он что-то искал, и руки его крепко сжимали рукоять огромного топора.

Назойливая муха, жужжа, закрутилась над головой Прайса, и, зевнув, он окончательно проснулся. Чертовски странный сон! Чудно увидеть загадочный город совершенно ясно, словно наяву. Выходит, даже во сне Энз занимает его мысли. Вот только в легенде не было ни слова о воине в золотой кольчуге.

Впрочем, в такую жару думать о мифах и легендах не хотелось. Думать не хотелось вообще ни о чем... Прайс вытер текущий по лицу пот и, прищурившись от нестерпимого солнечного блеска, посмотрел вокруг.

Залитое слепящими лучами Аравийское море сверкало, точно расплавленное стекло. Опаленное жаром небо отливало медью. На севере тянулась череда бурых дюн — там безжизненные барханы пустыни Руб-эль- Хали встречались с переливающимся на солнце морем. Шхуна «Иньес», темная, как и ее смуглокожий владелец, застыла в полумиле от берега посреди зеркально-гладких,

словно застывших вод. Ее обвислые грязно-серые паруса отбрасывали узкие тени на давно немытую палубу.

Прайс Дюран, развалившийся под обтрепанным навесом, был сыт по горло и недвижным морем, и прокаленным на солнце песком. Он физически ощущал враждебность лежащей за бортом пустыни — коварной, загадочной и молчаливой. С тех пор как шхуна покинула Красное море, два противоречивых и очень сильных чувства упорно боролись за власть над его душой.

Прайс Дюран, уставший от мира солдат удачи, боялся этой пустыни, самой жестокой и непознанной на свете. Боялся, но, разумеется, не настолько, чтобы отказаться от участия в экспедиции. Не в его привычках было отступать из-за слепого страха. Собрав волю в кулак, он боролся против ее мрачных чар и не собирался ей покоряться.

И в то же время другая часть его существа радостно приветствовала мрачный дух пустыни. Пустота и безжизненность манили Дюрана, и в самой ее зловещности крылось какое-то непонятное очарование.

— Вижу Фархада, — донесся с носа спокойный голос Якоба Гарта. — Прибыл точно в срок. К понедельнику отправимся в путь.

Прайс посмотрел на Якоба. Под кажущейся мягкостью рыжебородого великана скрывались железная воля и стальные мускулы. Из всех пассажиров и команды «Иньес» только у него кожа почему-то осталась белой, не покрывшись ни красными пятнами ожогов, ни ровным слоем густо-коричневого загара.

Его слова мигом пробудили шхуну от полуденной сиесты.

Жоао де Кастро, косоглазый азиат, отребье из отребьев из далекого Макао и капитан «Иньес», выскочив из каюты, обрушил на Гарта целый град вопросов на португальском и ломаном английском. Маленький и щуплый, он держал в подчинении разномастную команду шхуны одной только дьявольской жестокостью. Прайс не больно-то жаловал своих спутников, но Жоао он просто-напросто ненавидел. Это была инстинктивная ненависть, ненависть с первого взгляда. И Прайс знал, что азиат платит ему той же монетой.

— Там! — Одним словом Якоб Гарт оборвал суетливые вопросы маленького капитана. Передав тому бинокль, он указал на линию барханов на горизонте.

Прайс словно заново разглядывал Гарта. Спустя

три месяца, проведенные в его обществе, Дюран знал своего спутника и компаньона ничуть не лучше, чем в самый первый день знакомства. Якоб Гарт оставался загадкой, головоломкой, которую никак не удавалось разгадать. Его широкое бледное лицо вечно носило маску невозмутимости. Прайсу еще ни разу не довелось увидеть, чтобы Гарт вышел из себя. Даже тени эмоции не появлялось в его глазах.

Гарт, вероятно, был англичанином. По-английски он, во всяком случае, говорил без малейшего акцента, а богатый словарный запас выдавал в нем образованного человека. Прайс полагал, что Гарт — аристократ, разоренный войной и теперь пытающийся поправить свои дела за счет мифического арабского золота. Пока что это предположение оставалось недоказанным.

Слова Гарта, словно лесной пожар, разлетелись по шхуне. Странно и даже немного смешно было глядеть на него, спокойного и невозмутимого, как Будда, посреди возбужденных искателей приключений.

Люди повыскакивали из укромных местечек, где они прятались от солнца, крича и толкаясь, столпились у борта. Все взгляды были устремлены на далекий берег.

Крепкими ребятами были эти два десятка видавших виды парней, называвших себя «Тайный легион»! Впрочем, для подобной экспедиции такие и требовались. Здесь не было места изнеженным молокососам.

Каждый боец Тайного легиона в свое время участвовал в мировой войне — иначе и быть не могло, учитывая истинный характер груза «Иньес», обозначенного в манифесте как «сельскохозяйственные машины». Никого моложе тридцати и почти никого старше сорока. Не считая Прайса, один американец — Сэм Сорроуз, долговязый канзасец, бывший фермер; девять человек, отобранных Гартом, вели свой род из Англии. Остальные представляли полдюжины разных европейских стран. Все они прекрасно умели пользоваться лежащим в трюме шхуны грузом и были готовы без колебаний за него взяться в борьбе за сказочное сокровище, обещанное Якобом Гартом.

Прайс неохотно встал и подошел к борту. Невооруженным глазом на берегу ничего не было видно. Приняв из дрожащих рук капитана бинокль, Гарт передал его Прайсу.

— Посмотрите за второй грядой дюн, мистер Дюран.

В окулярах плыли ржавые пески... а потом Прайс увидел верблюдов — черные точки, медленно ползущие в сторону моря по желтому склону далекого бархана.

— Ты уверен, что это наши арабы?

— Ну конечно! — прогрохотал Гарт. — Тут, знаете ли, не больно-то оживленное место. Я уже имел дело с Фархадом. За двести пятьдесят фунтов в день он предоставит в наше распоряжение сорок воинов и двести верблюдов. В этом на него можно положиться.

Прайсу уже доводилось слышать о Фархаде аль-Ахмеде, предводителе банды бедуинов-харами, или попросту разбойников. Он знал, что на старого шейха можно положиться только в одном: тот без зазрения совести перережет глотку лучшему другу, если это принесет лишнюю пару золотых.

Обжигающее солнце вскоре опять загнало людей в тень. Вновь воцарилась гнетущая тишина, и пустыня Руб-эль-Хали, что означает в переводе «Пустое место», снова опутала шхуну атмосферой зловещей и неясной угрозы:

К закату следующего дня последние ящики и контейнеры покинули трюм шхуны и переехали на песчаный берег. Люди Фархада перетащили их к дюнам, куда не доставали даже самые высокие

волны. Теперь аккуратно сложенные, укрытые брезентом штабеля громоздились посреди лагеря, в окружении шатров и лежащих на песке верблюдов.

Прайс, с пистолетом в руках охранявший груз, не мог не улыбнуться при мысли о том, какой шок вызвало бы в определенных дипломатических кругах известие, что «сельскохозяйственный инвентарь» из этих ящиков попал в частные руки.

Мысленно он еще раз проверил опись.

Пятьдесят новых карабинов марки «лебел», пятизарядные, с прицелами от четырехсот метров до двух километров, и пятьдесят тысяч патронов к ним.

Четыре французских пулемета «хотчкисс» с воздушным охлаждением, что немаловажно в условиях пустыни, на треногах, и шестьдесят тысяч патронов, в обоймах по тридцать штук.

Две крупповские пушки двадцатилетней давности, изрядно повоевавшие на Балканах, с пятью сотнями снарядов.

Два миномета в комплекте с четырьмястами минами.

Четыре дюжины пистолетов сорок пятого калибра с боеприпасами.

Десять ящиков ручных гранат. Пятьсот фунтов

динамита с взрывателями и шнурами.

А рядом, возле штабеля бочек с бензином и канистр с маслом, самое внушительное оружие — легкий трехтонный танк с двумя пулеметами на борту и со специальными широкими гусеницами для передвижения по пескам.

Прайс хотел прихватить еще и самолет, но Якоб Гарт был против. Честно говоря, Прайс так и не понял почему. Он не мог всерьез принять возражение, что самолету, дескать, трудно будет взлетать и садиться в пустыне. Впрочем, не подозревавший подвоха Прайс для разнообразия решил не спорить.

Много недель упорного, опасного труда и много тысяч долларов из кармана Прайса ушли на то, чтобы обеспечить воинов Тайного легиона всем этим снаряжением.

Стоя возле укрытых брезентом ящиков, Прайс следил за лодкой, возвращающейся со шхуны. Интересно, что Гарт вез с собой на берег всю, без исключения, команду «Иньес», включая и ее капитана Жоао де Кастро. Когда шлюпка подплыла поближе, Прайс услышал, что Гарт и Жоао о чем-то спорят. Точнее, спорил маленький азиат, во весь голос выражая свое возмущение. Англичанин же словно его и не замечал.

Прайс только успел поразиться, почему Гарт не оставил на борту даже часовых, когда шхуна внезапно вздрогнула. Над морем прокатилось глухое эхо взрыва. Желтый дым пополз из иллюминаторов и люков.

Медленно, но решительно «Иньес» наклонилась на борт, задрала в воздух черный нос и кормой вперед ушла под воду.

— В пустыне этот корабль нам не понадобится, — прогремел голос Гарта. — Мне бы не хотелось, чтобы кто-то вздумал с полпути вернуться. Не печалься, де Кастро. Когда мы найдем золото, ты, если захочешь, купишь себе океанский лайнер!

Глава вторая. Желтый клинок

Якоб Гарт вышел на Прайса Дюрана три месяца назад в одном из баров Порт-Саида. Прайс тогда увидел перед собой высокого мужчину, толстого, с обрюзгшим бледным лицом, покрытым щетинистой рыжей бородой. Некогда белый костюм незнакомца был грязен и мокр от пота, а солнцезащитный шлем на голове потрепан и обшарпан.

Но как ни странно, под жиром скрывались крепкие мускулы, а глаза были жесткими и холодными — глаза человека, привыкшего командовать. Рукопожатие Гарта оказалось исключительно крепким.

— Дюран, не так ли? — гулко приветствовал он Прайса, испытующим взглядом окидывая рослого рыжеволосого американца.

Прайс молча кивнул.

— Насколько я понимаю, вас можно назвать солдатом удачи?

— Пожалуй, — признал Прайс. — Я действительно отличаюсь некоторой склонностью к приключениям.

— У меня есть нечто, что могло бы вас заинте-

ресовать.

— В самом деле?

— Вы, наверно, слышали легенду об Энзе? Я не имею в виду деревню Энз в Северной Аравии; я говорю об Энзе — древнем городе, лежащем в забытом оазисе за хребтом Джабаль-Херб.

— Я знаком с преданиями арабских народов. Слышал и об Энзе, и о Мэгаинме, и о других затерянных в пустынях мифических городах. Современные сказки «Тысячи и одной ночи»!

— Не совсем так, мистер Дюран. — Гарт понизил голос, — В рассказах бедуинов об Энзе, как бы дико они ни звучали, есть доля истины. Обычно так с мифами и бывает. Даже у сказок «Тысячи и одной ночи», о которых вы упомянули, и то корни лежат в реальных исторических фактах. Но у меня есть нечто получше слухов. Если бы вы согласились пройти ко мне на шхуну, я бы мог изложить вам все подробнее. «Иньес» стоит во внешней бухте, возле волнореза.

— А почему не здесь? — спросил Прайс, указывая на столик в углу.

— Я кое-что вам покажу. Нечто, подтверждающее мои слова. Ну... и мне не хотелось бы, чтобы тому были свидетели.

Прайс не впервые слышал и об «Иньес», и

о ее капитане-азиате. Пока еще никто ничего хорошего о них не говорил. С другой стороны, сейчас Прайса одолевала тоска. Ему все надоело, и маленькое приключение выглядело довольно заманчиво.

Поэтому он кивнул.

Изобразив на изъеденном оспой лице кривую и предупредительную улыбку, Жоао де Кастро приветствовал гостя на борту шхуны. Раскосые черные глаза на миг обратились к Якобу Гарту, словно за указаниями. Но тот, небрежно оттолкнув капитана в сторону, уже вел американца в расположенную посреди судна каюту.

Заперев за собой дверь, он повернулся к Прайсу:

— Надеюсь, вы обещаете никому не рассказывать о том, что сегодня узнаете. Это если вы не примете моего предложения.

— Хорошо.

Гарт испытующе поглядел на Прайса и кивнул:

— Я вам верю.

Усадив гостя за стол, Гарт достал бутылку виски и пару стаканов. Но Прайс от выпивки отказался. Тогда Гарт сразу перешел к делу:

— Давайте для начала вы расскажете мне все, что вам известно об Энзе.

— Ну, вообще-то ничего особенного. Только то, что знают все. Когда-то давно на месте пустыни будто бы лежали плодородные земли и располагался город Энз, подчинивший себе весь район Руб-эль-Хали. Потом, около тысячи лет назад, пески якобы наглухо отрезали Энз от мира.

Вполне в духе местных преданий. Особенно учитывая горячее воображение арабов и тот факт, что Южная Аравия, наверно, самое неизученное место на нашей планете, — конечно, если не считать полярных областей.

Якоб Гарт кивнул.

— Эта легенда, — медленно начал он, — как вы ее изложили, недалека от истины. Энз действительно существует. И он все еще населен... во всяком случае, населен спрятанный посреди пустыни оазис. Энз действительно самый богатый город на земле. Добычи в нем хватит на целую армию.

— Мне уже доводилось слышать заявления подобного рода, — улыбнулся Прайс. — Вы что, знаете это наверняка?

— Судите сами. Вот уже двадцать лет, с момента окончания войны, я исследую окраины Руб-эль-Хали. Я жил с бедуинами, собрал тысячи легенд... Почти все они представляют собой искаженные

версии истории Энза. И, Дюран, мне удалось добраться до самого Джабаль-Херба.

Это утверждение заставило Прайса взглянуть на своего собеседника с невольным уважением. Горы Джабаль- Херб считались столь же мифическими, как и сам Энз. Если Якоб Гарт видел их собственными глазами, значит, не такой уж он жирный, неповоротливый толстячок, каким казался с первого взгляда.

— Со мной шли еще пятеро, — между тем продолжал Гарт. — И у всех нас были ружья. Но мы не смогли пройти Джабаль-Херб. Дело в том, что эти горы охраняются! Мне кажется, жителям Энза известно о нашем мире куда больше, чем нам о них. И они не больно-то рвутся устанавливать с нами контакт.

Да, у нас были ружья. Но их вооружение, как ни парадоксально, оказалось не хуже. Пять отважных парней вечным сном уснули в Джабаль-Хербе, только мне одному удалось унести оттуда ноги. Однако ушел я не с пустыми руками... То самое подтверждение, о котором я говорил.

Двигаясь с грацией, неожиданной для его массивного тела, Гарт подошел к сундуку и вынул оттуда свиток — длинный, узкий рулон выделанной кожи, сухой и потрескавшейся.

— Немного выцвело, но прочесть еще можно, — сказал Гарт, указывая на покрывающие свиток письмена. — Вы читаете по-испански?

— Немного.

— Это чистое кастильское наречие.

Прайс осторожно развернул свиток.

Рукопись представляла из себя автобиографию некоего Фернандо Хесуса де Куадра-и-Варгас. Родившийся в Севилье в 1480 году, Фернандо в возрасте двадцати двух лет был вынужден — по необъясненной причине — бежать в Португалию. Завербовавшись в военно-морской флот короля Мануэля, он участвовал в португальской экспедиции Альфонса де Альбукерка — той самой, что в 1508 году захватила побережье Аравии. Здесь у автора манускрипта вновь возникли какие-то проблемы, о причинах которых не говорилось. В общем, дезертировав из португальского флота, он незамедлительно попал в плен к арабам.

Через несколько лет, сбежав от своих хозяев и не рискуя сунуться в португальские поселения, Варгас решил на украденном верблюде пересечь Аравию, рассчитывая в конце концов добраться до родной Испании.

«Великие тяготы выпали на мою долю, — писал он, — ибо не хватало мне воды в этой земле

язычников, не знающих ни Истинного Господа нашего, ни даже пророка неверных. Много недель я не пил ничего, кроме молока моей верблюдицы, питавшейся колючками жестокой пустыни. А потом я попал в край горячего песка, и верблюдица моя испустила дух за недостатком корма. Я отправился дальше пешком и милостью Пречистой Девы Марии добрался до Золотой Земли.

Я нашел убежище в городе, окруженном пальмовыми кущами. Люди тут называли себя «Бени-Энз», и пребывали они в самом отвратительном идолопоклонничестве. Бени-Энз поклонялись богам из живого золота, обитавшим на горе возле их города в золотом доме.

Эти золотые существа рабом взяли меня к себе на гору, и там мне довелось лицезреть самих идолов, являвших собой золотого тигра и громадного змея. Совершенно живых, хотя и из желтого металла. Золотой мужчина, жрец змея, допросил меня, а потом вырвал мне язык.

Три года провел я в рабстве внутри горы, а затем милостью Божьей бежал, убив стражника его же собственным золотым мечом. Меч этот и сейчас со мной. На посланном Пресвятой Девой верблюде я пустился в сторону моря, по тропе, обозначенной человеческими черепами.

И вновь жажда преследовала меня по пятам. Жажда и жестокая сила золотых богов. Мой верблюд мертв, сам я калека и уже никогда не покину этих гор, где мне посчастливилось найти источник. Мне суждено умереть в этой пещере, и я молю Господа, чтобы карающий меч поскорее обрушился на те Золотые Земли, дабы навсегда очистить их от мерзкого идолопоклонничества и зла».

Прайс сидел и глядел на сухой, потрескавшийся пергамент. Он пытался воображением дорисовать то отчаянное путешествие, о котором рассказывал манускрипт. Варгас, похоже, был крутым парнем. Пережить такое, потом выделать верблюжью кожу, приготовить чернила и записать воспоминания — и все это сознавая неминуемость своей смерти!..

— Ну и что вы думаете? — нарушил тишину голос Гарта.

— Любопытно. Весьма. Но, возможно, это подделка. Старый пергамент не такая уж и редкость.

— Я нашел его возле человеческого скелета. В пещере в Джабаль-Хербе.

— От этого мои сомнения не становятся меньше.

— Тогда, может, вот что поможет, — усмехнулся

Гарт, снова запуская руку в сундук. — Это подделать было бы не так-то просто.

Он вынул изогнутый желтый клинок, чудесно переливающийся в полутемной каюте. Золотой ятаган!

— Посмотрите! — прогрохотал Гарт, и голос его зачаровывал и ослеплял. — Золото! Чистое золото! И закаленное, как лучшая сталь!

Он взмахнул клинком, со свистом разрезав воздух, и передал ятаган Прайсу.

Странное это было оружие, с тяжелым обоюдоострым клинком, острым как бритва. Прайс потрогал его пальцем. Такого острия золото иметь не могло. И известные Прайсу золотые сплавы тоже. Рукоятка представляла собой цельную змею из мягкого золота, держащую в зубастой пасти кроваво-красный рубин.

Наклонившийся над столом Якоб Гарт выглядел не менее удивительно, чем показанное им оружие. Крупный, с широченными плечами, с мягкой и белой, как у ребенка, кожей, с холодными глазами, жестко и нетерпеливо горящими на покрытом рыжей бородой лице.

— Да, это золото, — согласился Прайс. Спорить тут не приходилось, хотя это золото было куда тверже, чем ему полагалось бы быть. — И рубин

настоящий.

— Вы удовлетворены? — спросил Гарт.

— Я знаю только, что в вашем распоряжении есть нечто не вполне обычное. Кое-где рассказ испанца звучит просто невероятно. Но что конкретно вы мне предлагаете?

— Я организовываю новую экспедицию. Хочу набрать отряд, который смог бы пробиться через охраняемый перевал и сломить сопротивление жителей Энза. Потребуется, если вам угодно, маленькая армия.

— Никому еще не удавалось покорить Центральную Аравию, — покачал головой Прайс. — А кто только не пытался это сделать за последние пятнадцать веков!

— Это будет не просто, — согласился Гарт. — Но награда!.. Она просто невообразима! Подумайте о золотом доме, о котором пишет испанец! Я знаю пустыню. И вы тоже. Мы не какие-то там зеленые молокососы.

— И что вы предлагаете?

— Для снаряжения экспедиции необходимо порядка ста сорока тысяч долларов. Насколько мне известно, вы могли бы предоставить такую сумму.

— Возможно. И что я получу взамен?

— Вы будете моим заместителем. Я, разумеется, возглавлю экспедицию. Вы станете вторым. Де Кастро — третьим. Половину добычи придется разделить между людьми. Вторую половину мы поделим на двенадцать долей. Пять — мне, четыре — вам и три — де Кастро.

Для Прайса золото само по себе ничего не значило. Его состояние, для преумножения которого сам он не делал ровным счетом ничего, приближалось к четырем миллионам долларов. Ему был тридцать один год, и он не мог сидеть на одном месте, его одолевала хандра и скука, хотелось чего-то непонятного и неизведанного. Вот уже десять лет он без цели скитался по Востоку в поисках... он и сам не знал чего именно.

Странно заманчивым казалось Прайсу решить мрачную загадку окруженной горами, прокаленной солнцем пустыни Руб-эль-Хали. Пустыни, которой боялись даже бедуины.

Сам Прайс свободно говорил по-арабски и кое-что знал о жизни в пустыне. Сокровища — ерунда; приключение само по себе значило куда больше. Приключение. Борьба с природой в самом смертоносном ее проявлении. Сражение, если Гарт не врал, с загадочными силами, царствовавшими в глубине песков.

Предложение Якоба Гарта весьма импонировало Прайсу. Смелое и трудное начинание. Нечто такое, чего еще никто никогда не делал. И золото. Прекрасный трофей в конце пути.

Прайсу внезапно захотелось принять участие в этой экспедиции. Такого прилива энтузиазма он не испытывал уже много-много месяцев. Но что-то в нем восставало против того, чтобы соглашаться на второстепенную роль. Он не мог позволить кому-то собой командовать.

— Возглавить экспедицию должен я, — решительно сказал Прайс. — И добычу мы должны делить поровну. По четыре с половиной доли каждому.

Гарт нахмурился.

— Вы слышали мое предложение, — прогремел он, и в голосе его почти что зазвучал гнев. — Вам нечего опасаться обмана. Если хотите, можете сами расплачиваться за покупки. Не сомневайтесь, я бы не сунулся в Руб-эль-Хали, если бы не верил в успех.

— Я приму участие в походе, — тихо сказал Прайс, — только если стану его руководителем.

И Гарт в конце концов сдался.

— Хорошо, — кивнул он. — Командуете вы. И добычу делим поровну.

Два месяца «Иньес» крадучись пробиралась из одного порта Восточной Европы в другой, постепенно собирая груз, обозначенный в манифесте как «сельскохозяйственные машины», и бывших солдат, называвших себя «Тайный легион».

И вот все позади, груз и люди на борту, и шхуна, проскользнув через канал в Красное море, направилась на восток вдоль Аравийского побережья. Она плыла туда, где Гарт назначил встречу со своими сомнительными арабскими союзниками.

Глава третья. Тропа черепов

Шейх Фархад был неприятно удивлен, узнав, что ему предстоит сопровождать экспедицию в самое сердце Руб-эль-Хали. Как оказалось, Якоб Гарт заручился его услугами, обещав двести пятьдесят фунтов в день плюс богатую добычу в случае успеха. Где именно планируется эту добычу завоевать, Гарт не уточнял.

— Салям алейкум! — воскликнул шейх, когда Прайс Дюран и Якоб Гарт вошли в его черный шатер.

— Алейкум салям, — ответил Прайс на древнее приветствие народов пустынь.

Он прекрасно понимал, что все эти пожелания не будут стоить и ломаного гроша, если бедуины сочтут выгодным напасть на союзников.

Прайс и Гарт устроились на потертых коврах, расстеленных на песке. Перед ними, в окружении дюжины своих людей, восседал Фархад. Один из арабов подал густой, тягучий несладкий кофе. Налив немного из медного чайника в единственную чашку, хозяин пустил ее по кругу.

Прайс пригубил напиток, не торопясь начинать переговоры. Гарт оставался совершенно

невозмутимым.

— Скоро выступаем? — наконец не выдержал шейх.

— Да, — кивнул Прайс. — Скоро.

— Мы на кого-нибудь нападем? Может, на Эль Мурра? У них много верблюдов отличной уманийской породы! — Глаза араба заблестели.

Рука Якоба Гарта опустилась на кожаные ножны у него на поясе. Обнажив золотой ятаган, он медленно поднял клинок перед собой.

— Что ты об этом думаешь? — спросил он на арабском, столь же безукоризненном, как и у Прайса.

Вскочив на ноги, шейх склонился над оружием.

— Золото? — Но заметив змею на рукояти ятагана и рубин в ее зубастой пасти, Фархад поспешно отскочил назад. — Бисмилла! — внезапно побледнев, прошептал он.

— Да, золото, — спокойно кивнул Гарт.

— Это проклятая вещь! — воскликнул Фархад. — Она из запретных земель.

— А может, ты знаешь еще и о тропе черепов? — приподняв бровь, спросил Гарт. — Может, слышал о сокровищах, к которым она ведет? О золоте там, за Джабаль-Хербом?

— Аллах свидетель, ничего я не знаю! — воскликнул Фархад с таким жаром, что Прайсу сразу стало ясно: старый бедуин лжет.

— Тогда я покажу тебе тропу, — кивнул Гарт. — Мы ведь собираемся кое-чем поживиться в стране, в которую она ведет.

— Спаси нас Аллах!

Шейх нервно крутил пальцем в своей редкой бороденке. Страх яснее ясного светился в его глазах.

— Каждый верблюд будет нагружен золотом, — пообещал Гарт.

— Правоверным не дозволено идти за Джабаль- Херб! — напуская на себя набожный вид, воскликнул Фархад. — За этими горами лежит край зла, где неведомы ни Аллах, ни пророк его.

— Так разве не должно идти туда священной войной? Объявить джихад? — язвительно поинтересовался Прайс.

Сидящие в шатре арабы нервно зашептались. Прайс уловил упоминания о джиннах и ифритах.

— Чего нам бояться там, за горами?

— Это мне неведомо, — отозвался Фархад, — но о пустыне рассказывают всякое.

— Что же, например?

— Я, конечно, в это не верю, — громко и очень неубедительно заявил шейх, — однако рассказывают, будто за Джабаль-Хербом лежит большой город. Город этот был древним уже в ту лору, когда пророк еще не принес нам весть об Аллахе. Живут там хотя и арабы, но неправоверные мусульмане. Жители города поклоняются золотому змею, а правят ими не люди, а злобные золотые джинны в людском обличье.

Говорят, будто один желтый джинн ездит на громадном тигре и убивает всех, кто дерзнет перейти через горы. Черепами своих жертв он отмечает караванную тропу к морю. А еще рассказывают, что джинны эти живут в замке из чистого золота на черной горе, называемой Хаджар-Джеханнум — Скала Ада.

Так говорят в пустыне. Но, конечно, я не верю в эти сказки!

— Теперь я понимаю, где черпал вдохновение наш испанский друг, — шепнул Прайс Гарту.

— В Джабаль-Хербе я действительно видел много странного, — вполголоса ответил тот. — Фархад ближе к истине, чем он подозревает. Разумеется, ничего сверхъестественного. Современная наука, между прочим, зародилась где-то здесь. И Европа тогда еще была во мраке средневековья.

Мне кажется, нам предстоит столкнуться с изолированной общиной, сохранившей кое-какие традиции и знания древней арабской цивилизации.

Прайс повернулся к Фархаду, снова усевшемуся на место и не сводившему глаз с золотого ятагана.

— Мы говорили о зле Руб-эль-Хали, — по-арабски объяснил он, — Нашим союзникам нечего опасаться, ведь у нас с собой мощное оружие. Даже если за проклятыми горами и есть все то, о чем ты нам рассказал, мы сумеем справиться с любым противником.

— Завтра мы покажем вам мощь нашего оружия, — вкрадчиво пообещал Гарт.

Они с Прайсом поднялись с ковра и вернулись в свои шатры. А старый шейх остался сидеть, раздираемый паническим страхом перед неведомыми опасностями Золотой Земли и обещаниями сказочных сокровищ.

На закате следующего дня, когда стало сравнительно прохладно, Прайс Дюран верхом на верблюде вместе с Фархадом и группой воинов-бедуинов поднялся на вершину нависшего над лагерем бархана. Якоб Гарт остался в лагере направлять представление.

— У вас есть ружья, — сказал Прайс, показывая на заряжаемые с дула мушкеты арабов. — Но видели ли вы когда-нибудь ружья, подобные этим?

Он махнул рукой, и четыре установленных на треногах пулемета дружно открыли огонь. Бешеное стаккато выстрелов эхом прогремело в дюнах, и пули фонтанчиками взрыли песок вдоль берега моря.

— Ваши ружья стреляют быстро, — кивнул Фархад, — но что джиннам до ружей?

— У нас есть ружья и посильнее.

Прайс снова махнул рукой.

Два миномета и две старые пушки выстрелили одновременно. Грохот разрывов, свист осколков и глубокие воронки в песке на миг ошеломили даже самого Прайса. Некоторые из бедуинов предпочли спрятаться за барханом.

— А вот наша колесница смерти! — воскликнул Прайс, снова подавая условный знак.

Танк, который арабы еще никогда не видели в движении, с ревом ожил и, загребая гусеницами песок, пополз вверх по бархану. Он выл, словно некое доисторическое чудище, и пулеметы его трещали без умолку.

На мгновение потрясенные арабы застыли, как вкопанные, а потом, круто развернув верблюдов,

бросились наутек.

— Мне очень жаль, что вы не остались посмотреть остальное наше оружие, — приветствовал их Якоб Гарт, когда пристыженные бедуины вернулись в лагерь.

— Верблюды испугались, — ответил Фархад, — Мы не могли их удержать.

— Также, как испугаются и те, кто охраняет перевал, — сказал Прайс. — Итак, завтра мы пойдем тропой черепов.

Старый шейх заколебался.

— Вы заплатите обещанное золото, даже если мы не найдем сокровищ? — спросил он.

— Да, — заверил его Гарт.

Прайс был готов к этому вопросу. По его знаку четверо европейцев, шатаясь под тяжестью, притащили из лагеря большой деревянный сундук и молча поставили его у ног Прайса. Вытащив из-за пояса ключ, Дюран отомкнул замок и, подняв крышку, открыл перед шейхом великолепие золотых соверенов.

В этом сундуке находилось пять тысяч фунтов стерлингов золотом — еще один аванс из кармана Дюрана. Придерживая крышку, он дал арабам время насладиться видом новеньких блестящих монет.

— Каждый день мы будем платить вам эту огромную сумму, — сказал Прайс, отсчитывая в трясущиеся руки шейха двести пятьдесят соверенов, — Сундук поедет с нами, в колеснице смерти, и деньги вы получите, когда мы вернемся к морю.

Шейх запротестовал, настаивая, чтобы белые давали деньги за каждый прошедший день. Но Прайс не уступал, и под конец Фархад сдался:

— Ладно, эфенди. Завтра мы выступаем, и да хранит нас Аллах.

На следующее утро, еще до рассвета, от моря в глубь пустыни двинулся весьма странный караван. Во главе на великолепном белом скаковом верблюде ехал шейх Фархад аль-Ахмед. За ним длинной чередой тянулись вьючные верблюды; на боках ящиков все еще значилось «культиваторы», «лопаты», «садовый инвентарь».

Вокруг каравана ехали верховые арабы — высокие и поджарые, словно иссушенные солнцем, со смуглыми суровыми лицами, тонкими поджатыми губами и пронзительными глазами. Как и их предводитель, они носили развевающиеся головные накидки и черные абы — своего рода робы из грубой верблюжьей шерсти.

Белые держались преимущественно в хвосте

каравана. Им всем, за исключением Прайса и Гарта, никогда не приходилось ездить на верблюдах, и путешествие на раскачивающихся из стороны в сторону животных давалось довольно непросто.

Замыкал процессию ревущий мотором и воняющий горячим маслом танк. Верблюды боялись его, да и арабы почитали за весьма сомнительное добавление к каравану. Однако, по мнению Прайса, присутствие машины должно было укрепить дух бедуинов. Тем более что именно в танке ехало их золото.

Поднялись задолго до рассвета и наскоро позавтракали: арабы — финиками и лепешками из полусырого теста, белые — беконом, кофе и галетами.

Прайс решил ехать впереди, в самом начале длинной колонны вьючных верблюдов. И экспедиция двинулась в путь, прочь от моря, в неизведанное сердце страшной пустыни, в глубь Пустого места, навстречу невероятным приключениям.

Вот это жизнь! Бодрящий, прохладный утренний бриз, величие алого рассвета, наполняющего пустыню волшебными пурпурными тенями, гордая энергичная поступь отдохнувших верблюдов, шум идущего каравана...

Смутные розовые видения плыли перед взором Прайса. Он видел Золотую Землю, о которой писал испанец, видел затерянный город Энз за запретными горами. От скуки и тоски не осталось и следа. Прайс вновь чувствовал себя молодым, свободным и полным сил. Он знал, что живет не напрасно, что впереди его ждут великие и славные дела.

Но солнце все выше поднималось над горизонтом, и время эйфории закончилось. Бесконечные ряды ржаво-красных и желтых барханов плыли и колебались в жарком мареве. Поднятая копытами пыль проникала повсюду. Воздух обжигал и душил. Дышать было практически невозможно.

По телу Прайса катился пот. Американец чувствовал себя грязным и несчастным. Глаза слезились от пыли, болели от немилосердного солнечного сияния, низвергающегося с ослепительных небес и отражающегося от сверкающих песков.

Сухой воздух жег горло, но Прайс не мог позволить себе лишнего глотка воды — Гарт сказал, что до ближайшего источника три дня пути. Седло терло. Губа, там, где ее разъело солнце и жгучая пыль, треснула.

И тем не менее странная радость жизни не

проходила. Каждый раз, поднимаясь на вершину очередного бархана, Прайс ощущал свирепую радость победы.

Море как раз исчезло из виду, когда старый Фархад тревожно указал на небольшой, блестящий посреди песчаного океана предмет. Бедуин неохотно повернул верблюда в его сторону.

Когда они подъехали ближе, Прайс увидел, что это выбеленный солнцем человеческий череп. Череп, насаженный на длинный, вкопанный в песок шест. Примерно в миле впереди виднелся еще один шест с черепом.

— Кто его здесь поставил? — полюбопытствовал Прайс.

— А я почем знаю? — нервно ответил шейх. — Люди говорят, что джинн проклятой земли оставляет в пустыне головы тех, кого он заманил к себе. Быть может, он проложил тропу к Иблису.

Прайс подъехал к шесту. Его верблюд испуганно шарахнулся в сторону, и американцу пришлось спешиться.

Сам шест, примерно дюйма три в диаметре, был сделан из какого-то красновато-коричневого и, похоже, очень крепкого дерева. На белом, отполированном ветром и песком оскаленном черепе

еще виднелись остатки волос.

Стоя у шеста, Прайс подождал Якоба Гарта.

— Что тебе известно об этих черепах?

— Они тянутся отсюда до самого перевала в Джабаль-Хербе, — ответил Гарт. — А возможно, и до самого Энза... Мне не удалось перейти через горы и посмотреть. Четыре сотни лет назад они уже здесь стояли. Иначе бы наш испанец о них не упоминал.

— Но этот череп явно не четырехсотлетней давности! — возразил Прайс. — Он довольно свежий, разве ты не видишь?

— Значит, кто-то время от времени меняет черепа.

— Но кто?

— По моему мнению, люди, живущие за горами, хорошо знакомы с внешним миром. Наверно, они не хотят потерять дорогу к морю.

— Но зачем отмечать ее черепами?

— Черепа крепкие, их хорошо видно, и, вероятно, они достаточно... дешевы.

Несколько раз в тот самый первый день похода Прайс ездил вдоль каравана, разговаривая с людьми. Мало кто из европейцев сталкивался раньше с верблюдами. Они не доверяли своим «скакунам», и неудобные, непривычные седла делали путешествие еще более тяжелым.

В полдень, когда жара стала совершенно невыносимой, караван остановился на привал. Ближе к вечеру отряд вновь двинулся в путь и шел до тех пор, пока не стало совсем темно.

Следующий день был точь-в-точь, как первый. И следующий тоже.

Утром четвертого дня путешественники вышли к узкой полоске гравия, темной раной протянувшейся через ржаво-красные барханы. Тут они нашли колодец — квадратную, ничем не прикрытую яму, из которой кожаными ведрами удалось набрать воды для людей и животных. Грязной, горькой и солоноватой, но все-таки

пригодной для питья воды.

Лишь к заходу солнца караван был готов двинуться дальше. Напился последний верблюд, люди наполнили водой бурдюки и фляги. И вновь длинная цепочка вьючных животных, за которой по пятам следовал гремящий железом танк, потянулась через пески.

Еще две ночи прошли среди барханов, а на шестой день с начала пути караван подошел к каменистой пустоши. Впереди начинались предгорья Джабаль-Херба, сплошной стеной стояли мрачные изрезанные скалы горного хребта.

— Джабаль-Херб, — вздохнул Гарт, — В прошлый раз меня как раз здесь и остановили. Так просто перебраться на ту сторону нам не удастся.

Воздух был чист и прозрачен, и казалось — до гор уже рукой подать.

Черные гранитные стены, прорезанные извилистыми ущельями и переходящие в верхней части в мрачные скальные башни, зловеще увенчанные кроваво-красным известняком и белым песчаником, голые, иссеченные ветром стены без единого зеленого пятнышка, мертвые, как выбеленные временем кости… Смертоносный барьер вокруг проклятой земли.

Пустыня обманчива. Утро сменилось вечером, а

караван все еще пробирался извилистой тропой, протянувшейся по каменистым пустошам предгорий. Даже карликовые акации и тамариски, обычные растения этих мест, и то здесь не росли.

Фархад заметно нервничал. Оставив свое привычное место во главе каравана, он подъехал к Прайсу и Якобу Гарту. Видя неуверенность своего главаря, бедуины остановились. Все они с откровенным страхом поглядывали на неприступные скалы Джабаль-Херба.

— Сахибы, — начал шейх, — Аллах не позволяет нам ехать дальше. Впереди горы проклятой земли. Там, за ними, волею Аллаха сила находится в руках злых джиннов. Стоит нам туда только сунуться, и ифриты тут же насадят наши головы на колья.

— Ерунда, — отмахнулся Прайс. — Разве мы не показали вам мощь оружия белых?

Но Фархад лишь покачал головой, что-то бормоча себе в бороденку. Потом он потребовал заплатить ему и его людям за восемь дней пути.

— Золото, — хитро блестя глазами, заверил бедуин, — придаст воинам смелости.

— Оно только подстрекнет их дезертировать, — мрачно ответил Прайс. — Пока мы не вернемся к морю, вы не получите ни единой монеты.

— В горах есть вода, — прогрохотал Гарт, — Ты же знаешь, вода нам ох как нужна!

— Истинно, истинно, — закивал Фархад. — Бурдюки пусты, и верблюды хотят пить. Но все равно...

— Хватит болтать, — оборвал его Прайс. — Поехали.

Старый бедуин, недовольно хмурясь, был вынужден повести караван дальше. К закату они прошли, наверно, полпути до открывшегося высоко в горах перевала.

Именно на закате они увидели первые странности, возвещавшие грядущие столкновения с непостижимой силой Золотой Земли.

Глава четвертая. Тигр в небе

Пришпорив пятками усталого верблюда, Прайс снова проехал в голову каравана. Он решил двигаться рядом с Фархадом. Может, это придаст старому шейху немного смелости.

Вьючные верблюды, как обычно, шли цепочкой, растянувшись по тропе на добрую милю. Замыкал процессию, как и раньше, скрежещущий гусеницами по камням танк.

Впереди в сплошной скальной стене открывался проход. Справа и слева от него высоко в небо вздымались громадные выветренные башни черного гранита, мрачно стерегущие подъем на перевал.

— Спаси, Аллах! — внезапно с ужасом воскликнул шейх и указал дрожащей рукой в небо над горным хребтом.

Подняв глаза, Прайс увидел странную картину. Там, за зияющим провалом перевала, озаренного багряными отблесками кроваво-красного заката, узкие, словно нарисованные лучи света широким веером разлетелись по небу. Тонкие бледные лучи, розовые и желтые. Выглядели они так, как будто исходили все из одной точки, спрятанной

где-то за черным перевалом.

Прайс удивленно заморгал. Это световое шоу почему-то казалось ему делом рук человеческих. Покосившись на дрожащего, бледного как смерть Фархада, американец понял, что признаваться в этом нельзя никак.

— Ну и что? — спокойно спросил он.

— Там, за горами, нас ждет злой джинн проклятой земли!

— Чушь собачья! Просто солнечные лучи пробиваются сквозь облака. Вполне заурядное явление природы, ничего сверхъестественного...

Прайс оглядел небо в надежде увидеть облако и тем самым подтвердить свое предположение. Увы. Густо-голубой свод был, как всегда, чист.

— А может, это мираж, — поколебавшись, продолжал Прайс. — По утрам и вечерам мы часто видим миражи. Порой они бывают на удивление причудливы. Однажды в пустыне Синд в сотне миль от моря я увидел пароход — с трубами и дымом, все честь по чести. Я разглядел даже спасательные шлюпки вдоль борта. Обычное преломление и отражение света в атмосфере...

Но шейх его не слушал. Он мог только тихо стонать от страха.

А над горами, над веером цветных лучей посте-

пенно проявлялась огромная картина, необычно реальная, почти стереоскопическая.

То, что Прайс увидел, было чистой воды безумием. Он знал, что перед ним мираж, иллюзия, не более того. Или галлюцинация, проецирующая страхи бедуинов в окрашенное закатом небо. Прайс не сомневался в этом и одновременно знал, что видит нечто вполне реальное, нечто, отражающее то, что существует на самом деле.

— Тигр проклятой земли! — визжал Фархад. — Желтая женщина миража, чья смертоносная красота заманивает людей в пустыню на погибель! И золотой бог, король злых джиннов!

С криком шейх повернул верблюда. Бедуин явно намеревался искать спасения в бегстве.

С трудом отведя взор от неба, Прайс выхватил пистолет.

— Стой! — по-арабски приказал он. — Тебе некуда бежать. Только двинься с места, и я прикончу тебя вернее, чем все ифриты Аравии!

Ругаясь на чем свет стоит, Фархад остановил верблюда. Его черные, полные беспросветного ужаса глаза вновь устремились на возникшую над горами картину.

Над цветным веером лучей сформировался тигр. Громадный, словно облако, он был до невоз-

можности четок и реален. Могучее, увеличенное во много раз изображение полосатого хищника величественно парило над острыми пиками Джабаль-Херба. Шкура зверя отливала золотом. Тугие бугры мышц вздувались на мощных лапах. Прищуренные, страшные глаза зловеще глядели с неба на незваных гостей.

На спине тигра находилось странное деревянное седло, чем-то напоминающее башенку, какие надевают на спины слонам в Индии. В этом седле сидели двое.

Впереди — золотокожий, золотобородый мужчина с властным и жестоким лицом, одетый во все красное, с красной же шапочкой на голове. На коленях он держал большую палицу из желтого металла.

За ним, небрежно откинувшись, расположилась женщина в зеленой тунике. Ее кожа тоже была совершенно желтой, а длинные развевающиеся волосы — рыжеватозолотыми. В красоте незнакомки чувствовалось что-то зловещее. Чуть раскосые глаза под темными подкрашенными веками были зелеными и странно напоминали тигриные. Губы были ало-красными, золотые скулы чуть тронуты румянами, а кончики изящных пальцев подкрашены хной.

Прайс скорее почувствовал, чем увидел, как старый шейх украдкой пытается подать назад своего верблюда. Оглядевшись, американец увидел, что караван встал. Даже танк и тот замер, заглушив мотор.

Страх, словно волна, захлестнул потрясенных людей. И страх этот в любую секунду мог привести к панике.

— Не двигайся, — предостерегающе прошептал Прайс дрожащему Фархаду. — Или я прикончу тебя на месте.

Прайс был уверен, что сейчас опасность им не грозит. Ну а бедуины, в этом он почти не сомневался, не бросят своего предводителя.

Его взор вернулся к висящей высоко в небе странной, ужасающих размеров картине. Золотой мужчина оценивающе глядел на караван, а женщина загадочно улыбалась. Улыбалась, понял Прайс, не кому-то, а именно ему.

Это была не слишком добрая улыбка. Загадочная, таинственная, насмешливая. В ней чувствовался вызов, непонятно почему рассердивший американца. И в то же время экзотическая красота женщины будила в нем смутное томление.

Зеленые глаза намекали и манили. Они обещали горячую страсть, и жгучее желание, и не менее

жгучую ненависть страсти, покорные прихотям, не знающим узды ни страха, ни закона. В этих глазах читалась мудрость веков, хотя и не обязательно благая, в них чувствовалась безграничная сила. Они смотрели на Прайса с откровенной насмешкой...

Желтобородый наездник медленно поднял огромную палицу и двумя руками закружил ее над головой. На его лице явственно читалась угроза.

Женщина снова улыбнулась Прайсу, насмешливо и с вызовом, и провела рукой по своим золотым волосам.

— Вот видишь, — прошипел Фархад, — нам грозят смертью. Мы должны повернуть назад!

Прайс ничего не ответил. Он все еще глядел в небо, на золотую женщину. Он принимал вызов.

Внезапно, к неописуемому удивлению старого араба, Прайс расхохотался. И в смехе его звучала откровенная издевка.

— Современная Лилит?.. Ну давай, показывай свои чары. Ничего, мы еще поиграем!

А потом изображение над горами постепенно померкло, растворившись в темнеющем аметистовом небе. Вместе с ним угас и веер цветных лучей за перевалом. В предзакатном сумраке зло-

веще чернели впереди бастионы Джабаль-Херба.

Прайс сидел на своем верблюде, по-прежнему целя пистолетом в грудь Фархада. Он не знал, что и подумать. Значит, таинственные обитатели страны за горами — не миф и не сказка. Значит, где-то там, за перевалом, действительно живут люди. Люди с кожей золотого цвета... Золотого, а не желто-коричневого, как, например, у монголов. Люди, приручившие тигра. Люди, знакомые со странной силой неведомой науки.

То, чему он только что стал свидетелем, наверняка было миражом. Прайс припомнил картину, которую как-то наблюдал в проливе Мессины, припомнил рассказы о невероятных видениях в горах Германии, называемых «Призрак Брокена», где причудливые громадные тени бродят по облакам... Неужели древние арабы постигли тайны миража? Неужели они повелевают иллюзиями?

И если так, то какие еще сюрпризы могут ждать караван за перевалом?

Глава пятая. Знак змея

— Подумайте еще и об этом, — сказал Прайс. — Если кто-то решит повернуть назад, мы погонимся за беглецом на нашей колеснице смерти, и череп несчастного станет гнездом для скорпионов.

Что-то упрямо бормоча себе под нос, Фархад аль- Ахмед задумчиво теребил свою бороду. Прошлой ночью арабы наотрез отказались идти дальше. Они даже не хотели вставать здесь лагерем. А теперь старый шейх упорно настаивал на возвращении.

— Эфенди, вы же понимаете, это было предупреждение. Мы еще можем спастись от золотых джиннов...

— Если пойдем дальше и победим их!

— У перевала есть вода, — кивнул Гарт. — Чистый источник, полный сладкой, прозрачной воды. Другой ближайший источник — в трех днях пути по пустыне. Если мы повернем назад, мало кому доведется из него испить.

Фархад явно заколебался.

— Вспомни о нашей колеснице смерти, — подбодрил шейха Прайс. — И о золоте, которое уже

принадлежит тебе... Но только если ты не откажешься от договора.

— Аллах с нами! — наконец воскликнул Фархад. И с фальшивым энтузиазмом добавил: — Мы пойдем на перевал!

На востоке еще только-только разгоралась утренняя заря, а караван уже брел вверх по склону через розовеющие в лучах восходящего солнца предгорья. Длинная череда верблюдов понемногу втягивалась в узкий проход между гигантскими гранитными стенами ущелья, оставляя позади розово-желтую в этот час пустыню.

Прайс ехал впереди вместе с Фархадом. Гарт, как и раньше, держался сзади, рядом со своими людьми.

Каменные стены ущелья будто смыкались над головой. Понемногу солнце все выше всходило над горизонтом, и верхушки скал озарились его светом, однако засыпанная камнями тропа так и оставалась в густой тени.

Внезапно Прайс заметил, как впереди, у основания одной из колонн желтоватого песчаника, что-то блеснуло. До того места идти было еще около мили, но Прайс инстинктивно повернул верблюда за каменную глыбу.

— Перевал охраняется, — сказал он Фархаду.

— Вон под той скалой я заметил блеск сабли. Пожалуй, твоим людям стоит спрятаться.

Старый араб застонал.

Прайс увидел, что шейх, побелев от ужаса, глядит на своего воина, ехавшего впереди.

Этим воином был молодой Мустафа на черной верблюдице, широким шагом и выносливостью которой он гордился сверх всякой меры. Выглянув из укрытия, Прайс увидел, что Мустафа застыл на месте.

Молодой араб и его верблюд стояли совершенно неподвижно, словно статуя. Верблюд окаменел буквально на полушаге, подняв одну ногу. На лице полуобернувшегося воина лежала печать удивления. Одной рукой он прикрывал глаза, как будто пытаясь что-то получше разглядеть. Его развевающиеся одежды казались выкованными из металла.

— Мустафа! — в ужасе завыл Фархад.

В мгновение ока белая пелена окутала застывшего на месте воина. За какие-то несколько секунд и он сам, и его верблюд с ног до головы покрылись густым слоем серебристого инея. Всадник превратился в настоящую ледяную статую.

До ушей не верившего своим глазам Прайса долетел тихий треск. Холодное дуновение косну-

лось его вспотевшего лица.

И тут он все понял. Конечно, не то, как это было сделано, нет. Прайс без тени сомнения знал теперь, что Мустафа замерз. Каким-то загадочным образом температура его тела была мгновенно понижена гораздо ниже нуля.

На секунду невероятность этого открытия ошеломила Прайса. Потом его разум и тело, привыкшие действием встречать любую неожиданность, сами собой оправились от внезапного шока.

— Быстро! — крикнул американец. — Всем спрятаться за скалу!

Свидетелями гибели Мустафы стали дюжина бедуинов и несколько ехавших впереди белых. Словно очнувшись ото сна, они дружно повернули верблюдов и помчались назад по ущелью. Тщетно Прайс кричал им вслед. Его никто не слушал.

Спешившись, американец подкрался к выступу прикрывавшей его скалы и осторожно выглянул наружу. Впереди ничто не шевелилось. Над хмурыми скалами нависла зловещая тишина. Прайс внимательно осмотрел то место, где пять минут назад заметил блеск металла. На глазок оценил расстояние. Затем торопливо поехал вслед за

своими удравшими спутниками.

Весь караван, как выяснилось, собрался у танка. Здесь Якобу Гарту удалось остановить насмерть перепуганных бедуинов. При виде Прайса разговоры смолкли.

— Охлаждение в энной степени, — объяснил Прайс Гарту. — Беднягу просто-напросто заморозили, практически мгновенно. Белое на нем — это иней. И я, похоже, заметил, где стоит замораживающее устройство, — чуть дальше по каньону, у подножия скалы.

На бледном одутловатом лице Якоба Гарта не отразилось ни удивления, ни страха.

— Они видели нас прошлой ночью, — прогремел он. — Видели с помощью того... миража. Они готовы... Как и в прошлый раз.

— Ничего, мы им так просто не дадимся, — объявил Прайс. — Миллер, — повернулся он к столпившимся вокруг европейцам, — собери свои расчеты и подготовьте орудия к бою. Цельтесь в основание вон той скалы. — Прайс показал нужное место. — Дальность — около четырех тысяч ярдов.

— Так точно, сэр!

Низкорослый тевтонец, когда-то служивший капитаном в австрийской армии, четко отдал

честь и побежал к верблюдам, навьюченным орудиями.

Затем Прайс приказал установить пулеметы так, чтобы они перекрывали все ущелье, велел раздать ружья и боеприпасы. По его команде снайперы заняли позиции. Пусть теперь враг только сунется!

Когда оружие достали, Прайс отослал верблюдов в тыл. Их следовало сберечь во что бы то ни стало. Без верблюдов экспедиция была бы обречена.

Якоб Гарт молча наблюдал за действиями американца, оставаясь совершенно бесстрастным.

— Следи за Фархадом, — вполголоса сказал ему Прайс. — Если он нас бросит и удерет с верблюдами, нам крышка. Я поеду вперед на танке и, если потребуется, скорректирую огонь.

Орудия сделали первый залп, и Прайс, вскочив на броню танка, спустился в люк на место пулеметчика. Сэм Сорроуз, водитель, тут же дал газ, и танк с ревом пополз вперед.

Лязгая гусеницами, они проехали мимо перепуганных арабов, мимо плюющихся огнем пушек, мимо пулеметов и охраняющих их снайперов.

Под скалой, возле которой застыла ледяная статуя Мустафы, Прайс велел Сэму остановиться

и, выбравшись из танка, прополз вперед.

Врага видно не было. Желтые столбы дыма и пыль от разрывающихся снарядов поднимались у основания скалы. Прайс решил перенести огонь чуть б сторону, передал скорректированный прицел Сэму, который просемафорил его артиллеристам.

Над головой Прайса просвистело еще несколько снарядов. Враг не подавал признаков жизни.

— Пусть прекратят огонь, — сказал Прайс Сэму, возвращаясь к танку. — Боюсь, что мы зря тратим снаряды. И давай проедем немного вперед. Посмотрим, что к чему. Не возражаешь?

— Ты командир, тебе решать, — усмехнулся Сэм.

— Это дело рискованное, — честно предупредил Прайс. — Я не знаю, что нас там ждет. Может, нам удалось отогнать их, а может, они просто выжидают... Эта штуковина, которая прикончила Мустафу...

Но Сэм уже снова заводил мотор.

— Я вообще рисковый парень, — сказал он. — Иначе сидел бы сейчас у себя в Канзасе. Поехали!

Улыбаясь, Прайс вслед за Сэмом нырнул в люк. Канзасец ему определенно нравился. Сам Прайс никогда не бегал от опасности. Он верил в удачу

Дюранов. Надо играть, а карты пусть сдает судьба. Прайс всегда так думал, и теперь ему приятно было встретить человека такого же склада.

Лязгая гусеницами по камням, танк с ревом полз между гранитных стен в ту сторону, где засел враг. Холодок страха пробежал по спине Прайса — снаряды не долетели до цели!

В доброй сотне футов за дымящимися черными воронками между камнями на солнце блестело странное сооружение из бронзы и сверкающих кристаллов. Над ним возвышалось большое эллипсоидное зеркало, отливающее серебром.

За этим удивительным устройством — похоже, тем самым, что убило беднягу Мустафу, — склонился человек в синем.

Защитит ли танковая броня от смертоносных замораживающих лучей? Спасет ли от холода, в единый миг превратившего бедуина в ледяную статую? Прайс боялся, что нет.

Ужас, какого Прайсу еще никогда не приходилось испытывать, объял его сердце. Пот холодными каплями покрыл лоб. С мрачной решимостью американец взялся за ручки пулемета.

Прайс нажал на гашетку, и треск выстрелов врезался в слитное гудение мотора. Танк бросало из стороны в сторону, и целиться было трудно.

Пули щелкали по камням вокруг замораживающего устройства, но человек в синем казался заговоренным.

Внезапно серебряное зеркало озарилось голубым светом. И сразу же в танке заметно похолодало. Прайс даже вскрикнул от неожиданности.

Негнущимися, мгновенно замерзшими руками он упорно сжимал гашетку, отчаянно пытаясь попасть в цель. И вот наконец пулеметная очередь перечеркнула загадочную машину. Полыхнула алая вспышка, что-то загрохотало, и от причудливого устройства осталась только груда покореженного металла и разбитых кристаллов. Человека в синем взрывом отбросило в сторону.

Когда Прайс и Сэм подошли к нему, он был еще жив. Обгорелый, весь в крови от множества пулевых ран, незнакомец глядел на белых людей с фанатичной ненавистью.

Высокого роста. Лицо такого же типа, как и у всех арабов, с орлиным носом и тонкими губами. Красивое лицо. Красивое и жестокое. При других обстоятельствах он вполне сошел бы за умирающего бедуина-кочевника.

Прайс склонился над ним, глядя прямо в горящие ненавистью глаза.

— Я умираю, — прошептал человек в синем на

каком-то незнакомом Прайсу диалекте арабского.
— Я умираю, но на тебе, пришелец, лежит проклятие золотых богов. Клянусь Викирой, клянусь тигром, и змеем, и Маликаром, их господином, ты скоро последуешь за мной!

Араб закашлялся, из горла у него хлынула кровь, и он умер со зловещей ухмылкой на искаженном лице.

Только потом, когда стихли предсмертные судороги, Прайс заметил на лбу араба, под накидкой бурнуса, татуировку в виде золотой змеи. Точнее, даже не татуировку, а скорее клеймо, раз и навсегда выжженное на смуглой коже.

Что оно означало? Принадлежность к таинственной секте, поклоняющейся золотой змее? Можно было только гадать...

— Давай переберемся на ту сторону, — внезапно предложил Сэм Сорроуз.

— Хорошая мысль, — согласился Прайс. — Не исключено, что нас ждет еще кто-нибудь.

Они снова забрались в покрытый серебристым инеем танк.

Проход расширялся. Переехав через небольшое плато, машина оказалась у спуска.

В глубине души Прайс рассчитывал увидеть плодородный цветущий оазис. Но впереди рас-

стилалась только безжизненная пустыня.

Длинные барханы, словно застывшее море смерти. Темные участки каменистых пустошей. Потеки желтой глины. Солончаки, белеющие пятнами проказы. Низкие, стертые веками холмы серого известняка и черного гранита — мрачные, обглоданные временем скелеты позабытых горных хребтов.

Поистине проклятый край!

И нигде никаких признаков жизни. Ничто не двигалось, не шевелилось. Только жаркое марево волнами призрачного моря плясало над раскаленными камнями и песком.

Но через весь этот край зловещего запустения вела дорога белых черепов. В бинокль Прайс видел, что она тянется на много миль, до самого горизонта, в глубь мертвой, запретной земли.

Что ждет их на том конце тропы, — конечно, если они доберутся до конца живыми? Древняя наука... Столкновение на перевале наглядно показало Прайсу реальность угрозы. Опасность со стороны того золотого человека, который грозил им палицей в мираже. А еще опасность, которую Прайс прочитал в зеленых глазах золотой женщины.

У выхода из ущелья поджидал Гарт. Холодок

неприятного предчувствия пробежал у Прайса по спине. Глаза Якоба Гарта глядели все так же холодно, лицо по-прежнему оставалось непроницаемым и невозмутимым.

— Дюран, — сказал он, — Фархад смылся.

— А верблюды? — хрипло спросил Прайс.

— Их больше нет. Мы в западне. Как когда-то испанец.

Отчаяние Прайса выплеснулось вспышкой бесполезной ярости:

— Я же просил тебя следить за ним! Как ему удалось...

— Мы смотрели на танк. Когда он побелел, покрывшись инеем, а потом остановился, арабы, все, как один, повернули верблюдов и пустились наутек. Мы ничего не успели сделать. И вьючных верблюдов они прихватили с собой.

Прайс мог бы много чего сказать по этому поводу, но сдержался. Какой смысл? Теперь уже что ни делай, все без толку. Оставался последний бой, отчаянный и безнадежный. Бой не с людьми, а с не знающей жалости пустыней.

Глава шестая. Белый верблюд

Черные стены Джабаль-Херба остались в шести днях пути позади, а караван все шел и шел. Впереди снова ехал старый шейх Фархад аль-Ахмед. За ним длинной цепочкой тянулись усталые вьючные верблюды, верховые бедуины и белые наемники Тайного легиона. Замыкал процессию, как и раньше, лязгающий и ревущий мотором танк.

Два дня они отдыхали у источника в горах. Первую ночь белые провели в одиночестве — без своих арабских союзников, без верблюдов, беспомощные, в западне... Но с рассветом бедуины вернулись. Они вернулись посмотреть, чем закончилась битва. Что еще им оставалось делать? Положение у них было совершенно безвыходное. И люди, и верблюды страдали от жажды, вода кончилась, и ни малейшего шанса добраться до лежащего в трех днях пути по пустыне колодца. Обнаружив, к своему неописуемому изумлению, что белые все-таки победили злых джиннов проклятой земли, Фархад и его люди с радостью вновь присоединились к экспедиции.

Дважды за последние шесть дней тропа чере-

пов приводила путешественников к скудным источникам, едва сочившимся горькой водой. И за все это время караван не встретил ни одного живого существа.

Позади остались и быстроногие газели, и гиены, и хищные шакалы, временами забредающие на окраины пустыни. Здесь, в самом сердце безжизненных песков, не росли ни тамариск, ни акация, ни верблюжья колючка. Даже пауки, муравьи, скорпионы и прочие пустынные жители и те куда-то все исчезли. Пропали и чернокрылые грифы, сопровождавшие путников первые пару дней за Джабаль-Хербом.

Уже вечерело, и караван разворачивался, готовясь расположиться на ночлег. Вот тут-то Прайс и увидел белого верблюда.

Прекрасное белоснежное животное стояло на вершине бархана в паре миль от каравана. Его стройный, одетый во все белое всадник, похоже, наблюдал за караваном.

Прайс поспешно потянулся за биноклем, но едва успел поднести его к глазам, как всадник исчез за гребнем бархана.

В это время Прайс и Фархад как раз пытались найти взаимоприемлемое решение очередного мелкого конфликта, которые то и дело возникали

в экспедиции. Воровские наклонности арабов и издерганные нервы белых не способствовали тихой и спокойной жизни. На этот раз Мэсон, маленький лондонец-пулеметчик, набросился с кулаками на Хамида. Он обвинял араба в том, что тот на привале вытащил у него из кармана золотые часы и еще кое-какие мелочи. Хамид, у которого и в самом деле обнаружились названные предметы, утверждал, будто нашел их на песке, когда караван уже покинул лагерь. Он даже представил несколько явно небеспристрастных свидетелей, якобы видевших, как все было.

Рядовой конфликт, но для разрешения его требовалось проявить и такт, и дипломатичность. Бедуины уже успели установить шатры, когда наконец мир был восстановлен. Мэсон получил назад свои вещи, а Хамида отпустили, предложив впредь ничего подобного не находить.

Только тут Прайс узнал, что Якоб Гарт выслал за одиноким всадником погоню.

— Мне не хотелось, чтобы он поднял тревогу, — сказал Гарт. — Кстати, я обещал людям, что добычу они смогут поделить между собой.

А три бедуина уже возвращались в лагерь. Они вели и пойманного верблюда, и его наездника, точнее, наездницу — всадником оказалась моло-

дая женщина.

— Она недурна собой, — заметил Гарт. — Де Кастро она явно приглянулась, и тут я его прекрасно понимаю.

— Что они с ней сделают? — спросил Прайс.

— Те трое, кого я отправил в погоню, разделили между собой добычу по жребию. Кенья выиграл девушку. Он чувствовал себя обделенным, потому что верблюд (а это поистине бесценное животное) достался Нуру. Что касается Али, то он забрал себе седло, всю одежду девушки и ее длинный золотой нож.

— В общем, Кенья был недоволен своей долей добычи, но де Кастро заметил девушку, и она ему понравилась. В итоге он отдал за нее бинокль. Похоже, она пришлась ему по вкусу, ты же знаешь, как Жоао дорожит своим биноклем.

— И где она сейчас?

— Валяется связанная в шатре де Кастро.

— Послушай, Якоб, — возмутился Прайс. — Мне все это здорово не нравится!

Прайс всегда симпатизировал несчастным, обездоленным и угнетенным. Ему казалось несправедливым, что люди должны страдать лишь потому, что кто-то другой оказался сильнее. Рассказ Гарта рассердил Прайса, и, будучи

человеком действия, он не стал скрывать своего недовольства.

— Мы тут довольно далеко от цивилизации, — спокойно ответил Гарт. — И здесь не действуют законы белых людей.

— Но мы все же белые! — горячо возразил Прайс. Видя, что подобными доводами Гарта не проймешь, он начал искать более веские аргументы. — Даже не беря в расчет порядочность и честь, мне кажется неразумным так обращаться с первым жителем чужой страны, попавшим к нам в руки.

— Вряд ли она какая-нибудь важная птица, — не согласился Гарт. — Иначе не болталась бы по пустыне в одиночку, полумертвая от жажды.

— Как бы там ни было, если мы будем обращаться с ней по-человечески, она сможет многое рассказать.

— Не беспокойся, она и так расскажет нам все, что знает, — невозмутимо заметил Якоб Гарт. — Сейчас она отказывается говорить, но де Кастро — настоящий мастер по части развязывания языков.

— Не хочешь же ты сказать, что он будет ее пытать?!

— Ты не знаешь де Кастро.

— Я должен ее увидеть, — решительно объявил Прайс.

— Лучше не вмешивайся, — посоветовал Гарт. — Жоао не понравится, если ты помешаешь его развлечению. Нам не нужны лишние неприятности.

Не отвечая, Прайс, кипя от ярости, пошел к шатру де Кастро.

Перед шатром он увидел небольшую группу людей, белых и арабов. Возле шатра стоял привязанный белый верблюд. Али гордо демонстрировал собравшимся свою долю добычи — абу из мягкой белой шерсти, камис из переливчатого шелка и тонкий золотой кинжал, по остроте не уступающий лучшей стали. Так, во всяком случае, хвастал Али. Рядом Нур в лицах описывал погоню и отчаянное сопротивление девушки. Он даже демонстрировал желающим свой бок, на котором алела длинная царапина, оставленная ее ножом.

Стоявший чуть в стороне Кенья любовно поглаживал бинокль. Он улыбался как ребенок и поминутно подносил свою новую игрушку к глазам, глядя в бинокль то с одного конца, то с другого.

Прайс прошел прямо к шатру, у входа в который

расхаживал раскрасневшийся от страсти де Кастро. Рядом с ним высился его подручный, Пашич, черногорец по национальности, служивший у Жоао на «Иньес» первым помощником. Смуглый, волосатый, сильный, как бык, он по праву носил прозвище Черная Обезьяна.

— Де Кастро, — начал Прайс, — я хотел бы поглядеть на пленницу.

— Эта сучка моя, — пробормотал азиат.

Мгновение он стоял неподвижно, загораживая Прайсу вход; потом, не выдержав твердого взгляда синих глаз американца, отступил в сторону.

Девушка лежала прямо на голой земле. Она была почти голая, что неудивительно — ведь большая часть ее одежды досталась Али. Руки и ноги были связаны толстой веревкой из верблюжьего волоса. Прайс знал, что пленница хороша собой — иначе азиат не расстался бы ради нее со своим драгоценным биноклем. Но Прайс никак не ожидал увидеть такую красавицу.

Она была молода, лет девятнадцать, не больше. Нежная гладкая кожа оказалась белее, чем у Прайса; даже ее лицо и то выглядело не слишком загорелым. Наверно, решил американец, она носила вуаль. Или чадру.

Связанная девушка не могла встать. Но когда

Прайс заглянул в шатер, она, хотя и с трудом, села и бросила на него взгляд, полный жгучей ненависти. Окутанное растрепанными каштановыми волосами, ее лицо выглядело нежным, и одновременно в нем чувствовалась скрытая сила. В ее темно-синих глазах не было страха.

Без долгих раздумий, которые вообще были не в

его натуре, Прайс осознал, что не может оставить эту девушку де Кастро. И в тот же миг он понял, что азиат наверняка не захочет расставаться с нею. Не колеблясь, Прайс шагнул в шатер и наклонился над девушкой, собираясь развязать веревки, но она бросилась на него и впилась белыми зубами в руку.

В ту же секунду де Кастро вытащил американца из своего шатра. В его глазах горела злобная ревность.

— Она моя! — прошипел он. — Черт побери, держись от нее подальше!

— Де Кастро, — сказал Прайс, — я хочу, чтобы ты ее отпустил.

— Отпустил?! — вскричал азиат, — Отпустил, когда я за нее свой бинокль отдал?! Еще чего!

— Не надо так волноваться. Я заплачу за твой бинокль. Или, хочешь, возьми мой.

— Я хочу ее, а не какой-то там бинокль!

— Послушай, де Кастро, — твердо начал Прайс — он понял, что уговоры были ошибкой, — здесь начальник я. И я приказываю тебе отпустить девушку.

— Ну да, как же! — взвыл азиат.

— Тогда я сделаю это сам.

Прайс снова двинулся к шатру. Краем глаза

он заметил, как рука де Кастро метнулась под рубашку. Блеснул нож.

Прайс знал, что такие, как Жоао, частенько предпочитают решать споры с помощью ножа. И потому был настороже. Увернувшись от выпада, он с силой ударил азиата кулаком в рябое лицо и с удовольствием услышал, как затрещали, ломаясь, зубы.

И тут черногорец с ревом кинулся на помощь своему покровителю. Прыгнув на Прайса, он обхватил его длинными, как у настоящей обезьяны, руками, коленом упорно пытаясь заехать противнику в пах.

Яростно выкручиваясь, американец бил Черную Обезьяну головой в лицо. Но вырваться не мог.

Расправив плечи, Пашич оторвал задыхающегося в стальном объятии Прайса от земли. Черногорец ловко перехватил хватку, и Дюран понял, что сейчас последует бросок через голову, после которого подняться он уже, наверно, не сможет.

Прайс попытался зацепиться ногами, однако это у него не вышло. Чувствуя близость конца, он судорожно рванулся и сумел-таки высвободить левую руку. Короткий сильный удар в солнечное

сплетение заставил врага разжать объятия. Вырвавшись, Прайс отскочил в сторону.

Размахивая руками, Пашич, обладавший недюжинной силой, но не больно-то умевший драться, бросился в атаку. Быстрая двойка в корпус остановила его на месте. Еще один удар, на сей раз в челюсть, точно рассчитанный, в который Прайс вложил все сто восемьдесят фунтов своего веса, бросил черногорца на колени и повалил на землю рядом со стонущим азиатом.

Прайс вошел в шатер.

Глава седьмая. Айса из Золотой Земли

Связанная девушка с ненавистью глядела на Прайса. Она не уворачивалась от его рук и ничем не выказывала страха, а снова попыталась кусаться. Не обращая на это внимания, Прайс начал развязывать тугие узлы.

И тут девушка затихла. Злоба в ее взоре сменилась удивлением.

Вот путы ослабли, и Прайс легонько растер запястья и лодыжки девушки, чтобы восстановить кровообращение. Затем, взяв за плечи, поднял ее на ноги.

Она стояла молча, и в ее синих глазах светился немой вопрос.

— Эй, Али! — крикнул американец, подходя к выходу из шатра. — Дай мне одежду этой женщины.

Араб было запротестовал, но Прайс сурово повторил приказ, и Али неохотно повиновался. Золотой кинжал он оставил у себя за поясом.

— Можешь идти, — сказал Прайс и, повернувшись к девушке, передал ей одежду.

Девушка приняла вещи, и удивление ее, если это возможно, стало еще больше. Тихо вскрикнув,

она начала быстро одеваться.

Прайс следил за ней и одновременно прислушивался к стонам де Кастро и Пашича, доносившимся из-за полога. Собравшаяся снаружи толпа возбужденно гудела. Понимая, что ему не избежать нового столкновения с азиатом, Прайс хотел побыстрее убраться отсюда.

Как только пленница закончила одеваться, он взял ее за руку и повел к выходу. Вопросительно взглянув на американца, она, не сопротивляясь, последовала за ним. Однако снаружи, когда девушка увидела своих недавних преследователей, ее глаза снова загорелись ненавистью. Вырвавшись из рук Прайса, она подскочила к Али и вырвала у него из-за пояса свой золотой кинжал. Потом не колеблясь бросилась на де Кастро, только-только пришедшего в себя и как раз пытавшегося подняться с земли.

— Бисмилла! — взревел Али, кидаясь за девушкой. Ему очень не хотелось расставаться с самой ценной частью своей добычи.

Схватив девушку за запястье, он вывернул из ее руки занесенный над азиатом кинжал.

Девушка вскрикнула, и лицо ее побелело от боли. В тот же миг кулак Прайса обрушился на челюсть Али. Бедуин отлетел в сторону.

Прикусив губу, девушка левой рукой потянулась за своим ножом. Ее правая рука висела как плеть.

Но де Кастро оказался быстрее. Его желтые пальцы уже сомкнулись на золотой рукояти.

Наступив ногой Жоао на запястье, Прайс выдернул кинжал из руки азиата. Подхватив девушку за плечи, он повел ее через толпу к своему шатру.

Несколько человек хотели было последовать за ним, но Прайс резко приказал им оставаться на месте.

Дюран понимал, что, хотя девушка и свободна, он еще не одержал окончательной победы. Все еще могло измениться, и судьба пленницы висела на волоске.

Танк, как обычно, стоял совсем рядом с шатром Прайса, и Сэм Сорроуз сидел неподалеку.

— В лагере проблемы, — коротко сказал Прайс.

— Из-за женщины?

Прайс кивнул.

— Так я и думал. Чертовски странное это место для женщины. Но, наверно, неприятности от них бывают везде.

— Она не виновата.

— Как и всегда.

— Сэм, я бы попросил тебя вернуться к машине

и немного подежурить у пулемета. Боюсь, могут начаться беспорядки.

— О'кей, мистер Дюран.

Канзасец весело усмехнулся, словно ему не терпелось с кем-нибудь подраться, и полез в танк.

Подведя девушку к своему шатру, Прайс жестом предложил ей войти. Секунду она изучающе глядела ему в лицо, потом улыбнулась и проскользнула внутрь.

Какое-то время Прайс стоял у входа, наблюдая за царящей вокруг суматохой. Его шатер находился в самом центре лагеря, разбитого на небольшой ровной площадке среди красных барханов. Шатры, кучи вьюков, седла, отдыхающие верблюды...

Толпа вокруг де Кастро росла с каждой минутой. С холодком в груди Прайс понял, что конфликта все-таки не избежать. И увы, из семидесяти человек в караване доверять он мог одному только Сэму.

Взяв канистру с водой, американец вошел в шатер. Девушка ждала его сразу у входа. Отвернув крышку, Прайс поболтал канистрой из стороны в сторону, показывая, что она полная. Потом протянул канистру девушке. Та быстро поднесла ее к губам, начала пить так жадно, что Прайс

даже испугался, как бы ей не стало плохо. Дав девушке утолить жажду, он улыбнулся и забрал канистру.

И тут это случилось. Нервы у девушки не выдержали, и она расплакалась. Понимая, что это естественная реакция, и не зная, что делать, Прайс неуверенно потрепал девушку по плечу.

Содрогаясь от рыданий, она доверчиво припала к его груди. Ее легкие, душистые волосы коснулись его лица.

Несколько минут спустя рыдания стихли так же внезапно, как и начались. Отстранившись от Прайса, девушка вытерла глаза уголком абы. Она казалась донельзя усталой, и американец, расстелив на полу одеяло, жестом предложил девушке присесть. Благодарно кивнув, она села.

— Ты понимаешь по-арабски? — спросил Прайс.

Чуть поколебавшись, она кивнула:

— Да! Это язык моего народа, хотя ты и говоришь на нем несколько странно.

Ее арабский был вполне понятен, несмотря на непривычный акцент. Язык, на котором говорила девушка, был куда ближе к классическому арабскому, чем к тому его современному диалекту, который знал Прайс. Впрочем, формы этого

языка были, похоже, даже древнее классического арабского. Девушка говорила так, как говорили арабы много веков назад.

— Мне очень жаль, — искренне произнес Прайс, — что с тобой так обошлись.

— Спасибо, — сказала девушка, стараясь говорить яснее, и теперь Прайс понимал ее уже без малейшего труда. — Я благодарна тебе за спасение.

Прайса так и подмывало сказать, что до спасения еще ох как далеко. Но он решил, что было бы нехорошо зря ее волновать. Все равно она ничем не сможет ему помочь. Поэтому, улыбнувшись, он спросил:

— До твоего народа далеко?

— Вон там лежит Эль-Ярим, — ответила девушка, показывая на север. — Три дня пути на быстром верблюде.

— Можешь не волноваться, — успокоил ее Прайс, — Я помогу тебе вернуться домой.

Глаза девушки расширились от страха.

— Но мне нельзя возвращаться! — воскликнула она. — Меня отдадут золотым людям!

— У тебя были проблемы и без нас?

Девушка кивнула.

— Расскажи мне, в чем дело, — попросил

Прайс.

— Вы чужеземцы. Что вы знаете о золотых людях?

— Почти ничего. Мы пришли издалека.

— Ну так вот, золотые люди — это существа из золота, и живут они в горе возле Эль-Ярима. Там есть Маликар, золотой мужчина, или бог, и Викира, его... ну, жена. А еще золотой тигр, на котором они ездят на охоту. И золотой змей, самый древний и самый сильный бог из них всех.

— Понятно, — кивнул Прайс.

— Каждый год, — продолжала девушка, — в сезон сбора урожая Маликар спускается в Эль-Ярим, чтобы взять зерно, и молодых верблюдов, и рабов, которых пожертвуют богу-змею.

Маликар прибыл в Эль-Ярим пять дней тому назад. Ярмуд, наш повелитель, собрал всех жителей города, и Маликар на своем тигре ехал мимо нас, выбирая рабов. Он увидел меня и приказал прислать меня к нему на следующий день вместе с зерном и верблюдами.

Той ночью мой дом сторожили воины. Хотя жрецы и говорят, что это большая честь — стать рабом змея, мало кто хотел бы оказаться на месте жертвы. Обманув стражу, я выбралась из дома. — Девушка устало улыбнулась. — В полях я на-

шла верблюда, принадлежавшего моему отцу, и на нем ускакала в пустыню.

Я ехала четыре дня. Мне пришлось отправиться в путь почти без еды и лишь с небольшим запасом воды.

Сидя на корточках, Прайс закурил сигарету, чем откровенно удивил девушку. Похоже, она никогда раньше не видела ничего подобного. Прайс пытался осмыслить услышанную им историю. Ему о многом хотелось спросить девушку, но, видя, как смертельно она устала, он решил отложить расспросы до лучших времен. Но одно Прайс хотел знать прямо сейчас.

— Этот тигр и золотые люди... они действительно золотые? Живой металл, что ли?

— Мне это неведомо. Странно, чтобы металл мог ожить. Но они цвета настоящего золота. Они сильнее, чем обычные люди. Они не умирают... они живут еще с той поры, когда Энз был великим городом.

— Энз? — переспросил Прайс.

Неужели Энз действительно не миф, а вполне весомая реальность?

— Энз, — пояснила девушка, — был когда-то великим городом, где жил наш народ. Мы все еще называем себя Бени-Энз. Давным-давно дожди

приходили каждый год, и весь этот край был покрыт зеленью. Но тысячу лет назад пустыня победила Энз, и пески похоронили его стены, а наш народ ушел жить в оазис Эль-Ярим... Я как раз и искала Энз, — помолчав, добавила девушка.

— Зачем, если там никого нет?

Девушка заколебалась, с сомнением глядя на Прайса.

— Ладно, не важно... — начал Прайс, но она не дала ему договорить.

— Ты, наверно, решишь, что я очень глупа, однако есть древнее пророчество. Последним королем Энза был Иру. Он был отважным воином и справедливым владыкой. — Девушка испытующе посмотрела на Прайса. — Как и у тебя, у него были синие глаза и рыжие волосы. Легенды особо это подчеркивают, ведь у большинства из нас волосы темные.

— И что же гласит пророчество? — спросил Прайс.

— Возможно, это глупая сказка, — замялась девушка и, собравшись с духом, выпалила: — Если верить легендам, Иру не мертв. Он спит в зале своего дворца во всеми покинутом городе. Он ждет, когда его разбудят. Тогдаонснованавозьметсвойгромадныйтопор,уничтожит золотых людей

и освободит Бени-Энз.

— Ты веришь в эту легенду? — улыбнулся Прайс.

— Нет, — покачала головой девушка. — Однако, может быть, пророчество и правдиво. Видишь ли, разбудить Иру должен не кто-нибудь, а женщина, и звать ее должны так же, как и меня. Когда я бежала из Эль-Ярима, — помолчав, добавила она, — мне было некуда ехать. Вот я и отправилась в Энз.

Глаза девушки буквально слипались от усталости.

— Последний вопрос — и ты можешь спать, — сказал Прайс. — Как тебя зовут?

— Айса, — прошептала девушка. — А тебя?

— Прайс Дюран... Спи, Айса. Айса из Золотой Земли.

Она улыбнулась, закрыла глаза и тут же уснула. Прайс уложил ее поудобнее и накрыл одеялом. Девушка не проснулась от его прикосновения, только на губах ее снова появилась едва заметная улыбка.

— Послушай, Дюран, надо с этим кончать прежде, чем дело зайдет слишком далеко, — приветствовал Прайса Якоб Гарт.

За его спиной маячили разбитые физиономии

Жоао де Кастро и Пашича. За ними толпой стояли бедуины Фархада вперемежку с европейцами. И почти все они глядели на Прайса с откровенной враждебностью.

Прайс шагнул им навстречу, стараясь казаться спокойным и уверенным.

— Ну конечно, — согласился он. — Нам не нужны лишние проблемы.

— Ты должен вернуть Жоао его женщину, — заявил Гарт, и голос его, как всегда, звучал ровно и бесстрастно. Широкое одутловатое лицо европейца оставалось все таким же белым, будто и не знакомым со жгучим аравийским солнцем. Маленькие глазки холодно глядели на Прайса.

— Девушка не является его собственностью, — возразил Прайс.

— Да будь я проклят! — взвыл де Кастро. — Я что, заплатил за суку, чтобы меня ограбили?!

— Все в порядке, Жоао, — отмахнулся Гарт. — Мы решим этот вопрос... Дюран, девушка приобретена в честной сделке. Ты не можешь вот так просто взять да и забрать ее себе. Люди этого не потерпят.

— Я не хочу, чтобы ей причиняли вред, — покачал головой Прайс.

Гарт тяжело шагнул вперед:

— Послушай, Дюран. Впереди нас ждет целое состояние. Невероятное богатство! Богатство, о котором люди и мечтать не смели! И мы должны держаться вместе. Мы не можем позволить себе глупые ссоры!

— Я готов принять любое разумное решение. Я заплачу де Кастро любую сумму. Сколько ты скажешь.

— Дело не в сумме. О каких деньгах может идти речь, когда до золота уже рукой подать? Не хочешь же ты сорвать экспедицию? И из-за чего? Из-за бабы! Что стоит какая-то местная шлюха, когда впереди нас ждет богатство всей Золотой Земли?

— Не говори о ней так! — резко потребовал Прайс, — В конце концов, командую здесь я. И когда я говорю — руки прочь, значит, руки прочь! Де Кастро не получит девушку, и точка!

Увидев, как помрачнели лица собравшихся перед шатром людей, Прайс тут же пожалел о своей несдержанности. Пытаясь исправить положение, он повернулся к кучке европейцев:

— Послушайте, парни, я хочу, чтобы всем было хорошо. Я не хочу обижать де Кастро. Я готов отдать ему свой бинокль взамен того, которым он заплатил за девушку.Я вовсе не пытаюсь за-

грабастать ее себе лично...

Грубый, насмешливый смех встретил его слова. Пряча гнев под улыбкой, Прайс продолжал:

— Вы же не допустите насилия над беззащитной женщиной...

— Хватит болтать, — прервал его Гарт. — Пора бы тебе понять, что перед тобой мужчины, а не ученики воскресной школы.

— Мужчины, надеюсь, но не животные!

Призыв Прайса не встретил ни малейшего сочувствия. Его спутники повидали всякое — другие и не клюнули бы на безумную экспедицию в глубь смертоносной пустыни в поисках мифического золота. Многие из них наверняка были не в ладах с законом. Тяжелая жизнь, страх и жадность давным-давно убили в этих людях последние остатки чести.

Легкое подобие язвительной ухмылки скользнуло по бородатому лицу Якоба Гарта.

— А тебе не приходило в голову, Дюран, — небрежно сказал он, — что мы теперь вполне могли бы обойтись и без твоего руководства? Знаешь, дальше мы, наверное, справимся и сами... тем более что чеков больше подписывать не надо.

— Значит, ведешь двойную игру, Гарт? — пре-

зрительно хмыкнул Прайс. — Выходит, так у нас получается?

Гарт только пожал плечами:

— Как тебе угодно. Я пришел в эту чертову пустыню за золотом. Я не позволю местной девчонке встать у меня на пути. И глупым условностям тоже.

— Пока я жив, де Кастро не получит девушки, — холодно повторил Прайс. — Что ты теперь скажешь?

— Я не хочу, чтобы пролилась кровь, Дюран. И я, между прочим, заметил, что Сорроуз держит нас под прицелом своего пулемета. Давай заключим сделку.

— Какую еще сделку?

— Мы оставим тебе девчонку на эту ночь. Я уговорил де Кастро позволить тебе первому с ней позабавиться. Утром ты отдашь ее Жоао.

— Ничего подобного я не сделаю.

— Подумай как следует, — мрачно посоветовал Прайсу Якоб Гарт. — Если ты не образумишься, мы все равно ее заберем. Мне не хотелось бы расставаться с тобой, Дюран. Ты хороший парень, а нам такие сейчас очень даже нужны. Но я не могу рисковать успехом экспедиции. Подумай!

Глава восьмая. Ла сива ху

Прайс Дюран не относился к тем людям, которые могут смириться с поражением — пусть на первый взгляд и неизбежным. Порой ему даже хотелось научиться покорно принимать удары судьбы. Жизнь его от этого стала бы только спокойнее. Но, по воле рока, Прайс был прирожденным борцом, и любое сопротивление вызывало в нем упрямую решимость все-таки добиться своей цели.

В общем, покорность явно была не в характере Прайса Дюрана. В случае необходимости он сражался всеми доступными ему средствами и не больно-то задумывался о цене поражения. К тому же он всем сердцем верил в удачу Дюранов. И надо сказать, эта удача его еще никогда не подводила... возможно, потому, что Прайс не давал ей такого шанса.

Когда все ушли, Прайс вернулся в свой шатер. Айса мирно спала. Ее милые свежие губы были приоткрыты, длинные ресницы чуть трепетали в такт тихому дыханию.

Вид спящей девушки еще больше укрепил решимость Прайса не отдавать ее мерзкому азиату.

Кровь вскипала в его жилах при мысли об этой девственной красоте, осквернённой грязными лапами де Кастро. Нет, он не уступит. А это значит, что до утра надо придумать, как спасти девушку... если, конечно, Жоао за это время не найдет способа прикончить самого Прайса.

Желтый серп луны висел почти в зените. Всю первую половину ночи Прайс как на иголках просидел возле спящей Айсы.

Сэм Сорроуз вызвался подежурить в танке, и Прайс охотно принял его предложение. Он даже дал Сэму на хранение ключ от находящегося в машине сундука с золотом. Дело в том, что Прайс решил вместе с девушкой бежать из каравана. Другого выхода он не видел. Не могут два человека победить целую экспедицию.

Между тем лагерь понемногу засыпал. Вскоре только часовые — два белых и два араба — мерно бродили по периметру, время от времени окликая друг друга.

Ближе к полуночи покрасневшая луна спряталась за барханы, и стало совсем темно. Прайс решил, что пришла пора действовать.

Шепнув пару слов Сэму, он бесшумно оседлал своего верблюда. Потом нашел два бурдюка с водой и приторочил их к седлу.

Вернувшись в шатер, американец упаковал вьюки. Шоколад. Галеты. Вяленое мясо. Сушеная абрикосовая масса, которую арабы называли «шкура кобылицы». Зерно для верблюдов. Аптечка. Бинокль. Боеприпасы для ружья и револьвера.

Когда все было готово, Прайс вновь сел рядом с девушкой. Он слушал ее тихое ровное дыхание, и меньше всего на свете ему хотелось ее будить. Но дольше ждать он не мог.

Не зажигая огня — могли заметить часовые, — Прайс дал девушке еду и воду.

— Люди, с которыми я сюда пришел, решили, что утром я должен вернуть тебя тому, у кого отнял, — прошептал он. — Я не могу сражаться с ними со всеми, и потому мы должны бежать.

— Но куда?

— Может быть, в Энз? Ты же вроде направлялась именно туда.

— Все так. Но Энз мертв. Это город призраков. Вот уже много сотен лет ни один человек не видел его стен. Я не хочу, чтобы ты умер, защитник мой! — внезапно охрипшим голосом прошептала она. — Отпусти меня одну.

— Нет, я не могу бросить тебя на произвол судьбы. И не говори о смерти. Удача Дюранов нас не

оставит.

— Но у меня так много врагов... и они так сильны. Даже мои соплеменники... они будут искать меня, чтобы спастись от гнева золотых людей. И Маликар тоже ищет меня верхом на тигре. Он преследует меня своей тенью.

— Пошли, — решительно сказал Прайс, поднимая вьюки и устремляясь к выходу из шатра.

Крепко сжимая в руке золотой кинжал, Айса молча последовала за ним.

Прайс задержался лишь на секунду — махнуть на прощание Сэму. Уже через миг он подвел девушку к верблюду.

— Садись.

— Подожди, — шепотом ответила Айса. — Может, мне удастся найти своего дромадера. Прислушайся.

Минуту они стояли молча. Вокруг под колючими звездами пустыни раскинулся темный спящий лагерь. Тут и там чернели тени шатров. Подогнув ноги, черными тушами лежали верблюды. Завернувшись в аба, спали под открытым небом люди.

Множество звуков раздавалось в ночной тиши. Дыхание людей. Тихие, печальные стоны верблюдов. Далекие голоса перекликающихся

часовых. И над всем этим — шелест песка, текущего по склонам барханов, подгоняемого легким предрассветным ветерком.

— Колокольчик моего верблюда, — внезапно прошептала Айса, устремляясь в темноту.

Прайс пошел было за ней, но в последний момент передумал. Он бы только помешал.

Прайс стоял и вслушивался в ночь. Вслушивался в дыхание спящего бивуака, в сухой шорох песка — шепот призраков мертвой земли, разбуженных ветром...

Прайс даже и не осознавал, как много значит для него Айса. Не осознавал вплоть до того момента, когда отчаянный крик Нура разорвал покой устало дремлющего лагеря. Этот вопль, словно острый нож, пронзил Прайса в самое сердце. Он почувствовал внезапную слабость, в глазах помутнело от страха. Прайс Дюран дрожал от ужаса. И боялся он, как никогда еще не боялся за себя самого, за девушку, которую и увидел-то впервые только накануне вечером.

Потом сила и решительность вернулись к Прайсу. Вскочив в седло, он рывком поднял на ноги верблюда и вытащил из-за пояса револьвер.

Нур, видимо, спал возле своего нового верблюда и проснулся, когда Айса попыталась его украсть.

А в лагере царило полное смятение. Люди с воплями вскакивали с земли, выбегали полуодетые из шатров. Метались лучи фонарей. Трещали ружейные выстрелы, сопровождаемые проклятиями на нескольких европейских языках сразу. Со всех сторон раздавались крики бедуинов, поминавших Аллаха и его пророка.

И через весь этот бедлам несся белый дромадер с Айсой на спине. В руке девушка держала золотой кинжал. Им она, скорее всего, и перерезала веревку, которой был стреножен верблюд.

— Эйи-ии, Прайс Дюран! — ликующе прозвенел ее голос, и Прайс, пришпорив верблюда, помчался рядом с ней.

— Шайтан эль кабир! — вопил Нур у них за спиной. — За ними! За ними! Мой верблюд! Эфенди Дюран и женщина!..

— Хватайте! — визжал де Кастро. — Хватайте вора!

— Миллер, Мэсон, — перекрывая какофонию, прогремел голос Якоба Гарта, обращавшегося к часовым. — Остановите их!

Пуля просвистела над ухом Прайса. Часовые бежали наперерез. Они пытались поймать беглецов в круг света от фонарей и беспорядочно стреляли.

— Пригнись, — крикнул Прайс девушке, — И прибавь ходу!

В ответ раздался тихий смех. Чистый голосок Айсы издевательски пропел отставшим врагам:

— Счастливо оставаться!

— По седлам! — орал шейх Фархад. — Бисмилла! В погоню!

— Ружье тому, кто поймает мне эту сучку! — вопил де Кастро.

Скача бок о бок, беглецы неслись в глубь пустыни, в спасительную тьму. А за ними мчалась погоня.

Прайс повернулся в седле. Позади он увидел сплошную лавину преследователей. Казалось, добрая половина лагеря гналась за беглецами. Прайс понял, что все пропало. Им с Айсой не спастись. Даже если они продержатся до рассвета, арабы, среди которых были очень искусные следопыты, не дадут им уйти.

Все так же бок о бок они перевалили через гребень первого большого бархана. В миг, когда их силуэты вырисовались на фоне звезд, сзади раздались выстрелы. Верблюды помчались вниз по склону, и тут Прайс сделал то, чего сам от себя не ожидал.

Наклонившись к девушке, он позвал:

— Айса, Айса из Золотой Земли, я должен кое-что тебе сказать. Сейчас, потому что мне может больше не представиться такой возможности. Ты очень красивая... и храбрая.

Девушка рассмеялась:

— Нас никогда не поймают. Перед нами вся пустыня. Они псы, вздумавшие охотиться на орлов!

А потом позади взревел мотор танка, залязгали гусеницы, подал голос танковый пулемет.

Неужели канзасец присоединился к погоне? Конечно нет! Сэм Сорроуз сделал единственное, что могло помочь беглецам спастись.

— Спасибо тебе, старина Сэм, — прошептал Прайс. — Пусть у них станет проблемой больше!

Арабы, Прайс это знал, все еще до дрожи боялись танка. Устремившееся якобы в погоню железное чудовище наверняка распугает преследователей. Что же касается белых, то никто из них еще не ездил так хорошо, чтобы представлять серьезную опасность для Прайса и Айсы.

К тому времени, когда беглецы выбрались на верх второго бархана, гул двигателей, крики людей и звуки выстрелов остались далеко позади. За третьим барханом все смолкло, и остался лишь шорох песка под копытами дромадеров.

Первые лучи восходящего аравийского солнца нашли Прайса и Айсу все так же едущими бок о бок. Усталые верблюды медленно брели по мертвой равнине солончаков, хрустящих под копытами, словно снег в мороз.

Впереди лежала новая гряда ржавых барханов, казавшихся в алых лучах поднимающегося над горизонтом светила кроваво-красными.

Кругом — только пустыня. Пески, выходы черного гранита, словно обломки древнего скелета, стертого временем в порошок, белесые солончаки...

Солнце еще только-только взошло, а горизонт уже подернулся жарким маревом, и серебристые озера утреннего миража, обещая прохладу и покой, замелькали над адской равниной пустыни.

Лагерь лежал далеко позади, и, подгоняемые утренним ветром, вечно текущие пески успели уже замести следы беглецов. Пропала и караванная тропа, отмеченная зловеще скалящимися человеческими черепами. Прайс и Айса остались вдвоем, один на один с непобедимыми просторами Пустого места.

— Ла сива ху, — пробормотал Прайс одно из имен, которым арабы называли пустыню. В переводе оно означало «Там, где нет никого, кроме

Него».

Глава девятая. Город песков

Вечером третьего дня беглецы все еще пробирались по бескрайнему океану красно-желтых песков. Запасы воды подошли к концу. Бурдюки опустели. Верблюды едва держались на ногах. А Прайс и Айса все ехали и ехали в поисках древнего Энза. Во рту у них пересохло.

Они почти не разговаривали — при каждом вдохе воздух раскаленным песком обжигал горло. Однако Прайс частенько поглядывал на девушку, измученную, но не сдающуюся.

Ее нежное лицо под белой накидкой было покрыто волдырями. Полные губы потрескались и кровоточили, иссушенные безжалостным солнцем и едкой пылью. Голубые глаза покраснели от ослепительного сияния и блеска песков. И тем не менее Айса оставалась красивой, и для Прайса у нее всегда находилась улыбка.

Да, эти три дня были нелегкими. Можно даже сказать, жестокими. И все-таки Прайс не променял бы их ни на какие другие. Он испытывал странное удовлетворение. От былой хандры не осталось и следа.

Общество Айсы стало для него бесценным да-

ром, только ради которого уже стоило жить.

Она была проводником, находя дорогу по известным ей из легенд ориентирам. На закате Айса повернулась к Прайсу.

— Мы должны были бы уже увидеть Энз, — озабоченно сказала девушка. — Еще с предыдущего гребня.

— Не волнуйся, детка! — Прайс старался говорить весело и небрежно, но голос его прозвучал глухо и неестественно. — Мы его найдем.

— Энз должен стоять тут, — настаивала Айса. — Мой отец перед смертью объяснил мне все ориентиры. Так же, как когда-то их ему передал его отец. Город должен быть здесь.

Возможно, думал Прайс, Энз и в самом деле здесь. Судя по рассказам Айсы, местные жители не видели его уже добрую тысячу лет. Быть может, город, погребенный под песками пустыни, лежит сейчас прямо под ногами!.. Эту безрадостную мысль Прайс решил оставить при себе.

— Поедем дальше, — предложил он.

С деланным удивлением Прайс обнаружил в бурдюке несколько капель воды — его собственная доля, которую он не стал пить в прошлый раз. Он предложил бурдюк Айсе, но, заподозрив, в чем дело, девушка едва смочила губы и больше

пить не стала.

Кровавый зрачок небесного светила опустился за горизонт, а Прайс с Айсой, подгоняя полумертвых верблюдов, все ехали и ехали вперед. А потом они шли пешком, ведя верблюдов в поводу. Шли по волшебному миру, залитому бледным лунным светом. Шли, пока не рухнули, обессилев от жажды и отчаяния.

А на рассвете, проснувшись, они увидели перед собой Энз.

Черные стены из гигантских базальтовых блоков высились в полумиле от того места, где остановились Прайс и Айса. За долгие столетия песчаные бури оставили на них неизгладимые следы. Тут и там каменные бастионы рухнули, словно волнорезы, подточенные желто-красным океаном. Барханы накатывались на развалины волнами прибоя, местами перехлестывая внутрь города. А за городскими стенами в первых лучах восходящего солнца таинственно чернели руины жилых домов, мрачные и унылые, полные ночных теней и туманов долгих веков.

Разбудив Айсу, Прайс показал ей на неожиданно близкий город.

— Значит, я не заблудилась! — воспрянув духом, воскликнула девушка, — Пойдем скорее внутрь!

Заставив верблюдов подняться, они побрели к Энзу.

Но вскоре первая радость сменилась разочарованием. Всеми забытый, похороненный песками Энз поистине стал городом мертвых. Немного было шансов найти в этом угрюмом некрополе воду, без которой несчастных беглецов ждала неминуемая и скорая смерть.

Неприступные черные стены, как могли, отражали напор непобедимых песков. Массивные ворота из подернутой зеленью патины бронзы были наглухо закрыты. Красный песок засыпал их, и даже тысяча человек не смогли бы сдвинуть с места высокие створки.

Поднявшись по огромному бархану, перехлестнувшему через городскую стену, путники наконец увидели весь Энз от края до края. Странный это был город. Город-сон. Мертвый город. Город, наполовину зарытый в песок.

Тут разрушенная, покосившаяся башня торчала из песка, словно кусок расколотой кости. Там, будто выбеленный временем череп, лежал разбитый купол из белого мрамора. Все в этом осажденном пустыней городе дышало стариной.

Однако на какое-то мгновение Прайс увидел Энз таким, каким он когда-то был. Перед его мыс-

ленным взором встали широкие чистые улицы, величественные проспекты, заполненные давным-давно мертвыми толпами. Прайс видел Энз в расцвете его былой славы — задолго до того, как на берегу Евфрата поднялся легендарный Вавилон, до того, как первые фараоны воздвигли себе вечные мавзолеи на берегу Нила.

Какой-то миг Прайс видел Энз живым, а потом в прах поверженный песками город вновь предстал перед ним в своем мертвом, разоренном обличье.

— Значит, пророчество не сбудется, — безнадежно вздохнула Айса. — Энз воистину мертв. Иру не может ждать здесь пробуждения. Это город песков!

— Возможно, нам все-таки удастся найти воду, — попытался обнадежить ее Прайс. — Должны же быть какие-нибудь источники или бассейны...

Ведя верблюдов в поводу, они спустились по склону бархана в город. И начались долгие и, как казалось, бесполезные поиски в каменных джунглях разрушенных стен.

Время близилось к полудню, когда путники подошли к громадной куче расколотого мрамора, лежавшей на огромной платформе из необъятных базальтовых глыб. Сюда песок еще не

успел добраться. Замученные верблюды наотрез отказались подниматься наверх, и, оставив дромадеров, Прайс и Айса пошли на разведку.

Позже Прайс не раз проклинал себя за неосмотрительность. Как мог он не взять с собой ни ружья, ни револьвера, висевшего в кобуре на луке седла? Но в тот миг он и так едва держался на ногах. Да и какие живые враги могли оказаться здесь, в городе мертвых?

Поднявшись на платформу, они подошли к рухнувшей колоннаде.

— Это же дворец Иру! — воскликнула Айса, внимательно рассмотрев полустертую надпись.

Обходя поваленные колонны, путники через уцелевшую арку прошли во внутренний двор. Прайс не верил своим глазам.

Во дворике, окруженном высокими стенами, взорам путешественников предстала невероятная, буйная, освежающая одним своим видом зелень. Здесь в небольшой котловине посреди руин и запустения спрятался крохотный оазис, поразительный тропический сад.

Из обрамленного полированным камнем фонтана со сладким журчанием била кристально чистая вода, тонкими ручейками растекаясь по зарослям финиковых пальм, гранатовых дере-

вьев и кустов с большими ароматными цветами, переплетенных тонкой сетью малахитовых лиан.

Сад был дикий, запущенный. Вот уже тысячу лет, если верить легендам, сюда не ступала нога человека. Прайсу сперва даже показалось, будто он видит мираж. Это казалось невозможным! Посреди мертвых песков и руин — пение воды и волшебная зелень пальм!

Затем с хриплым криком он схватил Айсу за руку, и они вместе побежали вниз по крошащимся каменным ступеням. Вместе упали на колени возле фонтана, смыли горькую пыль пустыни с потрескавшихся губ, сделали первый глоток сладкой холодной воды...

Следующий час прошел для Прайса словно во сне. Буйство чарующих ощущений — возможность пить живительную, волшебно прохладную влагу, смыть с иссушенного тела грязь долгого и трудного пути, восхитительные фрукты, отдых в зеленой тени рядом со счастливой, смеющейся Айсой.

А потом Прайс вспомнил о верблюдах, и они с Айсой вернулись ко входу во дворец, чтобы привести своих верных дромадеров в этот рай посреди пустыни.

Они поднялись на платформу... и Прайс невольно вскрикнул.

Верблюды лежали там, где их оставили. Но вьюки были выпотрошены, вещи и припасы разбросаны по песку. Ружье и револьвер, которые Прайс оставил висящими на луке седла, исчезли без следа.

Прайс мог бы много чего сказать по этому поводу, но сдержался. Какой смысл? Теперь уже что ни делай, все без толку. Оставался последний бой, отчаянный и безнадежный. Бой не с людьми, а с не знающей жалости пустыней.

Глава десятая. В подземельях Энза

Разворошенные вьюки оставались загадкой. Сколько Прайс ни осматривал мертвый город, он не заметил в нем никаких признаков жизни. Кругом царила тишина. Зловещая, гнетущая... Ничего не происходило.

Огараясь не думать об опасности, Прайс и Айса занялись верблюдами. Не без труда, по одному затащили их на платформу. Айса тянула за повод, а Прайс, как мог, подталкивал животных сзади. Дальше было уже легче, и вскоре дромадеры вволю напились из спрятанного в глубине дворца источника.

Взяв золотой кинжал Айсы, единственное оставшееся у них оружие, Прайс вырезал в саду увесистую дубинку.

Еще раз осмотрев дворец и не найдя ничего подозрительного, путники решили отдохнуть у фонтана и провалялись до вечера. На закате, подгоняемые страхом, они отправились в засыпанный песком город и после долгих поисков так и не сумели обнаружить ни жителей, ни вообще какого-либо пригодного для жилья места.

Однако оружие исчезло. С этим спорить не

приходилось.

Уже темнело, когда Прайс и Айса возвращались ко дворцу. И вдруг, тихо вскрикнув, девушка схватила спутника за плечо.

Совсем близко, между рухнувших колонн у входа, показался высокий и худой, как бедуин, мужчина. Он был одет в развевающееся, напоминающее бурнус одеяние синего цвета. Быстро подбежав к краю платформы, мужчина спрыгнул на песок. За плечами у него Прайс увидел свое ружье.

Но тут незнакомец помедлил, обернувшись назад. На лбу у него Прайс заметил блестящее золотое клеймо — желтую, свившуюся кольцами змею. В следующее мгновение он скрылся за полуразрушенной стеной.

— Раб змея, — прошептала Айса, и в голосе ее явственно слышался страх.

— Кто-кто? — переспросил Прайс.

Взяв девушку за руку, он заглянул ей в глаза.

— Раб змея и слуга Маликара. Золотые люди, видимо, знали о пророчестве. Знали, что женщина по имени Айса должна разбудить великого Иру. Когда я сбежала, Маликар, наверное, догадался, что я отправлюсь в Энз. Вот он и послал сюда одного из своих жрецов. Чтобы меня поймать.

Прайс смотрел на девушку с искренним удивлением. Испуганная Айса — это было что-то новое. Даже будучи беспомощной пленницей в грязных лапах де Кастро, она не выказывала ни малейшего страха. Теперь же ее лицо побелело как полотно, губы дрожали, а в глазах застыл беспросветный ужас.

Что касается Прайса, то сам он не считал ситуацию такой уж безнадежной. Его, разумеется, не радовала потеря огнестрельного оружия, но, похоже, пока опасность им с Айсой не грозила. В конце концов, это жрец бежал от них, а не наоборот.

— Возьми себя в руки, малышка, — сказал он. — Все не так уж плохо. Даже когда дела идут неважно, мы еще можем рассчитывать на удачу Дюранов.

Девушка чуть придвинулась к нему, и Прайс нежно обнял ее за плечи. Он по-прежнему настороженно оглядывался по сторонам, всматриваясь в черные тени, протянувшиеся по песку.

Прошла неделя. Жрец в синем больше не появлялся. Прайс и Айса блаженствовали. Этот маленький оазис оказался настоящим раем посреди ада пустыни. В нем было все, что требовалось для жизни.

С каким удовольствием Прайс и Айса остались бы здесь на веки вечные, раз и навсегда забыв о внешнем мире. Они нашли друг в друге радость, ранее им неведомую, блаженство, особо острое из-за краткости отпущенного им времени.

В задней стене двора, под круглой аркой, влюбленные нашли вход в высокую, отделанную гранитом галерею, которая вела в главные покои дворца. Возле сада в ней было еще светло, но дальше галерея превращалась в черный туннель, уходящий в спрятанные под покровом песков руины.

Здесь, под крышей, защищавшей от жгучих солнечных лучей, Прайс и Айса и устроили свое временное жилище. Рядом уткнулась в небо чудом уцелевшая каменная башня — такая высокая, что она даже возвышалась над городской стеной. Несколько раз в день Прайс поднимался по полуразрушенной лестнице и с высоты обозревал Энз и его окрестности.

Утром девятого дня он заметил на горизонте крошечную точку, ползущую через красно-желтые пески. И следил за ней в течение часа, пока точка не превратилась в маленькое желтое животное с черным ездоком на спине.

— Я видел желтого тигра, — сказал Прайс Айсе,

спускаясь в сад.

— Это Маликар, — дрожа как в лихорадке, прошептала девушка. Лицо ее побледнело, но на сей раз она все-таки сумела удержать себя в руках. — Маликар сам приехал за мной! Милый, мы должны спрятаться! Без твоего оружия мы не можем с ним сражаться. Где же...

Прайс молча кивнул в сторону засыпанной галереи:

— Может, туда? Мне давно уже хотелось поглядеть, куда она ведет.

— Нет, — покачала головой девушка. — Там, в темноте, мы попадем в ловушку... — И тут ей в голову, похоже, пришла новая мысль. — Но это не важно! — воскликнула она. — Пошли скорее!

Взяв по охапке заготовленных Прайсом факелов (всего лишь скрученные и высушенные на солнце пальмовые листья), они двинулись в глубь прохода.

Пол, присыпанный рыжим песком, достигал двадцати футов в ширину. До сводчатого потолка было футов тридцать, не меньше. Первые несколько десятков ярдов в галерею еще проникал свет от входа и от не до конца засыпанных стрельчатых окон. Но потом стало совсем темно.

Прайс зажег факелы, и они с Айсой двинулись

дальше сквозь мглу, в замурованные пустыней развалины.

Время от времени в стороны уходили боковые проходы, однако все они были или засыпаны песком, или завалены обвалившимися каменными глыбами. Наконец в сотне футов от входа путники уперлись в стену.

Прайс был встревожен. Они так далеко забрались и все еще не нашли ни места, где можно было бы спрятаться, ни хорошей позиции для обороны. Похоже, это действительно ловушка.

Айса свернула в последний открытый проход.

Вскоре они вышли в новый, почти свободный от песка коридор, а еще где-то футов через сто подошли к куче трухи, когда-то, наверное, бывшей крепкой дверью. Перед ними вниз, в кромешный мрак, уходила крутая каменная лестница.

Воображение Прайса услужливо нарисовало ему зловещие образы того, что могло скрываться в чреве тысячу лет назад покинутого города. Он заколебался и двинулся дальше, лишь когда Айса начала спускаться.

Триста ступеней вели в подземелья.

Они увидели мрачный лабиринт, высеченный в темном камне. Тусклый свет факелов едва рассеивал мглу, отбрасывая на стены причудливые,

похожие на пляшущих демонов тени. Воздух был затхлый и сырой. Пахло здесь как в склепе. Но факелы горели, а значит, кислорода было достаточно.

— Пожалуй, я предпочел бы встретиться с Маликаром наверху, — прошептал Прайс. — Что, если факелы погаснут?

Тени продолжали свою безумную пляску, и насмешливое эхо прошептало в ответ:

— ...факелы погаснут...

— Мы в подземельях Энза! — воскликнула Айса, — Здесь находятся гробницы древних царей! Здесь спит Иру!

Призрачные тени прошептали:

— ...здесь спит Иру...

Прайс содрогнулся. Наверху, при солнечном свете, было совсем не трудно смеяться над древним пророчеством. Но здесь, в этих кошмарных катакомбах, где вековой мрак силился погасить свет факелов, возрождение давным-давно мертвого короля почему-то не казалось таким уж невозможным.

Прайс неохотно пошел вслед за Айсой, начавшей тщательный осмотр гробниц. Прочитав надпись на очередной узкой каменной плите, служившей дверью в усыпальницу, девушка

двигалась дальше, и Дюран старался от нее не отставать.

— Вот она, гробница Иру! — вдруг воскликнула Айса, и Прайс невольно вздрогнул.

Низкая узкая дверь из темного камня. А на ней — круглая ручка тускло поблескивающего золота. Айса повернула ручку...

Когда Прайс навалился на дверь плечом, она бесшумно открылась — куда легче, чем он ожидал. Вскрикнув от неожиданности и чуть не упав, американец ввалился в склеп. Айса следовала за ним по пятам.

Они очутились в маленькой квадратной келье, высеченной в скале. В длинной, похожей на полку нише на противоположной стене покоились останки Иру.

К неописуемому облегчению Прайса, древний король был совершенно и неоспоримо мертв. Если уж на то пошло, от него остался один скелет.

Рядом со скелетом лежало оружие монарха — свернутая кольчуга из искусно переплетенных золотых колец, овальный щит на левую руку и огромный боевой топор.

Бросив дубинку, Прайс поднял топор — наконец хоть какое-то оружие. Тяжелое золотое лезвие, в половину длины топорища, как и кинжал у

Якоба Гарта, покрывали руны на неизвестном Прайсу языке. А закалка топора была как у самой хорошей стали.

Короткая толстая рукоять, похоже, была сделана из эбенового дерева и казалась в полном порядке. На ней, вырезанный или протертый временем, остался след руки — округлые канавки для каждого пальца.

Прайс поднял топор, намереваясь испробовать его баланс. И рука легла на рукоять так, словно тут всегда и находилась. Как будто этот топор был создан именно для пришлого американца, а не для короля, умершего добрую тысячу лет назад.

— Странно, — пробормотал Прайс. — Точно по руке.

— Действительно странно, — в ответ прошептала Айса. — Но странно ли?..

Голос девушки звучал как-то необычно, и Прайс поднял на нее глаза. Держа в руках чадящие факелы, она стояла на пороге маленького склепа. Айса улыбалась, хотя в глазах ее застыл испуг.

Никогда еще она не казалась Прайсу такой волшебно прекрасной. Больше всего на свете ему хотелось прижать Айсу к груди, крепко поцеловать и унести куда-нибудь, где царит только мир и покой, где опасность не будет грозить ей

со всех сторон.

— Давай выбираться отсюда, — решил он.

Айса повернулась и, вскрикнув, в ужасе отшатнулась. В свете факела она увидела перед собой одетого в синий бурнус мужчину с изображением золотой свернувшейся кольцами змеи на лбу!

Крутя золотым топором, Прайс прыгнул к выходу из склепа.

Если минуту тому назад вид Прайса с топором в руках вызвал у Айсы испуг, то жрец явно перепугался до смерти. Челюсть у него так и отвисла, черты лица исказились гримасой ужаса. С воплем прикрыв глаза руками, жрец опрометью кинулся прочь, во мрак подземелий.

— Раб змея, — прошептала Айса. — Маликар послал его за мной.

— Что его так напугало? — удивленно спросил Прайс. — Он словно увидел... даже не знаю что.

— А я, кажется, знаю, — тихо сказала Айса. — Он увидел проснувшегося Иру.

— Проснувшегося Иру? Что ты имеешь в виду?

— Древнее пророчество сбылось! — воскликнула девушка. — Ты — Иру, вернувшийся, чтобы победить золотых людей и освободить народ Бени-Энз.

— Я? Да ты что?! Все это вздор!

— А почему бы и нет? Ты высокий, как и Иру. У тебя тоже рыжие волосы и голубые глаза. И разве топор не пришелся тебе по руке?

Действительно, кое-какие детали совпадали. Но Прайс Дюран никогда не верил в реинкарнацию. Ему казалось, что и одну жизнь прожить не так-то просто, а раз так, то к чему навешивать на себя лишнее бремя.

— В любом случае, — продолжала Айса, — пусть жрецы думают, будто ты настоящий Иру. Почему бы тебе не надеть кольчугу?

— Для тебя, милая, — улыбнулся Прайс, — я готов стать кем угодно.

— И наверное, тебе стоит выучить боевую песнь топора, — предложила девушка. — Она выгравирована на лезвии. Иру всегда пел ее во время боя.

Светя себе факелом, Айса прочитала Прайсу слова.

Странный, непривычный ритм эхом отозвался в крови американца. В переводе на английский песня звучала примерно так:

Руби...
Справедливость в бою!
На погибель злу!
Бей...

Дитя наковальни!
Громом выкованный!
Секи...
Корлу — разрушитель!
Молнией закаленный!
Руби...
Корлу — боевой топор!
Пьющий кровь жизни!
Убивай...
Корлу — красная смерть!
Страж могильных врат!

Прайс надел желтую кольчугу. Его непривычному телу она казалась холодной, жесткой и тяжелой, но при всем том сидела она на удивление хорошо. Затем он поднял маленький овальный щит и яростно сжал рукоять топора.

Никогда Прайс не любил Айсу так сильно, как тогда, в темном склепе короля Иру, когда холодный влажный воздух катакомб касался их лиц, словно крылья ночных птиц, когда минуты тянулись, словно часы, когда, сидя бок о бок, они ждали появления Маликара.

Зеленоватый свет озарял лестницу, по которой в подземелья спускались пять человек. Четверо были одетыми в синие бурнусы жрецами — двое

с длинными пиками наперевес, двое с горящими зеленым огнем факелами.

Пятым был золотой мужчина, тот самый, которого Прайс видел верхом на тигре. Огромного роста и непомерной ширины в плечах, он носил красный шлем и широкий алый плащ. На плече у него покоилась громадная шипастая палица из желтого металла.

Он вел своих жрецов прямо к склепу короля Иру.

Печать торжествующего, всепобеждающего зла лежала на его желтом золотобородом лице. Мрачным торжеством горели желтые глаза. Глаза, в которых читался опыт долгих веков и мудрость давно забытого прошлого.

Сжимая топор, Прайс ждал гостей в склепе.

Жрецы, он видел это яснее ясного, были насмерть перепуганы. Их ноги заплетались. На бледных лицах читался испуг.

Не обращая внимания на своих перепуганных слуг, Маликар подошел к склепу. Но даже он остановился на пороге.

— Иди сюда, женщина! — хрипло приказал золотой человек.

Айса не пошевелилась.

Выхватив факел из рук дрожащего от страха

жреца, Маликар решительно вошел в гробницу. Прайс шагнул ему навстречу.

На миг в желтых глазах мелькнул страх, смешанный с изумлением. Затем Маликар зловеще оскалился.

— Иру не спится? — прорычал он на том же, с непривычным акцентом, арабском, на котором говорила и Айса. — Я помогу ему снова уснуть!

Швырнув свой странный зеленый факел на пол склепа, Маликар обеими руками взялся за палицу. Факел не погас, а продолжал гореть.

Прайс взмахнул топором и нанес короткий рубящий удар, нацеленный в красный шлем. Золотой человек быстро отступил под прикрытие дверного проема. Сверкающее лезвие топора просвистело мимо его лица. Уйдя из-под удара, Маликар снова двинулся вперед — сражаться в тесном дверном проеме он не мог.

Прайс попятился и запел песню Иру, которой его только что научила Айса. В желтых глазах его врага снова мелькнул страх. Один из жрецов вскрикнул, в ужасе вжимаясь в стену.

Повинуясь ритму песни, Прайс понемногу отступал перед страшной шипастой палицей. Выбрав подходящий момент, он крутанул топор и нанес новый удар. Американец вложил в него всю

свою силу, но, как выяснилось, перестарался.

Золотой клинок топора обрушился на красный шлем, однако древко не выдержало и с треском переломилось пополам.

Удар не получился. Тяжелое лезвие полетело на пол, а Прайс остался стоять с бесполезной палкой в руках. Он чувствовал, что его предали. В критический момент удача Дюранов от него отвернулась.

Кривая злобная ухмылка раздвинула желтые губы Маликара. Подняв над головой шипастую палицу, он обрушил ее на своего противника.

Вскрикнув от боли и ярости, Айса бросилась на Маликара, прямо под летящую вниз палицу. В руке ее сверкал золотой кинжал.

У нее не было ни малейшего шанса. Отведя удар в сторону, Маликар небрежно перехватил руку девушки. Кинжал со звоном упал на пол. Легким движением Маликар отшвырнул Айсу за дверь, в лапы своих жрецов.

Воспользовавшись паузой, Прайс прыгнул на врага. Палица вновь взлетела над его головой и опустилась вниз, сметя по пути подставленный щит. Черный огонь захлестнул сознание Дюрана...

Прайс сидел в холодной влажной мгле подзем-

ного склепа. Факелы погасли. Хотелось пить. Он знал, что провалялся без сознания много-много часов.

Прайс пошарил вокруг. В гробнице никого больше не было. Потом он нащупал что-то большое, гладкое и округлое, с шумом покатившееся по полу от его прикосновения.

Стараясь держать себя в руках, американец на ощупь добрался до двери. Его пальцы встретили гладкий холодный камень. И больше ничего. Тут только Прайс Дюран вспомнил, что массивная дверь склепа открывалась вовнутрь и что ручка на ней была только снаружи!

Маликар замуровал его в гробнице Иру!

Глава одиннадцатая. След тигра

Некоторое время спустя Прайс оставил бесплодные попытки открыть запертую дверь и, обессилев, опустился на холодный пол древней гробницы.

Только без паники! Всего один шаг — и алая волна слепого ужаса захлестнет его с головой. Прайс дрожал. Все тело покрылось холодным потом. Сам того не осознавая, хрипло и бесполезно вопя, он колотил кулаками в каменную дверь.

В то же время тихий голос в его мозгу велел Прайсу замолчать. Он приказывал не тратить зря силы, успокоиться и как следует все обдумать. Ситуация и в самом деле была критической. Ведь Прайс сидел взаперти, в склепе, в катакомбах под засыпанным песком городом, который и существовал-то теперь лишь в легендах. Но отчаянием и криками делу не поможешь.

Надеяться на чью-то помощь, увы, не приходилось. Маликар, судя по всему, захватил Айсу в плен и оставил его здесь умирать. Значит, выбираться из склепа надо своими силами. И следовало поторопиться — скоро в келье будет нечем дышать. В голове у Прайса шумело. Не успев как

следует прийти в себя после удара Маликара, он уже начинал задыхаться.

Обхватив гудящую голову руками, американец попытался собраться с мыслями. Надо осмотреть склеп. Если бы удалось найти хоть какое-нибудь оружие...

Прайс зашарил по карманам. Где же спички? Ага, вот... С облегчением вздохнув, он зажег свет и внимательно оглядел маленькую келью. Среди рассыпанных человеческих костей Прайс заметил отломанную рукоять топора, а потом и сам золотой топор, лежавший возле двери. Рядом валялся овальный щит.

Прислонившись к холодной стене, Прайс от гаснущей спички закурил сигарету. В голове понемногу прояснялось. Во всяком случае, сигаретный дым хоть немного, да забивал затхлые запахи склепа. Но виски ломило по-прежнему.

Докурив, Прайс зажег новую спичку и в ее свете внимательно осмотрел дверь — массивную глыбу до блеска отполированного гранита, искусно подвешенную на петлях так, что и сами петли, и замок скрывались под камнем. Снаружи на двери имелась круглая ручка. Внутри дверь была совершенно гладкой.

Заставив себя действовать спокойно и нето-

ропливо, Прайс поднял с пола топор и, обернув лезвие носовым платком, чтобы не порезаться, принялся стучать в дверь острием. Замок, думал он, находится в вырубленном в двери пазе на уровне золотой ручки. Прикрывающий его слой камня, скорее всего, достаточно тонок, а раз так, то, возможно, удастся его проломить.

Камень был крепок, орудие — неудобным. Голова у Прайса буквально раскалывалась. С каждой минутой дышать становилось все труднее.

Задыхаясь, он стучал и стучал в дверь.

Ему казалось, прошло несколько часов. Другой на его месте опустил бы руки и покорно ждал смерти. Но не в характере Прайса Дюрана было сдаваться без боя. Он верил в свою удачу... хотя в последний раз она его и подвела. Ничего, удача еще придет ему на помощь. Если только драться до конца...

Сейчас Дюран боролся не только за свою жизнь. Он боролся и за Айсу, одна только мысль о которой придавала новые силы его рукам. Прайс знал, что любит эту веселую, смелую девушку. По какому-то тайному закону жизни она принадлежала ему, и Прайс не собирался никому ее уступать.

И вот наконец камень треснул. Еще несколько ударов, и в свете спички Прайс увидел перед

собой древний золотой замок. Манипулируя рычагами, он освободил запирающий язычок и, поддев дверь, сдвинул ее с места.

С неописуемым блаженством Прайс вдыхал воздух подземелий, раньше казавшийся ему таким затхлым. Немного придя в себя, он зажег факел — один из тех, что они с Айсой принесли в склеп. Затем, подобрав топор и щит, нашел лестницу и по ней выбрался на поверхность.

Прайс даже засмеялся от радости, вновь очутившись в залитом полуденным солнцем садике. Какое блаженство вот так стоять, наслаждаясь чудесным теплом и чистым воздухом!

Доковыляв до фонтана, американец умыл лицо и вдоволь напился. Затем, без сил повалившись на траву, забылся беспробудным сном.

Он проснулся на рассвете нового ясного дня. Проснулся голодный как собака. Голова почти не болела, мысли прояснились, а синяк, оставленный палицей Маликара, уже начал проходить. Готовя скромный завтрак из оставшихся в оазисе запасов, Прайс обдумывал, как же ему спасти Айсу.

Это вообще было характерно для Прайса Дюрана — он и минуты не потратил на размышления о том, сможет ли вызволить девушку из плена.

Его заботило только, как именно это сделать.

В мягкой земле, размытой вытекающими из фонтана ручейками, Прайс обнаружил крупные тигриные следы. Сперва он даже и не понял, что это такое. Таких громадных кошек, как известно, просто не бывает. Где это видано — тигриный след размером со слоновий?

Прайс без труда проследил цепочку следов из оазиса в город, а оттуда через стену и в глубь пустыни. Ветер еще не успел стереть отпечатки.

Более короткий путь к Айсе трудно было и представить.

Решив идти по следам, Прайс не стал долго думать об опасностях, которые подстерегают его на этом пути. Он не размышлял о возможности поражения и о своей вполне вероятной гибели. Прайс был человеком действия.

Сейчас любая задержка, как ему казалось, смерти подобна. Песок скоро занесет следы, и тогда найти дорогу будет практически невозможно. Но, прежде чем отправиться в путь, следовало кое-что сделать.

Прежде всего Прайс отыскал в оазисе подходящий кусок дерева и вырезал себе новое топорище. Кроме золотого топора, другого оружия у него не было.

Затем он взнуздал обоих верблюдов, успевших немного отдохнуть в оазисе, и увязал на спине дромадера Айсы вьюк с наполненными водой бурдюками и большой вязанкой свежей зелени.

Поднявшись в седло своего собственного верблюда и ведя второго в поводу, Прайс выехал из оазиса, где он волею судьбы нашел и зенит райского счастья, и надир беспросветного отчаяния. Миновав торчащие из песка развалины зданий, американец по перехлестнувшему городскую стену бархану выбрался из Энза.

Весь день он ехал по громадным следам через желтое песчаное море точно на север. Сперва двигаться по следу было проще простого. Но ближе к вечеру поднялся ветер, обжигающий, словно дыхание кузнечного горна. Ветер заметал следы, и к тому времени, когда солнечный диск коснулся горизонта, Прайс уже едва разбирал дорогу. Несколько раз он вообще терял след, однако всякий раз снова находил его на подветренном склоне бархана. С наступлением ночи Дюрану пришлось остановиться.

Верблюды устали. Они еще не до конца оправились от изматывающего путешествия в Энз. К тому же американец, стремясь во что бы то ни стало наверстать упущенное время, беспре-

станно их погонял. Но теперь гонка поневоле кончилась. Прайс покормил дромадеров прихваченной в дорогу зеленью, сам поел и попил и, завернувшись в одеяло, улегся спать. Он молился, чтобы ветер утих.

Но ветер дул все сильнее. Всю ночь шелестели пески, словно сама пустыня насмехалась над Прайсом Дюраном. Задолго до рассвета от тигриного следа не осталось и воспоминаний.

Еще не рассвело, когда Прайс вновь оседлал своих дромадеров и снова отправился в путь, держа курс по-прежнему на север.

Вечером его верблюд пал, не выдержав безумной гонки. Оставив его труп лежать на горячем песке, Прайс пересел на дромадера Айсы. Ему он отдал большую часть остававшейся воды.

На следующий день Прайс выбрался из песков на бескрайнюю равнину желтой глины. Безумие пустыни уже коснулось его разума, и потом Дюран никогда не мог вспомнить, было это утром или вечером. Но в тот миг, на грани беспамятства, он все-таки сообразил, что на глине следы могли и сохраниться. Потратив час, Прайс нашел-таки отпечатки огромных тигриных лап, ведущие через равнину.

Ночью кончилась вода. Американец лежал

возле своего верблюда и никак не мог уснуть. Жгучая жажда напрочь отгоняла сон.

Но хотя Прайс и не спал, он все равно видел сны. Ему снилось, будто он снова вместе с Айсой находится в позабытом оазисе, что они пьют из выложенных камнем бассейнов и срывают с веток ароматные фрукты. Образы эти были такие четкие, что граничили с явью.

День пришел на смену ночи. Прайс снова отправился в путь, но видения не прекращались. Он опять был в Энзе вместе с прекрасной Айсой. Он был с ней в темном склепе короля Иру, сражаясь с Маликаром. Он был в лагере посреди пустыни, на тропе черепов, спасая девушку от притязаний мерзкого де Кастро.

И все это время одна мысль упорно не желала покидать его сознания. Одна цель вела его вперед. И Прайс, подгоняя спотыкающегося верблюда, ехал и ехал по следу, оставленному неестественно громадными тигриными лапами.

И вновь след начал пропадать. Вечером, когда обессилевший путник ступил на черные лавовые поля вулканического плато, след исчез совсем. Даже и не надеясь отыскать отпечатки на острых каменных глыбах и потоках застывшей лавы, Прайс двигался точно на север. Спустилась ночь,

безлунная и мрачная. Но Прайс все еще торопил вперед своего полумертвого верблюда. Вперед, к Полярной звезде, тускло мерцающей над горизонтом.

Звезды в небесах плясали и манили к себе. Причудливые, рожденные больным воображением фантазмы возникали и вновь растворялись над безжизненным каменистым плато. Временами Прайс забывал, куда и зачем держит путь. Порой он тщетно пытался вспомнить, что же ждет его под Полярной звездой. Но Прайс Дюран все ехал и ехал и не хотел останавливаться.

Глава двенадцатая. Скала ада

Путник проснулся на рассвете. Несмотря на одеяло, он дрожал от холода. Измученный верблюд лежал рядом.

Шатаясь, Прайс поднялся на ноги, тщетно пытаясь вспомнить, когда же он остановился. А потом, подняв взор, он увидел гору.

В холодном неподвижном воздухе гора казалась совсем близкой. Казалось, до нее всего несколько миль по голому плато черной застывшей лавы. Со стороны гора больше всего напоминала обрезанный сверху конус с рваными крутыми краями. На ее вершине, наподобие короны, сверкал и переливался в лучах восходящего солнца золотой замок.

Сперва Прайс решил, что это ему мерещится, но утренний холод, пусть и на время, вернул американцу ясность мысли, и он понял, что перед ним никакой не сон. Да и рановато было еще для миражей. Нет, гора была неоспоримо реальна.

Прайсу невольно пришло на ум древнее арабское предание о черной горе Хаджар-Джеханнум, или Скале Ада, на которой в золотом дворце жил золотой джинн.

А еще ему вспомнилась рукопись Куадра-и-Варгаса, испанского солдата фортуны. Там рассказывалось о золотых и тем не менее совершенно живых идолах, обитающих на вершине горы. Кстати, жители расположенного рядом оазиса поклонялись им как настоящим богам.

Это было совершенно невозможно. Однако Прайс видел золотого тигра и его наездника своими собственными глазами. Он сражался с Маликаром и вот уже много страшных дней следовал по тигриному следу через пустыню. Теперь перед ним предстала гора, увенчанная золотом. Невозможно? Но, быть может, как и многое другое, это всего лишь чистая правда?

Подняв на ноги понурого, измученного верблюда, Прайс забрался в седло и медленно поехал в сторону горы. Он твердо знал, что именно туда золотой человек на золотом тигре увез Айсу.

И теперь Прайс ехал за ней. Найти ее и освободить будет, наверное, совсем непросто. Но Прайс это сделает. И даже если у него не хватит сил, останется еще надежда на удачу Дюранов.

Весь день он двигался к горе. Верблюд его то и дело спотыкался. Временами американцу приходилось спешиваться и идти пешком, давая отдых животному.

Прайс шел и шел, а мрачное лавовое поле упорно не желало заканчиваться. На закате Прайс уже мог различить башни и шпили блистающего замка. Замка, неумолимо манящего к себе...

И снова Прайс ехал почти всю ночь. На рассвете гора казалась все такой же далекой, как и раньше. Ее черные базальтовые стены выглядели неприступными. Прайс, в те редкие мгновения, когда обретал способность мыслить, мог только гадать, как обитатели замка туда попадают.

На самом верху, вдоль обрыва, шла стена, сложенная из черного камня. Высокая и, похоже, совершенно бесполезная. Зачем там стена, если вниз на добрых полмили уходят отвесные гладкие скалы?

А за рукотворной стеной блистало и переливалось ослепительное великолепие замка. Искрящееся золото и белоснежный мрамор. Изящные купола и башенки, широкие крыши и остроконечные шпили.

Нет, замок не был выстроен целиком из золота, и тем не менее стоимость блистающего желтого металла не поддавалась исчислению. Как казалось Прайсу, богатство перед его глазами могло поспорить со всем золотым запасом цивилизованного мира.

Но сейчас все золото на свете ровным счетом ничего не значило для Прайса Дюрана. Отчаянно стремясь рассеять окутывавший его туман безумия, борясь с неимоверной жаждой, терзавшей каждую клеточку его тела, с усталостью, от которой темнело в глазах, Прайс шел к одной, и только одной, цели. Он должен отыскать девушку. Девушку с веселыми голубыми глазами. Девушку, которую зовут Айса.

И снова он ехал вперед. Над горизонтом, заливая равнину жестоким жгучим светом, поднялось кровавое, неумолимое солнце.

Рассудок, вернувшийся было на рассвете, вновь покинул путника.

Где-то в середине дня верблюд попытался повернуть на восток. Подняв голову, животное, словно почуяв воду, тянуло в сторону, но Прайс неумолимо гнал его на север.

Ближе к вечеру уже можно было разглядеть людей на черной стене вокруг замка. Крошечные синие куклы. Живые, двигающиеся песчинки. Прайсу казалось, будто люди эти потешаются над ним со своих неприступных стен. И он проклинал их, как только мог, хриплым, почти неслышным голосом.

А потом, когда до горы было уже совсем близ-

ко, ему навстречу выехали всадники в синих бурнусах на белых скаковых верблюдах. Девять жрецов, вооруженных длинными пиками с золотыми наконечниками и широкими золотыми ятаганами.

Сыпя проклятиями, Прайс ехал прямо на них. Он знал, что на лбу у каждого из них сверкает изображение золотой змеи. Знал, что перед ним — рабы золотых людей. Рабы Маликара. Того самого, который похитил Айсу.

Выстроившись цепью, жрецы замерли перед Прайсом.

Но Дюран и не думал останавливаться. Бессильной рукой он поднял лежавший перед ним на седле золотой топор. Тщетно погоняя верблюда, он шел в атаку, хрипя слова боевой песни Иру.

И внезапно жрецы дрогнули. Развернув своих дромадеров, они бежали перед этим высохшим воином в золотой кольчуге, сидящем верхом на верблюде, больше похожем на скелет, чем на гордый корабль пустыни.

Они скакали к горе, и Прайс, как мог, следовал за ними. Он безнадежно отставал, но наконец, обогнув отвесное базальтовое плечо черной горы, он выбрался к восточному склону.

И снова увидел жрецов в синем. Те явно нерв-

ничали и, увидев Прайса, поскакали дальше — прямо в гору.

И снова Прайс поехал за ними, а на вершине некрутого склсна заметил квадратный черный провал — вход в горизонтальный туннель, пробитый в скале.

Прайс повернул туда. Его дромадер упал на колени и никак не мог подняться. Выбравшись из седла, американец взял топор и щит и, с трудом переставляя ноги, пошел дальше пешком.

Впереди что-то загремело. Подняв голову, Прайс увидел, что вход в туннель исчез. На его месте блистали наглухо закрытые квадратные золотые ворота.

Это было какое-то безумие. Прайс знал, что человек не может выдержать то, через что он прошел. Он знал, что не может больше доверять ни своим глазам, ни слуху. Чувства обманывали его. Быть может, никакого туннеля нет и в помине. Быть может, жрецы тоже всего лишь плод его воображения.

Но он шел и шел вверх по склону, пока не добрался до желтого квадрата в черной базальтовой стене. Нет, глаза не обманывали Прайса. Тут действительно был туннель. И действительно его закрывали громадные золотые ворота. Вблизи

он даже мог разглядеть стык между створками и креплениями петель по краям.

Да, это ворота. Широкие панели желтого золота двадцати футов в высоту. Отполированные так, что Прайс видел в них свое отражение.

Какое-то мгновение Прайс не понимал, кого он там видит. Неужели это Прайс Дюран? Тощая суровая фигура с глубоко запавшими, словно стеклянными глазами. С черными, распухшими губами. С безумием и смертью,явственно отпечатавшимися на челе. Неужели и в самом деле Прайс Дюран превратился в этого призрака, облаченного в золотую кольчугу давным-давно умершего монарха и с его оружием в руках?

Удивление пришло и пропало, как и все остальные мысли в высушенном жаждой и жгучим солнцем мозгу. Оставалось только одно.

Только одно стремление, которое не отпускало Прайса все эти кошмарные дни. Нужно найти Айсу.

Хриплым, еле слышным голосом Прайс по-арабски потребовал открыть перед ним двери. Он слышал на той стороне какую-то возню, но никто ему не открыл.

Шепча песнь Иру, Прайс заколотил в ворота золотым топором. Ворота все равно не откры-

вались.

Он стучал, и проклинал, и шептал имя Айсы. Но лишь звенящая тишина смеялась над его усилиями.

А затем всепоглощающая цель, гнавшая Прайса все эти дни, куда-то пропала. Сознание не выдержало мук пустыни, не предназначенной для жизни людей, и попыталось спастись в благословенном забвении...

Глава тринадцатая. Золотая земля

Лишь спустя несколько дней Прайс Дюран наконец вынырнул из-под захлестнувших его волн временного безумия. Это был медленный и постепенный процесс.

Прайс знал, что он среди арабов. Арабов, которые странно одеваются и разговаривают со странным архаичным акцентом. Это были его друзья. Точнее, они пребывали перед ним в благоговейном трепете. Они называли его Иру.

Прайс смутно припоминал, что когда-то уже встречался с этим диалектом. Он даже слышал имя Иру. Но лишь очень нескоро он вспомнил обстоятельства, при которых это произошло.

Прайс лежал на шкурах и подушках в длинной комнате, прохладной и полутемной. Кто-нибудь из этих странных арабов всегда находился неподалеку. Часто приходил и тот, кто, судя по всему, являлся их предводителем.

Звали его Ярмуд. Типичный араб — высокий, с тонкими губами и орлиным носом. Прайсу он нравился. У него был открытый взор. И держался он со спокойным достоинством. На его лице явственно читалась гордость.

Да, Ярмуд был шейхом этих арабов, и тем не менее с Прайсом он вел себя точно вассал со своим сюзереном.

Большую часть времени американец спал. У него хватало сил лишь на то, чтобы выпить воды или верблюжьего молока да съесть ту простую пищу, которую ему предлагали гостеприимные хозяева. Он не задавал вопросов. Он даже старался не думать. Поистине тяготы путешествия по тигриному следу привели Прайса Дюрана на грань смерти. Однако понемногу измученное тело и воспаленный ум все-таки возрождались.

И вот однажды, как раз в тот момент, когда в комнату вошел Ярмуд, Прайс проснулся. Былая ясность мысли вернулась к нему. Несмотря на слабость, он даже сумел подняться навстречу арабу.

— Салям алейкум, мой господин Иру, — радостно улыбнулся старый Ярмуд и, к удивлению Прайса, опустился перед ним на колени.

Прайс машинально ответил на приветствие, и Ярмуд поднялся с колен, с беспокойством в голосе интересуясь здоровьем гостя.

— Со мной все в порядке, — заверил его Прайс. — Сколько времени я тут провел?

— Пять дней назад ваш верблюд... точнее, вер-

блюд девицы Айсы, которая отправилась в Энз, намереваясь вас разбудить... Так вот, пять дней назад ваш верблюд пришел к нашему озеру. Вы, мой господин Иру, были привязаны веревками к седлу.

Теперь Прайс знал, где он оказался. В Эль-Ярим-е, том самом городе, из которого бежала Айса. Жители города считали Прайса легендарным королем Иру, вернувшимся в мир живых, чтобы освободить их от гнета золотых людей. Ничего удивительного, что его приняли за древнего короля. Он ведь приехал из пустыни с оружием Иру в руках, в беспамятстве, скорее мертвый, чем живой.

— А гора, где живет Маликар? — спросил Прайс. — До нее далеко?

— Полдня пути, — ответил Ярмуд, — На северо-запад.

Теперь Прайс понял, что его дромадер, пытаясь свернуть на восток, хотел вернуться в свой родной оазис.

Прайс мог только догадываться, что произошло. Он стучал в золотые ворота, пока не потерял сознание. Потом у него хватило здравого смысла сесть на верблюда и привязать себя к седлу. Прайс этого не помнил, но, похоже, все было именно

так. И умное животное привезло его в Эль-Ярим.

— А Айса? Вы знаете, где она? — с надеждой спросил американец у Ярмуда.

— Нет, — покачал головой араб. — Маликар избрал ее как часть дани змею. Она бежала, никому не ведомо как, — араб искоса глянул на Прайса, словно бы даже подмигивая, — и отправилась на поиски Энза. А вы не знаете, где она?

Прайс почувствовал еще большую симпатию к этому арабу. Он ни минуты не сомневался, что Ярмуд приложил руку к побегу Айсы.

— Увы, нет. Пришел Маликар и увез ее с собой. Он оставил меня запертым в склепе. Я выбрался наружу и поехал за ним по следам тигра. Следы привели меня к горе.

— Мы освободим ее, — решительно сказал Ярмуд. — Освободим, когда уничтожим золотых людей.

Видя слабость гостя, Ярмуд вскоре попрощался и ушел. А Дюран остался лежать в полном смятении. Он не знал, как поступить. Эти арабы явно считали его древним королем, чудесным образом воскресшим. И похоже, готовы были идти за ним в бой против своих угнетателей.

Обладая оружием Иру — кольчугой, топором и щитом, зная боевую песню мертвого короля,

Прайс вполне мог бы сыграть его роль. Но не в принципах Дюранов было действовать обманом.

На следующее утро Прайс чувствовал себя лучше. И он принял решение.

Когда Ярмуд снова пришел в его комнату и собрался опять опуститься на колени, Прайс остановил его:

— Подожди. Ты зовешь меня именем короля древнего Энза. Но я не Иру. Меня зовут Прайс Дюран.

Ярмуд глядел на Прайса, открыв рот.

— Я родился в далеком отсюда краю, — объяснял Прайс. — Я прибыл сюда через моря и горы.

— Вы не можете быть никем иным, кроме Иру! — чуть оправившись от изумления, горячо воскликнул араб. — Вы высокий. У вас голубые глаза и огненные волосы. Айса отправилась искать вас и нашла! Вы сами сказали, что вам пришлось выбираться из склепа. Вы пришли из Энза с топором Иру в руках, с его боевой песней на устах!

В конце концов Прайсу так и не удалось убедить правителя Эль-Ярима, что он — не новое воплощение древнего короля. Как и Айса, Ярмуд и не думал оспаривать историю Прайса, но настаивал, что тот — Иру, родившийся вновь и вернувшийся к своему народу. На это американцу нечего было

возразить.

— Обещайте мне никому больше не заявлять, что вы, дескать, не Иру, — попросил Ярмуд. — Не надо зря нервировать моих воинов. А они, между прочим, рвутся в бой.

И Прайс, ради Айсы, обещал хранить молчание. Если уж на то пошло, то утверждение Ярмуда выглядело не таким и невозможным. Конечно, если верить в реинкарнацию...

В общем, Прайс решил больше на эту тему не думать.

Айса, как узнал Прайс, была племянницей Ярмуда, дочерью его брата, бывшего повелителя Бени-Энз. Два года тому назад Маликар прикончил его за отказ послать ежегодную дань змею. Тогда Ярмуд и занял его место.

Тем вечером Прайс впервые покинул комнату, в которой очнулся.

— Когда Айса бежала, — сказал Ярмуд, — Маликар потребовал новую дань. Еще одного верблюда, груженного зерном, и девушку в придачу. Его жрецы придут сегодня.

Прайс выразил желание посмотреть.

— Это можно, — кивнул Ярмуд, — но вам придется одеться, как одному из моих воинов. Не надо, чтобы Маликар узнал о вашем присутствии

в Эль-Яриме до того, как мы будем готовы начать войну.

Он принес Прайсу длинную коричневую абу и ярко-зеленую накидку на голову, полностью скрывавшую рыжие волосы. Одетый таким образом, с длинным обоюдоострым мечом на поясе и с копьем в руках, Прайс вышел в город.

Он шел вместе с воинами, одетыми точно так же, как и он сам.

Кривые пыльные улочки Эль-Ярима скрывались в тени раскидистых пальм. Приземистые глиняные домики, какие строили еще, наверное, в доисторическом Вавилоне, лепились друг к другу по сторонам. Улицы были мрачно пустынны. Даже воины, окружавшие Прайса, и те выглядели напуганными.

Пройдя на север, они вышли из города на каменистый берег небольшого кристально чистого озерца. В центре его бурлила вода. Там бил из земли мощный источник, сделавший возможным этот рай посреди пустыни, этот удивительный сад среди смерти, названный Куадра-и- Варгасом Золотой Землей.

Зеленые пальмы обрамляли противоположный берег озера, а под ними Прайс увидел лагерь экспедиции, с которой он пришел в эту пусты-

ню: стройные пятнистые шатры Якоба Гарта и других белых, одежды из черной верблюжьей шерсти шейха Фархада аль-Ахмеда и его бедуинов, серая громада танка, тут и там — группки любопытных...

Взор американца устремился к тому, на что смотрели сейчас все собравшиеся у озера.

В двухстах ярдах от Прайса и арабских воинов на голом каменистом участке между городом и берегом стояла дюжина белых верблюдов.

На пяти из них, вооруженные сверкающими золотыми ятаганами и держа в руках поводья остальных дромадеров, сидели одетые в синее жрецы. На одном из верблюдов Прайс заметил плетеные корзины — видимо, часть дани.

Со стороны глиняных домов раздался тонкий мучительный крик. Мгновение спустя на берегу появились оставшиеся шесть жрецов. Двое из них тащили молодую девушку со связанными за спиной руками. За ними, рыдая, следовала оборванная женщина.

Девушка выглядела покорной. Казалось, она буквально парализована страхом. Несчастная не стала сопротивляться, даже когда один из всадников перекинул ее через седло перед собой. Жрецы вскочили на верблюдов, развернулись

и помчались прочь, чуть не затоптав по дороге убивающуюся мать.

Прайс инстинктивно бросился наперерез, но Ярмуд вовремя схватил его за руку.

— Подожди, Иру, — прошептал он. — Ты еще недостаточно окреп. Да и мы не готовы к битве. Если ты сейчас вмешаешься, Маликар придет и зальет Эль-Ярим кровью. А Викира... она будет охотиться на двуногую дичь... Подожди, пока все будет готово.

Прайс остановился. Он чувствовал правоту слов старого шейха. Его переполняла жгучая ярость, ненависть, которую он всегда испытывал к тем, кто, пользуясь своей силой, обижал слабых. С мрачной решимостью Прайс понял, что должен уничтожить золотых людей. Будь они люди или даже сами боги. Раньше он мог бы удовлетвориться спасением Айсы. Но теперь, лишь стерев обидчиков с лица земли, мог он утолить жгучую жажду мести.

Глава четырнадцатая. ОПАСНОСТЬ В МИРАЖЕ

Прайс Дюран, пять дней спустя въехавший в лагерь вместе с Ярмудом и сорока воинами Бени-Энз, мало чем напоминал того беспокойного миллионера, который отправился в поход по Аравийскому полуострову. Американец полностью оправился после последнего тяжелого путешествия через пустыню. Ему не терпелось снова помериться силами с Маликаром.

Жгучее солнце сделало Прайса смуглым, капля по капле вытянуло из его тела всю лишнюю воду. Подтянутый и жилистый, он обнаружил в себе новую, неведомую ему раньше силу и выкованную пустыней железную выдержку.

Дух его закалился так же, как и тело. Прайс пошел с Якобом Гартом не из-за золота, а в поисках приключений. Тогда все ему приелось, хотелось повидать новые края. Так усталый спортсмен стремится порой испробовать себя в новом виде спорта.

В Руб-эль-Хали Прайс нашел Айсу, отважную и прекрасную девушку, бежавшую от странной опасности. Вместе с ней он скакал по пескам...

любил ее в тайном саду забытого города... потерял ее в битве с врагом, истоки силы которого все еще оставались загадкой.

Теперь Прайс был полон решимости найти Айсу и стереть с лица земли тех, кто держал возлюбленную в плену. Казалось, жизнь в пустыне, словно лупа, собрала воедино всю беспокойную энергию жизненной силы, направив ее на достижение одной, ясной как день, цели.

Да, задуманное им дело очень опасно. Велика была сила золотых людей — Прайс знал это на собственном горьком опыте. Но не в его натуре было думать о поражении. Поражение для Дюрана являлось всего лишь вызовом на новую схватку.

Якоб Гарт встретил Прайса и его спутников на пороге своего шатра. Он, похоже, ничуть не изменился. Одутловатое бледное лицо, как и всегда, оставалось невозмутимо спокойным. Холодные голубые глаза глядели ровно и не слишком дружелюбно.

Гарт внимательно оглядел Прайса, явно отметив про себя и сверкающую на солнце золотую кольчугу, и тяжелый боевой топор, и овальный щит.

— Привет, Дюран, — небрежно сказал он, и в

голосе его не отразилось даже и намека на удивление.

— Доброе утро, Гарт.

Со своего верблюда, подаренного ему Ярмудом, Прайс сверху вниз глядел на толстого и такого спокойного Гарта, как обычно одетого в потертую пыльную одежду цвета хаки.

— Где же ты был, Дюран? — пробасил Гарт.

Прайс твердо встретил его испытующий взгляд:

— Нам много о чем надо поговорить, Гарт. Что, если нам уединиться где-нибудь в тенечке?

— Хочешь, заходи ко мне в шатер.

Спешившись, Прайс передал поводья верблюда одному из арабов и, кивнув Ярмуду, прошествовал в указанный Якобом Гартом шатер.

Усевшись на расстеленном на камнях ковре, они молча глядели друг на друга. Наконец Гарт сказал:

— Ты должен понимать, Дюран, что не можешь больше руководить экспедицией. Ты дезертировал, и теперь я даже не берусь гадать, как именно наши люди захотят с тобой разделаться.

— Я не дезертир! — возмутился Прайс. — Это был чистой воды бунт против меня как командира! И против всех законов чести! — Усилием

воли американец взял себя в руки. — Но хватит об этом. Твоим людям не придется со мной разделываться.

— Ты, похоже, нашел общий язык с туземцами, — заметил Гарт.

— Они сделали меня своим предводителем. Мы собираемся атаковать гору золотых людей. Я, собственно, и приехал к тебе спросить, не хочешь ли ты к нам присоединиться.

— Они и в самом деле последуют за тобой? — Якоба Гарта явно заинтересовало предложение Прайса, — Пойдут против своих золотых богов?

— Думаю, что да.

— Тогда мы, наверное, сможем договориться. Видишь ли, мы сидим тут уже несколько недель. Люди успели отдохнуть, окрестности разведаны. Все готово. Мы бы уже давно пошли на штурм горы, но местные арабы упорно отказывались нам помочь. Мы им не доверяли и потому, естественно, не горели желанием атаковать, оставляя в их руках единственный источник воды.

— Я уверен, — сказал Прайс, — в искренней преданности мне народа Бени-Энз... по крайней мере, их шейха, Ярмуда. Я предлагаю объединить силы — до тех пор, пока мы не разобьем золотых людей.

— А потом?

— Потом ты и твои люди можете взять себе сколько угодно золота из дворца. Меня волнует только безопасность Айсы.

— Ты имеешь в виду ту женщину, которую ты отнял у де Кастро?

Прайс кивнул.

— Боюсь, у Жоао на этот счет будет особое мнение. Я обещал ему после победы любую женщину на выбор. Но что касается меня, то я согласен.

— Значит, мы теперь союзники?

— Пока не победим золотых людей.

Якоб Гарт протянул пухлую белую руку. Прайс принял ее и вновь удивился силе рукопожатия этого англичанина.

Утром следующего дня через пальмовые рощи Эль- Ярима шла настоящая армия. Впереди с ревом и грохотом полз танк. За ним плотной двойной колонной ехали всадники на верблюдах.

Якоб Гарт и Жоао де Кастро ехали во главе отряда белых, ведя в поводу дромадеров, навьюченных пулеметами, пушками и амуницией.

Шейх Фархад аль-Ахмед возглавлял отряд бедуинов, вооруженных новыми автоматическими карабинами.

Прайс Дюран в роскошной золотой кольчуге

Иру ехал рядом с Ярмудом во главе пятисот рвущихся в бой воинов Бени-Энз.

Вот колонны воинов выбрались из пальмовых рощ плодородной долины и вступили на голое вулканическое плато. Отсюда их взорам открылся Хаджар-Джеханнум, или Вирл, как арабы называли черную гору, — крутой базальтовый конус древнего, давным-давно погасшего вулкана, ныне увенчанный роскошным дворцом, что ослепительно сверкал мириадами золотых и белоснежных переливов.

На душе у Прайса стало легче. Непроизвольно он подхлестнул своего верблюда, а руки его сами собой легли на рукоять Корлу. Где-то за этими блистающими стенами томилась в плену прекрасная Айса. Айса, милая и отважная дочь пустыни.

— Велик этот день! — воскликнул Ярмуд, не отставая от Прайса, — Еще до заката Вирл будет наш! Наконец-то золотые люди встретят свой конец...

Страх заставил его замолчать. Молча, с бледным как смерть лицом шейх показал на гору, до которой оставалось еще почти пятнадцать миль. Вся армия, весь длинный караван, внезапно остановилась. По рядам воинов пробежал

испуганный шепот.

— Тень золотых людей, — тихо пробормотал Ярмуд.

Впереди в темно-синее небо поднимался сверкающий веер света. Желтые и красные лучи расходились от самой высокой башни золотого замка, образуя перевернутую пирамиду. А над ней, словно проецируемые на небесный экран, понемногу возникали огромные фигуры. Сперва смутные, они постепенно становились все четче, все ярче, все реальнее.

Гигантская змея, необъятная, словно облако, свернулась над золотым замком. Груда желтых колец, плоская, зловещего вида голова, лежащая на самом верхнем кольце. Яркие черные глаза, сверху вниз глядящие на замерших в ужасе людей. Вот он, золотой змей!

А рядом с ним женщина — та самая, которую Прайс уже видел верхом на тигре в мираже над перевалом. Змеиное кольцо толщиной с ее тело было свернуто вокруг ног этой женщины. Сама она небрежно сидела на втором кольце.

Тело женщины было золотым, как и чешуя змея. Короткая, облегающая зеленая туника даже и не пыталась скрыть линий по-змеиному гибкого стана. Красно-золотые распущенные волосы

водопадом ниспадали на золотые плечи.

Женщина глядела с небес, и на ее полных алых губах играла насмешливая и недобрая улыбка. Веки чуть раскосых глаз были подведены черным, сами же глаза были золотисто-зелеными.

Прайс видел, как золотая женщина оглядела караван. Внезапно ее взор упал на одетого в золотую кольчугу Прайса Дюрана. Как бы там ни проецировалось в небо громадное изображение, женщина явно прекрасно все видела.

Удивление и смутная тревога промелькнули в ее взоре, когда она увидела и кольчугу, и золотой топор, и овальный золотой щит. Но все равно взгляд женщины оставался насмешливым и вызывающим. Только теперь в нем появился еще и непонятный вызов, а может быть, обещание. От всего этого Прайсу стало как-то не по себе.

Он почувствовал поднимающуюся волну желания. Звериную страсть обладать этим гибким золотым телом. Ему хотелось делом ответить на насмешку зеленоватых раскосых глаз. Похоть, а не любовь. Жажда плоти, но не духа.

Прайс издевательски засмеялся, и женщина вздрогнула, откинув назад роскошные волосы. В ее глазах сверкнул гнев. Вне всякого сомнения, она видела Прайса.

Тем временем Дюран перевел взгляд на змея. Даже в сравнении с гигантским изображением женщины он все равно был невообразимо огромен. Словно зловещее облако, он висел над замком, над раскинутым веером цветных лучей.

Ужасны были его черные блестящие глаза — немигающие, горящие внутри холодным пурпурным огнем. Прайс непроизвольно поежился, почувствовав на себе их взгляд. Страх холодной волной покатился по спине американца. Перед ним распахнулись бездонные колодцы векового зла, более древнего, чем вся история человечества.

Раньше Прайс не понимал, да и не мог понять, что чувствует кролик под гипнотизирующим взглядом удава. Теперь он испытал это на собственной шкуре. Он испытывал ледяной, смертоносный шок от соприкосновения с необоримой злобной мощью — неощутимой, необъяснимой и тем не менее совершенно и неоспоримо реальной.

Собрав волю в кулак, Прайс отвел взор от чудовищных гипнотических очей змея. К своему удивлению, он обнаружил, что дрожит и весь, с ног до головы, покрыт холодным потом.

Оглядевшись, американец увидел, что вся

армия как-то странно притихла. Все без исключения как завороженные глядели на мираж. Смолк гул голосов. Не звучало ни возгласов удивления, ни даже криков страха.

— Внимание!!! — завопил Прайс. А потом по-арабски: — Не смотрите на змея! Отвернитесь! Смотрите назад, в сторону оазиса! Змей бессилен, если вы на него не глядите!

Рядом с ним раздался тяжелый вздох. Ярмуд пришел в себя.

— Змей грозит нам, — тихо сказал старый шейх. — Его глаза могут нас погубить. Нам не стоит ждать легкой победы.

— Поехали дальше, — отозвался Прайс, трогая с места верблюда.

— Спой песнь. Люди напуганы.

И Прайс во всю глотку завел боевую песнь древнего короля, чьи доспехи он теперь носил. Радостный клич воинов Бени-Энз был ему ответом. Сперва неуверенный и тихий, он быстро набирал силу, рождая в людях новую энергию и уверенность в победе.

И колонны воинов двинулись дальше.

Глава пятнадцатая. Смертоносные зеркала

Час за часом колонны продвигались вперед, и все это время страшный мираж висел в небе над золотым замком. Сверху вниз глядели на вьющийся по тропе караван зеленые глаза золотой женщины и пурпурночерные очи громадного змея.

Прайс упорно пытался найти научное объяснение этому загадочному феномену. Но сколько он ни думал, ничего не получалось. Висящий в небе мираж, как казалось американцу, всего лишь огромное отражение реальной картины, созданное по законам оптики, пока еще неведомым цивилизованному миру.

Еше больше удивляла Прайса невероятная гипнотическая сила золотого змея. Скорее всего, решил он, змей обладал обычным завораживающим взглядом всех своих сородичей. Только у него сила гипноза выросла пропорционально размерам. И быть может, дополнительно усилилась при увеличении в мираже.

Люди оставались напуганными и подавленными. Отвага Фархада и его бедуинов держалась

только на их вере в мощь танка и другого оружия белых. Бени-Энз в не меньшей степени полагались на своего сверхъестественного освободителя — короля Иру. То есть на Прайса Дюрана.

Сам Прайс, вместе с Ярмудом и Якобом Гартом, постоянно ездил вдоль колонн, призывая воинов не падать духом и ни в коем случае не смотреть на парящий в воздухе страшный мираж.

Когда до горы осталось уже совсем немного, Прайс выслал вперед разведчиков.

В пяти милях от черного базальтового конуса голова колонны достигла края небольшой, около тысячи ярдов в поперечнике, долины, или вади, как ее называли на местном наречии. Три разведчика уже наполовину ее пересекли, когда среди черных камней на противоположном склоне возникли десятки одетых в синее фигур.

Они появились как из-под земли, волоча за собой на вершину гряды большие серебристые зеркала, ослепительно сверкавшие на солнце.

Эти зеркала опирались на металлические основания — совсем как то эллипсоидное зеркало, которое невидимым лучом холода убило Хамида на перевале.

Вот и сейчас серебро отражателей замерцало фиолетовыми искрами.

Заметив врага, разведчики круто повернули верблюдов и во все лопатки помчались назад. Но спастись им не удалось. Бежавший впереди дромадер споткнулся и упал, рассыпавшись вместе со своим наездником грудой ледяных обломков.

Мгновением позже рухнул и второй араб. За ним с треском бьющегося стекла разлетелся на части третий.

Страх закрался в сердца замерших на краю вади людей. Таившаяся в мираже угроза казалась еще не такой страшной. В конце концов, до змея было далеко, и от всего его гипноза пока не веяло дыханием смерти. Но эти излучатели холода были совсем рядом, и в их смертоносности сомневаться не приходилось.

Бени-Энз и бедуины Фархада заколебались, однако, видя, что ни Прайс Дюран, ни Якоб Гарт не двигаются с места, все-таки сохранили строй.

По приказу Гарта наемники быстро распаковали орудия, пулеметы и минометы. Боевые расчеты заняли свои позиции.

Люди Фархада аль-Ахмеда собрались за танком. Им предстояло пойти в атаку вслед за этой ревущей машиной войны. Воины Бени-Энз, вооруженные, если не считать сотни лучников, только длинными мечами и копьями, пока оста-

вались в резерве.

Загрохотали орудия, осыпая гребень противоположного склона долины дождем воющей шрапнели. Затрещали пулеметы, и снайперы открыли из-за камней огонь по синим мишеням.

Зеркала заблестели ярче. Клубы конденсирующегося пара поплыли в жарком воздухе. Повеяло холодом. Несколько человек упало, дрожа и судорожно тряся головами. Но расстояние, похоже, было слишком велико. Страшное замораживающее оружие не могло причинить существенного вреда людям на другой стороне вади. Поняв это, жрецы поспешно оттащили зеркала за гребень.

Прайс и Якоб Гарт внимательно осматривали противоположный склон в свои бинокли. Они видели дюжину мертвых тел, но оставшиеся в живых куда-то подевались.

— Теперь наш ход, — как всегда спокойно, сказал Гарт. — Мы не можем-отдавать им инициативу. Да и снарядов на целый день у нас не хватит.

Он отдал приказ атаковать.

Лязгая гусеницами, танк перевалил через гребень и покатил вниз по склону. Стрекоча пулеметами, машина вылетела на каменистое дно вади. За ней, с новыми карабинами в руках, во

весь опор скакали бедуины Фархада.

Беспорядочная, зато весьма живописная атака вынесла стреляющих на скаку воинов на середину вади. И тут серебристые зеркала снова выглянули из-за гребня.

Один из арабов упал, рассыпавшись грудой белого льда. За ним — еще один, еще двое... А затем и танк внезапно побелел, покрывшись густым инеем. Несколько секунд он, завывая мотором, еще полз вперед. Прайс от всего сердца надеялся, что броня защитит сидящих внутри людей от замораживающего луча. Но потом Дюран вспомнил, как сам он чуть не погиб во время штурма перевала в Джабаль-Хербе. И вот мотор заглох. Танк вильнул в сторону и, развернувшись боком, замер. Замер, тихий и безжизненный, серебряный призрак былой мощи. Прайс с грустью подумал о Сэме Сорроузе.

Хотя орудия и пулеметы все еще поливали огнем гребень вади, подбитый танк явно лишил бедуинов веры в победу. Развернув верблюдов, они в панике бросились наутек. Но прежде чем бедуинам удалось скрыться за камнями, еще двое из них стали жертвами страшного оружия золотых людей.

Прайс прекрасно понимал, что до катастрофы

буквально один шаг. Самое мощное оружие фаренги стало легкой добычей замораживающих зеркал. Еще одно такое поражение, и ничто уже не удержит арабов от бегства. И на этот раз они не остановятся.

— Хочешь испробовать в бою своих туземцев? — спросил у Дюрана Якоб Гарт, — Это, похоже, наш единственный шанс. Когда кончатся боеприпасы, мы будем бессильны.

Прищурив глаза, Прайс окинул взглядом долину. Много воинов погибнет, прежде чем они доберутся до противоположного склона. Но отступить сейчас значило проиграть войну. Потом у Бени-Энз уже никогда не хватит смелости атаковать.

— Хорошо, — кивнул он.

— Удачи тебе. Я буду продолжать огонь.

Пять минут спустя Прайс, крутя над головой топором и во все горло распевая боевую песнь короля Иру, спустился в долину. За ним длинными, намеренно неровными цепями скакали воины Бени-Энз.

В полумиле впереди, на вершине низкого лавового гребня, сверкала на солнце дюжина смертоносных зеркал. Вокруг них суетились синие фигурки жрецов. Многие из слуг Маликара

падали под огнем Якоба Гарта, но-им на смену из скрытых за гребнем траншей тут же появлялись новые.

Глухо стучали копыта верблюдов по каменистому дну долины. Торжествующе гремела песня топора, подхваченная сотнями глоток:

— Убивай!.. Корлу, красная смерть!.. Пьющий кровь жизни!.. Страж могильных врат!

Фиолетово сверкая, вращались эллиптические зеркала.

Не оглядываясь, с песней топора на устах Прайс мчался вперед. Но он слышал у себя за спиной крики ужаса и резкие, звенящие звуки падений, словно тысячи оконных стекол разом разлетались на куски, — звуки людей и верблюдов, рассыпающихся на камнях дождем ледяных осколков.

Холодный ветер ударил ему в лицо. Замораживающий луч прошел смертельно близко.

Дюран несся вперед. Безумный стук копыт не умолкал.

И вот наконец Прайс вылетел на склон, и одно из зеркал оказалось совсем рядом. Оно поворачивалось в его сторону — шестифутовый отражатель из серебристого металла, установленный на каком-то сложном устройстве.

Два жреца судорожно готовились к выстрелу. Один из них наводил зеркало, а второй что-то настраивал, вращая небольшую рукоятку.

Фиолетовое сияние заполнило серебряный эллипсоид.

И тогда Прайс поднял своего верблюда на дыбы. И всем весом они обрушились прямо на дьявольский аппарат. Тот с грохотом рухнул. Верблюд тоже упал, но Прайс успел выскочить из седла. Подняв над головой золотой топор, он ринулся на одетых в синее жрецов.

Все произошло быстро, как порой бывает во сне.

Только что синие фигуры со зловеще сверкающими в руках золотыми ятаганами со всех сторон окружали Прайса. В следующее мгновение воины Бени-Энз захлестнули позиции слуг Маликара.

Орудия и пулеметы смолкли, как только атакующие приблизились к гребню. Перестали стрелять и зеркала — обслуживающие их жрецы отчаянно сражались врукопашную с обезумевшими от ненависти воинами оазиса.

Несколько минут кипела на гребне жестокая беспощадная битва.

И никто не просил в ней пощады. Две сотни людей Бени-Энз полегло на дне вади. Те, кто жи-

выми добрались до противоположного склона, кровью заставили жрецов заплатить за своих погибших товарищей.

Краткие минуты хаоса. Воины повсюду. Верблюды, сбивающие на землю зеркала, лягающиеся, кусающиеся направо и налево. Люди — кричащие, падающие, пронзенные копьями, стрелами, мечами и ятаганами.

Прайс, как выяснилось, вполне мог за себя постоять. Не умолкала древняя песнь Иру, тяжелый топор вдоволь напился крови.

А потом, как ни странно, сражение закончилось.

Жрецы полегли до последнего человека. Их мертвые окровавленные тела грудами лежали вокруг покореженных зеркал в неглубоких, вырубленных в лаве траншеях за гребнем. Тут и там бились в предсмертных судорогах верблюды. Бени-Энз, едва ли половина от тех, кто вслед за Прайсом устремились в атаку через вади, быстро обшаривали мертвых, грузя добычу на дромадеров.

За их спинами, на черном дне долины, лежали груды искрящегося на солнце льда, так недавно бывшего и людьми, и верблюдами. Там замер покрытый серебристым инеем танк.

Прайс повернулся к горе.

В нескольких милях от гребня, на котором он сейчас стоял, начинались мрачные базальтовые стены, поднимавшиеся на добрых две тысячи футов к сияющему великолепию золотого дворца настоящих хозяев этой страны.

С вершины самой высокой башни в небо все еще бил веер цветных лучей. А над ними все так же парил странный и зловещий мираж.

Золотая женщина, сидящая на своем гигантском змее, встретила взгляд Прайса презрительной, насмешливой улыбкой. Она слегка пожала плечами, словно желая сказать: «Может, вы и победили. Ну и что с того?»

— Маликар! — с ужасом в голосе вдруг воскликнул один из арабов. — Маликар едет сюда на золотом тигре!

Опустив взор, Прайс и в самом деле увидел золотого тигра, большими прыжками несущегося по черной лавовой равнине. Гигантское животное размером со слона несло на спине в седле из черного дерева самого Маликара.

Тигр приближался необычайно быстро. Со страхом переглянувшись, воины Бени-Энз торопливо увязали последнюю добычу и повели верблюдов назад, через вади, под защиту ревущего оружия

белых людей.

Глава шестнадцатая. Странные очи змея

Был полдень. Безжалостное белое солнце заливало палящими лучами и лавовую равнину, по которой бежал золотой тигр, и угрюмые стены Хаджар-Джеханнума. Вокруг — ни ветерка, только жаркое марево дрожало над черными камнями.

Немного поразмыслив, Прайс решил отойти в долину, которую только что пересек такой дорогой ценой. Ему не хотелось отступать перед одним-единственным человеком. Впрочем, Прайс был совсем не уверен, что Маликар и в самом деле человек. Так или иначе, оказаться под прикрытием орудий Якоба Гарта совсем не помешает.

На полпути через вади он остановил своих арабов и послал Гарту записку, сообщая о победе и о приближении Маликара.

Вскоре желтый тигр появился на гребне среди разбитых зеркал и трупов. Пару мгновений он стоял там, а потом громыхнули пушки Якоба Гарта.

Прайс услышал свист шрапнели. Увидел столбы разрывов совсем рядом с замершим в неподвиж-

ности тигром.

И тут произошло нечто странное.

Поднявшись в седле, Маликар обернулся к висящему в небе миражу. Он вскинул вверх руки, и, отвечая на его призыв, желтая женщина что-то сказала золотому змею.

Металлическим блеском сверкнуло невозможно огромное чешуйчатое тело. Змей пошевелился. Взметнулась длинная стройная золотая шея, высоко вверх поднимая плоскую широкую голову. Она медленно качалась из стороны в сторону. Гипнотически сверкали черные с пурпурным отливом глаза.

Прайс попытался отвернуться... и не смог! Страшные, холодные и безжалостные очи змея словно незримыми цепями приковали к себе взгляд. Американец не мог пошевелиться и едва дышал. В голове гудело, во рту внезапно пересохло, в горле застрял ком.

Как сквозь сон, Прайс слышал, что звуки стрельбы смолкли. Он знал, что не только он — все кругом попали под власть этого невероятного, невозможного паралича.

Глаза змея ослепительно горели холодной силой абсолютного зла. В них читалась какая-то черная мудрость... знание более древнее, чем весь

род человеческий. В них билась всеподавляющая, несокрушимая воля.

Прайс отчаянно старался отвести взгляд. Он не хотел, не мог сдаться! Он не даст какой-то там змее, пусть даже и золотой, себя загипнотизировать. Это вопрос силы воли. Он не подчинится!

Его голова сама собой поворачивалась, следя за покачиваниями змея. Прайс напрягся. Складывалось впечатление, что змей почувствовал сопротивление и нарастил энергию своего гипноза. Сжав зубы, Прайс судорожным движением рванул голову вниз.

Все его силы ушли в это движение. И холодная сеть зла лопнула. Он был свободен. Слабый, дрожащий, едва стоявший на ногах, но свободный!.. Собравшись с духом, Прайс поднял глаза на змея. И прежний паралич не вернулся! Прайс доказал свое превосходство.

С чувством огромного облегчения Прайс огляделся по сторонам. И увидел совершенно кошмарное зрелище.

Вокруг него стояло, будто обратившись в каменные статуи, несколько десятков воинов Бени-Энз. Все они как завороженные (так оно, впрочем, и было) глядели в колышущийся в небе мираж. Глядели молча, с бессильным ужасом на белых как

смерть лицах. А тем временем Маликар убивал их одного за другим.

Золотой великан слез со своего тифа, которого оставил в полусотне ярдов от оцепеневших людей, и, быстро переходя от одной неподвижной фигуры к другой, методично вонзал им в грудь свой длинный обоюдоострый меч.

Воины стояли, не отводя глаз от миража, и не могли вырваться из-под кошмарной власти змея. Они не знали, не ведали о близости Маликара. Направляемый опытной рукой, золотой клинок пронзал их сердца, и один за другим люди падали на песок.

Вне себя от ярости, Прайс кинулся на Маликара. Он что-то кричал. Потом Прайс и сам не мог вспомнить, что именно.

Маликар удивленно повернулся. С его красного одеяния стекала алая кровь. На миг в прищуренных желтых глазах вспыхнул страх. Затем, подняв меч, он бросился навстречу Прайсу.

Парировав удар щитом, американец рубанул топором. Маликар отпрыгнул, но недостаточно быстро. Древний золотой клинок зацепил его плечо, и окровавленный меч со звоном выпал из внезапно обессилевшей руки.

Прайс продолжал атаковать. Однако удача и

на сей раз повернулась против него. Неудачно шагнув, он поскользнулся на камне и тяжело упал на колени. Прайс тотчас вскочил на ноги, но Маликар уже успел отскочить за пределы досягаемости топора. Подняв с земли тяжелый кусок лавы, золотой человек с невероятной силой запустил им в Прайса. Тщетно американец пытался увернуться. Он почувствовал, как камень ударил его по голове. Перед глазами вспыхнуло алое пламя, и все померкло.

Когда Прайс со стоном оторвал голову от земли, солнце уже успело скрыться за горизонтом. С севера дул прохладный ветерок, который, собственно, и привел Дюрана в чувство. На лавовые поля уже опустилась ночь, но бело-золотой дворец на вершине базальтовой горы еще сверкал розовыми отблесками заката. Мираж исчез.

Оглядевшись, Прайс увидел, что лежит там, где его свалил камень Маликара. Все дно небольшой долины было усеяно грудами оттаявшей плоти. Рядом лежали воины, зарезанные Маликаром.

На всем поле живым был, похоже, один Прайс. Маликар исчез вместе с тигром. Пропали Бени-Энз, и бедуины Фархада, и Якоб Гарт со своими людьми. Остались только мертвые да серая глыба танка, застывшая там, где ее остановил замора-

живающий луч.

Со жгучим отчаянием Прайс понял, что Маликар снова одержал верх. С горечью он вспомнил камень, так не вовремя подвернувшийся у него под ногой. Удача Дюранов опять подвела Прайса.

Союзники Прайса, похоже, отступали в безумной спешке. Возможно, они, как и сам Дюран, разорвали силы змеиного гипноза и, освободившись из-под чар, устремились в бегство. То, что они бросили и танк, и самого Прайса, и вещи павших воинов, говорило само за себя.

Прайс знал, что после этого поражения Бени-Энз уже никогда больше не пойдут за ним. Иру наверняка потеряет свое влияние. А Айса... прелестная Айса, серьезная и веселая, задумчивая и улыбающаяся, отважная беглянка среди безжизненной пустыни... Айса все еще оставалась пленницей в горной крепости золотых людей.

Что-то просвистело мимо головы Прайса, со стуком ударившись в устилавшую дно вади лаву. За его спиной послышался топот ног, кто-то громко и яростно закричал.

Все еще не пришедший окончательно в себя, американец, шатаясь, поднялся на ноги и повернулся навстречу своему противнику.

Подняв над головой кривой ятаган и волоча

правую ногу, к нему, как мог, бежал человек — высокий араб в синем жреческом одеянии. Видимо, ему, как и Прайсу, посчастливилось уцелеть во время битвы. Половина лица у него была залита кровью, из-под которой выглядывал чудом уцелевший, горящий фанатичной ненавистью глаз. На лбу его Прайс разглядел желтое клеймо в виде свернувшейся кольцами змеи.

Глава семнадцатая. Раб змея

Прайс Дюран с трудом стоял. Земля качалась у него под ногами, голова прямо-таки раскалывалась от боли. Он зашатался и едва удержал равновесие на безумно кружащемся вокруг, усеянном камнями дне вади.

Черный базальтовый монолит Хаджар-Джеханнума с кошмарно сверкающим замком на вершине высился сперва с одной стороны, потом с другой. Волна беспамятства накатилась на Прайса — и отхлынула. Пустыня под ногами вновь обрела покой.

На мгновение Прайс Дюран потерял из виду своего врага. Но потом снова увидел раненого араба, размахивающего золотым ятаганом. Он даже не хромал, а скорее волочил за собой одну ногу. В его глазах на залитом кровью лице горел огонь фанатичного убийцы.

Борясь с головокружением, Прайс начал отступать. Американец хотел выиграть время и хоть немного прийти в себя. Где-то там, позади, лежал золотой топор, однако времени поднять его уже не было. Да и все равно сил наверняка не хватило бы.

Прайс споткнулся на неровно застывшей лаве и едва не упал. На сей раз устоять на ногах оказалось уже проще. Силы пусть понемногу, но возвращались.

Дыша словно загнанная лошадь, прыгающий на одной ноге жрец взмахнул над головой ятаганом. Прайсу не оставалось ничего другого, как нырнуть под удар, одной рукой перехватывая запястье араба. Но несмотря на все его усилия, желтый клинок, зазвенев о золотую кольчугу, рубанул Прайса в бок. Дюран и жрец вместе повалились на землю.

Араб, словно безумный, силился вырваться из объятий противника. Всеми силами он стремился высвободить ятаган для нового, более точного удара. До крови закусив губу, Прайс не отпускал рук.

Даже сейчас, во время борьбы, он с каждой секундой чувствовал себя все сильнее и сильнее. Туман, окутывавший сознание, рассеивался, движение разгоняло кровь, заставляя сердце биться чаще. Что же касается раненого жреца, то его поддерживала только слепая ненависть — не. самая лучшая опора для долгой драки.

Рывки араба слабели, и наконец он замер, потеряв сознание. Рана на его ноге открылась при

падении, и из нее тонкой струйкой сочилась кровь.

Взяв себе ятаган, Прайс откатился в сторону и с усилием поднялся на ноги. Тяжело дыша, он подозрительно поглядывал на лежащего жреца.

— Мистер Дюран? — неожиданно раздалось у него за спиной.

Круто повернувшись, американец увидел перед собой Сэма Сорроуза, шатающегося под кучей каких-то пакетов в руках.

— Неужели это ты, Сэм?!

— Собственной персоной, мистер Дюран. Я так и думал, что это вы в золотой кольчуге. Но я никак не ожидал увидеть вас в живых. Мне казалось, что, кроме меня, не уцелел никто.

— Я тоже так думал, Сэм. Похоже, нас осталось в живых трое.

— Трое?

Прайс показал на валяющегося без сознания араба.

— Свяжите его, — посоветовал Сэм. — Свяжите и пойдемте со мной. Я тут набрал кое-чего на ужин.

Канзасец кивнул на пакеты, которые держал в руках.

Прайс связал жреца по рукам и ногам кушака-

ми мертвых воинов Бени-Энз, наскоро перевязал ему рану на бедре, оказавшуюся не такой уж и тяжелой, и вслед за Сэмом отошел к танку. Тот уже раскладывал на броне свою добычу — небольшие мешочки с сухофруктами, мукой грубого помола и кусочками сухого верблюжьего мяса. И еще — полный бурдюк воды.

— Нашел в окопах, — сказал Сэм, кивая на склон вади, где днем находились позиции жрецов.

Присев у гусеницы, два американца с жадностью набросились на еду.

— Броня не защитила вас от зеркал, — сказал Прайс, утолив первый голод.

— Увы, — кивнул Сэм. — Со мной был Мэсон — погиб. Я сидел внизу, за рычагами. Наверное, прикрытие у меня оказалось чуть получше. Но я вырубился. И надолго. А когда очухался, то чувствовал себя словно с похмелья. Да и замерз как цуцик. Дрожал весь. Мэсон наверху уже и окочекеть успел. Ну, я и полез на солнышко.

Высунулся я, значит, из люка, а кругом арабов полным-полно. И тишина. Все замерли, будто пугала, и пялятся в небо, на мираж. А там змеюка качается. Всех их околдовала. Я-то на нее лишь разок всего и глянул, уж вы мне можете поверить!

Потом, гляжу, тигр рядом стоит, громадный,

черт, словно слон. И седло на нем. И этот желтый тип ходит и приканчивает тех парней, что пялятся на мираж. Одного за другим.

А затем вы напали на того желтого типа, и он свалил вас куском камня.

Где-то в это же время начали приходить в себя и остальные. Я услышал, как бухнула пушка. Желтый человек вскочил на своего тигра и дал деру, а арабы сломя голову рванули туда, откуда мы пришли. Тогда-то я и спрятался обратно, а то шрапнель снова стала посвистывать.

— А Якоб Гарт? — поинтересовался Прайс. — Все ушли?

— Похоже, что так. Когда я в прошлый раз вылезал наружу, они вроде бы паковали орудия. Наверно, с них хватило.

— И что ты теперь собираешься делать?

— Честно говоря, я чувствую себя не так чтобы очень, — усмехнулся Сэм. — Час тому назад мне было совсем тоскливо. Тогда я пошел поискать еду. Думал провести ночь здесь, а поутру попробовать вернуться в оазис. Вам как это, нормально? Мы будем там к полудню.

Прайс молча кивнул. Сейчас он думал о другом.

Вернувшись через час к своему пленнику,

Прайс обнаружил, что жрец пришел в сознание.

— Кто ты? — спросил его Прайс на старинном диалекте Бени-Энз.

Жрец ничего не ответил, но по тому, как он упрямо стиснул зубы, Прайс догадался, что вопрос тот прекрасно понял.

Вернувшись к танку, где Сэм копался в моторе, готовясь к утреннему маршу, Прайс взял наполовину полную канистру с водой.

Дав пленнику послушать, как плещется вода, Прайс повторил свой вопрос. Араб по-прежнему молчал.

Полчаса спустя, когда Дюран был готов уже отказаться от своего плана, жрец пошевелился.

— Я Криор, — слабым голосом сообщил араб. — Раб змея, под властью жреца Маликара.

И он взмолился о глотке воды.

— Нет, — твердо ответил Прайс. — Если хочешь пить, ты должен сперва ответить на мои вопросы и обещать помощь.

— Я поклялся служить змею, — прошипел жрец. — Ты, Иру, древний враг и змея, и Маликара. Если я предам своих господ, очи змея найдут меня в ночи и уничтожат.

— Я позабочусь о твоей защите, — заверил его Прайс. — Забудь о змее. Если хочешь пить,

служи мне.

Араб долго молчал, мрачно глядя в усыпанное звездами небо. Прайсу было его даже немного жалко.

— Да будет так, — наконец сказал араб. — Я отрекаюсь от змея и от службы Маликару. Я твой раб, Иру. И не забудь о защите.

— Не забуду, — пообещал Прайс.

Но в голосе пленника Дюрану послышалась какая-то фальшь, которая ему очень и очень не понравилась. Да и сдался жрец слишком уж легко. Прайс жалел, что ночь недостаточно светла и что он не видит лица араба.

— Теперь дайте мне воды, господин Иру.

— Сперва докажи свою преданность. Ответь мне на вопрос: где находится девушка по имени Айса? Та, которую Маликар привез из Энза?

Жрец заколебался.

— Айса спит в золотом тумане, в логове змея, — неохотно сказал он.

— И где это? Где логово змея?

— Под горой. В храме над пропастью золотых туманов.

— Ты говоришь, она спит. Что это значит? Надеюсь, ты не хочешь сказать, что она мертва?

— Нет. Она спит долшм сном золотого пара.

Маликар оказал ей честь. Она станет одной из золотых людей.

— Ну-ка, объясни мне поподробнее, — с угрозой в голосе потребовал Прайс. — И говори ясно. Итак, что это за золотой туман?

И снова араб заколебался, глядя на Прайса глазами, из которых еще не полностью улетучилась былая ненависть.

Дюран многозначительно поболтал канистрой.

— В пещерах под горой из-под земли поднимается золотой пар, дыхание жизни. Вдыхающие его засыпают. Во сне они становятся золотыми. И бессмертными.

— Значит, Айсу превращают в золото? — не веря своим ушам, переспросил Прайс.

— Да. Скоро ее кровь станет золотой. Когда девушка проснется, она станет жрицей змея. И Викиру поистине не радует, что она надоела Маликару.

— Викира? — навострил уши Прайс. — А это кто такая?

— Старая жрица змея. Золотая женщина. Жрица... и любовница Маликара.

— Значит, это ее мы видели в мираже над дворцом?

— В мираже? Да, ее. Викира еще и владычица тени. Так просто Маликару избавиться от нее не удастся.

Прайс не слишком доверял откровениям жреца. Не стоит ожидать правды от беспомощного связанного пленника, который еще час назад собирался перерезать тебе глотку. Кроме того, в голосе араба нет-нет да и проскальзывали нотки ненависти и плохо скрытого презрения. Но умирать жрецу явно не хотелось. А значит, откровенно врать он, наверное, не станет. Тут уж такая игра, кто кого перехитрит.

Действительно ли Айсу превращали в золотое существо? Вполне вероятно, что это безумная выдумка коварного жреца. Впрочем, рассказ звучал достаточно невероятным, чтобы все-таки оказаться правдой. Или, во всяком случае, частью правды.

— Ты знаешь, как нам тайно пробраться внутрь горы? — спросил Прайс. — Туда, где находится Айса? Как насчет туннеля с золотыми воротами? Его всегда охраняют или нет?

Криор молчал.

— Отвечай! — потребовал Прайс. — Говори, ты можешь отвести меня к девушке?

— Страшна месть змея и Маликара, — дрожа,

пробормотал жрец.

— Не забывай, я обещал тебе защиту.

— Но я ранен, — возразил араб. — Я никогда не дойду до горы.

— Твои раны не так серьезны, как тебе кажется, — заверил его Прайс, — Завтра ты уже сможешь ходить, хотя и не без труда. А теперь говори.

— Вам никогда не пройти через ворота. Они всегда заперты и тщательно охраняются.

— Может, есть другой путь?

И опять жрец заколебался, заерзав на камнях:

— Такой путь действительно существует, господин Иру... Но он опасен.

— И где же он?

— В верхней части северной стены есть трещина, так можно попасть в большую пещеру. Оттуда есть проход в туннели, ведущие к пропасти золотых туманов. Но велика опасность этой дороги. Подъем на стену труден, а над логовом змея дежурят стражники.

— Как только ты снова сможешь ходить, мы отправляемся в путь, — спокойно произнес Прайс. — И пеняй на себя, если ты сказал мне неправду.

Он принес арабу воды и, ослабив путы, стягивавшие его руки, дал поесть. Когда жрец закончил, Прайс снова туго затянул узлы.

Той ночью Прайс и Сэм спали по очереди. Сидя у танка в долгие часы своей вахты под холодным светом далеких звезд, Прайс много думал о том, куда привела его дорога в затерянном среди песков мире Бени-Энз. Он думал о том, что делать завтра.

Утром он мог бы вместе с Сэмом вернуться в Эль- Ярим. И приключение на этом закончится. Бени-Энз, Прайс был в этом уверен, не захотят больше сражаться под его командованием. И присоединиться опять к отряду Якоба Гарта он тоже не сможет.

Короче, если он вернется, то ему не останется ничего другого, как раздобыть пару верблюдов и на свой страх и риск прорываться к цивилизации. Он никогда не узнает ответа на загадки, с которыми ему довелось столкнуться в последние дни. Не узнает тайны миража и золотых людей. И что еще хуже, никогда больше не увидит Айсу.

С другой стороны, он может остаться с Криором и, когда тот встанет на ноги, отправиться на штурм горы. Это был совершенно безумный план. Араб явно ненавидит белого пришельца и, несомненно, предаст его при первой же удобной возможности. А такая возможность ему наверняка представится. И очень скоро.

Казалось почти невероятным, чтобы удалось проникнуть внутрь горы и выйти оттуда живым. И однако Прайс не колебался. Другого решения он принять просто-напросто не мог.

— Будем в лагере к полудню, — весело сказал Сэм за завтраком.

— Я не поеду.

— Что?!

— Я попытаюсь пробраться внутрь горы. Если все пройдет хорошо, наша синяя птичка проведет меня секретной тропой. Пока он не сможет ходить, мы будем прятаться здесь.

— Но мистер Дюран! — вскричал Сэм. — Я... Мне бы не хотелось, чтобы вы это делали! Не верю я что-то этому типу. Скользкий он какой-то. Как... как змея.

— Я тоже ему не доверяю. Однако другого выхода у меня нет.

Сэм Сорроуз покачал головой, испытующе поглядел на Прайса и, улыбнувшись, крепко пожал ему руку:

— Удачи вам, мистер Дюран. Сумасшедшее дело вы затеяли, сэр. Но, может, оно у вас и выгорит. Я оставлю вам бурдюк и жратву. А не хватит, покопайтесь в траншеях. Я наверняка подобрал там не все.

Полчаса спустя танк с лязгом покатил в сторону оазиса.

Привязав веревку к шее своего пленника, Прайс отконвоировал его в укромное место среди камней в полумиле ниже по вади. Криор хромал и стонал, но идти мог.

Два дня Прайс держал араба связанным. Время шло, и раны понемногу затягивались. Вечером второго дня, когда Прайс спал, арабу удалось освободиться.

Разбуженный каким-то шестым чувством опасности, а быть может, просто шорохом шагов жреца или его осторожным дыханием, Прайс открыл глаза и увидел над собой Криора с тяжелым куском базальта в руках.

Глава восемнадцатая. Золотой иней

Схватив золотой топор, всегда лежавший у него под рукой, американец с быстротой молнии откатился в сторону. И в тот же миг громадный камень с грохотом обрушился на то место, где только что была его голова.

Одним движением Прайс вскочил на ноги. Араб начал было отступать, но, поняв, что ему не спастись, замер на месте. Скрестив руки на груди, он смотрел на Прайса полными ненависти глазами.

— Убей меня, Иру, — пробормотал он. — Сразу меня, дабы мог я попасть в бездонную пропасть великого змея.

— Ничего не выйдет, приятель, — покачал головой Прайс, опуская занесенный для удара топор. — Если ты можешь напасть на меня, то можешь и ходить. А раз так, то сегодня же ночью поведешь меня к Айсе. Луна будет яркая. А раскроить тебе череп я всегда успею.

— Хорошо, Иру, — согласился Криор с покорностью, которая очень не понравилась Прайсу. — Раз боги сочли нужным разбудить тебя, я не стану больше искушать судьбу. Пусть все будет так, как ты хочешь.

Снова завязав веревку на шее пленника, чтобы тот не убежал, Прайс стал готовиться к выходу. Прикончив остатки еды и воды, они пошли через лавовые поля к черневшей в ночи горе.

Пять миль по прямой. Восемь или даже девять — до нужного им северного склона. Держа веревку в руке, Прайс заставил своего проводника идти впереди. Где-то после полуночи они добрались до базальтовых стен вулканического конуса.

Луна повисла почти над горизонтом. Здесь, в тени горы, царил мрак. Криор сказал, что подняться в темноте невозможно, и потому Прайс решил ждать рассвета. Араб громко храпел и, похоже, действительно спал. Прайс же не выпускал из рук топора и боялся смежить веки.

Веревку он все время держал натянутой. Уже на рассвете она ослабла. Американец понял, что жрец решил еще раз попытать счастья. Выждав мгновение, Прайс что есть силы дернул за веревку, и араб растянулся на камнях, оправдываясь, что он только хотел размять затекшие ноги.

С первыми лучами солнца путники начали подниматься по узкому проходу между базальтовых колонн. Жрец лез первым. Прайс, привязав веревку себе к поясу, чтобы освободить руки, двигался следом.

За полчаса трудного лазания они поднялись на три сотни футов по почти отвесной скале. И вот шедший впереди Криор выбрался на узкую полочку. Тут он мог стоять, не держась руками, и араб не преминул этим воспользоваться.

Выбрав момент, когда Прайс оказался на особо сложном участке, он начал отвязывать стягивающую его горло веревку. Если бы ему это удалось, он запросто мог бы потом столкнуть своего врага со скалы. Ставкой в игре была жизнь.

Прайс лез изо всех сил. Он отчаянно рисковал, но для осторожности времени не оставалось. Араб уже распустил первый узел, однако Дюран, предвидя подобную ситуацию, предусмотрительно завязал несколько узлов.

Наконец, дрожа от напряжения, Прайс выбрался к трещине, позволившей ему освободить одну руку. Быстро отцепив веревку, американец дернул за нее, едва не сорвав жреца со скалы.

— Давай двигайся, — приказал он. — И чтобы веревка не провисала.

Рыча от ярости, араб бочком протиснулся в узкую расселину над полкой. Прайс, держа веревку натянутой, последовал за ним.

Путники очутились в небольшой полутемной пещере. По низким проходам они пробирались

из одного мокрого и темного зала в другой. Свет дня остался далеко позади. Стены и пол здесь явно были созданы природой. Иногда проходы становились такими тесными, что через них даже и пролезть-то было не просто. Дважды арабу и следующему за ним Прайсу приходилось ползти на коленях.

Снова и снова Прайс заставлял жреца держать веревку натянутой. Он задавал своему проводнику бесконечные вопросы, чтобы по ответам судить, где тот находится.

Наконец они добрались до большого зала. В темноте Прайс не мог понять его размеров, но, судя по эху, эта камера и впрямь была громадной.

Прайс насчитал двести шестьдесят шагов от одной стены до другой. Он пытался запомнить и направления, и расстояния — надо же будет вывести отсюда Айсу. Если он сумеет-таки ее найти.

— Здесь мы входим в подземные коридоры дворца, Иру, — сказал Криор.

— Значит ли это, что в них будут люди?

— Думаю, нет. Тут редко кто бывает.

— Давай-ка немного вернемся.

Потянув за веревку, Прайс оттащил жреца обратно в зал.

— Тихо! — прошипел он, когда Криор попы-

тался закричать. — Я не собираюсь тебя убивать. Ложись на пол!

Чиркнув спичкой, американец убедился, что жрец выполнил приказ. Затем он заткнул ему рот носовым платком и для верности завязал широким кушаком.

— Вставай, — приказал Прайс. — И веди меня к Айсе. Как только я с ней отсюда выйду, ты свободен.

Криор неохотно пошел дальше, из промытой водой пещеры в вырубленный человеческими руками коридор с гладкими стенами и полом. Через двести восемьдесят шагов араб свернул налево, в более широкий наклонный проход, такой же темный, как и предыдущий. Жрец уверенно направился вниз.

Вдруг впереди на стене заиграли зеленые отблески, заплясали гротескные, фантастически увеличенные тени.

Рывком веревки Прайс остановил своего проводника.

— Это еще что такое? — прошептал он. И, тут же вспомнив, что Криор все равно не сможет ему ответить, приказал: — Назад, быстро!

Жрец не пошевелился, и Прайс ничего не мог с ним поделать. Сам он понятия не имел, где тут

можно спрятаться. Да и бороться сейчас с арабом — значило только поднять шум и привлечь к себе ненужное внимание.

Ярдах в пятидесяти впереди из бокового тунеля показались три фигуры в синем. Две из них несли в руках длинные пики с широкими золотыми наконечниками, а третья — факел, горящий странным ярко-зеленым светом.

Криор безуспешно попытался закричать сквозь кляп, и Прайс яростно дернул за веревку.

Жрецы остановились у развилки. Они о чем-то разговаривали, и копьеносцы дружно рассмеялись, словно удачной шутке. Потом они повернули в тот же проход, где замерли Прайс и его пленник. Но, к счастью, пошли в другую сторону.

Яркий факел отчетливо высвечивал черные тени на зеленом фоне. Понемногу фигуры удалялись, и наконец свет угас. Жрецы завернули за поворот.

В проходе вновь стало темно. Погасли отблески на стенах.

— Веди, — прошептал Прайс. — И не пытайся больше поднять тревогу.

И снова они шли в темноте. Арабу, казалось, свет и не требовался. Прайс держал веревку в натяжении и считал шаги.

Криор опять свернул налево, в коридор, круто уходящий вниз и плавно загибающийся налево. Уклон, по оценке Прайса, составлял один фут к четырем пройденным. Считая шаги, он мог примерно определить глубину спуска.

Когда Прайс в первый раз обратил внимание на желтоватое свечение, они спустились уже на восемьсот ярдов. Это означало, что по закрученному спиралью туннелю путники забрались почти на три сотни футов ниже уровня лавовой равнины.

Смутное золотое свечение сперва было едва заметно. Но чем ниже они спускались, тем ярче оно становилось, пока не превратилось в настоящий желтый туман из крохотных, пляшущих в воздухе частиц.

Теперь Прайс уже мог разглядеть стены туннеля — черный вулканический базальт, вырубленный так гладко, что следы орудий были почти незаметны. В ширину проход достигал что-то около восьми футов, в высоту чуть больше.

Двумя сотнями футов ниже они подошли к выходящему в спиральный коридор горизонтальному туннелю. И тут Прайс услышал снизу голоса. Мужской и женский. Громкие, возбужденные, сердитые.

— Давай сюда! — прорычал он Криору, застав-

ляя араба свернуть в горизонтальный проход.

Светящийся, мерцающий желтый туман наполнял туннель призрачным сиянием.

Прайс внезапно вспомнил слова Криора: мол, Айса спит в глубине горы в золотом паре, который понемногу превращает ее в существо из живого металла. Неужели этот странный светящийся туман и есть золотой пар? Неужели фантастический рассказ жреца не более чем чистая правда?!

Шагая вслед за мрачным арабом по коридору, Прайс заметил одну удивительную вещь. Стены прохода были покрыты желтым инеем. На гладко дбтесанном черном базальте лежал толстый слой блестящих кристаллов, ажурная вязь золотых чешуек. Даже пол и тот был покрыт ими. Золотой иней!

Это было потрясающе. Блестящие кристаллы, Прайс в этом не сомневался, осели на стенах из желтого тумана. Значит, и сам туман содержал невероятное, никогда раньше не встречавшееся белым людям соединение золота. Соединение, созданное в природных лабораториях вулканических разломов.

Прайс немного представлял себе процесс окаменения, когда каждая клеточка, каждая ткань заменяется минералом, на миллионы лет сохра-

няя образ животного. В определенных условиях замена, наверное, может осуществляться и золотом.

Но способна ли такая замена произойти так, чтобы не погубить при этом саму жизнь?

Если замена производится чистым золотом, то, очевидно, нет. Но этот золотой туман не был чистым золотом. Чтобы существовать в виде пара при таких температурах, соединение должно обладать точкой кипения примерно как у воды.

Вода — основа жизни. Основа всех белковых систем. Неужели золотой туман, выделенный в громадной природной реторте вулкана, мог заменить воду в живом организме, не нарушив химического баланса? Идея казалась невероятной, но, судя по всему, не такой уж и невозможной.

Глубоко задумавшись, Прайс на миг забыл о своем пленнике. А очнувшись, внезапно обнаружил, что веревка висит свободно. Он вышел из туннеля на узкий балкончик с невысоким каменным ограждением. За парапетом клубился золотой туман.

Тут-то на Прайса и прыгнул притаившийся рядом с выходом жрец.

Глава девятнадцатая. Власть над змеем

Еще даже не увидев, а только почуяв угрозу, Прайс инстинктивно выпустил из рук веревку, тянувшуюся к шее араба, и, прыгнув вперед, поднял боевой топор. Криор, похоже, ничего другого и не ожидал. Не помышляя даже о самоубийственной атаке, он, подобрав веревку, опрометью кинулся по коридору назад к винтовому проходу.

Прайс устремился в погоню. Однако хромота жреца куда-то подевалась, и Дюран никак не мог его догнать. Добежав до спирального туннеля, американец огляделся. По воздуху плыл золотой туман. Жрец успел исчезнуть.

Проклиная свою неосмотрительность, Прайс не мог не восхищаться упорством Криора. Он был врагом, прислужником злобного Маликара, и при каждом удобном случае пытался убить Прайса. Все так. Но его упорство, коварство и изобретательность делали жреца достойным противником.

Какой-то миг Прайс заколебался, не зная, куда идти. Вернуться на балкон или же продолжить прерванный спуск? Любопытство влекло его

на балкон — в краткий миг перед нападением араба Прайс успел заметить там кое-что весьма интересное.

Балкон оказался футов двадцати в ширину и около сорока в длину. Под ним, за невысоким каменным парапетом, лежал колоссальный, высеченный в толще скалы круглый зал около четырехсот футов в поперечнике. Над головой простирался громадный купол, покрытый, как и стены, желтым инеем золотых кристаллов. И весь этот необъятный зал был полон клубящегося желтого тумана.

Осторожно подобравшись к парапету, Прайс заглянул вниз.

До пола было несколько сот футов — припорошенный, как и все вокруг, золотым инеем, он находился на противоположной от Прайса стороне зала. Прямо под балконом пола не было. Здесь скала обрывалась в бездонную пропасть, до краев залитую светящимся желто-зеленым маревом.

Перегнувшись через парапет, Дюран разглядел внизу мост — узкую полоску, протянувшуюся от одного края пропасти до другого, невидимого Прайсу.

Весь этот зал напоминал театр. Половина пола

была сценой. Пропасть, через которую протянулся невероятно узкий мостик, была оркестровой ямой... бездна. Балкон, на котором стоял Прайс, — единственной зрительской ложей.

Прайс все еще разглядывал зал, когда на сцене появились актеры.

Из бокового прохода на устланный золотом пол вышли Маликар и Викира. С балкона они казались крохотными, словно игрушечными.

Маликар, золотой мужчина, с которым Прайсу уже дважды довелось сразиться. Широкоплечий, желтобородый, одетый во все красное, с красным шлемом на голове. В руке он держал свернутый кольцами тяжелый и длинный кнут.

Викиру Прайс видел впервые, если не считать, конечно, видений в мираже. Ее необычная красота, дикая и страстная, не могла не поражать. Стройная желтокожая женщина оделась во все зеленое. Красно-золотые волосы были перетянуты широкой черной лентой.

Они шли и, похоже, о чем-то спорили. Или ругались. Прайс сразу понял, что это их разговор он слышал в спиральном коридоре. И теперь тоже до Прайса доносились голоса золотых людей. Высокий и чистый голос Викиры и резкий, неприятный — Маликара.

О чем именно шла речь, Прайс, увы, разобрать не мог. Золотые люди говорили очень быстро, и голоса их таяли в гулком эхе, плывущем по громадному залу.

Внезапно Викира отскочила от Маликара. Она побежала по пандусу к каменной платформе, чем-то напоминающей алтарь. Только теперь Прайс заметил эту спрятанную в нише платформу. И то, что на ней лежало.

Только сейчас он заметил золотого змея. Настоящую золотую рептилию, чье изображение он видел в парящем над замком мираже. Огромный и неподвижный, змей лежал на алтаре, и его золотая чешуя поблескивала в желтом сиянии тумана.

Остановившись перед ним, Викира начала петь. Она подняла обнаженные желтые руки, словно призывая змея к чему-то. Песня лилась, маняще-сладкая, и в ней бился древний, непривычный для человеческого уха ритм.

Треугольная голова змея качалась в такт с пением Викиры. Пурпурно-черные глаза неотрывно следили за женщиной. И вот змей медленно вытянул шею, опустив голову на уровень плеч Викиры.

Песня замерла. Викира подбежала к змею и в

странной ласке обняла его толстую, похожую на колонну шею. Она нежно погладила широкую плоскую голову.

Прайс услышал гневный крик Маликара. Явно недовольный происходящим, жрец быстро шел к платформе, помахивая на ходу кнутом.

Отскочив от змея, Викира побежала ему навстречу. Странным звенящим звуком она позвала за собой золотого змея.

Развернув толстенные кольца, рептилия неторопливо поползла вслед за женщиной. Теперь Прайс видел, что это чудище было больше самого огромного удава — футов пятьдесят в длину, никак не меньше.

Викира остановилась у подножия пандуса, но змей, проскользнув мимо нее, продолжал ползти к Маликару. Он полз, высоко подняв треугольную голову. Дрожал в пасти яркий раздвоенный язык. Сверкали длинные золотые клыки. Сердито шипя, змей бросился на Маликара, и его шипение гулким зловещим эхом отдалось под сводами громадного зала.

Маликар не пошевелился. Он смело стоял на пути гигантской рептилии. Голос его гремел, словно бронзовый гонг.

И змей остановился, замер перед Маликаром,

все еще недовольно и нервно шипя.

Викира бросилась вперед. Она что-то кричала, и, повинуясь ее приказу, змей нанес удар.

С удивительной ловкостью Маликар отскочил назад, одновременно взмахнув кнутом. Щелчок прогремел как выстрел. Змей отшатнулся. Грозя кнутом, Маликар пошел на противника, крича на него голосом, подобным грому.

Золотая рептилия уступала. Она еще шипела, но ее шипение понемногу сменялось неуверенным шепотом.

Но вот Викира вновь обняла змея за шею. Громче зазвенела мелодичная песня золотой женщины. И змей замер. Плоская голова нежно потерлась о тело Викиры.

Маликар продолжал наступать. Викира вновь обратилась к змею. Она приказывала ему, упрашивала, умоляла его, наконец. И змей снова перешел в атаку. Но неуверенно, как бы заранее не веря в ее успех.

Маликар яростно взревел и еще раз ударил змея кнутом. Дрожь пробежала по длинному сверкающему телу змея, и он снова замер. Черно-пурпурные глаза, не отрываясь, глядели на Маликара. Верховный жрец ударил опять, и на сей раз змей даже не вздрогнул.

Опустив кнут, Маликар подал короткую резкую команду, и змей медленно и нерешительно вытянул к нему длинную шею. Клыкастая пасть рептилии была закрыта.

Викира пела, звала и ласкала своего могучего союзника... Все без толку.

Маликар несколько раз ладонью ударил змея по носу, и даже Прайс на своем балкончике услышал звон этих ударов. Потом жрец отдал новый приказ, и громадная плоская голова повернулась к Викире.

Женщина вскрикнула, и в голосе ее явственно прозвучал испуг.

Змей зашипел, словно ветер зашептал в сухих листьях.

Викира коротко вскрикнула. Охваченная ужасом (так, во всяком случае, это выглядело со стороны), она бросилась прочь, к проходу, по которому они с Маликаром вошли в подземный зал. Злобно шипя, змей быстро пополз за ней.

Через несколько секунд золотая женщина исчезла в туннеле, и змей остановился. Затем, повинуясь новой команде Маликара, он вернулся к алтарю. Свернувшись тугими блистающими кольцами, опустив тяжелую голову, не отрываясь глядел на верховного жреца.

И тогда Маликар начал бить его кнутом.

Кнут был длинный и у рукояти достигал в толщину человеческой руки. Обращался с ним Маликар весьма и весьма умело. Тонкий кончик кнута оглушительно щелкал. Змей вздрагивал от ударов. Волны катились по его могучему телу, но черно-пурпурные глаза все так же неотрывно глядели на Маликара. А тот, похоже, получал удовольствие от этой пытки.

Наконец Маликар остановился и долго стоял в неподвижности, задумчиво глядя на змея. Наконец очнувшись, жрец рукоятью кнута указал на алтарь и что-то приказал. Покоряясь его воле, желтый змей прополз к возвышению и, свернувшись в нише, замер, словно золотая статуя.

Маликар подошел к краю пропасти и долго смотрел на другую, не видимую Прайсу сторону. Туда, куда вел узкий, всего в две ступни шириной, мост.

Постояв на краю, жрец широкими шагами двинулся через пропасть.

Он прошел, наверное, около сотни футов и вдруг остановился.

Прайсу сперва показалось, что золотого человека одолело головокружение. Еще бы, ведь под ногами у него лежал провал, полный искря-

щегося желтого тумана. Провал бездонный, хак пустота между звездами.

Но нет, переложив кнут в другую руку, Маликар небрежно почесал затылок. Потом, словно вспомнив что-то очень важное, круто развернулся и быстро пошел обратно. Через минуту он уже скрылся в туннеле, в который недавно убежала Викира.

Глава двадцатая. Сон в тумане

Как зачарованный Прайс смотрел на странную борьбу Викиры и Маликара за власть над змеем. Он начисто забыл о сбежавшем пленнике. Все его мысли были поглощены разворачивавшимся перед глазами зрелищем.

Но когда Маликар покинул зал, Прайс вернулся к реальности. Дюран понимал, что если он не хочет попасть в лапы жрецов, то ему надо побыстрее покинуть этот балкон. И единственным выходом был тот самый проход, по которому Прайс сюда и попал.

Американец не собирался сдаваться. Он намеревался продолжить поиски в озаренных призрачным желтым светом туннелях.

Криор сказал, что Айса спит где-то здесь. Не оставалось ничего другого, как поверить в правдивость жреца. История казалась совершенно невероятной, и это отчасти подтверждало ее истинность. Решив соврать, Криор, наверное, выдумал бы что-нибудь более правдоподобное.

Добравшись до спирального коридора, Прайс начал осторожно спускаться и тут же услышал впереди шаги. Быстро вернувшись к горизонталь-

ному ходу, он спрятался за поворотом, плотно прижавшись к стене.

Несколько секунд спустя мимо прошествовал Маликар с недовольной гримасой на желтом лице, что-то бормоча себе под нос.

Дождавшись, когда гул шагов стихнет, Прайс выбрался из укрытия и продолжил прерванный спуск. Он бежал вниз, отчаянно вслушиваясь в тишину. Времени прошло довольно много, и Криор наверняка уже поднял тревогу.

Чем ниже Прайс опускался, тем гуще становился желтый туман. Еще тогда американец заметил странное щекочущее ощущение в носу и некоторую нехватку воздуха. Но, обеспокоенный более насущными проблемами, пренебрег опасностью золотого тумана.

Наконец туннель выровнялся. Еще немного, и Прайс вошел в большой круглый зал — тот самый, где в нише на алтаре спал гигантский змей. Покрытые золотым инеем стены поднимались на многие сотни футов. Прайс едва разглядел тот балкончик — наверху, под самым куполом, — с которого он наблюдал за всем произошедшим в этом зале.

Справа футах в восьмидесяти в нише лежал свернувшийся змей. От его вида Прайсу стало

как-то не по себе. Но рептилия, похоже, спала, уронив массивную голову на толстые золотые кольца. Страшные чернопурпурные глаза были закрыты.

До пропасти было футов двести. Дальше лишь желто-зеленый туман клубился над бездонным провалом да тонкая ниточка моста тянулась на другую сторону пропасти к широкой нише в базальтовой стене.

Мост этот, словно магнитом, притягивал к себе Прайса. С одной стороны, Дюран до смерти боялся выходить на него — он знал, что не сможет вот так запросто сохранить нужное спокойствие и хладнокровие, очутившись над головокружительной бездонной пустотой. С другой стороны, Прайс почему-то не сомневался, что найдет Айсу в нише на другой стороне провала.

Времени для колебаний не оставалось. Маликар мог вернуться в любой момент. Но даже если и нет, то Криор наверняка приведет сюда отряд вооруженных до зубов жрецов. Или, что еще хуже, гигантский змей может проснуться и обнаружить незваного гостя.

Не раздумывая. Прайс бесшумно направился к мосту. Змей не пошевелился. Добравшись до пропасти, американец вступил на узкую камен-

ную дорожку.

Гладкий, без каких-либо поручней или перил мостик не достигал в ширину и пары футов. Профессиональный акробат с великолепно развитым чувством равновесия перебрался бы на другую сторону без малейшего труда. Но Прайс, сделав всего несколько шагов, закачался. Голова у него закружилась, и он чуть не упал.

Поспешно зажмурившись, Прайс попытался вернуть себе утраченное было равновесие.

Он старался не глядеть вниз, однако пропасть под ногами так и притягивала его взор. Холодный пот выступил на лице Прайса. Он судорожно сжимал кулаки, так что ногти до боли вонзались в ладони, и заставлял себя идти быстро. Все что угодно, лишь бы поскорее оказаться на той стороне.

Отчаянным усилием воли Прайс пытался забыть о пропасти. Он старался думать только об Айсе. О той ночи, когда арабы Фархада поймали ее в пустыне и продали Жоао де Кастро. О другой ночи, когда вдвоем с девушкой он бежал из каравана. О сладких днях в забытом оазисе Энза.

Победив головокружение, Прайс быстро шел через мост.

Прайс прошел уже, наверное, половину пути,

когда вдруг отчетливо почувствовал, что ему нестерпимо хочется спать. Глаза так и слипались. Веки упорно не желали подниматься, словно кто-то привязал к ним тяжелый груз. Руки и ноги будто свинцом налились.

Мысли путались. Сон накатывал неудержимым морским приливом.

Собрав волю в кулак, Прайс брел сквозь золотой туман. И наконец с неописуемым облегчением увидел, что мост остался позади. Он перешел через пропасть. Он добрался до ниши. Но волны порожденного желтым туманом сна захлестывали его сознание.

С внезапной ясностью американец понял, что ему никогда не пройти по мостику в обратную сторону. Один неверный шаг, и он рухнет в бездонную пропасть. Полусонному, ему не удержаться от этого рокового шага.

Взяв себя в руки, Прайс оглядел нишу в скале. Это была скорее даже не ниша, а полукруглый грот диаметром около сорока футов. Золотой иней густым слоем покрывал черный базальт стен и округлого свода.

Внутри грота стояли четыре массивные продолговатые каменные глыбы, чем-то напоминающие большие широкие столы. Три плиты были пусты,

но на четвертой неподвижно лежало человеческое тело, завернутое в блестящие золотыми кристаллами одеяния.

Это была Айса. Грудь ее мерно вздымалась и опадала.

Подбежав к камню, Прайс с замиранием сердца посмотрел на спящую девушку.

Ее нежное лицо, как и все вокруг, было покрыто мельчайшими кристалликами золотого инея. Прайс похолодел. Он осторожно провел рукой по щеке девушки и с облегчением увидел, как осыпается золотая пыль, оставляя после себя чистую белую кожу.

Возможно, Айса и в самом деле понемногу превращалась в существо из живого металла. Даже если и так, процесс, похоже, еще не успел зайти далеко.

— Айса! — закричал Прайс. — Проснись, Айса!

Он затряс девушку за плечи, но она не пошевелилась.

Мерцающий туман явно действовал как снотворное. Девушка лежала, сраженная сном, который тяжким грузом лег на плечи и самого Прайса.

Американец поднял Айсу на руки. Девушка не просыпалась. Она была теплая, ровно и глубоко

дышала. Но Прайс не мог ее разбудить.

Беспросветное отчаяние охватило Прайса. И оттого, что он держал возлюбленную в объятиях, отчаяние становилось только сильнее. Он нашел свою любовь... нашел лишь для того, чтобы снова потерять. Если бы не усыпляющие свойства золотого тумана, он бы просто-напросто вынес девушку из подземелий. Вынес на свежий воздух, где она наверняка пришла бы в себя. Увы! В его теперешнем состоянии подобное было просто не под силу.

Не зная, что делать дальше, Прайс стоял возле Айсы. Стоял, борясь с коварным сном, глядя на непроходимую ниточку повисшего над пропастью моста. И тут он увидел Маликара.

Все так же держа в руке свернутый кольцами кнут, жрец шел по залу к мосту.

Первым порывом Прайса было бросить девушку и куда-нибудь спрятаться. Но это не имело смысла. Золотой человек наверняка уже его заметил. А даже если и нет, он, без сомнения, обратит внимание, что девушку трогали, что золотая пыль стерта с ее лица.

Не торопясь, Прайс осторожно положил Айсу обратно на каменную плиту. Взяв в руку топор, он подошел к выходу с моста.

Маликар невозмутимо двинулся через провал.

Ситуация выглядела совершенно безнадежной. Казалось, злая судьба не оставила Прайсу ни малейшего шанса. И почему только этот проклятый сон овладел им как раз в тот миг, когда он наконец-то нашел свою любовь? И почему именно в этот момент Маликар решил вернуться в подземный храм? Удача Дюранов... неужели она насмехается?

Прайс чувствовал себя донельзя усталым. Дышать было неимоверно тяжело. Желтый туман удушливым комом застревал в горле. Веки словно налились свинцом. Сон, как прибой, бился о сознание. Бесконечный прибой на берегу океана забвения.

Все силы Прайса уходили на то, чтобы держать глаза открытыми. Он хотел заставить свое тело сражаться — хотя бы один удар топора по Маликару, так самоуверенно идущему через мост. Но волны сна поднимались все выше и выше... Они захлестывали разум... Они захлестнули Прайса, с головой окунув его в воды беспамятства.

Провал бездонный, как пустота между звездами.

Глава двадцать первая. Во власти Маликара

Прайс очнулся от вызванного желтым туманом сна в полной темноте. Раздетый догола, он лежал на жалкой кучке колючей соломы.

Попытавшись встать, американец пребольно стукнулся головой о низкий каменный потолок. Ошарашенный, он опустился на колени и начал на ощупь, руками изучать темницу, в которую попал.

Камера фута четыре в ширину и около семи в длину и с таким низким потолком, что выпрямиться во весь рост в ней нечего и думать. Стены из холодного, грубо отесанного камня, дверью служит толстая металлическая решетка...

Отчаяние охватило узника Маликара. Такой исход безумного похода внутрь горы можно было, наверное, предвидеть. Прайса, впрочем, это не утешало. И примириться со своим положением он не мог.

Маликар замуровал его внутри горы. Замуровал и, похоже, забыл о нем. Нестерпимо медленно тянулось время. Час за унылым часом...

Прайс стойко переносил муки голода и жажды.

Какое-то время спустя он снова уснул и проснулся от зеленого света, пробивавшегося сквозь прутья решетки. У дверей камеры стояли три одетых в синее жреца с пиками в руках и с ятаганами на поясе. Отомкнув дверь, один из них просунул в камеру две глиняные миски — с водой и с похлебкой из мяса с мукой.

Прайс не заставил себя долго упрашивать и с жадностью принялся за еду.

Когда миски опустели, жрецы снова отомкнули дверь:

— Пошли!

Они зашагали по темному коридору, вдоль по ведущему вверх спиральному туннелю, вроде того, который шел в логово змея, и наконец, пройдя через высокую арку, попали в совершенно невероятную комнату.

Длинный зал, высеченный в черном вулканическом камне, несколько десятков футов в ширину, втрое больше в длину, с высоким готическим сводом. Но вот самая первая странность, бросившаяся Прайсу в глаза, — комната освещалась затененными электрическими лампами.

Вдоль боковых стен неподвижно замерли жрецы с символом золотого змея на лбах. Вооруженные пиками и ятаганами, они стояли, словно

статуи, глядя прямо перед собой.

В дальней части комнаты, под матовыми электрическими светильниками, за массивным столом из красного дерева, который вполне мог бы украсить любой офис на Манхэттене, сидел Маликар.

Бесшумно крутился настольный электрический вентилятор. А рядом лежал длинный кнут, которым Маликар учил уму-разуму змея в зале золотого тумана.

Вдоль дальней стены за спиной Маликара располагались зеленые стальные шкафы для документов, книжные полки с переплетенными на азиатский манер фолиантами и длинная скамья с разного рода научными приборами: микроскоп, весы, химические пробирки, банки с реактивами... Тут же стояли фотокамера и медный телескоп.

Над скамьей висела карта мира, датированная 1921 годом и, судя по подписи, опубликованная весьма известным издательским домом Соединенных Штатов.

Здесь, в мрачном подземном зале, эти вещи, сделанные на цивилизованном Западе, выглядели ничуть не менее удивительными, чем все чудеса Золотой Земли. Прайс был поражен, что

конечно же не укрылось от пристального взора Маликара.

— Не ожидал, что я окажуть таким космополитом? — резким и одновременно каким-то мертвенным голосом спросил желтый жрец.

Вопрос он задал на вполне приличном английском.

— Да, — кивнул Прайс. — Этого я действительно не ожидал.

— Ты ведь англичанин, не так ли?

— Американец.

— Понятно, — кивнул Маликар. — Десять лет назад мне довелось побывать в Нью-Йорке. Любопытный город.

Прайс промолчал.

— Со времени падения Рима, — продолжал Маликар, — я довольно часто посещал внешний мир. Последний раз я выбирался к вам в 1922 году: провел четыре месяца в Оксфорде и Гейдельберге — надо же было познакомиться с последними достижениями вашей, надо сказать, весьма топорной цивилизации. Домой я вернулся, совершив кругосветное путешествие. Тогда-то я заодно и побывал в твоей стране... Между прочим, насколько я понимаю, вы пришли сюда от моря по проложенной мною дороге?

— Ты имеешь в виду тропу черепов?

— Совершенно верно. Человеческий череп виден издалека. Он прочен и удобен в использовании... Но сейчас меня больше интересует, чем я обязан радости видеть гостя в своем доме? Прежде всего, как тебя зовут?

— Прайс Дюран.

— Ты понимаешь, что тебя — ошибочно, разумеется — приняли за древнего короля Иру? Того самого, чью гробницу ты, похоже, ограбил.

— Может, оно и так.

Желтые глаза испытующе глядели на Прайса.

— Скажи мне, Дюран, что тебя сюда привело?

Прайс заколебался. Чуть подумав, он решил, что скрывать ему нечего. Зачем осторожничать? Хуже уже не будет.

— Я искал Айсу. Девушку, которую ты похитил.

— Ты, во всяком случае, честен; — с нескрываемой иронией произнес Маликар. — К сожалению для тебя, этой молодой женщине выпала высокая честь стать новой жрицей змея и... моей любовницей.

— Ты хочешь сделать ее золотой? — с трудом сдерживая гнев, спросил Прайс.

— Змей не примет обычного человека, — издевательски кивнул Маликар. — Верховная жрица

должна иметь золотую кровь.

Скажи, Дюран, ты хотя бы понимаешь, в чем суть этого процесса? Золотой туман в логове змея возникает на основе редкого золотосодержащего соединения, формирующегося в вулканическом сердце земли. Оседая на стенах подземного храма, он образует золотой иней.

Попадая внутрь живого организма, это удивительное вещество заменяет в протоплазме воду, создавая новое живое соединение золотого цвета. Оно, между прочим, куда прочнее и выносливее, чем заурядная плоть.

— И ты полагаешь, что Айса пойдет у тебя на поводу? — зло спросил Прайс, — Ты же знаешь, она ненавидит тебя! И вполне заслуженно!

— Боюсь, сейчас она и в самом деле относится ко мне не так, как мне бы того хотелось, — оскалился Маликар. — Но когда кровь ее станет золотой, она уже не сможет уйти из-под моей власти. Врата смерти тоже будут для нее закрыты. Для укрощения Айсы, возможно, потребуется некоторое время, но время ничего не значит для счастливых бессмертных. Ничего, постепенно она научится меня любить.

Маликар злорадно и многообещающе улыбнулся. Наклонившись вперед, он поднял со стола

тяжелый кнут и любовно погладил желтыми пальцами тонкую черную кожу. Не понять намека было невозможно.

Безумная ярость охватила Прайса при мысли о милой Айсе, похороненной в золотом теле, из которого нет спасения. Об Айсе, ставшей рабыней в руках этого ухмыляющегося демона. Больше всего на свете Прайсу хотелось сейчас свернуть Маликару шею.

Внезапно золотой жрец открыл ящик своего стола и вытащил оттуда тонкую кисточку и небольшой пузырек с золотой жидкостью.

— Мистер Дюран, — сказал он, глядя на узника ленивым и безразличным взором, — я готов сделать весьма необычное предложение. Мне нужно избавиться от тех золотоискателей, с которыми ты прибыл в мою страну.

— И ты освободишь Айсу... — с надеждой в голосе начал Прайс.

— Нет, — отрезал Маликар. — Но я дам тебе шанс спасти свою жалкую жизнь.

— Шанс?

— У тебя есть выбор, Дюран. Поклянись в верности змею и мне лично как верховному жрецу. Я нарисую у тебя на лбу символ твоей новой веры и сохраню тебе жизнь.

— И не подумаю...

— Тебе выбирать, — пожал плечами Маликар. — Стань рабом змея и живи. Или же ты станешь рабом другого змея... — он многозначительно посмотрел на кнут, — и умрешь в подземельях.

Самодовольная, издевательская жестокость этого предложения окончательно вывела Прайса из себя. Повернувшись, он выхватил из рук не ожидавшего ничего подобного жреца копье и яростно бросился на сидящего за столом Маликара.

Но Прайс не сумел сделать и пяти шагов. Два стражника схватили американца и повалили на пол.

— Отпустите этого пса, — по-арабски скомандовал Маликар и с мерзким смешком поднялся из-за стола. В руках он держал кнут.

Стражники отскочили в стороны, а Прайс, ничего не видя перед собой от ярости, кинулся на врага.

Протянувшись, словно щупальце, длинный кнут обвился вокруг копья в руке Прайса. Еще миг, и вырванное у американца оружие полетело в другой конец комнаты.

Но Прайс, подгоняемый слепой ненавистью, не остановился. Сжав кулаки, он наступал на

этого издевательски ухмыляющегося золотого дьявола.

Снова щелкнул кнут. Прайс не почувствовал боли, хотя грудь его была распорота, словно от удара ножом. Затем кнут, будто живой, обвил ноги американца. Рывок — и Прайс тяжело рухнул на пол. Еще удар — и кровавая полоса пролегла по спине поднимающегося узника. Он опять двинулся вперед и тут же снова очутился на полу.

Пытаясь встать, Прайс заметил, что в зале появился золотой тигр. На его спине среди подушек на большой черной платформе, в каких в Индии ездят на слонах, сидела Викира, золотая женщина из миража. Она лениво наблюдала за происходящим, и во взоре ее Прайс не увидел ни жалости, ни любопытства. Ничего.

Вновь и вновь кнут, будто острый клинок, впивался в тело. Беспомощно ловя руками разящий, как молния, инструмент пытки, Прайс, шатаясь под ударами, опять пошел на Маликара.

Глава двадцать вторая. Гость Викиры

Текущая по телу кровь смыла безумную ярость, на время овладевшую Прайсом. Внезапно он осознал, что своим поведением только доставляет Маликару удовольствие. Сейчас лезть в драку, одному и безоружному, глупо и бесполезно. Его убьют, и чего он этим добьется?

Прайс остановился. Скрестив руки на груди, он замер под электрическими светильниками, выглядевшими столь неуместными в этой затерянной посреди пустыни стране.

И снова кнут впился в его тело. Прайс невольно вздрогнул, но не двинулся с места.

— Достаточно, мистер Дюран? — издевательски поинтересовался Маликар.

Прикусив губу, Прайс промолчал.

Маликар подал знак слугам, и они, опустив копья, повели узника к выходу из зала. Прайс прекрасно понимал, что его ждет.

Ему суждено вернуться обратно в подземелье, и живым он оттуда уже не выйдет.

Повернув голову, американец снова увидел золотого тифа. Громадная кошка неподвижно стояла посреди зала, а его прекрасная наездница,

наклонившись к бортику похожего на платформу седла, задумчиво глядела на Прайса.

И тут в душе американца зародилась неясная, призрачная надежда. Он знал, что эта женщина и Маликар сейчас не больно-то ладят друг с другом. Он видел их поединок в логове змея. Видел схватку за власть над золотым монстром. Викиру вряд ли радует страсть Маликара к Айсе.

— Викира! — крикнул Прайс, бросаясь к тигру. — Помоги мне! Они похоронят меня заживо!

Но мольбы Прайса остались без ответа. Викира спокойно смотрела, как Маликар избивал своего пленника. И тогда Прайс не видел жалости на ее лице. Почему Викира должна жалеть его теперь?

Едва стоящий на ногах, Прайс судорожно цеплялся за последнюю соломинку, последний шанс, последнюю надежду...

— О Викира, помоги мне! Такая красивая женщина...

Она улыбнулась весело и загадочно. В ее зеленовато-

желтых глазах появился интерес. Но не жалость.

Жрецы вокруг Прайса заколебались. Им, похоже, не хотелось слишком близко подходить к золотому тигру.

— Тащите этого пса в темницу! — сердито проревел Маликар.

Резкий приказ свершил то, чего тщетно пытался добиться Прайс. Раскосые глаза женщины мстительно сверкнули. Викира улыбнулась.

— Незнакомец, — пропела она, — ты мой гость. Садись со мной.

— Он мой! — прорычал Маликар. — И если я решил, что он должен гнить в подземелье, значит, он будет там гнить!

— Только если я прежде не отвезу его в мой дворец, — с ядовитой улыбкой проворковала Викира.

— Вперед! — заорал Маликар жрецам. — Хватайте пса!

Одетые в синее воины двинулись к Прайсу.

— Только дотроньтесь до него, — ласково заверила их Викира, — и этой же ночью мой тигр наестся до отвала.

Жрецы замерли, со страхом оглядываясь на своего господина.

Маликар вышел из-за стола. Красный от крови кнут в его руках щелкал и шипел, как живая змея. Жрецы поспешно вжались в стены.

Викира засмеялась, и в ее переливчатом серебристом смехе звучала откровенная насмешка.

— Быть может, твой кнут может покорить змея, жрец, — сказала она, — но думаю, что Зор ему не под силу. Этот тигр пробыл со мной слишком долго.

Маликар явно заколебался, и, пользуясь моментом, Прайс, как мог, заковылял к тигру. Раны болели просто невыносимо. Пол качался под ногами, а лампы кружились перед глазами, словно огни карусели.

Наклонившись к тигру, Викира что-то прошептала ему на ухо. И громадное, размером со слона полосатое чудовище начало медленно наступать на Маликара. Тиф угрожающе зарычал, и весь зал задрожал от его рыка.

Маликар остановился. Кнут бессильно повис в его руке.

— Женщина, ты мне за это заплатишь! — В голосе верховного жреца звучала неприкрытая ненависть. — Думаешь, если у тебя золотая кровь, я не смогу тебя выпороть?!

— Я знаю, что ты не выпорешь меня... потому что не сможешь!

— Знай же, что ты больше не жрица змея! И никогда уже ей не станешь! Другой суждено занять твое место!

— Мне это уже известно, — с холодной яростью

в голосе ответила Викира, — Но возможно, я найду кого-то, кто сможет заменить тебя в роли верховного жреца. Разве не был Иру когда-то столь же велик, как и Маликар?

И она золотой рукой показала на обливающегося кровью Прайса.

— Этот ублюдок вовсе не Иру! — прорычал жрец. — Он обманщик и авантюрист, ограбивший усыпальницу мертвого короля!

— А разве сам Маликар не был когда-то обманщиком и авантюристом? — язвительно поинтересовалась Викира. В голосе ее зазвучала угроза, — Ты получше сторожи свою новую жрицу, Маликар. А то как бы она ненароком не упала в пропасть или не попала на обед змею.

И снова Викира что-то прошептала на ухо тигру. Повинуясь ее команде, гигантское животное легло на пол, и женщина легко спрыгнула на пол. Подбежав к Прайсу, она скинула широкий зеленый плащ и набросила его на окровавленные плечи американца.

— Пошли, — прошептала она. — Скорее, пока этот гад не придумал какую-нибудь новую пакость.

Шатаясь, Прайс двинулся к замершему в неподвижности тигру. Тонкая желтая рука женщины

подхватила его под плечи. С неожиданной силой Викира подсадила Прайса на платформу, где он без сил повалился на мягкие подушки.

Подскочив к своему столу, Маликар ударил в висящий за ним большой медный гонг. Тревожный звон поплыл по комнате. Сквозь наполнявший его голову туман Прайс слышал крики команд, звон оружия и топот ног в идущих к залу коридорах.

Викира легко запрыгнула на платформу рядом с Прайсом и подала тигру новую команду. Громадное животное поднялось на ноги — одним движением, легко и плавно, совсем не так, как неуклюже встают с земли верблюды.

Викира что-то крикнула, и тигр, повернувшись, большими прыжками помчался прочь из зала.

— Женщина, ты мне за это заплатишь! — ревел сзади Маликар. — Ты и этот пес, о которого ты осквернила свои руки...

Что еще хотел сказать Маликар, Прайс уже не слышал — тигр выбежал из зала и понесся по длинному коридору, освещенному редкими факелами. Электрические лампы, похоже, использовались -лишь в кабинете Маликара.

— Мы должны спешить, — прошептала Викира, и в голосе ее звучала тревога. — Или Маликар

закроет ворота и отрежет нас от моего дворца.

По ее команде тигр помчался еще быстрее, Прайсу казалось, что он просто летит. Завернув за угол, беглецы нырнули в уходящий вверх наклонный туннель. Далеко впереди появился крошечный кусочек неба, ослепительно синего для глаз, успевших привыкнуть к полумраку подземелий.

Протянув руку за спину, Викира вытащила из-под подушек короткий, странных очертаний металлический лук. Взяв стрелу из полного колчана, укрепленного в углу платформы, она наложила ее на тетиву.

Внезапно впереди, на фоне светлого квадрата неба, замельтешили какие-то темные фигуры. Раздался пронзительный скрип блоков.

Золотые ворота закрывались, и с каждой секундой просвет между створками становился все меньше и меньше.

Викира натянула лук. Коротко прозвенела тетива, и со стороны ворот долетел чей-то пронзительный крик. Скрип блоков стих.

Не снижая скорости, тигр проскользнул в полуоткрытые ворота. Щель была узкой, и края платформы чуть не задели о створки.

В следующий миг тигр и его всадники вылетели

на солнце, такое яркое, что Прайс на время даже ослеп. Почувствовав внезапную слабость и головокружение, американец откинулся на подушки и закрыл глаза рукой. Какое-то время спустя он почувствовал у себя на плече ладонь Викиры.

— Добро пожаловать в мой замок Вирл, — прошептала женщина. — Отдыхай и ничего не бойся. Ты теперь гость Викиры.

Она помогла Прайсу подняться.

— И я твоя рабыня, — вкрадчивым, соблазнительно сладким шепотом добавила Викира.

Глава двадцать третья. Золотые люди

Несколько минут Прайс лежал, полностью расслабившись. Горячее ослепительное солнце было удивительно приятным тому, кто чудом вырвался из мрачных подземелий Маликара. Его жгучие лучи буквально возвращали Прайса к жизни. Даже раны, казалось, болели на свету не так сильно.

Наконец Прайс сел. Хотелось поглядеть на удивительный, пристроившийся на вершине неприступной горы дворец.

Прайс поднял взор и даже ахнул при виде невообразимой роскоши раскинувшихся вокруг восточных садов. Тигр шел через широкий двор, окруженный колоннадами из блестящего золота и сверкающего белого мрамора. Рядом — темные, кристально чистые пруды с берегами, поросшими густой травой, и чистящие перышки белоснежные голубки. Стройные пальмы, высоко поднявшие изумрудно-зеленые мохнатые кроны. Кустарники с яркими цветами, наполняющими воздух сладостным, прохладным ароматом.

А на другой стороне двора поднимались бело-золотые башни Вирла. Тонкие витые колонны

поддерживали висящие над зеленью ажурные балкончики. Высокие, вырезанные трилистником арки окон, пузатые купола и стройные минареты... Архитектура была типично арабской, вот только материал выглядел непривычно. Золото и мрамор. И ничего больше.

В неистовом солнечном сиянии на дворец было бы больно смотреть, если бы не холодная зеленая тень сада.

Глядя по сторонам, Прайс не мог прийти в себя от изумления. То, что он видел, удивительно напоминало его мечты во время мучительных скитаний по пустыне. Сходство было столь разительным, что американец даже засомневался: не мираж ли перед ним? Не иллюзия ли вся эта роскошь? Не галлюцинация ли, порожденная больным, поврежденным лишениями рассудком?

Неужели ему все это мерещится?

Повернувшись, Прайс схватил за руку сидящую рядом золотую женщину. Ее кожа блестела, как червонное золото, но на ощупь была теплой и мягкой, и под атласной поверхностью чувствовались крепкие, упругие мускулы.

— Женщина из золота, ты настоящая или нет? — не зная, чему верить, спросил Прайс.

Он заглянул ей в лицо. Странное. Непривычное. Овальное. Удивительно красивое. Цвета бледного золота в обрамлении красноватого золота волос. Чуть раскосые зеленовато-желтые глаза, такие же, как у тигра; глаза загадочные и непроницаемые, прячущиеся за тяжелыми золотыми ресницами.

— Я более реальна, чем ты, Иру. Ибо я из золота, а ты из обычной плоти. Я такая, какой была в дни расцвета Энза, когда его население исчислялось миллионами. И я останусь такой, как сейчас, даже когда твои кости высохнут, как руины Энза.

Викира улыбнулась, и в ее взоре Прайс прочитал непонятный вызов.

— Может, оно и так, подруга, — по-английски пробормотал Прайс, — но, по-моему, ты блефуешь, готов биться об заклад.

Силы измученного тела были на исходе. В глазах потемнело, и он без сознания повалился на руки Викиры.

Прайс пришел в себя в самой великолепной, хотя, возможно, и не самой удобной комнате из всех, в каких ему только доводилось жить. Комната была очень большая и просторная, с громадными дверями и шелковыми занавесями. Толстые ковры в несколько слоев покрывали

мраморный пол. Панели из чистого золота украшали белые алебастровые стены.

Из своей огромной, с балдахином, постели Прайс сквозь широкое незастекленное окно видел раскинувшиеся под базальтовыми стенами горы лавовые поля. Эти поля тянулись до самого оазиса Эль-Ярим и дальше, до желтых песков мертвой пустыни.

Пошевелившись, Прайс с удивлением осознал, что чувствует себя преотлично. Головокружение прошло без следа, и даже раны от кнута зажили как по волшебству. Они не могли затянуться за один день. Прайс понял, и Викира потом это подтвердила, что он несколько суток провел в беспамятстве, вызванном особыми лекарственными настоями. Викира, как оказалось, неплохо разбиралась и в химии, и в медицине.

Проснувшись, Прайс с некоторым смущением обнаружил, что стал объектом внимания сразу шести служанок. Шести молодых женщин, высоких, весьма миловидных, с темными волосами, тонкими губами и совершенно арабскими орлиными носами. Все они были одеты в короткие темно-зеленые туники. На поясе у каждой висел длинный золотой кинжал, а на лбу красовалось клеймо в виде свернувшегося кольцами золотого

змея.

Женщины принесли Прайсу белый шелковый костюм (его собственная одежда осталась в руках Маликара), предложили еду, воду и вино. Он пытался поговорить с ними, но, хотя женщины и старались изо всех сил услужить ему, на вопросы отвечать не хотели.

Все еще чувствуя некоторую слабость, Прайс в этот день даже и не пытался выйти из отведенных ему покоев. А вечером пришла сама Викира. Прайс вежливо поднялся ей навстречу.

Викира приветствовала его как Иру, справилась о здоровье и уселась рядом на мягком диване. Девушки (Прайс так и не разобрался, были они только служанками или же еще и тюремщицами) удалились на почтительное расстояние.

— Должен сразу тебе сказать, — беря быка за рога, начал Прайс, — ты назвала меня Иру. Но я не ваш древний король. Меня зовут Прайс Дюран, и родился я на другом конце света.

Зеленоватые раскосые глаза нарочито внимательно оглядели лицо Прайса, его широкие плечи, крепкие мускулистые руки.

— Ты Иру, король Энза, — наконец сказала Викира, и голос ее звучал совершенно спокойно. — Кто лучше меня знал старого Иру? Ты — это

он. И не важно, что снова ты родился не здесь, а в чужой далекой стране.

— Значит, ты его знала? — небрежно поинтересовался Прайс. Ему очень хотелось побольше выяснить о древнем правителе, на которого он якобы так невероятно похож, А еще он старался вести себя с Викирой как можно естественнее.

— Так ты забыл меня? Тогда я расскажу тебе историю древнего Иру, ибо это только начало той же самой истории, в которой мы все сейчас живем. Ты, я, Маликар и Айса.

Услышав имя своей возлюбленной, Прайс невольно вздрогнул.

— Ага... — загадочно улыбнулась Викира. — Ее, значит, ты все-таки помнишь?

— Я знаю девушку с таким именем, — кивнул Прайс.

Он старался сказать это небрежно, но Викира, похоже, все равно угадала его настоящие чувства. В ее глазах вспыхнула ненависть.

— Айса родилась снова, как и ты сам, — прошипела она. — Мы четверо встретились опять. Встретились, чтобы завершить драму, начавшуюся в годы юности Энза.

Викира грациозно откинулась на спинку дивана. Поправила густую, искрящуюся массу

красно-золотых волос и снова стала совершенно невозмутимой.

— Когда я была совсем девчонкой и кровь моя еще не стала золотой, в Энзе правил король Иру. Народ любил его, ибо был он красив и силен и славился своей отвагой и искусством владения золотым топором. И ты — это он!

Прайс только покачал головой.

— У тебя его гибкое, высокое тело, его голубые глаза и рыжие волосы... такое нечасто встречается в нашем народе. И это еще не все! Мне знакомо твое лицо!

Так вот, в те далекие годы город Энз был поистине велик. В нем жили миллионы людей. Ползучие пески были еще далеко. Дожди приходили каждую зиму. Озера и бассейны были всегда полны водой, а поля и пастбища не оскудевали.

Тогда не было золотых существ, кроме одного только золотого змея. Змей этот жил в горе со времени появления здесь людей. Иногда через пещеру он вылезал на поверхность поохотиться. Народ Энза почитал его за бога и в его честь воздвиг под горой храм.

Во времена Иру верховным жрецом змея был Маликар, смельчак и искатель тайного знания. Как и многие жрецы до него, он знал правду о

своем боге. Маликар спустился в пещеру и нашел там пропасть, полную золотым паром, поднимающимся от огней внутренней земли. И все существа, которые им дышали, превращались в живое бессмертное золото.

Змей был самой обычной рептилией, устроившей свое логово внутри горы, не больше бог, чем любая другая змея. Он спал в тумане, дышал им и стал бессмертным.

Проведя кое-какие эксперименты, Маликар понял, как сделать кровь золотой.

Что касается тебя... или Иру, если тебе так угодно... ты был воином и охотником. Ты не знал секрета змея, но почитал его за зло. Ты постановил, что труд и жизни Бени-Энз не будут более приноситься в жертву змею. Ты приказал жрецам покинуть храм. За это Маликар и возненавидел тебя. Он решил уничтожить тебя, сделать своего бога всемогущим и править Бени-Энз и как верховный жрец, и как король.

Но вы с Маликаром ненавидели друг друга и по другой причине. В те годы я, как я уже говорила, была совсем молодой и в жилах моих еще не текла золотая кровь, как течет сейчас.

Тогда я была принцессой Энза, и ты любил меня. Ты говорил тогда, что я прекрасна. Мы были

помолвлены и вскоре должны были сыграть свадьбу. Но Маликар тоже желал обладать мною.

Ты, Иру, привел своих солдат к храму. Жрецы бежали перед твоим золотым топором. Ты разрушил храм и замуровал выход из пещеры змея.

Видя, что Иру побеждает, Маликар бросил остальных жрецов и по тайному ходу пробрался внутрь горы, к пропасти золотого пара. Там он проспал много дней и ночей, пока золотой туман не пропитал его тело, подарив Маликару и нечеловеческую силу, и бессмертие.

Что касается этой девушки, Айсы, то она была рабыней. Я купила ее у торговцев, прибывших в нашу страну с севера. Однажды Иру увидел Айсу и захотел, чтобы она принадлежала ему. Так как мы собирались пожениться, мне вовсе не понравилось такое желание моего жениха.

Я ответила, что Иру получит девушку, но только в том случае, если обменяет ее на ручного тигра.

Пока Маликар спал во власти золотого тумана, Иру отправился в горы, один на один сразился с тигрицей и привез в Энз маленького тигренка. Он приручил его, и мне не оставалось ничего другого, как отдать королю Айсу. Но лучше бы он оставил себе тигра!

Маликар спал в горе, пока его кровь не стала

золотой. Тогда он вывел змея на волю и вместе с ним отправился к обитавшим в пустыне диким племенам — проповедовать новую религию. Маликар утверждал, будто он умер и родился снова. Родился сыном змея, с неуязвимым золотым телом.

Народы пустыни поверили Маликару. Разве его тело и в самом деле не было золотым? Разве оно не стало столь крепким, что о него тупились самые острые мечи?

Собрав армию, Маликар повел ее на Энз. Змея он взял с собой, дабы тот холодом своего взора превращал врагов в статуи.

Но ты, Иру, был великим воином. Ты собрал все стада и всех земледельцев за крепостными стенами. А потом во главе своих воинов и с Корлу в руке вышел на бой и наголову разбил кочевников, разметав их по бесплодной пустыне.

Но ты не сумел убить ни Маликара, ни змея. Они ведь были золотые. Ты мог только вернуться в Энз и закрыть перед ними городские ворота.

Потерпев поражение, Маликар решил пойти на хитрость. Он отправил змея обратно в гору. А сам, перекрасив свое лицо и тело (он и сейчас так порой поступает, когда хочет никем не узнанным посетить внешний мир), пробрался в Энз. Мали-

кар решил тебя убить.

Но и тут он ничего не мог сделать. Тебя всегда окружали твои воины, и ты не расставался со своим верным топором.

Тогда Маликар нашел другой путь. Он отправился к рабыне, к Айсе. Я и сейчас не знаю, как он уговорил ее. Быть может, обещал золота, которого в пещере змея было сколько угодно. Быть может, запугал ее змеем. А может, оказалось достаточно его поцелуев.

Так или иначе, Айса подмешала тебе в вино яд, и ты, ничего не подозревая, выпил отравленный напиток. Ты умер. Но предательство не принесло счастья рабыне. Почувствовав на губах яд и поняв, кто тебя отравил, ты, уже умирая, зарубил Айсу топором.

Вот тут-то Маликар и вышел из тени. Он объявил себя мстителем за оскорбленного бога — змея. Бени-Энз, оставшиеся без монарха, склонили перед ним головы. Они послали змею дань из многих рабов, и Маликар стал править Энзом одновременно и как верховный жрец, и как король.

Он повелел высечь новый храм в самом сердце горы, среди золотого тумана. А потом силой увел меня в свой новый храм и оставил меня спать,

дыша золотым паром, пока и моя кровь не стала золотой. Он хотел на веки вечные сделать меня своей рабыней. Но ручной тигренок, которого Иру в недобрый час поймал и обменял на Айсу, последовал за мной в подземное святилище.

Там он уснул и, проснувшись, тоже стал золотым. Убить его Маликар не мог, а Зор любил меня и выполнял все мои приказы. Год за годом тигренок рос, становясь все больше и больше. Возможно, он стал таким громадным потому, что совсем не вырос в то время, пока спал во власти золотого тумана. Во всяком случае, сейчас даже змей боится силы Зора.

Вот и вся история золотой крови.

Прайс мог только поражаться этому удивительному рассказу. Нельзя сказать, что он верил в реинкарнацию. Но и отметать ее с порога он тоже не стал бы. Американец прекрасно знал, что для сотен миллионов людей вера в реинкарнацию лежит в основе их религии.

Да, рассказ Викиры объяснял многое из того, что не давало Прайсу покоя. Он звучал довольно правдиво. Весь, за исключением только одной детали — что Айса была убийцей.

Викира наклонилась к Прайсу, и благоухающие цветочным ароматом волосы красным водопа-

дом рассыпались по ее плечам.

— Такова история, Иру. Сотни поколений живу я в этом дворце, построенном для меня Маликаром. Живу без любви и без надежды на приносящую избавление смерть. Живу в ожидании тебя, мой Иру!

Много раз я думала броситься в золотую пропасть. Но я знала, что когда-нибудь ты родишься снова, мой Иру. Знала, что когда-нибудь ты придешь ко мне. Придешь, пусть даже новые земли поднимутся из морской пучины и новые пустыни загородят тебе путь.

Золотая женщина тесно прижалась к Прайсу. Ее руки, такие мягкие и вместе с тем нечеловечески сильные, нежно обняли его за шею. Она подняла к нему лицо, и ее алые губы раскрылись в жадном, нетерпеливом приглашении.

Какой-то миг Прайс еще колебался. Потом жгучая, нестерпимая страсть к этой женщине захлестнула врожденную осторожность. Он обнял Викиру, их губы слились в горячем, ненасытном поцелуе, и ее прикосновение ввергло Прайса во всепожирающее пламя сладкого блаженства...

Глава двадцать четвертая. Зеркала миража

Когда Викира ушла и страсть Прайса немного остыла, он ощутил странную неловкость при мысли о том, что между ними произошло. А вспоминая Айсу, даже почувствовал себя виноватым. Но как ни крути, а золотая женщина спасла ему жизнь. Пара поцелуев — не такая уж дорогая плата за избавление от верной и мучительной смерти.

При желании Прайс мог бы найти и другие оправдания своей быстрой капитуляции перед золотой красотой Викиры. Только ее добрая воля могла помочь Прайсу спасти Айсу. Правда, особо рассчитывать на это не приходилось. Викира, похоже, от всего сердца ненавидела несчастную девушку. Но как бы там ни было, неудовольствие Викиры наверняка означало молниеносное возвращение в темницу Маликара.

И честно говоря, Прайс не рассчитывал выбраться оттуда снова.

Впрочем, оправдания — они и были оправданиями. Говоря по совести, Прайс, сжимая в страстных объятиях Викиру, ни о чем таком не

думал.

На следующее утро после завтрака в сопровождении четырех вооруженных золотыми кинжалами «служанок» Прайс пошел осматривать дворец. Он гулял среди величественных колоннад и роскошных, буйных садов, выискивая способ сбежать из Вирла.

Он решил удрать — если, конечно, это вообще возможно. Викира, разумеется, не захочет помогать ему в спасении Айсы. Кроме того, Прайс подозревал, что ему могут не очень понравиться планы Викиры на его собственный счет. Но при всем том побег казался невозможным. Что мог он сделать, безоружный, когда за каждым его шагом следило сразу несколько жриц?

— Эфенди Дюран!

Хорошо знакомый голос заставил Прайса в удивлении оглянуться. Повернувшись, он увидел Фархада аль-Ахмеда, идущего к нему по пальмовой аллее. Старый бедуин был безоружен, а за ним, словно тень, следовала одна из девушек Викиры с кинжалом на поясе.

— Мир тебе, шейх, — приветствовал его американец, — Ты тоже стал гостем Викиры?

Старый араб отвел Прайса в сторону, подальше от сопровождавших девушек-воительниц.

— Три дня назад, — прошептал он сквозь рыжую бороду, — эфенди Гарт послал меня и моих людей разведать новый путь к горе. По дороге на нас неожиданно напала золотая джиния на громадном тигре. Тигр убил трех моих воинов, а сам я попал в плен. Так я и оказался в этом замке Иблиса.

Шейх еще больше понизил голос и, опасливо косясь на жриц, едва слышно прошептал:

— Но я еще могу спастись. Эта женщина со мной... она знает, что такое настоящий мужчина! — Фархад скабрезно осклабился. — Ее зовут Незира. Прошлой ночью она обещала мне помочь. Я знаю, как обращаться с женщинами, так ведь?

Прайс улыбнулся.

— Эфенди, — продолжал Фархад, — когда настанет время, вы пойдете со мной? Бисмилла! Я не хочу оказаться в одиночестве в стране ифритов!

— Да, — кивнул Прайс, — я пойду с тобой.

По правде говоря, он не очень-то верил в способность старого араба соблазнить тюремщицу и еще меньше надеялся на то, что, пусть даже и с ее помощью, они смогут бежать из дворца.

Они расстались с Фархадом, и Прайс, в сопровождении своих служанок, пошел дальше глазеть на сказочное великолепие Вирла.

Вскоре его догнала ехавшая верхом Викира. Она сменила зеленое платье на переливающуюся, металлически поблескивающую желтую тунику, плотно облегавшую ее роскошное, по-кошачьи гибкое тело. Красно-желтые волосы были убраны назад полосой из такого же материала, как и туника. В целом в сочетании с золотом кожи наряд этот выглядел весьма и весьма эффектно.

Велев тигру лечь на землю, Викира жестом предложила Прайсу сесть рядом с ней.

— Иру, — сказала она, протягивая Прайсу руку, — я хочу, чтобы сегодня утром ты побывал со мной в мираже.

— В мираже?

— Да, Иру. Я хозяйка иллюзий. Ты их и сам видел. Это тайна древнего Энза. Когда-то давным-давно наши мудрецы познали законы миража. Они придумали особые зеркала... использовали и другие силы... и в итоге подчинили миражи своей воле.

— Но как...

— Скоро сам все увидишь. В зале иллюзий.

Она подала команду, и громадный тигр, не носивший ни узды, ни поводьев, поднялся с земли и быстро побежал вдоль величественной колоннады из белого мрамора и сверкающего на солнце

желтого золота.

Поправив подушки, Викира придвинулась поближе к американцу. Платформа, на которой они ехали, мерно покачивалась в такт бегу тигра, заставляя седоков соприкасаться. Прайс чувствовал жаркую силу тела золотой женщины, густой, пьянящий аромат ее волос.

Тигр привез их в главное здание замка и начал подниматься по завитому спиралью коридору в большую центральную башню. Сквозь незастекленные окна американец видел бело-золотые флигели дворца, а за ними — мрачное, безбрежное море пустыни, над которым колыхалось густое синее марево.

И вот наконец они выехали в удивительный зал, расположенный на самой вершине башни. Бесшумно и осторожно тигр шагнул на гигантское зеркало, вырубленное, похоже, из одного невозможно большого кристалла.

Не скрывая изумления, Прайс глазел по сторонам. В этом зале не только пол был сделан из отражающего свет кристалла. Стены тоже были зеркальные — странно изогнутые, неправильной, непривычной формы. Отражаясь друг в друге, они придавали помещению обманчивую картину бесконечной анфилады зеркальных залов, делая невозможным оценить реальные размеры зала. Крыша представляла собой еще одну плоскость сверкающего кристалла, в которой зияло большое отверстие. Сквозь него безмятежно синело далекое небо.

Тысячу раз... десять тысяч раз... в зеркальных стенах, на полу и на потолке Прайс видел отражения самого себя и Викиры, сидящих верхом на тигре. Эта картина повторялась снова и снова, то многократно увеличенная, то уменьшенная почти до неузнаваемости.

Протянув руку, Викира коснулась маленького пульта с пятью крохотными дисками. До этого момента Прайс его даже и не замечал. Идеально

отполированный, он буквально растворялся среди множества зеркал.

Викира нажала на красный диск. И тут же у себя под ногами Прайс услышал сердитое гудение скрытых под кристаллическим полом механизмов. Зеркала дрогнули, завертелись, отражения вокруг как-то странно поплыли. Ровный пол голубого кристалла тянулся во все стороны, сколько хватало глаз. По этой сверкающей равнине, с каждым мигом становясь все меньше и меньше, улетало прочь отражение золотого тигра с его седоками. Буквально за пару секунд оно превратилось в черную точку, а потом и вовсе исчезло.

Только синий свод небес по-прежнему отражался в кристаллах, и чудилось, что тигр сам собой висит в голубой небесной пустоте.

Викира дотронулась до зеленого диска. Откуда-то донесся вой еще одного таинственного устройства. Воздух вокруг задрожал. Запахло озоном — очевидно, где-то совсем рядом шли мощные электрические разряды.

— Смотри! — воскликнула Викира. — Искривление света, рождение иллюзии!

Прайс увидел, как на зеркалах начали появляться черные точки. Там изображения исчезали. Точки сливались в темную линию далекого гори-

зонта, в еле видные куски пустыни. Все это плыло и кружилось в фантастическом танце желтого песка и сапфирового неба.

Постепенно изображения становились все четче, все крупнее, пока не слились, обретя окончательную форму.

Прайс посмотрел вниз. В нескольких сотнях футов под ним — так, во всяком случае, казалось — от горизонта до горизонта тянулись ржавые барханы, залитые жарким маревом пустыни. Иллюзия была необычайно реальна. Он видел свое тело, и женщину рядом, и тигра, на котором они сидели, и... пустыню. Гора, черные лавовые поля вокруг, замок — все исчезло без следа.

Викира улыбнулась, словно ей доставляло удовольствие видеть растерянность Прайса, и нажала на желтый диск. И сразу же, хотя Прайс, разумеется, не ощущал никакого движения, пустыня поплыла у него под ногами. Промелькнули обширные, сверкающие на солнце солончаки, остались позади желтые выходы известняка и глиняные пустоши.

Прайс осторожно потянулся к висящим в пустоте дискам. Где-то там, в воздухе, он нащупал ставший совершенно невидимым пульт. И тут же резкое покалывание в пальцах заставило

американца поспешно отдернуть руку.

— Осторожнее, — предостерегла его Викира. — Вся башня сейчас заряжена энергией, позволяющей этому устройству искривлять световые лучи. Помни, что ты не бессмертный... пока.

Она коснулась зеленого диска, и Прайс, посмотрев вниз, увидел, что они неподвижно висят над оазисом Эль-Ярим.

Оазис широкой полосой, зеленой от финиковых пальм, пастбищ и полей, протянулся по черной лавовой равнине. Сверху виднелись квадратные, прилепившиеся друг к другу домики города и крохотное, окруженное зеленью озеро. А на его берегу — лагерь.

Белые шатры, серая махина танка... значит, Сэму удалось вернуться. А еще — укрытые брезентом штабеля припасов, черные шатры бедуинов Фархада и стада пасущихся верблюдов.

И две вещи, которые Прайс никак не ожидал здесь увидеть. Во-первых, блестящая, натянутая на шестах проволока — без сомнения, радиоантенна. А во-вторых — гладкое, расчищенное поле за лагерем, на котором сидели сразу два аэроплана. Обтекаемые серокрылые военные бипланы с пулеметами, мрачно глядящими из кабин, и бомбами, аккуратными рядами разложенными

по соседству.

Рядом с одним из самолетов Прайс заметил Якоба Гарта в неизменном выцветшем хаки и белом тропическом шлеме. Задрав голову, Гарт глядел прямо на него.

Сперва Прайс даже растерялся. Впрочем, он быстро все сообразил. Теперь стало ясно, почему Гарт так упорно возражал против того, чтобы взять с собой самолеты. Заранее, никому ничего не говоря, англичанин подготовил аэропланы и оставил их в руках неизвестных Прайсу союзников. Он тайно взял с собой радиопередатчик и, соорудив летное поле, по рации передал координаты. И вот аэропланы здесь.

Теперь Прайс знал, почему Якоб Гарт с такой легкостью взорвал шхуну. Имея в резерве самолеты, англичанин уже не нуждался в корабле. Кроме того, стало понятно стремление Маликара заручиться его поддержкой против белых искателей сокровищ.

— Это машины войны? — спросила Викира, показывая на бипланы.

— Да. На них люди поднимаются в воздух... И, если надо, сражаются.

— Ты думаешь, они будут атаковать гору?

— Не сомневаюсь. Якоб Гарт так просто не от-

ступит.

— Якоб Гарт? Он был твоим шейхом?

— Моим — нет. Но сейчас там командует он.

— Ты его видишь?

— Да. Вон тот высокий мужчина возле дальней крылатой машины.

— Это я и хотела узнать, — кивнула Викира.

Она коснулась центрального диска, и гул машин, к которому Прайс, сам того не замечая, успел уже привыкнуть, стих. Оазис внизу рассыпался на тысячу фрагментов, на тысячи разрозненных отражений в бесчисленных зеркалах.

Постепенно изображение угасло. Какой-то миг зеркала оставались пустыми, сияя ультрамарином безоблачного неба. А потом множество черных точек нарушили ровную синеву. Они росли, сливаясь друг с другом, и вскоре в неподвижных кристаллах вновь возникли отражения золотого тигра и его наездников.

Бесшумно переступая мягкими лапами, тигр прошел по кристальному полу и покинул зал иллюзий.

Глава двадцать пятая. Корона Энза

На следующий день, проснувшись на рассвете, Прайс обнаружил трех из шести своих служанок, или тюремщиц, ждущих у его постели. Они принесли ему завтрак, а когда Прайс поел и вышел из покоев, последовали за ним, держась позади на почтительном расстоянии в десять ярдов.

И вновь Прайс бродил по замку в тщетной надежде найти способ побега. Теперь, когда у Якоба Гарта были аэропланы, он наверняка начнет штурм горы. И между прочим, с неплохими шансами на успех. Прайсу очень хотелось бы присоединиться к нему и попробовать еще раз освободить Айсу.

Два часа он ходил по дворцу, и два часа три вооруженные женщины буквально дышали ему в затылок. Стена, идущая вдоль обрыва вокруг расположенного на вершине замка, достигала в высоту добрых сорока футов. Словно зубья пилы, торчали на ней сторожевые башни, в которых днем и ночью несли службу жрицы-дозорные. Короче, покинуть Вирл без разрешения Викиры казалось совершенно невозможным.

И на этот раз, возвращаясь к себе в покои, Прайс

встретил Фархада аль-Ахмеда, чуть ли не в обнимку разгуливающего со служанкой-тюремщицей.

Проходя мимо, шейх многозначительно подмигнул Прайсу и прошептал:

— Приходите в полночь в средний двор у восточной стены, эфенди. — Еще раз подмигнув Прайсу, он игриво ткнул жрицу в бок.

Женщина в ответ хитро улыбнулась:

— Вы придете, сагиб?

Прайс кивнул. Он подозревал, что жрица оставит их с шейхом в дураках. Кроме того, американец не представлял себе, как она, пусть даже и при самом горячем желании, сможет организовать им побег. Путь через подземные коридоры был наглухо закрыт Маликаром и его людьми. Спуститься со стены? Но как же одолеть отвесные и неприступные склоны горы в полмили высотой? Впрочем, почему бы не рискнуть? Прайс решил встретиться с Фархадом... если, конечно, ему удастся ускользнуть от своих собственных охранниц.

Тем вечером Викира вновь пришла в комнату Прайса. За ней рабыня несла вещи, отнятые Маликаром, — одежду, кольчугу, овальный щит и боевой топор короля Иру.

— Я заставила Маликара отдать все это мне, —

сказала Викира. — Ты хотел бы сохранить топор?

— Конечно, — кивнул Прайс, удивленный и обрадованный неожиданным возвращением своих вещей.

— Тогда пообещай не использовать его в Вирле.

— Обещаю.

— Слово Иру крепко, как стены Энза, — сказала Викира и, кокетливо улыбнувшись, добавила: — Иру, я приглашаю тебя поужинать со мной. На закате. Рабыни принесут тебе подобающие одежды.

Вскоре, отказавшись от помощи вооруженных жриц, Прайс уже натягивал на себя варварски роскошный наряд. Камис из белоснежного, бесконечно тонкого шелка, абу из плетеных серебряных нитей, подбитую алым шелком и отороченную ярко-красным… Похоже, Прайса ждало что-то знаменательное, а не просто рядовой ужин.

Когда американец оделся, девушки провели его по длинной анфиладе комнат между витых колонн, где играли в чехарду золото и белый мрамор.

День угасал, и длинные загадочные тени протянулись по трапезной. Воздух тут был удивительно

и восхитительно прохладным. Приятно пахло благовониями, словно они курились в горящих вдоль стен факелах.

Вооруженные жрицы остановились у занавешенного входа. Дальше Прайс пошел один. Он шел по мягким коврам к возлежащей на широкой низкой кушетке Викире и чувствовал себя весьма неуютно. Непривычное серебряное одеяние было тяжелым и слишком жестким.

Поднявшись с подушек, Викира стоя приветствовала Прайса. На фоне ало-красного платья тело ее казалось почти белым; черная лента в волосах подчеркивала их восхитительную пышность. Раскосые азиатские глаза горели опасным огнем.

Подведя Прайса к кушетке, Викира попытался усадить его рядом с собой. Поспешно отодвинувшись, американец устроился напротив.

— Послушай, Викира, — начал Прайс, глядя на рассердившуюся хозяйку дворца. — Я не хочу с тобой ссориться. Но ты должна понять, что я не собираюсь продолжать любовную историю, начавшуюся пару тысяч лет назад. Мне бы только...

Она остановила его резким повелительным жестом:

— Разве я не красива?

Тут говорить было не о чем.

— Ты очень красива, — признал Прайс.

Но красота Викиры казалась ему холодной и даже в чем-то страшной. Впрочем, об этом американец предпочел умолчать.

— Что же ты хочешь, Иру, такого, что я не могу тебе дать? — прошептала она.

— Викира, ты просто не понимаешь...

— Чего желают все мужчины на свете? — прервала его золотая женщина. — Любви? Молодости? Богатства? Власти? Славы? Знаний? Иру, я предлагаю тебе все это сразу!

— Но...

Викира нетерпеливо пожала плечами:

— Ты говоришь, что я красива. Я готова подарить тебе мою любовь, пронесенную сквозь сотни поколений. Любовь, своей силой воскресившую тебя из мертвых!

Прайс хотел возразить, но понял, что любые его слова только еще больше рассердят Викиру.

— Тебе нужна молодость? Когда твоя кровь станет золотой, ты навечно станешь молодым. Как и я сама. Краткий сон в золотом тумане — и молодость твоя никогда не кончится!

Глаза Викиры горели.

— Богатство? Посмотри кругом. Мой дворец

принадлежит тебе. Как и все золото в логове змея. Тебе этого мало?

Слава? Стань самым сильным из людей, самым богатым и к тому же бессмертным, и чего ты не сможешь совершить?

Знания? Разве тебе не хочется узнать древние секреты засыпанного песками Энза? У меня есть книги древних мудрецов. Зал иллюзий. Золотые зеркала. И многое-многое другое. Ты готов отвернуться от всех этих чудес?

— Подожди... — попытался остановить ее Прайс, но Викира ничего не желала слушать.

— И это еще не все! Я дарю тебе то, что мужчины ценят превыше всего остального! То, за что они готовы продать свою душу. Знаешь, о чем я говорю? Власть! Я дам тебе оружие древней земли. Дам власть над тигром и над змеем. Силу, способную завоевать весь мир!

Она сердито хлопнула в ладоши, и в комнату вошла рабыня, неся на красной шелковой подушке усыпанную жемчугом и украшенную крупными, примитивно ограненными, красными и желтыми самоцветами корону из белого металла.

— Это корона Энза! — воскликнула Викира, — Она твоя, Иру. Когда-то она принадлежала тебе. И я ее тебе возвращаю.

Викира взяла корону, и рабыня бесшумно исчезла.

— Мне очень жаль, Викира, — печально сказал Прайс, — но ты должна меня понять. Я не говорю, что ты некрасива, ибо ты воистину прекрасна. И я понимаю, как много ты готова мне дать. Не сомневаюсь, что большинство мужчин на моем месте с радостью приняли бы твое предложение.

Викира вскочила с кушетки, однако Прайс жестом попросил ее сесть обратно.

— Ты должна знать правду, пусть даже эта правда будет тебе неприятна. Я люблю Айсу, хотя бы она и была реинкарнацией убийцы. И я отниму ее у Маликара. Любой ценой.

Если она еще принадлежит человеческому роду — все хорошо. Если же ее кровь уже успела стать золотой, что ж... вот тогда и настанет время подумать о сне в золотом тумане.

Мне жаль, если мои слова причинили тебе боль. Но я не хочу тебе врать.

Тяжело дыша, Викира молча слушала Прайса. Злость исчезла с ее лица, словно отброшенная в сторону маска. Когда Прайс закончил, она обезоруживающе улыбнулась:

— Иру, господин мой, не будем ссориться. Сейчас нас ждет пир.

Викира снова хлопнула в ладоши, и из занавешенного дверного проема появились служанки. На больших блюдах они несли самые разнообразные кушанья. Свежие финики. Алые фанаты без косточек. Офомные фозди пурпурного винофада. Крохотные ароматные орешки, каких Прайсу видеть еще не доводилось. Жареное мясо. Сладкие булочки с пряностями на любой вкус самых различных форм. Несколько сортов сыра. Множество вин в высоких кувшинах, легкие и тягучие, словно патока, сладкие и горькие, красные, и белые, и желтые, и розовые.

Следя за Викирой, Прайс заметил, что она почти ничего не ест. Так, выбирает кусочек-другой с предлагаемого блюда. И вино она едва пригубила. Прайс мог только гадать, требуется ли Викире пища, как обычным людям. Может, ей достаточно всего лишь подышать золотым туманом?

Он решил есть и пить так же мало, как хозяйка дворца. Смутное чувство предостерегало его о каком-то близком испытании, и Прайсу не хотелось подойти к нему отяжеленным обильной едой и возлиянием. Следуя примеру Викиры, он едва пробовал подаваемые кушанья, и это, похоже, ей совсем не нравилось.

— Пусть звучит музыка, — наконец прошепта-

ла Викира и опять хлопнула в ладони.

Тихо заиграли невидимые музыканты — настойчивый ритм, словно гул тамтамов.

— А теперь, когда ты поел, — с еле. заметной насмешкой в голосе сказала Викира, — я для тебя станцую.

Она выплыла на середину зала, на темно-синий с красным ковер, и замерла, покачиваясь в такт древнего танца. Ее раскосые, желтовато-зеленые глаза из-под длинных ресниц загадочно глядели на Прайса.

Стараясь взять себя в руки, американец отвел взор. Он чувствовал, как затягивается вокруг сеть злого волшебства.

Вся обстановка, похоже, должна была воздействовать на его чувства. Длинный зал, призрачно озаренный зеленоватым светом факелов. Аромат благовоний. Непривычная, рыдающая музыка и танцующая Викира с распущенными волосами, которые, словно силки, готовы были поймать мужчину в ловушку.

Викира запела. Запела песню странную и простую.

Пляшет алое пламя, пламя джунглей — пляшет и зовет.

Громко бьют барабаны, барабаны джунглей

— бьют и зовут.

Белым сияет луна, луна джунглей — сияет и зовет.

Быстро бьется сердце, мое сердце — бьется, как барабан.

Течет горячая кровь, моя кровь — течет, как огонь.

Страсть горит в моей груди — сияет, как луна.

Луна тускнеет, пламя гаснет, барабан умолк.

Но я еще жду — вечно жду — мою любовь.

Проходят века, стареет земля — я все еще жду.

Горящие факелы отбрасывали причудливые тени на мраморные, богато украшенные золотом стены. Таинственный сумрак наполнял углы зала. Стонала музыка, изгибалась в такт песне Викира. Божественно прохладный аромат воздуха пьянил, как лучшее вино.

Внезапно музыка стала быстрей. Викира закружилась, легко и изящно, словно танцующее пламя. И танцуя, она скинула алое платье со своего восхитительного золотого тела.

Смолкли последние аккорды, и Викира, бросившись на кушетку рядом с Прайсом, заключила его в свои объятия.

Желание горячим ураганом вспыхнуло в груди

американца. Сам того не желая, он обхватил изящные плечи женщины, крепко прижал к себе горячее тело. Викира подняла к Прайсу лицо, и глаза ее горели страстью и торжеством.

И когда он увидел этот безумный взор, Прайсу внезапно стало страшно. Отвернувшись от ищущих алых губ, он попытался освободиться. Но не тут-то было. Желтые руки Викиры держали его с нечеловеческой силой. Крепко прижимаясь к Прайсу, жрица позвала служанку, мгновением позже прибежавшую с хрустальной чашей вина в руках.

— Выпей, лорд Иру, — прошептала Викира вырывающемуся из ее объятий американцу. — Выпей и забудь обо всем.

Она держала Прайса, а служанка поднесла чашу к его губам.

Прайс не хотел поднимать руку на женщину... но перед ним была не женщина, а золотой вампир.

Высвободив одну руку, он выбил чашу из рук служанки; вино, словно кровь, разлилось по полу. А затем кулаком ударил Викиру в алый хищный рот.

Она отшвырнула Прайса на другой конец кушетки. В глазах ее горела адская злоба.

— Ты ударил Викиру?! Меня? Викиру? Королеву Энза и жрицу змея?

Вскочив, Прайс быстро пошел к выходу.

— Убирайся! — бросила она ему в спину, — Но не проси милости у Викиры. Ни для себя, ни для той жалкой рабыни, которую ты так любишь!

Не оглядываясь, Прайс шел через зал. Он уже коснулся занавеса, когда Викира позвала:

— Иру! Останься, лорд Иру!

Оглянувшись, Прайс увидел бегущую за ним Викиру, бледную и прекрасную в мерцающем свете факелов. Опустив за собой занавес, американец услышал ее сдавленный крик, полный горя и ненависти.

Спеша мимо роскошной колоннады в свои покои, Прайс невольно вспомнил вычитанные когда-то строчки: «В самом аду нет ярости страшнее, чем у отвергнутой женщины».

Глава двадцать шестая. Месть Викиры

Но даже теперь Прайс еще не до конца понимал коварство Викиры. Вернувшись в свои покои, он сменил роскошь церемониальных одежд на привычный костюм, который ему вернули.

Вооруженные служанки застыли у входа в его комнату. Переодевшись и натянув золотую кольчугу Иру, Прайс лег на постель. Топор и щит он положил рядом.

Он не спал, каждую секунду ожидая, что сейчас на него обрушится смертоносный гнев Викиры. Наверняка золотая женщина захочет ему отомстить, но как именно, оставалось только гадать. Может, она придет убить его своими собственными руками? Или пошлет к нему тигра? Или просто отдаст Маликару?

Была полная луна, но в широких, незастекленных, выходящих на юго-запад окнах комнаты Прайса чернело пустое звездное небо.

Серебристый свет луны сюда не проникал. Прайс прислушивался к разговорам стражниц за дверью. Какое-то время они о чем-то тихо беседовали, затем голоса стихли. Зеленоватый свет факела, пробивавшийся в щель, замерцал и

потух. Похоже, жрицы уснули.

Прайс не забыл о своем обещании встретиться в полночь с Фархадом. Он не больно-то рассчитывал на успех всей этой затеи, но, во всяком случае, ночь обещала быть интересной. Ну а если им и в самом деле удастся выбраться из замка... Там, если дело до этого дойдет, Прайс с чистой совестью сможет воспользоваться золотым топором.

Девушки у порога даже не шелохнулись, когда американец бесшумно поднялся с постели и на цыпочках подбежал к окну. Перевалив через подоконник, он осторожно спрыгнул вниз, на каменистую тропинку. Первая часть операции прошла на удивление гладко и просто.

Полная луна отражалась в полированном мраморе и блестящем золоте. Ее свет наполнял дворы и колоннады феерическим серебряным великолепием.

Прятаться при таком ярком лунном свете было практически невозможно. Но Вирл был тих и пустынен. Прайс, беспокойно оглядываясь по сторонам, прокрался до условленного места встречи.

Во всем большом дворе ему не встретилось ни одной живой души. Он чувствовал себя последним идиотом из-за того, что поверил словам

старого шейха о побеге. Разве можно доверять этому лицемерному бедуину? Прайс не знал, то ди вернуться обратно в свои покои, то ли попробовать в одиночку совершить самоубийственный спуск по отвесной стене высотой в полмили... Он еще не решил, как же ему поступить, когда из густой тени возле кустов услышал глухой шепот.

— Эфенди?! — Это был голос Фархада.

Прайс быстро подошел к кустам. Он увидел шейха, вооруженного коротким метательным копьем. Рядом с ним стояла жрица с кинжалом на поясе и с мотком веревки на плече.

— Я рад, что вы пришли, — прошептал Фархад. — Плохое это место, особенно в полнолуние. Не нравится мне золотая джиния.

— Идите за мной, — прервала его жрица. — И не шумите.

Она повела Фархада и Прайса по тенистой пальмовой аллее к восточной стене замка. Здесь, чуть севернее одной из башен, со стены свисала веревочная лестница.

— Поднимайтесь, — прошептала женщина. — И ни звука. Ждите меня в тени башни.

Прайс быстро залез наверх. Фархад последовал за ним. Вскоре поднялась и женщина, так и не расставшаяся со своей веревкой. Они оказались

на вершине стены в проходе шириной около шести футов.

С одной стороны лежал залитый лунным светом волшебно прекрасный Вирл, с другой, на дне обрыва высотой в полмили, — мрачное запустение лавовой равнины.

Привязав конец веревки к вмурованному в стену металлическому крюку, жрица сбросила веревку вниз.

— Спускайтесь, — прошипела она. — И не мешкайте. Внизу вы найдете вырубленную в скале тропинку. Только не шумите. Давайте побыстрее, пока не проснулась госпожа.

Фархад повернулся к женщине, явно намереваясь ее обнять, но она, нетерпеливо дернув плечом, подтолкнула араба к веревке. Не тратя больше времени, Фархад исчез за парапетом.

Дождавшись, пока веревка ослабла, Прайс полез за ним.

Ему почему-то все это очень не нравилось. Както больно просто они убежали из совершенно неприступного замка. Что-то тут было не так. Но вот что именно?.. Этого Прайс понять не мог.

Руки Фархада коснулись ног Прайса и помогли ему встать на узкую полочку, вырубленную в скале. Дюран отпустил веревку, и невидимая в

темноте жрица мигом втащила ее обратно на стену.

Полка шириной всего в пару футов, не больше, вела вниз и направо. Не колеблясь, Прайс двинулся вперед. Фархад — за ним.

И все равно легкость, с которой они убежали из замка, не давала американцу покоя. Слишком уж все получилось просто. Только в одном он чувствовал облегчение: никакое обещание не мешало ему теперь в случае необходимости использовать золотой топор Иру.

Тропинка серпантином вилась по восточному склону горы и после недолгого спуска привела беглецов к крутой каменной осыпи, по которой они наполовину сбежали, наполовину съехали к лавовой равнине.

— Славен Аллах, эфенди, — пропыхтел Фархад. — К рассвету мы будем в Эль-Яриме.

Когда позади осталась первая миля, Прайс обернулся. Грозно и зловеще чернела на фоне серебристой в лунном свете равнины легендарная Скала Ада. В ее нижней части блистал золотой квадрат — ворота, куда недавно тщетно стучался Прайс. Высоко вверху сиял замок.

Прайсу было страшно. Он все еще не мог понять, как им с Фархадом удалось спастись.

— Спаси Аллах! — внезапно вокликнул Фархад, когда они удалились от горы, наверное, уже на пару миль. В голосе араба звучал неподдельный ужас.

Он смотрел назад. Прайс тоже повернулся, и кровь застыла у него в жилах. Золотой квадрат исчез. Это значило, что ворота открыты.

А потом он увидел тигра, золотого монстра, бегущего по лавовой равнине. Тигра с платформой на спине. Можно было даже разглядеть крохотную фигурку Викиры.

Теперь Прайс знал, почему побег оказался так прост. Он понял всю дьявольскую жестокость ее мести. Это все она придумала! Ловушка! Мужские достоинства Фархада произвели на его тюремщицу далеко не столь большое впечатление, как возомнил шейх. Ничего удивительного, что ей не терпелось поскорее отправить в путь надоедливого старика.

Все это было запланировано, и, похоже, еще до того, как Прайс отверг предложение Викиры.

— О Аллах! О горе мне! — причитал Фархад. — Джиния всего лишь играет нами!

А над пустыней сквозь серебро лунных лучей несся протяжный рев тигра, вышедшего на охоту.

Глава двадцать седьмая. Лагерь в долине

Услышав рев золотого тигра, Прайс и Фархад бросились бежать. Этот рев, пробуждая слепой доисторический страх, в единый миг превратил их из homo sapiens в насмерть перепуганных животных. Спотыкаясь и падая, они мчались по залитой лунным светом равнине, ничего не видя на своем пути.

Когда Прайс наконец пришел в себя, он задыхался. Его легкие готовы были разорваться, и словно раскаленный нож вонзался ему в бок при каждом вдохе. Горячий пот заливал глаза, а руки и ноги налились свинцом.

Усилием воли Прайс заставил себя остановиться. От оазиса их отделяло много десятков миль, так что нечего было и думать добраться туда раньше тигра. А раз так, то бежать не имело ни малейшего смысла. Этим они только доставят удовольствие Викире, придумавшей дьявольскую «охоту».

Тяжело дыша, американец залег за обветренным выступом черной лавы. Фархад между тем бежал дальше, на каждом шагу хрипло призывая

на помощь Аллаха и его пророка.

Прайс лежал тихо, легонько поглаживая ладонью рукоять своего топора. Это было чистым безумием — надеяться на победу в схватке с тигром величиной со слона. Но бегство означало верную смерть. А уж если суждено погибнуть, то лучше в бою, с оружием в руках. Так, во всяком случае, казалось Прайсу.

Из своего укрытия он видел, как быстро и легко несется по равнине золотой тигр. Казалось, он буквально летит над черными камнями. Зор бежал прямо на Прайса, однако в последний момент чуть отвернул в сторону. Викира торжествующе закричала, и голос ее прозвенел, будто серебряный колокольчик.

Прайс решил, что его заметили. Но нет, Викира, похоже, увидела Фархада. Впрочем, тигр, без сомнения, найдет и второго беглеца. Найдет, как только подойдет ближе. Если эта громадная кошка не потеряла умения идти по следу...

Раздумья прервал гром выстрелов. Он доносился оттуда, куда сломя голову бежал Фархад. Засвистели пули. Тигр замер. От спрятавшегося за камнем Прайса его отделяло всего несколько сотен ярдов. Даже не высовываясь, американец видел застывшую на спине зверя Викиру. Она

напряженно глядела вслед Фархаду. А потом, пригнувшись, повернула тигра и помчалась прочь. Еще миг ее желтый «конь» помаячил на дальнем хребте, а затем окончательно растаял в ночи.

Ругаясь от облегчения, Прайс поднялся на ноги. Ему хотелось смеяться. Хитрый план Викиры вышел ей боком. Она стремилась пробудить в своих жертвах надежду на спасение лишь для того, чтобы потом ее растоптать. Поманила их свободой — и в итоге подарила пленникам то, чего совсем не собиралась им давать.

Идя вслед за убежавшим шейхом, Прайс вскоре приблизился к группе вооруженных карабинами людей. Один из них окликнул американца, и он прокричал в ответ свое имя.

— Неужели это вы, мистер Дюран? — выходя ему навстречу, воскликнул Сэм Сорроуз. И, подойдя поближе, вполголоса спросил: — Что здесь вообще происходит?

— Дама натигре хотела немного поразвлечься. Решила заняться охотой, в которой нам с Фархадом отводилась роль дичи. Хорошо еще, что мы натолкнулись на вас.

— Мистер Дюран, — Сэм говорил теперь совсем тихо, — вы лучше держитесь настороже. И поглядывайте насчет этого полукровки де Кастро.

Поганец всегда вас недолюбливал, а с тех пор, как вы отняли у него девушку, он и вовсе взбеленился. Кстати, вам удалось что-нибудь узнать?

— Да, Сэм. Я даже видел ее. Внутри горы. Этот дьявол, Маликар, хочет сделать кровь Айсы золотой. Но все-таки что там с де Кастро?

— Ну... он не станет целовать песок, по которому вы ходите. И многие в отряде его поддерживают. И видите ли...

Канзасец замялся, нервно перекладывая свой карабин из руки в руку.

— Что еще, Сэм?

— Понимаете, мистер Дюран, мы видели вас... вчера в мираже.

— Ах, это... — Прайс начисто забыл о своем визите в зал иллюзий. — Ну и что?

— Ну, сэр, мне не хочется этого повторять... но очевидно ведь, что вы с золотой женщиной следили за нами. И похоже, отношения у вас самые что ни на есть дружеские. Люди говорят...

— Что они говорят?

— Я, мистер Дюран, разумеется, в вас не сомневаюсь, — заверил Сэм, хотя Прайс заметил в его голосе легкую неуверенность, словно на самом деле канзасец и сам не до конца верил своим словам. — Но люди думают, что вы нас предали.

Де Кастро строил тут весьма неутешительные планы на случай, если вы попадете к нему в руки. Я хотел вас просто предупредить.

— Спасибо, Сэм. — Прайс с чувством пожал мозолистую руку канзасца.

— Вам многое придется объяснить, сэр. Вы прибежали к нам, и золотая женщина гналась за вами на тигре — согласитесь, все это выглядит довольно странно. Могут подумать, что вы просто подстроили погоню, чтобы вернуться в лагерь и разведать наши планы.

— Но со мной был Фархад.

— А что это меняет? — пожал плечами Сэм. — Удачи вам, сэр. И помните, я на вашей стороне.

В вади за каменной грядой Прайс обнаружил небольшой лагерь.

Никаких костров. Никаких шатров. Два десятка белых, сидящих среди вьюков. Арабы Фархада, с гомоном окружившие вернувшегося шейха. Лежащие на земле верблюды. И серая громада танка.

Навстречу Прайсу вышел Якоб Гарт.

— Не стоит ему слишком доверять, — шепнул Сэм, проводивший Прайса мимо часовых в центр лагеря. — Он пойдет на что угодно, лишь бы ублажить де Кастро и его людей... во всяком случае, до

тех пор, пока не заполучит золото.

Прайс понимал это и без объяснений.

— Значит, ты опять вернулся, Дюран! — прогремел голос Гарта, как всегда спокойный и бесцветный.

— Да.

— А тебе не приходило в голову, что ты как-то слишком часто появляешься и исчезаешь? Твое поведение может показаться несколько подозрительным, как ты думаешь?

— Я могу все объяснить.

— Ты можешь объяснить, почему вчера утром мы видели тебя в мираже? И явно на короткой ноге с золотой женщиной... той самой, от которой ты сегодня якобы спасался бегством.

— Да.

— Ну попробуй.

— Послушай, Гарт. Ты считаешь меня предателем. Я признаю, что у меня действительно был шанс, даже два шанса заключить с ней сделку. Но мне потому и пришлось бежать от Викиры, что я не предатель. Гарт, я побывал внутри горы и теперь кое-что знаю. Мне кажется, если ты планируешь взять гору штурмом, я вполне мог бы оказаться вам полезным. А ведь ты собираешься ее штурмовать, не так ли?

— Что, играешь два края против центра, так я понимаю?

Вспыхнув, Прайс лишь с большим трудом заставил себя говорить спокойно:

— Гарт, я, кажется, не давал тебе оснований сомневаться в своем слове. И я готов честно рассказать тебе все, что узнал о наших врагах. Но прежде я должен получить гарантии, что ты... и твои люди... не будете покушаться на мою жизнь и свободу.

Одутловатое лицо Гарта блестело в лунном свете, словно высеченное из холодного мрамора. Его глаза блестели.

— Ну ладно, Дюран, — наконец кивнул он. — Я согласен. Мы атакуем на рассвете. Через несколько минут Сэм Сорроуз поедет обратно в Эль-Ярим распорядиться насчет аэропланов. Им предстоит сбросить на замок бомбы. Как, это покончит с проклятым миражом или нет?

— Если удастся попасть в зал иллюзий. Он расположен под куполом самой высокой башни.

— Хорошо. Может быть, твоя информация действительно чего-нибудь стоит. С аэропланами, танком, карабинами, пушками и пулеметами мы справимся с любым противником. Динамитом мы пробьем себе путь внутрь горы. Ты расска-

жешь нам все, что знаешь. Вместе со мной заново проработаешь план штурма. Я обещаю тебе безопасность. Но до окончания битвы я буду держать тебя под стражей.

— Еще один вопрос... — начал Прайс.

— Ты думаешь о той девушке? Вот что, Дюран, ты должен понять, что я обещал ее де Кастро. Если он, конечно, сумеет ее найти. Тебе лучше о ней забыть.

— Но это несправедливо...

— Справедливость меня не волнует. Мне нужно золото. Хочешь — выкладывай, что знаешь, и я гарантирую тебе жизнь и свободу. Нет — я отдам тебя де Кастро, и пусть он делает с тобой что захочет. Сейчас Жоао спит. Может, за ним послать?

Спорить было бесполезно, и Прайс сдался. Он еще рассказывал о своих приключениях, описывая проходы внутри горы, когда послышался какой-то шум. Часовые подняли тревогу. Прогремел предупредительный выстрел, и хорошо знакомый Прайсу серебристый голосок пропел:

— Якоб Гарт! Якоб Гарт! Якоб Гарт!

Это был, конечно, голос Викиры. Прайс невольно вздрогнул. Зачем она пожаловала?

— Пошли, — решил Гарт, беря американца за руку.

Вместе они поднялись к часовым на замыкавшую долинку гряду. Впереди, в двух сотнях ярдов, стояла Викира. Тигра нигде не было видно.

— Это она? — спросил Гарт, вглядываясь в призрачную фигуру.

— Да, — кивнул Прайс. — Золотая женщина. Зовут ее Викира.

— Что тебе надо? — по-арабски прокричал Гарт.

— Якоб Гарт! Якоб Гарт! — прозвенел в ночи серебристый голос.

Гарт заколебался. Оглянулся на разбуженный лагерь, потом осмотрел залитую лунным светом пустыню. Когда он повернулся к часовым, голос его звучал, как всегда, спокойно и неторопливо.

— Пойду с ней поговорю. Если со мной что-то случится, стреляйте. И пусть он, — Гарт кивнул на Прайса, — ждет меня здесь. Присмотрите за ним. Он нам еще может пригодиться.

И с этими словами Якоб Гарт пошел навстречу Викире. Прайс увидел, как англичанин остановился около золотой женщины, услышал слабое эхо их голосов. Вскоре они уселись на камни лицом друг к другу. Беседа, похоже, предстояла долгая.

Гарт и Викира разговаривали почти час. Потом

золотая женщина легко убежала прочь, растаяв в ночном полумраке, а Гарт неторопливо вернулся к застывшей на вершине гряды цепочке часовых. Всем не терпелось узнать, о чем он беседовал с Викирой, но, несмотря на любопытство, спросить об этом впрямую никто не решался.

— Теперь ты удостоверился, что я не заодно с этой женщиной? — прервал молчание Прайс.

— Да, Дюран, — медленно кивнул Гарт. — Похоже, ты вел себя с ней как последний дурак. Иди сюда.

Отведя Прайса в сторону от часовых, он продолжал вполголоса:

— Дюран, больше ты мне не понадобишься. И я убежден... по тому, о чем мне рассказала эта женщина, что ты не станешь, да и не сумеешь ничем нам помешать. Ты можешь идти.

— Идти? — непонимающе переспросил Прайс.

— Убирайся из лагеря. Уходи так же, как ты в него пришел. И чем быстрее, тем лучше. Ты здорово не нравишься Жоао де Кастро. И этой женщине тоже. Так что не стоит тебе здесь задерживаться.

Повернувшись к часовым, Гарт прогремел:

— Мистер Дюран от нас уходит. Дайте ему десять минут, чтобы выйти за пределы ружейного выстрела.

Глава двадцать восьмая. В логове змея

— Мне очень жаль, что все так вышло, мистер Дюран, — улыбнулся Сэм Сорроуз, — но, поверьте, могло бы быть и хуже.

Он склонился над своим лежащим на земле верблюдом.

Сэм привез Прайсу канистру воды и немного сушеных фиников, вяленого мяса и галет.

— Этого вам хватит, чтобы добраться до оазиса. Удачи, сэр.

Прайс чуть не расплакался, пожимая руку своего друга. Рассовав по карманам привезенные канзасцем продукты, он под наведенными на него дулами карабинов пошел прочь, в пустыню.

Прайс задумчиво брел по залитой лунным светом равнине. Все пропало. Последний шанс испарился. Но не в привычках Дюранов было опускать руки перед трудностями. Ни в один момент он не собирался покорно возвращаться в оазис. Ему в голову пришел отчаянный и дерзкий план.

Прайс знал путь внутрь горы. Тот самый путь, которым его провел Криор. Прайс хорошо запомнил дорогу и в случае необходимости мог

бы найти ее самостоятельно. Возможно, теперь жрецы выставили там охрану, приходилось рисковать.

В горе тоже ждало множество опасностей. Фанатичные слуги Маликара. Сам золотой человек. Желтый змей, мимо которого надо пройти по пути к Айсе. Прайс содрогался при одной мысли о холодном, древнем зле, горевшем в гипнотизирующих глазах бессмертной рептилии.

Однако больше всего американец боялся золотого тумана. Неодолимый сон однажды уже одолел его в самый неподходящий момент. Даже если он избежит всех других опасностей, Прайс просто-напросто не успеет добраться до Айсы и вынести ее на свежий воздух.

Но, быть может, найдется способ как-то защититься от золотого тумана? Что, если сделать примитивную газовую маску? Прайс вспомнил все, что только знал о подобных вещах. Первые маски, применявшиеся во время немецких газовых атак, представляли собой просто смоченную водой ткань. Возможно, это поможет и здесь[9] Если желтый газ связывается водой или заменяет воду в человеческом теле, значит, он обладает с ней высоким сродством. А раз так, то мокрая тряпка, закрывающая рот и нос, должна помочь

очистить вдыхаемый воздух от усыпляющей золотой отравы.

Окрыленный новой надеждой, Прайс заторопился на запад, огибая гору. Утомленный тяжелой ночью, он решил немного передохнуть там, где они с Криором начали подъем по отвесной северной стене. Уснуть Прайс не решился, но полежать часок — полежал.

Рассвет застал его упорно карабкающимся по скалам. Вскоре раздались глухие разрывы бомб и гул самолетных моторов. Очевидно, Гарт пошел в атаку. И вполне вероятно, что Викира стала его союзницей. Прайс даже похолодел, представив, что будет, если они попадут в подземный храм раньше его. Айсу, попавшую в руки Викиры, без сомнения, ждала участь неизмеримо худшая, нежели похотливые объятия де Кастро.

И вот наконец Прайс добрался до заветной трещины и благодарно проскользнул в темноту, в уходящие в глубь горы пещеры. Вскоре свет остался далеко позади; дорогу приходилось искать на ощупь, считая шаги и по мере возможности выдерживая направление. Не раз и не два американец налетал на камни и сталактиты, но под конец все-таки выбрался в большую пещеру, а из нее — в первый высеченный в скале проход.

Дальше найти дорогу не представляло особого труда. Точно повторяя пройденный ранее путь, Прайс дошел до наклонного спирального тунеля. Раз за разом гора вздрагивала от тяжелых бомбовых ударов. В какой-то момент послышались суматошные крики и далекий треск карабинов.

Он ожидал встретить часовых, но, похоже, Маликар все свои силы бросил на отражение атаки Гарта. Впрочем, как Прайсу вскоре предстояло узнать, Маликар оставил возле Айсы стража пострашнее любого вооруженного жреца.

Понемногу звуки боя стихли.

Воздух в туннеле начал едва заметно светиться. Желтое сияние делалось все ярче и ярче, а на стенах вскоре появился золотой иней.

Наконец проход стал более пологим, и вскоре Прайс очутился на пороге громадного подземного храма. Он только-только шагнул в заполненный золотым туманом зал, когда услышал сердитое шипение.

Впереди, между выходом из туннеля и мостом, ведущим к нише, где спала Айса, лежал змей, свернувшийся тугими кольцами. Прайс невольно отступил.

Толстое тело змея сверкало крупной золотой

чешуей. Длинная шея поднялась на десять футов в воздух. Плоская широкая голова медленно покачивалась из стороны в сторону. Холодным пламенем горели черные, не знающие жалости глаза. В раскрытой шипящей пасти сверкали длинные золотые клыки.

Взор змея приковал Прайса к полу. Ничуть того не желая, он обнаружил, что покачивается вместе с головой змея, почувствовал, как холод поднимается по позвоночнику, ледяными пальцами берет за сердце. Прайс отчаянно боролся против гипнотической силы змея. В прошлый раз, столкнувшись с этой рептилией в мираже, он сумел освободиться. Если смог тогда, должен справиться и теперь! Он же видел, как Маликар победил эту тварь, подчинил ее себе. Змей явно знал, что такое страх.

По крупицам собрав всю силу воли, Прайс заставил себя переставить одну ногу. Потом — вторую. Он шел, шел к змею. Пусть медленно и шатаясь, словно механическая игрушка, но шел. Сделав над собой неимоверное усилие, Прайс поднял золотой топор.

Маликар, внезапно вспомнилось ему, кричал на змея.

В горле у Прайса пересохло, голос его звучал

хрипло. Но он, как мог, запел древнюю боевую песнь короля Иру. Точнее, даже не запел, а начал выкрикивать короткими рублеными строфами.

Змей перестал покачиваться. Не прекращая шипеть, он отвел голову как для удара, и Прайс заставил свои онемевшие руки поднять овальный щит.

Но желтая голова не долетела до цели. Остановившись на полпути, она вернулась в прежнее положение. Змей не привык к сопротивлению и потому, похоже, растерялся.

Радость победы горячей волной прокатилась по телу Прайса. Громче выводя песню топора, он уже более решительно продолжал наступать на ползучего стража.

Змей втянул голову и замер, положив ее на туго скрученные кольца. Сверкали черные глаза — холодные, бездонные и напуганные.

Ноги сами собой донесли Прайса до внешнего, холодного и гладкого золотого кольца. Черные глаза глядели на врага со странным недоумением и пониманием. Прайс, подражая Маликару, ладонью ударил змея по голове. Его ноги подкашивались от ужаса. Всеми фибрами своей души ему хотелось броситься наутек, прочь, подальше от этого страшного, смертоносного золотого

чудовища. Однако Прайс не мог позволить себе слабости. Ему хотелось бежать, но он не мог позволить себе не ударить змея.

Со всей своей недюжинной силой Прайс несколько раз ударил змея по морде. Он бил так крепко, что у него самого заболела ладонь. И все это время он громко распевал боевую песню Иру.

А потом, отвернувшись, Прайс неторопливо пошел к мосту. Он намеренно не оглядывался, стараясь ничем не выказать страха или неуверенности. Еще миг, и американец уже ступил на узкую полоску камня, протянувшуюся над бездонной пропастью к нише, где покоилась спящая Айса.

Глава двадцать девятая. Золотая кровь

Как ни странно, на сей раз Прайс не испытывал никакого головокружения. Спокойно и не глядя под ноги, в полную клубящегося зеленовато-желтого тумана пропасть, он шел по узкому каменному мостику. Озабоченный судьбой спящей девушки, он и думать забыл об опасности.

А еще он совершенно забыл о маске, которой предстояло защитить его от снотворного влияния желтого пара. Прайс добрался уже до середины моста, когда легкое головокружение и вялость напомнили ему об этом упущении.

Задержав дыхание, американец почти бегом преодолел последнюю сотню футов до ниши с четырьмя каменным столами. Останавливаться над пропастью он не решился. Но теперь, добравшись до безопасного места, Прайс вытащил из кармана носовой платок, смочил его водой из канистры и завязал на голове, старательно закрыв мокрой тканью и рот, и нос.

Айса все так же лежала на желтом камне. Лежала совершенно неподвижно. Погруженная в глубокий сон, она мерно и глубоко дышала. И снова ее милое лицо было покрыто легким золо-

тым инеем.

С дрожью в сердце Прайс стер иней с чела девушки, с ее губ, с маленьких изящных рук и не удержался от радостного крика. Под золотым инеем кожа Айсы оставалась чистой и белой. Страшившее Прайса замещение воды соединением золота еще не произошло. Наверное, для этого требовались месяцы. Может быть, даже многие годы.

Прайс попытался разбудить девушку. Тряс ее за плечи, звал по имени... Она не открывала глаз.

И вдруг установившуюся было тишину вновь нарушило сердитое шипение. Змей, свернувшийся у входа в громадный подземный зал, преграждал путь Викире, въехавшей сюда на своем тигре.

Змей яростно бросился на пришельцев, но Викира, легко соскочив с укрепленной на спине тигра платформы, кинулась ему навстречу. Она что-то говорила — странные, мелодичные звуки, и под их влиянием шипение начало понемногу стихать. Викира бесстрашно приблизилась к змею, а за ее спиной тигр, оскалив громадные клыки и грозно рыча, изготовился к прыжку. Но рептилия не ударила золотую женщину. Опустив голову, она покорно свернулась у ее ног.

Не переставая говорить, Викира погладила плоскую длинную чешуйчатую шею. Ее голос опустился до шепота. Тигр все еще рычал, но жрица одним словом заставила зверя замолчать.

Отвернувшись от успокоившегося змея, она двинулась к мосту через пропасть. Из-за пояса Викира достала сверкающий золотой клинок, длинный и узкий, как стилет. Теперь Прайс не сомневался: Викира пришла убить Айсу. Пришла убить несчастную, ни в чем не повинную девушку, которую возненавидела волею слепой судьбы.

Схватив золотой топор, Прайс двинулся навстречу жрице. Он знал, что страсть золотой женщины сменилась ненавистью. Он знал, что ему сейчас придется сражаться насмерть. И речь пойдет не только о его собственной жизни, но и о жизни его возлюбленной.

При виде Прайса торжество на лице Викиры сменилось безграничным удивлением. Потом на смену удивлению пришла зловещая радость.

Они сошлись в сотне футов от выхода с моста. Не дойдя до Прайса дюжины шагов, Викира остановилась и приветствовала своего недавнего пленника насмешливой улыбкой, хотя глаза ее горели злобой.

— Мир тебе, Иру, — с откровенной издевкой в голосе сказала Викира. — Мир тебе, если ты этого хочешь.

— И тебе мир, Викира, — серьезно ответил Прайс. — Если ты уйдешь.

— Но, Иру! Может быть, ты передумал? Ты же знаешь, что вчера вечером я говорила с Якобом Гартом. Я обещала ему то же самое, что и тебе. В отличие от тебя, он принял мое предложение, и мы вместе вошли в гору. Как раз сейчас он сражается с Маликаром в верхних залах. Что касается меня, то я прорвалась сюда. Ты спросишь зачем? Лишь для того, чтобы на кусочки разрезать эту проклятую рабыню. Разрезать на куски и побросать в пропасть. Тогда наконец с ней больше не будет никаких хлопот.

Дрожа от ярости, Прайс выругался.

— Итак, Иру, — загадочно улыбнулась Викира, — ты все еще не передумал? Может, ты забудешь рабыню и примешь корону Энза?

— Ничего не выйдет! — отрезал Прайс. — Убирайся отсюда... или сражайся со мной!

Викира засмеялась. Своим похожим на рапиру золотым клинком она показала на кошмарный провал у них под ногами. Прайс невольно опустил взор, и голова у него закружилась при виде

этой зелено-желтой бездны.

— Как хочешь, — улыбнулась Викира, — но тогда и ты сам, и твоя девка будете вечно лежать там, внизу...

Она легко скользнула вперед.

Прайс принял удар ее клинка на щит и взмахнул древним топором. Викира без труда отступила, и тяжелое золотое лезвие рассекло один лишь желтый туман. Прайс едва не свалился с моста.

Пока он отчаянно пытался восстановить утраченное равновесие, Викира снова устремилась в атаку. На сей раз тонкое лезвие было нацелено точно в горло Прайса. Спасаясь от смертоносного выпада, американец отступил. Однако чуть-чуть не рассчитал и одной ногой заступил за край.

При виде отчаяния, отразившегося на лице врага, Викира не удержалась от смеха.

— Не забудь, Иру, золотые люди не могут умереть, — издевательски сказала она. — А ты вот очень даже смертен... хотя и способен родиться еще раз, чтобы я снова тебя убила.

Викира сделала новый выпад, быстрый укол и вновь ускользнула за пределы досягаемости. Древняя кольчуга защитила Прайса, но теперь американец понял, что ввязался в бой с весьма серьезным противником.

Кольчуга и щит давали ему некоторое преимущество, хотя, с другой стороны, затрудняли его движения и мешали удерживать равновесие на узком мостике. А еще Прайс не мог в полную силу бить топором — в случае промаха он сам свалился бы с моста.

Что касается Викиры, то у нее, похоже, с равновесием все было в полном порядке. Она буквально танцевала на тонкой ниточке покрытого золотым инеем камня, молниеносно атакуя и без труда уклоняясь от неуклюжих ударов противника.

Снова и снова Прайсу приходилось отступать. Он от души сожалел, что, поддавшись порыву, выбежал на мостик, однако пропустить Викиру в нишу не решался. Проскользнув мимо, жрица могла заколоть Айсу.

Оставался последний шанс. Отступить до конца моста и остановить золотую женщину там, на краю, где сам он сможет двигаться и бить без боязни упасть в пропасть. Главное при этом — не дать Викире сойти с моста.

Отражая молниеносные выпады, Прайс малопомалу добрался до спасительного края. Золотая ведьма все еще плясала на мостике. Ее выпады оставались такими же быстрыми, но теперь Прайс мог наконец сражаться в полную силу.

Уклонившись от нацелившегося ему в горло тонкого золотого клинка, американец яростно взмахнул топором.

Удар пришелся Викире в плечо. Ее правая рука бессильно повисла. Золотой клинок со звоном упал на мост и, покатившись по камню, упал в клубящуюся туманом пропасть.

Вскрикнув от боли и зажав рукой рану на плече, жрица поспешно отступила. Рана была неглубокой, но из нее, ручейком стекая на мост, сочилась кровь. Золотая кровь. Желтая и блестящая, словно расплавленный металл.

Несколько секунд Викира стояла неподвижно, сверкая раскосыми глазами. А потом, с яростью тигрицы, бросилась на Прайса, будто намереваясь разорвать его на клочки голыми руками.

Подняв над головой топор, Прайс хотел ударить Викиру — и не смог. Не поднималась у него рука вот так просто взять и зарубить безоружную женщину. Даже такую, как Викира.

Отбросив оружие в сторону, Прайс сжал кулаки.

С легкостью увернувшись от его ударов, жрица прыгнула на врага. Она, казалось, уже совершенно оправилась от своей явно не слишком серьезной раны. Викира набросилась на амери-

канца, кусаясь и царапаясь, будто дикий зверь, и Прайс быстро пожалел о своем бездумном джентльменстве. Зря он бросил топор. Это не женщина, это золотая ведьма.

Враги столкнулись, и Прайс, зашатавшись, не удержался на ногах. Вместе они покатились по усеянному золотыми кристалликами полу. Покатились и тут же снова вскочили на ноги.

Викира была нечеловечески сильна. Она дралась с дьявольской, звериной яростью. Прайс знал кое-какие приемы борьбы, но этого было мало, чтобы совладать с безумным натиском золотой женщины.

Он задыхался, судорожно ловя ртом воздух. Проклятая тряпка на лице не давала ему вздохнуть. Впрочем, без нее он бы давно уже уснул.

Викире тоже приходилось нелегко. Тело ее покрывала золотая кровь, вытекшая из раны. Она тяжело дышала, однако раз за разом уходила из самых хитрых захватов Прайса.

Медленно и неотвратимо жрица тащила его к краю пропасти. И тут американцу удалось, пусть и не лучшим образом, провести подсечку. Они упали. Острый край больно врезался Прайсу в плечо. Под собой он видел бездну, полную зелено-желтого клубящегося тумана.

И невольно еще крепче вцепился в Викиру. Если уж ему суждено погибнуть, то умрет он не один.

Викира испуганно закричала. Она отчаянно пыталась освободиться... Все напрасно. Еще миг, и враги вместе полетели вниз.

Жрица попыталась схватиться за скалу, но Прайс видел, что это ей не удастся. И тогда, в самый последний момент, он отпустил женщину. Его пальцы уцепились за каменный край, и он повис над пропастью. Над пропастью, куда упала Викира. Лишь один короткий, полный беспредельного ужаса крик донесся из непроницаемого тумана, и женщина исчезла, словно ее тут никогда и не было.

Прайсу просто повезло, что в решающую секунду из них двоих ближе к скале оказался он.

Медленно, напрягая и без того гудящие от усталости мускулы, американец выбрался наверх. Перевалил через край и блаженно растянулся на покрытых желтым инеем камнях. Затем с трудом поднялся на ноги.

Прайс стоял, дрожа от изнеможения, пытаясь хоть немного прийти в себя. И тут раздались выстрелы и рев танкового мотора. Подняв глаза, он увидел на другой стороне провала, в основном

зале подземного храма, небольшую группу одетых в синее жрецов.

Вооруженные копьями и ятаганами, они выбежали из туннеля, отступая перед смертоносным ружейным огнем.

Глава тридцатая. Золото и сталь

Похолодев, Прайс наблюдал за разгоревшейся у входа в зал битвой. Ему было все равно, как она закончится. Если победят жрецы, они с Айсой снова попадут в руки безжалостного Маликара. Если же победа останется за пришельцами, то жди неприятностей от злопамятного и жестокого Жоао де Кастро.

Впрочем, исход сражения был предрешен. Лишь быстро тающая горстка жрецов с копьями в руках еще защищала вход в подземный храм. Пули валили их одного за другим. А потом в зал с ревом ворвалась серая махина танка, и треск пулеметов похоронным маршем отозвался под высокими сводами.

Но до победы чужеземцам было еще далеко. Навстречу железному монстру со злобным шипением поднялся громадный золотой змей. Танк замер, следовавший за ним небольшой отряд белых — тоже.

Прайс видел, как мерно покачивается из стороны в сторону голова змея, и знал, что его бывшие союзники попали под колдовское влияние змеиного гипноза.

Отвернувшись, американец вновь попытался разбудить Айсу. Импровизированная газовая маска, похоже, вполне успешно защищала его от усыпляющего влияния золотого пара. Возможно, если надеть девушке такую же, она и очнется. Быть может, им удастся провести вместе хотя бы несколько минут перед тем, как расстаться навек.

Сняв с головы Айсы накидку, Прайс стряхнул осевший иней и смочил ткань водой из фляги. Затем осторожно прикрыл этой «газовой маской» лицо девушки. На всякий случай он еще раз намочил и свой собственный платок.

Прайс как раз закончил эту операцию, когда его внимание привлекли яростный рев и сердитое шипение, раздавшиеся с другой стороны провала.

Тигр Викиры напал на змея. Два золотых чудовища сошлись в потрясающей воображение битве. Тигр, более крупный и тяжелый, рвал змея своими когтями. Но он имел дело с достойным противником.

Прямо на глазах у Прайса змей обвил тигра кольцом, потом вторым и третьим, а длинные змеиные клыки раз за разом вонзались в шею ревущей от боли и ярости кошки.

Настоящая битва титанов. Схватка полуметаллических, сверхъестественно сильных, практически неуязвимых и бессмертных существ. Крохотные людишки, очнувшись от сковывавшего их паралича, испуганно жались к стенам зала.

И тут, словно разбуженный бушующей в подземном храме схваткой, вернулся к жизни танк. Лязгая гусеницами, он завертелся на месте. Затрещали пулеметы, кося последних оставшихся в живых жрецов, что завороженно глядели на битву своих богов.

Yudin 99

А силы противников, похоже, были примерно равны. Занятые друг другом, чудища не обращали внимания ни на что вокруг, и бывшие спутники Прайса временно остались хозяевами положения. Они собрались вокруг танка. Прайс без труда мог различить Якоба Гарта и Жоао де Кастро, о чем-то горячо споривших с выглядывающим из люка машины Миллером. Сэма, верного друга и союзника, с ними не было. Его отправили в оазис обеспечивать воздушную поддержку штурма.

Пару минут спустя спор, похоже, закончился. Пожав плечами, Миллер скрылся под серой броней. Взревел мотор, и танк пополз в сторону дерущихся чудовищ.

А до конца схватки было еще очень и очень далеко. Змей тугими кольцами сжимал гигантское полосатое тело. Шипеть он перестал, но длинные клыки его не оставались без дела.

Однако и тигр не оставался в долгу. Длинные рваные раны вспороли золотую чешую рептилии. Золотая кровь ручьями текла по полу.

Явно встревоженный грохотом надвигающегося танка, тигр повернулся в его сторону. Но танк врезался в него прежде, чем тот успел отпрыгнуть в сторону. Удар многотонной стальной машины сбил опутанного змеиными кольцами тигра с

ног, отбросив зверя на самый край бездонной пропасти.

Похоже, тигр осознал нависшую над ним опасность. Во всяком случае, оставив попытки высвободиться из змеиных объятий, он начал отползать от смертоносного провала.

Мотор танка заглох. Прайс уже думал, что тигру и змею удастся спастись, но тут двигатель ожил, и серая бронированная машина вновь устремилась на золотых чудовищ.

Новый удар опять отшвырнул поднявшегося было на ноги тигра на край пропасти. Танк продолжал атаку.

Возможно, Миллер просто не рассчитал, а может, за круговертью золотых тел он и не видел, где кончается пол. Как бы там ни было, танк, тиф и змей единым клубком рухнули в бездонный, клубящийся желтым туманом провал. Секунда — и они исчезли из виду...

Стих тигриный рев и вой мотора. Бывшие союзники Прайса вышли из битвы победителями. Вот оно, перед ними — то богатство, ради которого они пришли в эти далекие земли. Прайс слышал суматошные, возбужденные голоса людей, похоже только сейчас осознавших, что находится вокруг них, что лежит у них под ногами. Золото.

Золото повсюду.

На глазах у Прайса Жоао де Кастро и Пашич, упав на колени, в судорожной спешке наполняли мешочек для еды золотыми кристаллами. Когда мешок был полон, они схватились за него сразу вдвоем. Дюжий черногорец без труда вырвал добычу из рук тщедушного азиата, и тогда Жоао схватился за свой длинный нож. Завязалась драка, и забытое золото посыпалось обратно на пол. Вытащив из-за пояса пистолет, Якоб Гарт спокойно пристрелил обоих.

И никто не обратил на это внимания. Охваченные золотой лихорадкой, люди не могли думать ни о чем другом. Они собирали и собирали золото, пока их не сморил сон, навеянный желтым туманом. В последний миг Якоб Гарт понял грозящую им опасность. Шатаясь, он бросился к выходу, но было поздно...

Нет, людям не удалось победить золото. В итоге оно разгромило их наголову. Искатели сказочных сокровищ валялись на полу, охваченные сном, которому суждено было продлиться до тех пор, пока в их жилах не потечет золотая кровь.

Поняв, что произошло, Прайс радостно и облегченно вздохнул. Путь свободен! Теперь он может без преград вынести Айсу на поверхность. А ко-

гда девушка будет в безопасности, он вернется и окажет этим людям помощь. Какую сможет.

В следующий миг все надежды Прайса на спасение обратились в прах.

В зал вошел Маликар с тяжелой золотой палицей на плече. С дьявольской хитростью верховный жрец держался в стороне от схватки до тех пор, пока все его противники не заснули. Теперь, переходя от одного спящего к другому, он безжалостно и методично отправлял их в путь, из которого уже не было возврата. Когда последний пришелец уснул вечным сном, Маликар еще немного постоял посреди усеянного мертвыми телами зала. Его золотая палица больше не была желтой. Она алела кровью.

Затем, вновь положив свое оружие на плечо, он двинулся через мост.

Глава тридцать первая. Судьба

Пытаясь остановить Викиру на мосту, Прайс совершил тактическую ошибку. Золотая женщина была и быстрее, и подвижнее. Но в случае с Маликаром все обстояло совсем иначе. Викира оказалась необыкновенно сильной; Маликар наверняка еще сильнее. В любой схватке, где исход боя решала сила, Прайс вряд ли мог рассчитывать на победу. А раз так, то следовало вести бой так и там, где главным становились ловкость и мастерство. Например, на узком мосту через бездонную пропасть.

Прайс чувствовал себя обреченным. Три раза сражался он с Маликаром и трижды оказывался побежденным.

Наклонившись, он стер губами золотую пыль с губ Айсы. На счастье... Несколько минут назад ему уже виделось, как он выносит девушку из этих зловещих подземелий. Выносит наверх, на солнечный свет и свежий воздух. Теперь же будущее рисовалось Прайсу в самом черном цвете. Маликар, расправившийся с врагами, стал втрое опаснее, чем прежде.

Тем временем золотой человек медленно шел

через мост. И вдруг вскрикнул сердито и удивленно. Похоже, он только сейчас заметил стоящего в нише скалы американца. Размахивая окровавленной палицей, Маликар побежал навстречу надоедливому чужеземцу.

Поправив мокрую ткань на лице Айсы, Прайс подхватил золотой топор и устремился навстречу противнику.

Они сошлись на середине моста. Маликар остановился, опершись на палицу.

— Снова ты, Иру? — гулко рассмеялся жрец, и в его смехе звучала откровенная насмешка, — Глупец, разве ты еще не понял, что я бог и неподвластен смерти.

— Нет, не понял, — покачал головой Прайс.

— Тебе никогда не победить судьбу! — еще громче захохотал золотой жрец. — Три раза мы встречались с тобой в бою, и все три раза удача поворачивалась к тебе спиной.

В катакомбах Энза по воле судьбы древко твоего топора сломалось пополам. Когда мы сражались на дне вади, судьбе было угодно, чтобы ты поскользнулся. Потом мы встретились в этом зале, и судьба наслала на тебя непреодолимый сон.

Ты сражаешься не со мной одним, Иру. Судьба против тебя.

Прайс понимал, что Маликар говорит все это для того, чтобы лишить его уверенности в себе. И потому, не желая зря болтать, Дюран устремился в атаку. Впрочем, хитрые слова жреца все же сделали свое черное дело. Прайсу вдруг подумалось, что все его путешествие — всего лишь игра. Игра богов, словно марионетками распоряжающихся действиями простых смертных. А если и не богов, то каких-то невидимых сил, жестоко и непостижимо играющих с людьми.

Раскрутив палицу над головой, Маликар обрушил ее на подошедшего слишком близко Прайса. Тот принял удар на щит. Левая рука и плечо американца сразу же онемели — такой невероятной силы был этот удар. На мгновение американец зашатался над клубящейся туманом бездной. Потом, встряхнув головой, поднял Корлу, свой боевой топор. Быстрее, пока Маликар не успел вернуть тяжелую палицу в положение для защиты.

Прайс вложил в замах всю свою силу. Он целил жрецу в голову, но тот уклонился, чуть отступив, и удар пришелся в плечо.

Обычного человека топор разрубил бы до пояса, однако Маликар был наполовину из металла. Его золотое тело рассечь было далеко не просто. По

плечу заструилась желтая кровь, но рана была не слишком серьезной.

А Маликар, не теряя времени, снова поднимал свою шипастую палицу. Поспешно отступив, Прайс пропустил удар перед собой.

Надеясь, что жрец потеряет равновесие, он атаковал. Маликар быстро оправился и легко уклонился от удара.

Черное отчаяние поднималось в душе Прайса. Силы человеческого организма не беспредельны. Ему не отразить много таких ударов, какими осыпал его Маликар. Кроме того, удар боевого топора, удар, в который он вложил все свои силы, всего лишь ранил жреца. Прайс понял, что шансов на спасение у него почти нет. Оставалось только одно. Подловить Маликара. Поймать момент, когда жрец хоть на миг потеряет равновесие, и тогда ловким ударом скинуть его с моста. Но жрец был осторожен и двигался с фацией и ловкостью дикой кошки.

Прайс изменил тактику. Он больше не атаковал, он старался держаться на расстоянии, уклоняясь, насколько возможно, от тяжелых ударов разящей палицы.

А желтый великан продолжал наступать. Прайс отступал шаг за шагом. С каждым ударом

Маликара Прайс все ближе подходил к концу моста и нише, в которой спала Айса. А там все будет кончено.

Стоит только Маликару достигнуть ниши, как он в два счета покончит с врагом.

Еще дважды американцу удавалось достать жреца топором. Текла золотая кровь... Но раны, похоже, ничуть не беспокоили бога Золотой Земли.

Несколько раз Прайс не успевал отступить, и ему приходилось прикрываться щитом. Рука Прайса только что не отваливалась. Плечо совершенно онемело. В голове гудело, как в пустом котле. Перед глазами плыли красные круги.

Сил оставалось совсем немного. Усталость, накопившаяся за последние дни, давала о себе знать...

Прайс не решался оглядываться. Он мог только гадать, сколько еще ему осталось пройти по узкому мосту. А потом он заметил у себя под ногами лужицу желтой крови. Здесь была ранена Викира. Но это значит, что до края всего несколько футов!..

Охваченный отчаянием, Прайс понял, что дальше отступать некуда. Взметнулась палица, и ему пришлось вновь загородиться щитом. Рука

не выдержала страшного удара. Прайс дрогнул, и ответный удар топором вышел у него не таким сильным и точным, как он рассчитывал. Маликар вовремя отшатнулся, и золотое лезвие, не причинив вреда, прошелестело перед его лицом.

Инерция тяжелого топора увлекла наполовину оглушенного американца к самому краю моста. Он зашатался, и прежде, чем ему удалось восстановить равновесие, Маликар ударил снова.

Поспешный удар, не слишком сильный, но его хватило. Палица угодила Прайсу в правое плечо. Она не пробила золотую кольчугу, однако топор выскользнул из внезапно обессилевшей руки. Онемевшие пальцы не удержали рукоять, и, кружась, древнее оружие королей Энза полетело в бездонную пропасть. Сверкнув на прощание, Корлу скрылся в желто-зеленом тумане.

Казалось, судьба снова была на стороне Маликара.

Торжествующе улыбаясь, жрец быстро двинулся вперед.

И шагнул, не заметив, в лужу золотой крови. Тяжелая и густая, она расплавленным металлом покрывала древние камни моста.

Маликар не смотрел под ноги. Он видел перед собой только беспомощного, безоружного врага,

которого можно и нужно быстро прикончить. И в этот самый последний миг судьба сказала свое решающее слово. Казалось, рука мстительной Викиры схватила Маликара за ногу. Поскользнувшись, он неуклюже качнулся вперед. Стараясь удержать равновесие, жрец инстинктивно махнул палицей в сторону.

Вот он — тот момент, которого так долго ждал Прайс. Дрожа от боли и изнеможения, американец вскочил на ноги и что было сил двинул Маликара кулаком в ухо.

Он вложил в этот удар все, что у него еще оставалось: и силы, и волю, и душу. Его кулак словно врезался в каменную стену. От нестерпимой боли у Прайса даже искры посыпались из глаз. Все вокруг стало красным, а потом наступила темнота.

Ничком рухнув на узкий мостик, Прайс, уже теряя сознание, судорожно вцепился в припорошенные золотым инеем камни...

Глава тридцать вторая. Айса из древности

— М'альме! М'альме!

Нежный, до боли знакомый голос словно на серебряных крыльях мечты прорвался сквозь сгустившиеся багровые облака боли. Память исчезла. Мозг, как и все тело, объявил забастовку.

— Хозяин! Хозяин! — настойчиво звали по-арабски.

Смутно чувствуя, что над ним нависло какое-то непоправимое несчастье, Прайс заставил себя открыть глаза.

Он лежал на широком ровном каменном столе, покрытом густым инеем из крохотных золотых кристалликов. В воздухе перед глазами плясала и кружилась мельчайшая золотая пыль, настоящий золотой туман... и в тумане этом, как припоминалось Прайсу, таилась какая-то опасность.

Рядом стояла на коленях девушка. С трудом повернув голову, американец посмотрел на нее. Красивая. Темные волнистые волосы. Нежная смуглая кожа. Полные изящно очерченные гранатово-красные губы. И совершенно удивительные

глаза под длинными-длинными ресницами.

Почему-то Прайсу казалось, что он должен их узнать. Фиолетовые, глубокие, загадочные. А в их глубине — сострадание и печаль.

Как и все кругом, одежда девушки сверкала золотыми кристалликами инея. Пятна золотой пыли покрывали ее лицо.

И она почему-то обращалась к нему по-арабски. И называла «хозяин». Не может же он и в самом деле быть хозяином такого очаровательного существа. Но если все-таки это так, то, значит, ему сказочно, баснословно повезло.

Закрыв глаза, Прайс покопался в памяти. Это невероятное место, полное золотого тумана, каким бы невозможным оно ни казалось на первый взгляд, выглядело странно знакомым. И теперь Прайс уже не сомневался, что девушку он тоже раньше где-то видел.

Он даже знал ее имя. Ее зовут... зовут... зовут... Айса!

Айса! Он прошептал имя вслух, и, услышав его голос, девушка радостно вскрикнула. Наклонившись над Прайсом, она крепко его обняла. Как приятно было это объятие! Восхитительная девушка! Прайсу хотелось, чтобы она никуда не уходила, чтобы она все время оставалась рядом

с ним.

Какое блаженство — вот так лежать в кольце мягких девичьих рук. Но долго лежать нельзя. Была какая-то опасность... Желтый туман..:

Прайс попытался сосредоточиться. Золотой туман... Да, именно так. Туман превратит в живое золото и его самого, и милую девушку. Прайсу совсем этого не хотелось.

Пошарив, он нашупал лежавшую у него на лбу мокрую ткань и знаками показал, что надо завязать ею лицо. Айса мигом сообразила, в чем дело. Вскоре они оба уже щеголяли в импровизированных газовых масках.

От движения все тело у Прайса разболелось. Похоже, он недавно с кем-то сражался — иначе откуда столько синяков и ссадин?.. Да-да, теперь он начинал припоминать схватку с каким-то желтым человеком на узком мостике через пропасть.

Закрыв глаза, Прайс упорно вспоминал. Желтый человек... золотой великан с окровавленной шипастой палицей... Как можно забыть его имя?.. Маликар! Надо спросить о нем у девушки.

— Где Маликар? — прошептал американец.

Айса показала на клубящийся в бездонном провале туман.

— Я проснулась, и на моем лице лежала мокрая ткань, а ты сражался на мосту. Маликар ударил тебя своей страшны! палицей. Аты ударил его кулаком, и он рухнул в пропасть. А потом ты упал на мост, и я притащила тебя сюда.

Прайс дышал через мокрую ткань, и в голове у него понемногу прояснялось.

— Но, м'альме, как ты сумел так быстро сюда добраться? Ты же остался в Энзе. Только прошлой ночью Маликар запер тебя в гробнице великого Иру. Он, кстати, думал, что ты умер.

И тут Прайс наконец-то все понял. Нахлынувшие воспоминания разогнали серый туман забвения, затянувший его разум. Все стало кристально ясным. Он победил, и Айса, прекрасная Айса, теперь рядом с ним. Свободная и совсем не золотая. А в катакомбах Энза Маликар запер его совсем не прошлой ночью, а много-много дней тому назад.

Впрочем, об этом Айсе можно будет рассказать и чуть позже.

Ноющей от каждого движения рукой Прайс обнял девушку за плечи. Она прижалась к нему, подняв на возлюбленного горящие радостью глаза...

Однако здесь оставаться нельзя — может сра-

зить навеваемый золотым паром сон. Тогда все пропало. Айса измениться не успела, но лучше все-таки поторопиться...

— Ты устал, м'альме, — прошептала Айса. — Давай отдохнем тут.

Солнце уже клонилось к горизонту, и от черной базальтовой громады Хаджар-Джеханнума путников отделяли добрых три мили. На верху горы по-прежнему золотом и снежно-белым мрамором сверкал волшебный дворец Вирл. Два часа тому назад Прайс и Айса выбрались через взорванные Якобом Гартом ворота и двинулись в далекий и трудный путь через мертвые лавовые поля назад в оазис.

— Не называй меня хозяином, — сказал ей Прайс, когда они уселись на камнях перекусить подаренными когда-то Сэмом Сорроузом галетами, финиками и сушеным мясом.

— Почему нет? Разве я не принадлежу тебе? И разве ты однажды не купил меня за половину моего веса золотом? — Айса рассмеялась, — И разве я хочу еще чего-нибудь, кроме как принадлежать тебе?

— Что ты имеешь в виду, дорогая? Я купил тебя?

— Неужели ты не помнишь древнюю историю

Айсы и Иру? Ах да, ты же никогда ее не слышал! Я обязательно должна тебе ее рассказать!

— Значит, в Энзе во времена царствования короля Иру действительно была девушка по имени Айса?

— Ну конечно, м'альме. Меня и назвали-то в ее честь потому, что у меня голубые глаза. Точь-в-точь такие были у нее. Среди людей Бени-Энз, если ты не знаешь, такой цвет глаз встречается крайне редко.

Итак, в древности Айса была рабыней. Иру купил ее у какого-то торговца из далекой северной страны.

Прайсу стало как-то не по себе. Неужели странная история Викиры на поверку оказывалась правдой? Неужели Айса, его милая Айса, если и не аватара, то, во всяком случае, названа в честь убийцы?

— Не волнуйся, любимая, — поспешил прервать рассказ девушки Прайс и крепко прижал ее к себе.

Айса рассмеялась легко и беззаботно, как ребенок. Ее фиолетовые глаза светились озорством.

Нет, Прайс не даст ничему и никому разлучить его с ней. Он забудет глупые байки Викиры. Он не верит ни в какую реинкарнацию... почти совсем

не верит...

— Я все равно хочу рассказать тебе эту историю, м'альме, — прошептала девушка.

— Забудь о ней. Что в ней особенного? Мы счастливы, и ничто не должно омрачать...

— Но, м'альме, моя история вовсе не омрачит нашего счастья.

— Тогда, конечно, расскажи ее.

— По воле своей матери король Иру с раннего детства был обручен с Викирой, дочерью одного влиятельного принца. Тогда она еще не была золотой.

Если верить легендам, Иру полюбил девушку-рабыню по имени Айса. Викира приревновала его к сопернице. И вот однажды ночью она подпоила короля и выиграла у него рабыню в кости.

— Могу себе представить, как она это сделала, — прошептал Прайс, припоминая свои собственные приключения в замке Вирл.

— Когда Иру протрезвел, он потребовал вернуть ему девушку. Викира не смела отказаться, но в обмен потребовала самую дорогую цену, какую только могла придумать. Она ответила Иру, что отдаст ему Айсу только в обмен на ручного тигра. Причем такого, на котором можно будет ездить верхом.

И вот Иру отправился в горы, поймал там тигренка, приручил его, а потом отдал Викире. Той не оставалось ничего другого, как вернуть Айсу, которую она ненавидела лютой ненавистью.

Прайс снова почувствовал некоторое беспокойство. Эта история как две капли воды походила на ту, что ему рассказала Викира. Он помнил, чем все это кончилось, — любимая рабыня коварно убила своего благодетеля.

Прайс хотел опять остановить Айсу, но все-таки решил промолчать. В конце концов, какая разница, что там и как было двадцать веков назад. События седой старины не могли встать между ним и его любовью.

— Королю Иру очень не нравился жестокий культ змея. Он уничтожил храм змея и в яростной битве перебил всех жрецов. Но Маликар, которого все считали погибшим, вернулся отомстить за разрушение храма. И вернулся он существом из живого золота. Были жаркие битвы, и тщетно пытался Маликар одолеть короля Иру. Тогда, переодевшись, Маликар тайком пробрался в Энз, решив убить Иру.

И нашел женщину, согласившуюся сделать для него это черное дело.

Прайс вздрогнул. Он уже один раз слышал эту

проклятую историю.

— Я не знаю, что Маликар сказал Викире. Наверно, он обещал ей бессмертие золотой крови — награду, которая впоследствии ей и досталась. Бессмертие и власть над Энзом. К тому же Викира ненавидела Иру из-за его привязанности к рабыне.

А потом Викира отравила вино короля...

Радость весенним цветком распустилась в сердце Прайса. Прижав Айсу к себе, он поцелуями заставил ее прервать свой рассказ.

— Чему ты так радуешься? — невинно удивилась Айса. — Тому, что Викира отравила Иру?

— Не важно, дорогая. Рассказывай дальше.

— Викира своими руками поднесла Иру кубок. А рабыня тогда была рядом. Заметив злорадное торжество на лице Викиры, девушка крикнула, что вино отравлено, и попросила короля его не пить.

И тогда Викира, чтобы ее не заподозрили, изобразила страшный гнев. Она обругала рабыню и сказала, что сама выпьет вино, если король взамен отдаст ей Айсу.

Однако Иру отказался. Он был слишком смел и благороден и не мог представить себе, что другие способны на подлость. Король поднес вино к

губам. Айса попыталась выбить кубок у него из рук, но Иру остановил девушку.

Айса умоляла короля отдать вино ей... Иру ее не послушал. Он осушил кубок и тут же упал замертво. С последним вздохом он пообещал, что вернется и отомстит Викире за предательство. Вне себя от горя, Айса бросилась на тело мертвого короля, а Викира, пользуясь удобным моментом, заколола ее кинжалом, который она взяла с собой на случай, если яд не сработает. Оставив короля и его рабыню бездыханными лежать на полу, она поспешила к Маликару за обещанной наградой.

Прайс не знал, что и сказать.

Рассказ Айсы рассеял последние мучившие его сомнения. Он стер все преграды, какие еще могли стоять между ним и этой изумительной девушкой. Они были одним целым. Прайсу казалось, что свершилось то, чему было предначертано свершиться еще на заре времен. Из смуты и болезненной сумятицы его прошлой жизни выросло нечто новое, цельное и волшебно прекрасное. Прайс знал, что во всех своих бесконечных путешествиях по миру он бессознательно искал именно эту девушку. Все годы он шел к этому мигу посреди пустыни наедине с Айсой.

Алое солнце медленно опускалось за горизонт.

Яростное безумие дневного жара уступало место блаженной прохладе вечерних сумерек.

Умиротворенно вздохнув, Айса поудобнее устроилась в объятиях любимого. Ее голова доверчиво покоилась на его плече. И пустыня вокруг окутывала их покоем, равного которому Прайс еще никогда в жизни не испытывал. Покоем и тихим счастьем, вечным и неменяющимся, как и весь этот суровый край.

Ощущение счастья и покоя не исчезло даже тогда, когда Айса встрепенулась, с тревогой подняв глаза к небу.

— Что это там гудит, словно рассерженная пчела? — с беспокойством в голосе спросила она.

Прайс тоже услышал далекое гудение. Поискав, он указал девушке на маленькое серое пятнышко, неторопливо ползущее по алеющему небосводу, — один из самолетов, вызванных Якобом Гартом по радио.

Когда биплан подлетел уже совсем близко, Прайс и Айса встали.

Сняв рубашку, американец замахал ею над головой. Серый самолет спикировал и, ревя мотором, на бреющем полете прошел над самой землей. В его кабине Прайс разглядел Сэма Сорроуза без шлема и очков, небрежно высунувшегося

за борт и махающего ему рукой. Прайс помахал в ответ, и самолет, развернувшись, взял курс обратно на оазис.

— Это воздушный корабль моего народа, — объяснил Прайс. — На нем, если ты захочешь, мы сможем улететь в мою страну. Человек, который в нем сидел, — мой друг. Здесь много камней, и он не мог приземлиться тут в темноте. Но завтра он вернется.

Широко раскрыв от удивления глаза, Айса задавала возлюбленному множество вопросов, и Прайс отвечал на них, как мог. Стих вдали гул мотора, в пустыню вернулась тишина, из-за далеких гор выглянул бронзовый диск луны.

Айсе не терпелось все поскорее узнать, но для Прайса его новое счастье жило в мире серебряного света и пурпурного полумрака, в краю тайн, насчитывающих миллионы и миллионы лет. Оно сидело рядом с ним, и Прайсу ничего больше не было нужно.